

Владимир
Леонович

НА СМЕРТЬ МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

**НА СМЕРТЬ
МЫ НЕ ИМЕЕМ
ПРАВА**

Владимир Леонович

**НА СМЕРТЬ
МЫ НЕ ИМЕЕМ
ПРАВА**

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Москва
Буки Веди
2023

Составитель, редактор *А. Калмыкова*
Макет, компьютерная вёрстка *А. Воевода*

Леонович, Владимир Николаевич

На смерть мы не имеем права / Собрание стихотворений.
– М.: Буки Веди, 2023. – 639 с.

ISBN 978-5-4465-3864-5

Эта книга – наиболее полное собрание стихотворений поэта Владимира Леоновича (1933—2014). В неё вошли стихи из книг, изданных и не изданных при жизни автора, из журналов, альманахов, коллективных сборников и газет, а также неопубликованные стихи из его архива и частной переписки. Комментарии предлагают читателю ключ к сложной, насыщенной культурными и историческими ассоциациями поэтике автора. Принадлежавший к поколению «шестидесятников», он избрал одинокий путь труженика на родной земле, путь правды и свободы в жизни и в поэзии. Настоящий сборник – итог этого пути.

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4465-3864-5

© Наследники В.Н. Леоновича, стихотворения, 2023.

© А.Г. Калмыкова, составление, вступит. статья, комментарии, 2023.

© А.Р. Воевода, художественное оформление, 2023

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ: ИЗБРАННИЧЕСТВО И СИРОТСТВО

От составителя

«Меня прочтут через 50 лет», – такой срок отвёл на осмысление сделанного им в литературе поэт Владимир Леонович. А как бы и не позже – думается сегодня, на очередном крутом и диком вираже российской жизни, летящей в провал, – так обрушивается водопадом река «с острванным дном», и тут уж не до стихов.

Но почему поэт вынес себе столь суровый приговор – полвека оставаться непрочитанным, неслышанным, каковым он, в сущности, был и при жизни? Или так уж высоко – «орломь под облакы» – воспаряла его мысль, простым смертным недоступная? Да нет же, скорее, напротив: сам поэт ловил себя на неизбежной некрасовщине, на злобе дня и не на приземлённости, нет, но на заземлённости, без которой высоковольтное напряжение страсти и жизненной силы сожгло бы его изнутри. Или, может быть, чрезмерно элитарен, перенасыщен культурными кодами был его поэтический лексикон? Тоже нет, хотя ассоциативность письма, «сопряжение далековатых идей» (Ломоносов) и многослойный, мультикультурный словарь – порог, преодолеть который понудит себя не всякий читатель. Да что удивляться, если написанные на северном русском говоре (точнее, записанные с голоса старух в *отходящей* карельской деревне) стихи нуждаются сегодня в переводе на городской новояз – оскудевший, самого себя не помнящий русский!

Риску предположить: Леонович не прочитан, поскольку поэзия его неудобна, она, как глубоко вошедшая заноза, причиняет боль. Вызывает к самой глубине совести, к подавленному или добровольно сданному в обмен на душевный покой инстинкту свободы, к выведенному из обихода понятию «честь», к милости и жалости, к каторжному труду покаяния и искупления. В. Леонович «нигде не опускает глаза перед злом, перед позором, перед нечистотой самоновейшей нашей истории и пишет её жёстко и болезненно... как если бы зло творилось сию минуту, а его руки были связаны, и оставалось одно оружие слова. ...Покоя и гладкости этот путь не сулит – ни житейской, ни поэтической»¹.

Именно здесь – точка принципиального расхождения поэта с новейшими литературными течениями, с концептуалистами и метареалистами, не говоря уже о любителях вопить кикиморой²: «Живу среди дурного сна... О, Родина... О, новизна...» Впрочем, он не примкнул и ни к одной из более традиционных литературных групп и идейных течений: ни к «эстрадникам», ни к «тихим лирикам», ни к «деревенщикам», ни к «патриотам». «Публикуюсь во всех журналах, кроме слишком патри-

¹ В. Курбатов. За мною – жизнь/ В: Леонович, В.. Хозяин и гость. – М.: Научный мир, 2000. – Сс. 5–6.

² См.: «Дмитрию Александровичу Пригову, умеющему вопить кикиморой».

отических», – отметил он в Автобиографии 1998 года. Вступив в 1974 г. в Союз писателей, в конце 90-х он покинет его из нравственной брезгливости, не желая своим пребыванием в этом «союзе небожителей» быть причастным к грабежу и дележу литфондовых и прочих активов (зато до конца жизни числа себя членом нигде, кроме Лубянки, не прописанного союза репрессированных писателей).

«...Духота – не дохнуть,/ затем что не вьюга бушует, а свалка – / такой ли ты волею бредил, бедняк?// Уже не смешно и не страшно, а – жалко,/ что время кончается мусорно так», – написал Леонович в конце 90-х в одном из программных своих стихотворений, отведя себе и «взыскующим братьям» место на задворках времени³.

Так что же – «волчий след — сквозь горбатые олонекские поля», во внутреннюю эмиграцию? Но ведь поэт, одиночка по определению, – всё же фигура публичная, ему необходимо слышать отклик. Миссия русского поэта – пророческая, и нерв её не столько в предвидении, сколько в том, что митрополит Филипп (Колычев) назвал печалованием – правом заступничества за гонимых перед царём, правом на правду и прямую речь (за что и был удушен по приказу Грозного). Не задворки – амвон или городская площадь подходят поэту в России.

Как разрешал это противоречие Леонович? Чтобы ответить, стоит начать с истока, с корней. Родовой тыл, любовь к утраченному дому и «отеческим гробам», по завету Пушкина, – «животворящая святыня», основа «самостоянья человека» и – если удастся ему прожить, не осквернив эту святыню, – «залог величия его»⁴. Мысль любимого поэта, усвоенная Леоновичем с юности, многое предопределила в нём самом, в его отношениях с людьми и жизнью.

В стихотворении «Имя прадедово» Леонович сообщает о своём предке по материнской линии: «Прадед мой был Василий Облаков из Любима», – а дальше: «Был ты Облаков – стал Боголюбский». Как так, почему? Сделаем ещё шаг назад – на одно поколение.

Прапрадед поэта, Фёдор Андреевич Облаков (ум. в нач. 80-х гг. XIX в.), служил псаломщиком в с. Караш Ростовского уезда Ярославской губернии. Вдова его, Евдокия Павловна Облакова, доживала век в с. Кинтаново, в доме внука-священника. Секрет смены фамилии сына разгадывается довольно просто: в те годы существовал обычай при посвящении в сан менять фамилию на более благозвучную и «духовную», этому сану подобающую. Сын Облаковых Василий Фёдорович (1831—1896), как и отец его, служил псаломщиком в с. Успенское на Секше Любимского уезда и, по всей вероятности, готовился стать священником – потому и получил фамилию Боголюбский. Однако по неизвестной причине прадед Леоновича рукоположен не был, а Боголюбским остался.

Детей у Василия Фёдоровича и его супруги Анны Александровны родилось семеро. Двое из них, Иван и Николай (двоюродные деды Леоновича), окончили Ярославскую духовную семинарию, оба стали протоиереями. Николай Васильевич Боголюбский умер в 1931 г. в сталинском ГУЛАГе, в Котласе, реабилитирован в 1989-м.

³ «Ветром и пеплом».

⁴ А.С. Пушкин. «Два чувства дивно близки нам...» (1830).

Их родной брат Алексей Васильевич Боголюбский (ум. в 1926 или 1927 г.), дед поэта, по духовной линии не пошёл, а закончил фельдшерско-акушерскую школу в Ярославле. Будучи фельдшером, в Костроме заведовал терапевтическим отделением губернской больницы, где проработал 42 года. Его, по свидетельству внука, «знала Кострома и уезды. Он написал книгу о лечении женских болезней – издать не успел, а рукопись порвали во время войны (я же, может быть, и рвал). К нему было паломничество – шли и больные и здоровые – обоего пола. Что-то было в нём, что унаследовала и моя мать – младшая дочка в семье»⁵.

Женился Алексей Васильевич на Александре Андреевне Облаковой (1866—1950/51) из села Судай Чухломского уезда Костромской губернии. Она была учительницей словесности, в молодые годы преподавала в Кологриве. «У бабушки, – писал Леонович, деда своего не заставший в живых, – было 12 детей: 8 своих и 4 двоюродных... Семья была трудовая, все 11 «вышли в люди» (один потонул в Волге), все были голосистые, пели в церкви и дома – волжские песни, Некрасова и Плещеева, забытые ныне песни народников, каторжан, мама любила и пела романсы, цыганщину... Всё это в меня вошло, растворилось в крови»⁶.

Поэт много и не без гордости рассказывал о своей бабушке. Когда соседки нащёптывали: «Андревна, твой-то погуливает...», – отвечала, не моргнув глазом: «Дак что? Иван погуляет-погуляет – и нам оставит». В церковь не ходила: пусть бездельники ходят, а ей некогда. Огромная семья жила их с мужем заботами и трудами. Дети росли вольно, бегали на Волгу без взрослых; когда один из них утонул и, перепуганные, они прибежали домой, не зная, как сказать матери о беде, Александра Андреевна по их лицам всё поняла и спокойно спросила: «Кажется, вас уходило больше?» Такой характер.

Мать поэта, Ольга Алексеевна Боголюбская (1910—1979), работала с семи лет – пела на клиросе церкви Воскресения на Дебре (платили ей за каждую службу пятак), училась игре на фортепиано. Позже кто-то из заезжих москвичей, связанных с оперой, обнаружив у девушки абсолютный слух и природную постановку голоса, звал её в столицу – мол, в оперную труппу Большого её возьмут и без консерваторского образования. Семья согласия не дала, и Ольга пошла по стопам отца – выучилась на врача. В войну работала в эвакогоспитале №3031 под началом знаменитого хирурга М.А. Державца, позже – в III-м ЛАУ (артиллерийском училище, эвакуированном из Ленинграда). Майор медицинской службы, после войны вернувшись в Москву, она служила врачом в Ансамбле песни и пляски Советской армии, лечила всю семью Александровых, соседей по подъезду, консультировала в Боткинской больнице. И так – до последних дней жизни, неся в себе и передав сыну дух и устои трудовой губернской интеллигенции.

«В эту жилу вбежала/ и запенилась кровь отцовская:/ там Мицкевичи, там Варшава – / воля польская». Отца (фамилия его Александрович) Владимир не знал: мать рассталась с ним очень скоро, возможно,

⁵ Из письма И. Дедкову/ В: Письма из России. / Литер. журнал, издаваемый Сергеем Яковлевым. Спец. выпуск Памяти поэта Владимира Леоновича. – М.: 2015. – С. 70. Далее – ПР, Спец. выпуск.

⁶ Автобиография, написанная для В. Казака в 1997 г. Не публиковалась. Далее – Автобиограф. Каз.

ещё до рождения сына (2 июня 1933 г.). На вопрос о причине Ольга Алексеевна ответила с присущей ей прямоотой: «Африканский темперамент! Я не могла этого вынести». «В Киеве от родного отца, которого впервые увидел я вот только что, в ноябре, – писал 42-летний поэт И. Дедкову, – я узнал, что одна моя бабка была Мицкевич. Хочу думать, что происхожу от Адама. Ибо откуда же тогда серый волк, *и на родимом лоне о родине тоска*, и всё это противление крови холопству и рабству, растворённо-му в нашем быту?»⁷

Ольга Алексеевна вскоре вышла замуж за Николая Валериановича Леоновича – отпрыска дворянской семьи, коренного москвича, инженера-строителя (в Костроме проектировал и строил железнодорожный мост через Волгу, открытый в 1932 г.). Он усыновил Володю и сумел передать ему понятия о достоинстве и чести, о победе над собственными слабостями (см. «Мыс Шаляпина»), а в 1937 г., когда стали исчезать соседи по дому, увёз семью в Москву.

Оставались они там недолго: надвигалась война. В сентябре 1939 г. СССР, подписав с Эстонией договор о взаимопомощи, начал строительство оборонных сооружений на Моонзундском архипелаге. Поэт вспоминает: «Отчим... бравый инженер-капитан II ранга, строит береговые укрепления на эстонском острове Эзель (Сааремаа). 1940 год, осень. Живём во временно приватизированной крестьянской новой избе, хозяева ютятся в старой. Старая мне больше нравится, я пропадаю у стариков, хожу в море за салакой, уже лепечу по-эстонски.

– Оставь мальчишку нам, – говорит маме старик Шюня, – а сами бегите: завтра придёт Гитлер и вас, оккупантов, всех уничтожит.

Маме тридцать лет, она смеётся в ответ. Красивая Эля, дочка <хозяев>, учится в Таллине. Она вся – явление света и прелести, ароматов, поющих звуков, невиданных столичных вещей – в чёрной избе стариков. Сын Арво – угрюмый мальчик, в 41-м он уйдёт в партизаны, предварительно попытавшись съездить новый отцовский дом, занятый нашими бойцами. Старуха – не помню имени – бросится с серпом на одного из них...

Картинка-комментарий, согласитесь, к сталинско-гитлеровскому пакту воистину ЧЁРНОГО ПЕРЕДЕЛА известных земель.

Прели – «барышня» по-эстонски. Прели Эля уедет в Германию с немецким офицером. Леоновича, коменданта города Таллина, разбомбят в море на эсминце, он выплывет, но на берегу осколок раздробит ему ногу»⁸.

В годы войны мать и сын вновь в тыловой Костроме. Володя идёт в первый класс 25-й школы, построенной отчимом. Мальчик из большой дружной семьи тем не менее не склонен к коллективизму и не поддаётся унификации. «Кострома военных лет была моя настоящая школа. Из других (25-я, 24-я, 30-я, 5-я) меня переводили, пока не выгнали»⁹. «Была война и Кострома, / и плакала по мне тюрьма, / как выражался отчим, / и в точку, между прочим». Домашние вряд ли знают, что мальчишки на самодельных коньках, цепляясь крючьями за борт грузовика и рискуя угодить под колёса, на ходу забираются в кузов и скидывают оттуда плитки дуранды – льняного или конопляного жмыха. «Когда ты меня приглаша-

⁷ ПР, Спец. выпуск. – С. 56.

⁸ В. Леонович. Печать. – Кологривский край, № 99, 30.08.2011.

⁹ Там же.

ешь в *salon élegant*,/ то я вспоминаю, что я – костромской хулиган./ Волчатта – голодные дети – нам светит тюрьма...» Мать старается оградить сына от улицы и привить ему начатки культуры, но нотная папка используется для катания с горы – ему довольно той музыки, что уже впитана и живёт внутри. В нём рано просыпается чувство, и он до слёз, до самозабвения влюблён в друга по мальчишеским играм, он исполнен гжучей ненависти к Кобе, отвергнутому поклоннику прекрасной Екатерины Петровны, у которой восьмилетний ревнивец берёт уроки немецкого. Но главный урок преподает ему «лейтенантик руконогий,/ обрубок безнадежно одинокий», выброшенный на свалку страной, за которую воевал («Печать»).

•
Оканчивает школу Владимир уже в Москве и в 1951 г. поступает – к ужасу матери – в Одесское высшее мореходное училище. Она сделала всё, чтобы его оттуда отчислили, сочинила письмо начальству о его якобы слабом здоровье. Формальный повод нашёлся довольно скоро. Леонович рассказывал, что его поставили караулить бассейн. Кругом – ни души. Вместо того чтобы стоять по стойке «смирно», он, не стерпев нелепости положения, использовал бассейн по назначению, на чём и был пойман.

В 1952—54 гг. Леонович учится в ВИИЯ (Военном институте иностранных языков), но, поняв, кого и для чего там готовят, покидает престижный вуз. Два следующих года – служба в армии: в пехоте и артиллерии (Шуя, Гороховецкие лагеря). Материнское сердце тревожилось не напрасно. У Владимира заболел зуб, раздуло щёку, поднялась температура. По какой-то причине к врачу не попал, пошёл в наряд, простоял ночь на морозе и заработал ревмокардит – на всю оставшуюся жизнь. В 1956 г. после безуспешного лечения в госпиталях его списывают на гражданку инвалидом Советской армии. Мать сбивается с ног, его консультируют тогдашние светила медицины – но ему становится всё хуже.

«Помню весну этого послегоспитального года – ослабение, тихое и прозрачное умиранье, этакую „ВОЛШЕБНУЮ ГОРУ“ – не умею и не хочу описывать этого соблазна (Пушкин не велит). Но по этой же причине, побывав на границе небытия... как бы в собственной старости... я по-другому отнёсся к феномену жизни... ощутил все и каждую клеточку своего организма – и – зеркально – ВСЕ И КАЖДУЮ КЛЕТОЧКУ ВО ОБЩЕ ВСЕХ ОРГАНИЗМОВ, ФЕНОМЕНАЛЬНО ОДАРЁННЫХ ЖИЗНЬЮ НА ОДАРЁННЕЙШЕЙ ИЗ ПЛАНЕТ, известных нам... Простившись с жизнью, я смог её приветствовать».¹⁰

«Тут и явилась Нюська, оборвала моё блаженство, смахнула с тубочки гомеопатическую крупку и в отсутствие матери увезла в Калязин. Спасла – как восьмилетнего меня спасла, вытащив из Волги, костромская девка, полоскавшая бельё»¹¹. Нюська – Анна Ильинична Лунёва, нянька, как за дитём ходившая за больным, который с постели уже не вставал (см. «Моя старушка»).

Инвалидную пенсию Леонович получать отказался, а поступил в том же 1956-м на филфак МГУ. К этому году относятся его первые «полнозвонения в Литературу» – опыты эти не сохранились; к 1957-му – пер-

¹⁰ Автобиограф. Каз.

¹¹ «Ато недлеково жыть». 2011. Печ. по авт. машинописи. Сведений о публикации нет.

вые столкновения с КГБ, инициировавшим процесс осуждения студентки Натальи Горбаневской, – она уже сидела на крючке у «конторы» в связи с протестом против вторжения советских войск в Венгрию и прочитала «клеветнические» стихи на геологическом факультете. Леонович же, вместо того чтобы осудить и заклеить, защищал её в стенгазете филфака. Газету со стены сорвали, Горбаневскую из МГУ исключили, за автором заметки установили слежку. На одной из студенческих вечеринок перебравший однокурсник со слезами признался Владимиру, что следит за ним. Вскоре последовали обыск и допросы, но уже по делу Александра Брейслера, армейского друга из Челябинска, с которым Владимир вёл откровенную, идеологически опасную переписку. Допустив, что мог на допросе сказать что-то во вред другу, Леонович принёс следователю 20-страничное письмо, где требовал судить и сажать его, а не Брейслера. Как ни странно, сажать никого не стали – видимо, поняв, что имеют дело не с матерыми диссидентами, а с наивными идеалистами.

После второго курса Леонович перевёлся на заочное отделение и в 1959 г. уехал в Сибирь, в Красноярск, на электрификацию железной дороги. К этому времени относится и его первый брак – женитьба на Соне Орловой, с которой учился в МГУ. «Любимой не полубленный» – так сказано об этом союзе в стихах¹². В 1961-м рождается дочь Катя, но семью это не спасает.

В 1963—64 гг. Леонович работает в Новокузнецке – на строительстве Западно-Сибирского металлургического завода, в газете «Металлургстрой». Рядом – друзья и единомышленники, пробующие, как и он, свои силы в поэзии и журналистике: Сергей Дрофенко, Владимир Глов, Павел Мелёхин, Анатолий Ябров.

В 1962 г. появляются первые поэтические публикации в журналах «Алтай» и «Молодая гвардия». Стихотворные портреты людей труда, мужчин, занятых серьёзным делом, Леонович пишет не по газетным лекалам, но с неподдельным вниманием к личности и судьбе, к внутреннему миру человека, к скрытым мотивам его поступков. В стихах тех лет вы не найдёте ни партии, ни комсомола, ни гула великих строек. Он поэтизирует повседневный труд, и даже далёкая от романтики работа старого бухгалтера преображена и возвышена им почти до подвижничества («Посередине ночи»). Его поэзия пока не обрела своего особого образного строя и языка, но несущие духовные опоры под её будущее здание уже заложены (см. «Угол зрения»).

Университет Леонович оканчивает тоже неканонически. V курс, экзамен по зарубежной литературе. Накануне прочитан Стейнбек – и в билете попадаете Стейнбек. Какой бы студент не возразился? Он получает «5», но американскую литературу знает на «2+» или «3–». Выйдя за дверь, разглядывает зачётку и говорит себе: «Ну, всё. Хватит с меня вранья», – и не считает нужным получить диплом.

Сибирь, 1963 год. К 70-летию со дня рождения Маяковского В. Леонович пишет статью под вызывающим заголовком «Живого, а не мумию», которая публикуется в нескольких номерах «Металлургстроя». Он напоминает о травле Маяковского, цитирует подвергнутого

¹² По рассказу матери поэта, Соня любила другого человека. За нарушение вегетарианской морали ей грозило вполне людоедское исключение из МГУ. Леонович пришёл в деканат и заявил: исключать не надо – я женюсь на ней.

идейному разному Евтушенко, говорит о неизбежной революции духа. Разражается громкий скандал¹³. Леоновича увольняют, он уезжает в Москву, ещё не зная, что сибирская глава его книги странствий дописана: ведь он собирался вернуться.

•
Зимой 1964–65 гг., не имея своего жилья в Москве, поэт обитает в подмосковной Красной Пахре, в писательском посёлке, на даче Б.А. Костюковского, который давал приют молодым сибирским литераторам и помогал им войти в «большую» литературу. «На даче власть я зимовал –/ тот год бездомен был и смутен.../ Там жил Шугаев, жил Распутин,/ Преловский жил, не горевал./ Вампилов Саня...» В это сибирское общежитие навещает по-соседски Твардовский. В поэме, написанной уже после смерти Александра Трифоновича, в начале 70-х, Леонович сильными мазками рисует портрет человека, пошедшего «навстречу своре – на рожон» в борьбе за гонимый властями «Новый мир», и говорит о мощном влиянии «Твардовского Университета» на его гражданскую позицию и путь в поэзии.

«А стрелка на том распутье щёлкнула случайно: собрался в Сибирь, уже обжитую, – оказался в Грузии. Виноват... Серёжа Дрофенко, встречавший в Москве, в металлическом номере гостиницы „Россия“, Георгия Мазурина, тогда работавшего в „Лит<ературной> Грузии“. Да, виноваты Серёжа и Гоги и, понятно, Александр Межиров, это он н а д ы ш а л мне Грузию, наслоив своё дыхание на то, что я уже знал через переводы и письма Пастернака, уже любил»¹⁴.

Случайность, продлившаяся четверть века, обрубленная сапёрными лопатками на проспекте Руставели в 1989 г.

Леонович работает в журнале «Литературная Грузия», сотрудничает с московскими газетами и журналами как литконсультант. Переводческую эпопею счастливо начинает с поэзии улиц Старого Тбилиси, с погружения в стихию народного творчества, в музыку грузинской речи, с постижения высоты укоренённых в языке смыслов. Родной волжский простор, мягкий пейзаж русской равнины сопрягаются с крутизной гор, с их чёрно-белой графикой – то же происходит с внутренним строем поэта, с его резко расширившимся духовным пространством. Заложённая в детстве и юности опора выдерживает вертикальную нагрузку. «Вертикали суть повсеместная моя АПЕЛЛЯЦИЯ К ВЫСОТЕ: положения, духа, поступка. Слова, наконец. Моё любимое пространство»¹⁵.

В этом пространстве немудрено было родиться любви, питавшей лирику грузинского периода. «Блаженная страна» и переводческая работа подарили поэту многих друзей – достаточно взглянуть на посвящения к стихам, чтобы очертить их круг. Но вершиной сделанного Леоновичем за эти годы стали переводы из Галактиона Табидзе, чью поэзию сами грузины считают непере译имой. Бурной полемикой, журнальной и устной, сопровождалась публикация этих возмутительно вольных переводов, од-

¹³ Об этих событиях подробно рассказано в: *В. Глотов*. Оглянись. Жизнь как роман. – М.: ОГИ, 2010.

¹⁴ *В. Леонович*. Погибая – спасай не себя. – Лит. газета, 18.11.1992.

¹⁵ *В. Леонович*, *В.*. Хозяин и гость/ Книга стихов: Изд. 2-е, перераб. и доп.: От автора. – М.: 2000. – С. 355.

нако не подлежит сомнению, что благодаря им поэзия Галактиона стала откровением для русскоязычных читателей и приобрела широкую известность¹⁶. В 70-е годы ещё не схлынул поэтический бум уже прихваченной льдом «оттепели», грузинские вечера собирали большие залы. Леонович, выступая на них, неизменно говорил о трагической судьбе поэта, который защитил честь русского собрата – Б. Пастернака, отказавшись подписать бумагу с его осуждением и выбросившегося из окна больницы, когда за его подписью пришли в очередной раз. «Чей стыд ты искупил, старик, –/ и – в небо?/ Семь лет перевозу твой крик:/ – Тависуплеба!¹⁷»

Семь лет, потребовавших высокого напряжения душевных сил, вдохновения и посвящённости, сделали Леоновича зрелым поэтом с узнаваемым голосом и «лица необщим выраженьем» (Боратынский). Переводческая работа продолжалась, а жизнь оказалась на очередном распутье.

Город всё больше тяготил его. Со второй половины 60-х, путешествуя с друзьями из литературного объединения «Магистраль» по русскому Северу, он искал деревню, где они могли бы летом жить и работать в общении с природой и местными жителями. Обосновались в Карелии, в деревне Пелусозеро, где ещё живы были старики и старухи – носители олонецкого говора, который будет годами обогащать их интеллигентский книжный лексикон. Однако по осени нужно было возвращаться «на асфальты»: профессиональная среда, как к ней ни относишься, участие в литературном процессе необходимы поэту. Выбрав свободу от каждодневного – по долгу службы – сидения в какой-нибудь журнальной редакции, Леонович время от времени уезжает в Костромскую или Кировскую область «на шабашку» с плотницкими бригадами.

В 1970 г. в писательском клубе, так едко описанном Булгаковым, где «слишком много скрещивается... неоправданных самолюбий – и воздух нехорошо заряжен»¹⁸, умирает, задохнувшись, друг Леоновича по университету и Сибири поэт Сергей Дрофенко. Первая из череды безвременных смертей словно подталкивает оставить Москву и вернуться туда, где «роднее всех святынь –/ невзначай в избе крестьянской –/ наша гордая латынь –/ кровь моя и смысл славянский».

В 1971 г. выходит наконец первый стихотворный сборник 38-летнего поэта («Во имя»), томившийся в издательстве семь «Галактионовых» лет, изрядно усохший и побитый редакторской правкой. Радости автору это событие не приносит: он перерос эту книгу, он уже другой и пишет по-другому, хотя ни от одного из её смыслов, ни от единой строки не отрекается, как не отрекаются от своих детей. Он отвечает за сказанные слова и потому спустя годы обмолвится, что не мыслит «Избранного» тома своих стихотворений: каждое рождено внутренней необходимостью, будь это дитя сильное или с изъяном.

21 июля, в день рождения Твардовского, Леонович едет в Пахру – и видит парализованного, «выжатого страданием»¹⁹ умирающего человека. «...И жизнь пройдёт, и смерть пройдёт,/ и кто-то, взысканный утра-

¹⁶ Большая часть сделанного Леоновичем за четверть века работы в Грузии собрана в: *В. Леонович. Симфония отголосков./ Вольные переводы из грузинской поэзии. Статьи. Стихи о Грузии.* – М.: Буки Веди, 2021.

¹⁷ Т а в и с у п л е б а – свобода (*груз.*).

¹⁸ Из письма И. Дедкову (1972). В: ПР, Спец. выпуск. – С. 35.

¹⁹ Там же. С. 39.

той./ как Тёркин твой, переплывёт/ на берег правый – и вперёд/ путём поэзии проклятой!»

В конце лета он уезжает в костромскую деревню Никола учить детей литературе.

•
«...Гвалт за дверьми секунду слушаю/ и твёрдо вшагиваю в класс./ где пахнет доброю конюшнею/ и пыль ещё не улеглась.../ И надо сблизить даль словесности/ и эту жизнь передо мной...». «Но жизнь Владимира Николаевича в Николе, – вспоминал его ученик Н.Н. Герасимов, – не ограничивалась учительством: он, знавший страшную судьбу крестьянства, видящий окружающие разор, пьянство и беспамятство, вглядывался в лица, вслушивался в горькие истории сельчан, ловил и запоминал всякое живое слово, сострадал каждой беде... – все они высветились через годы... в стихах, очерках, записках, письмах»²⁰. В конце учебного года учитель, вымотанный «четырьмя запущенными классами», собирается покинуть Николу, но дети не отпускают его («Мгновение было такое»), и он остаётся ещё на год.

В ноябре 1972 г. в подмосковном Абрамцево застрелился писатель и художник Дмитрий Голубков, ещё один близкий друг Леоновича, человек с высокими идеалами XIX века, отказавшийся мириться с ложью как общепринятой нормой жизни. Судьба как будто испытывает Леоновича этими потерями, смерть вновь и вновь наползает, выбивая почву из-под ног. Но поэт, преодолевший однажды соблазн умирания, знает, какую великую победительную силу таит в себе само вещество жизни. «Дети не дадут умереть», – шутит он. И правда – не дали. В одном из писем Игорю Дедкову, одному из ведущих литературных критиков-«шестидесятников», с которым сблизился в 70-е гг., Леонович говорит: настоящее вновь стало милым, чувство жизни вернулось.

Каждому из своих выпускников весной 1973 г. он написал характеристику в жанре психологической прозы. Когда любимый ученик Коля Герасимов поступал в МГУ, читать это произведение сбежалась вся приёмная комиссия. А девочка, чья «душа... усваивает все впечатления бытия, но верна будет прежде всего себе, своей прямой и простой природе. ...Очень сердечная, очень закрытая»²¹ – Рая Гончарова – станет через несколько лет женой Леоновича и матерью двоих его детей: Ольги и Дмитрия.

«Так, значит, век ещё не прожит?! Взбежал как мальчик по лучу –/ о как светло... как жить хочу...» Обновление жизни, возвратившаяся молодость побуждают поэта обратиться к «первой любви» – к раннему христианству, ещё свежему и юному, не отягощённому церковной позолотой, не искажённому языческим обрядоверием. Впитавший веру с младенчества, Леонович и в этом идёт своим путём, отделяя подлинное от наслоений. «Кто кому что наследует? Как себя понимает?! Только с Богом священник беседует –/ поп начальству внимает...». Он перечитывает Четырёх Миней и пишет свободную поэтическую версию одного из житийных повествований – о мученице Мавре и её муже, книжнике Тимофее. В по-

²⁰ Н. Герасимов. «Да здравствует тощая шкура сельских учителей...»./ В: ПР, Спец. выпуск. – С. 17, 19.

²¹ Там же. С. 28.

эме явственен автобиографический подтекст, портрет Мавры списан с молодой жены. Он словно предупреждает: её ждёт трудная судьба – стать спутницей «книжника», готового отстаивать свою правду перед «игемонами» мира сего, отказаться от доступных другим благ, смириться с бедностью, научиться понимать и прощать. «Грехи мои, паденья, промахи/ ты сможешь ли когда простить?..» Это «житие» длилось не семнадцать дней, как в поэме, а четверть века.

•

Чем жил поэт на исходе застойных времён, когда «утомительная душегубка» не давала вздохнуть полной грудью? «...Я – заочный москвич, по сути, деревенский житель. Бодрствовал эти годы у одра погибающей карельской деревни – делал всё, что должен делать мужик, один при немощных и покинутых детьми стариках и старухах. Могу срубить дом или часовню, сложить печь, согнуть лодку... Знаю руками, как делаются многие вещи. Знаю историческим знанием – его приобретаешь только в поте лица, – чего стоит и кто она такая – велеречивая н е р о б о т ь, посмевавшая теоретически ошельмовать, а затем изнасиловать, разорить и уничтожить кормящую крестьянскую свою же родину. Мою родину»²².

Поставлена изба на высоком берегу над Пелусозером. Согнуто несколько лодок, все – именные: «Гуся», «Титаник», «Листик», «Вторая Гуся» – это в честь дочки... За три года (1988—1990) выросла на Плоском бору, на погосте часовня Рождества Богородицы в память о последних старухах, доживавших в деревне свой одинокий век. На латунной табличке выбиты их имена. (И здесь, в этой книге, они записаны; кто прочтёт – пусть помянет: были такие люди, возделывали, сколько хватало сил, эту землю, зиждили жизнь на ней.) Высится неподалёку от часовни памятный крест – «Непогребенным, потонувшим, сгоревшим, безвестно пропавшим в окаянные лагерные и военные годы. Всем кров, тепло, память пострадалицы нашей Пресвятой Богородицы Девы. Аминь». Труды и дни, крестьянская и плотницкая страда, мысли, чаще всего неутешительные, о земле и её людях наполняют стихи этих лет. «И кто же так бил по рукам, что сломил их в кости?! Прости мне – чья кровь в этих жилах!/ Прости мне./ Прости»...

Леонович по-прежнему много переводит – грузин, армян, татар, казахов, ездит в Тбилиси, Ереван, Казань, Алма-Ату. Помогает отстаивать в качестве мемориальных музеев дома Пастернака и Чуковского в Переделькино, Цветаевой – в Москве. Ведёт, когда живёт в городе, литературное объединение «Магистраль», разогнанное в конце 60-х по доносу, где была названа «порнографической» его поэма «Тёплое», однако уцелевшее и несколько раз менявшее место обитания. С 1946 г. вёл его основатель, литературный критик и поэт Григорий Михайлович Левин, поставивший на крыло Б. Окуджаву, Н. Панченко, В. Войновича, В. Львова, С. Петренко и ещё многих и многих. Уже после смерти руководителя (1994) «Магистраль» поселилась в отвоёванном и созданном при участии Леоновича Доме-музее Цветаевой и собирается там по сей день.

Во второй половине 1980-х гг. набирает разгон чудовищный проект поворота северных рек на юг. Леонович, знающий цену человеческой

²² Журнал «Сноб» (блог Владимира Генина) 24.10.11. Электронный ресурс: https://snob.ru/profile/8356/blog/42507#comment_410999.

власти над природой, оплакавший перекрытую плотинами, задохнувшуюся, заболоченную Волгу, «впрягается» и в этот воз. Противники очередного эксперимента над жизнью сплачиваются вокруг «Нового мира» и его главного редактора С.П. Зальгина, гидролога по первой профессии, собирают советы и комиссии, пишут статьи, выступают в СМИ. Для Леоновича самое верное оружие – поэтическое слово; увы, нередко ему приходится полемизировать с собратьями по перу. «Я сумел вовремя сказать, что какая-нибудь великая ГЭС, дающая толику полезной энергии, лавинную долю отдаёт на производство смерти, скрытое за лесами-горами, – диву даёшься на мальчишество «евтушенок-вознесенок» (Твардовский), этот кошмар воспевавших»²³. Но не трезвые голоса специалистов, не протесты общественности и не поэзия – «вовремя» рванувший Чернобыль, полагает поэт, остановил безумие.

Особая глава в жизни поэта – тема ГУЛАГа, чудовищного и безнаказанного истребления миллионов людей сталинским режимом. Вместе с Виталием Шенталинским, которому дал в 1983 г. рекомендацию в Союз писателей, в конце 80-х Леонович бьётся за создание Комиссии по литературному наследию репрессированных писателей. В Репком (противовес Ревкому!) входят соловецкий узник О. Волков, колымчанин А. Жигулин, В. Астафьев, Б. Окуджава, Ю. Давыдов, Ю. Карякин и др. Это была мощная команда поддержки, но работали над рукописями стёртых в лагерную пыль литераторов двое – Шенталинский и Леонович, а секретарь комиссии Ольга Сушкова вела картотеку и переписку. Преодолевая яростное сопротивление и угрозы сталинистов, собирали архив; Леонович читал и готовил к печати рукописи, переданные родственниками погибших и обнаруженные Шенталинским в архивах Лубянки; проводили вечера «Острова ГУЛАГа», ездили с выступлениями по стране. Копеечную зарплату удалось выбить у «союза небожителей» лишь для секретаря, да и ту вскоре отобрали.

Для Леоновича-поэта работа в комиссии – продолжение единоборства со смертью, пастернаковское «усилье воскресенья». О расстрелянной по приказу Сталина Ольге Окуджава, жене Галактиона Табидзе, он напишет: «Я эту смерть расторг одним усилием вольным», – как когда-то тем же усилием расторг собственную смерть. В его стихах возвращаются в свои деревни сонмы раскулаченных крестьян – «они воскресли по Завету». Он явственно видит, как идут по посадку «две красы» – попадая с поповной, в океанные годы заморенные голодом и схороненные батюшкой в глиняной яме в лесу...

Впервые приехав в июне 1989 г. с В. Шенталинским и бардом А. Дуловым на Соловки, Леонович – его словцо – «осоловел». Он знакомится с главным реставратором Владимиром Сошиным и каждое лето является ему на подмогу, один или с сыном Митей. И не поруганные церковные святыни (таких он повидал немало) – судьбы узников СЛОНа, тени загубленных душ побуждают его возвращаться туда. «Кабы дали три жизни да мне одному,/ я извёл бы одну на тюрьму Соловки,/ на тюрьму Соловки, на тюрьму Колыму,/ твоему разуменью, дитя, вопреки».

²³ Curriculum vitae. Автобиография, написанная в мае 1997 г. для Ю. Глазова. Не публиковалась.

Леонович пишет соловецкие заметки, рождаются стихи – трудные, горькие... От Святых ворот, сквозь которые входили этапы в Соловецкий кремль, превращённый в тюрьму, он откалывает кусок ржавчины – «слёзный накрап»: «Это нам с тобой надышал/ наш народ крепостной». Критик В. Курбатов передаст его в музей в Михайловском, где ржавь эта ляжет рядом с пушкинским «Посланием в Сибирь».

Никакого интереса к теме ни государство, ни издательства не проявили. Подготовленную к печати книгу «За что?» (М.: 1999), составленную из материалов Репкома, профинансировали Фонд Солженицына, Фонд Г. Бёлля и... Посольство Нидерландов. На обложке её – купол Голгофо-Распятского анзерского скита со звездой вместо сбитого креста. «Равно пригодны для распятия/ крест и звезда», – утверждал Леонович, предлагая поставить на Лобном месте Царь-свечу и выбить на постаменте два «знака сокровенных» как символ примирения хотя бы в смерти. Его предисловие к сборнику «За что?», сближающее страдания репрессированных со страданиями библейского Иова, по силе не уступает прозе мучеников сталинских лагерей и архивным документам, которым отказывается верить разум.

Книга не нашла отклика у читающей детективы и любовные романы публики. Комнатку в Доме Ростовых, где работал Репком, отобрали, к собранному комиссией материалам уже тянул загребущую руку известный приватизатор – благо, их успели вывезти в надёжное место. Архивы Лубянки вновь оказались совершенно секретными. Время повернуло вспять.

•
Поняв, что жить на Пелусозере в вымершей деревне невозможно, Леонович в 1989 г. купил дом в Костромской области, в с. Парфеньево. Он бодр и крепок по-прежнему, ему, всегда имеющему под рукой какое-нибудь мужское дело, неизвестно, что такое депрессия, но хорошо знакомо удушье несвободы, лжи, пошлости. Зыбкая надежда на то, что в карельской глуши возродится, даст новые ростки осмысленная, не стеснённая государственным насилием жизнь, давно угасла. Ему довольно скоро стало ясно, чем может обернуться не опирающаяся на народную поддержку, превратно понятая демократия. Да и есть ли он, народ, как единое целое? Накопились утраты, личные и общественные, поредел круг друзей и единомышленников, и всё чаще стал приходиться на ум пушкинский побег «в обитель дальнюю...» – так он и назвал свои соловецкие заметки. «От тараканов озверелых/ в сиротском доме престарелых,/ от старости и от тоски/ одно спасенье – Соловки./ ...Неволю жизни отлюбя,/ не опоздай к концу. Сегодня/ ты в руки предаёшь Господни/ трудоспособного себя».

Неволя жизни? Не предвестие ли это старости? Но поэт и на седьмом десятке поднимается на любой этаж без лифта, выжимает стойку на руках и ныряет по утрам в прорубь – это при больном-то сердце; подобно канатоходцу, скользит «на колокольной высоте – по вздрагивающей черте», чтобы залатать крышу храма на Анзере.

Речь не о старости физической. Поэт страшит омертвения души, немощи духа, бесцельности доживания «без божества, без вдохновенья». Он не просто цитирует пушкинского «Странника» – о человеке, бежав-

шем от семьи и друзей на свет спасения; этой «программе» в конце 90-х он последует почти буквально. Преодолеть кризис должен помочь свет, подлинный или мнимый, увиденный им... в женщине. Однако слово его не солжёт: «Мы отменили старость,/ но разбудили смерть».

Леонович оставляет семью, порывает со многими друзьями и уезжает из Москвы в Кострому, теперь уже навсегда. На протяжении семи лет он будет переживать новый натиск смерти – теперь в облике любви, мощный творческий взлёт, но с не свойственными поэту прежде вкусовыми изьянами, – вновь станет «смертоборцем» и вновь выйдет из битвы живым.

Все эти годы держать его на плаву будет мысль русского религиозного философа и поэта В. Соловьёва: «Спасающий спасётся». Мысль, для Леоновича не новая, проверенная всем предыдущим опытом, но ставшая особенно острой в пору, когда каждый спасает себя, не заботясь о других. Поэт бьётся за присвоение Костромской областной научной библиотеке имени И. Дедкова, которого сравнивал иногда с Белинским, – безуспешно (хотя табличку с именем Крупской, немало потрудившейся над чисткой библиотечных фондов России, всё же удалось «сдёрнуть»). Вместе с журналисткой и поэтом В. Арямновой, работавшей в «Северной правде», они затевают культурное приложение к газете – инициативу душат после первого же пробного выпуска. Леонович мечтает сделать соловьёвскую идею спасения достоянием родного города, поставив на главной площади памятник пожарному псу-спасателю Бобке, который вытаскивал детей из огня, и даже пишет оду Бобке, чтобы ученики художественной школы сделали к ней рисунки. В комментариях можно прочитать, чем закончилась эта кампания. Кострома, кажется, его не слышит, и, даже призвав на помощь всеильного Евтушенко, экс-министра культуры Е. Сидорова, Ст. Лесневского, сумевшего возродить блоковское Шахматово, он и немногие единомышленники не в силах спасти от гибели Литературный музей – бывшее здание гауптвахты приглянулось силовикам. И в родном городе поэт чувствует себя чужаком.

«ОСИРОТЕЮ КАК СОВЕСТЬ – это я себе предрёк ещё давно. Избави Бог, „общественной совестью“ (Блок) я себя не мнил никогда – просто ничего не могу поделать с польской БРЕЗГЛИВОСТЬЮ – роковой добавкой к моей костромской крови... На уровне эстетическом, вкусовом – вся моя „гражданственность“. СИРОТСТВО же глубокое и принципиальное – в эгоистическом мире людей, мучающих... Землю, Воду и всё живое. Их сиротство в грядущем тупике окажется горше моего»²⁴.

«Клянусь, я покинул бы мир/ для царства любимых теней...» – такового Леонович ещё никогда не писал. Однако и на грани отчаяния он верен себе: «Но алиби в этой стране,/ сиречь, нахождение вне/ её и себя самого,/ по мне, невозможней всего./ Страна необычная: тут/ убьют – помереть не дадут./ Живой или мёртвый – горбать!/ Добро бы на родину-мать...»

Леонович смолоду любил повторять: «Я жив только Божьим попущением». Попустил Господь и на этот раз: поэт сломал ногу, и понадобился добрый ангел – навестить болящего и сварить ему борщ. Ангелом оказалась Вика Нерсесян, человек редкой доброты и отзывчивости, недавно потерявшая мужа и сама оставшаяся без опоры с маленькой дочкой. Дальнейший путь они пройдут вместе, приняв решение поселиться

²⁴ Там же.

в деревне Шаблово, – там задумано было строительство Детской деревни и уже жили семьи с приёмными детьми, создавался народный музей Ефима Честнякова. Всё сложилось не совсем так, как мечтали, но родилась дочь Маша, появился маленький домик в Илешеве – счастье и полнота жизни в лесном краю, на берегу реки, среди ставших родными людей. Но деревенский быт, особенно зимой, оказался поэту не по силам – отказывало сердце...

Свой 80-летний юбилей он встретил в Кологриве, в тёплом и просторном доме, приобрести который помогли друзья: «Квадратура волшебного круга,/ корневая система добра...» Подарком поэту стала книга «Сто стихотворений», изданная Ст. Лесневским в его издательстве «Прогресс-Плеяда» (2013). Приехал любимый ученик, теперь уже министр промышленности Коми, собрался близкий дружеский круг. Леонович был вдохновлён, набросал программу будущих изданий. Тем летом был составлен новый сборник – «Деревянная грамота»; зимой он написал прозаические комментарии к стихам, вычитал корректуру и внёс правку. Только взять в руки свежееотпечатанную книгу ему не пришлось: 9 июля 2014 г. он не проснулся – остановилось сердце.

Доктор, лечившая его 2012 г. в Москве, сказала: «Сердце у него в три раза больше нормального человеческого».

•
«...Без доктрины, без именной идеи нет личности!» – написал поэт в 1972 г. о Солженицыне²⁵. Была ли «именная идея» у самого Леоновича? Несомненно. Она вычитывается из его биографии, из стихов и статей, из писем и всего, что сработано его руками на земле, спасено от уничтожения, отвоевано у забвения. Она со свойственной поэту прямоотой высказывания отлита в строку, давшую название этой книге: НА СМЕРТЬ МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА. На смерть случайную (которая, если вдуматься, никогда не случайна). На смерть как сознательный отказ от жизни, опротивевший выбранный выход из тупика. На смерть-бегство – в пьяный ли угар, в конформизм или за кордон – вместо необходимого усилия воли и «терпения свободы» («Когда вы понадобились, вы устали»). На смерть как компромисс с ложью в отношениях. На смерть, причинённую живому: реке, дереву, земле, языку, исторической и родовой памяти, не говоря уже о живой душе – звере или человеке («Век бы жил на этой просеке...»). Книга А. Швейцера о Благоговении перед жизнью всегда лежала на его рабочем столе.

Именная идея осталась бы пустой риторикой, не будь она подкреплена делом, собственным трудничеством. У Леоновича всё всерьёз, любая «игра в...» ему претила, и это делало его чужим в собраниях и застольях, «где славили – ныне поносят – эпоху застоя./ И вечно они веселятся и пьют на чужое,/ и хаот что надо, и славят как надо – с душою...» («70—90»). Да и не садился он за такие столы.

Поэт Марина Кудимова, называющая Леоновича своим Учителем (так, с заглавной), утверждает: его слово всегда было равно поступку и поступком подтверждено. Это обеспечило ему участь одиночки, того самого пугала на задворках. «ОНИ, всегда различные ОНИ» не желали его слышать.

²⁵ Письмо И. Дедкову./ В: ПР, Спец. выпуск. – С. 39.

«Почему так случилось с одним из самых несомненных поэтов XX века, безошибочно узнаваемых с одной строфы? – задаётся вопросом Кудимова. – ОНИ... не воспринимали акустики, которая определяет поэзию Леонovichа. Звука, недоступного „экспертам“ по вопросам премий и грантов... А уж до расшифровки, считывания и усвоения смыслов дело и вовсе не доходило... его непохожесть принималась и понималась теми немногими, кто так же, как он, поэзию считал Служением, а не оказанием „культурных услуг“».²⁶

«Один – и многие. Один – на кресте. Забудь, мой милый, кличку „индивидуалист“. Пойми всё крупно и просто: ПРАВДЕННАЯ НА-ГРУЗКА НА ОДНОГО может или должна быть в сотни раз больше той, которую мыслят как норму».²⁷

В 90-е годы его стихи и статьи охотно печатали «толстые» журналы, но для поэта важна именно книга – как итог определённого этапа жизни, как очередная ступень роста. Иные стихотворцы умудрялись каждый прожитый год итожить изданным сборником – не так было у Леонovichа. Вторая книга стихов – «Нижняя Дебря» выходит в 1983 г., через двенадцать лет после первой. За такое время покойники в могилах успевают истлеть! Сданная в 1979-м в тбилисское издательство книга переводов и стихов о Грузии «Время твоё» выйдет лишь спустя семь лет, в 1986-м. Ещё через семь лет директор Цветаевского Дома, давний друг и соратник по литературным и общественным делам Э.С. Красовская издаст небольшой сборник «Явь» (1993). Стараниями Э.В. Проценко, руководителя поэтического клуба при МИФИ, и ученика Леонovichа, в те годы – директора «Полярноуралгеологии» Н.Н. Герасимова выйдет в 1997 и 2000 гг. самый объёмный сборник «Хозяин и гость», причём издание 1997 г. можно считать «черновиком» – так много в нём огрехов и потерь. Таким образом, после «Яви» – опять семилетний пробел. «Все числа, кратные семи./ всегда мои – мои семиты», – горько пошутит поэт, правда, совсем по другому поводу.

Останутся неизданными книги «В пиру честном» (1987), «Портреты» (1990), «Чёрным по белому» (1991). Где те рукописи? Их нет. Издательства имели обыкновение «терять» их, если автор не беспокоился о судьбе своего детища, не напоминал, не звонил, не обивал пороги. Для Леонovichа это было неприемлемо: он себя никогда не предлагал, ждал запроса от издателя. Гордыня? Пусть так. Но уместней было бы сказать – достоинство: «В отечестве своём себя не урони./ поэт! И на Руси поэт себя не ронит».

«Выход или невыход книги – явления, для меня равнозначные», – заметил поэт в Автобиографии, помеченной апрелем 1995 г. Возможно, он имел в виду, что невыход книги означает отторжение, категорическое нежелание слышать и знать, и это тоже – портрет времени. О составе неизданных сборников можно догадываться с большей или меньшей степенью достоверности, зная «житие» поэта и вычитывая направление его мысли из стихов, статей и писем тех лет. Чтобы восстановить справедливость хотя бы отчасти, составитель предпринял попытку условной реконструкции и три раздела Собрании стихотворений назвал именами неизданных книг.

²⁶ М. Кудимова. Под одной крышей./ В: ПР, Спец. выпуск. – Сс. 137–138.

²⁷ В. Леонovich. Хозяин и гость./ Изд. 2е. – С. 359.

В задачу этого предисловия не входил литературоведческий анализ поэзии Владимира Леоновича – может быть, придёт время, когда этим займутся профессиональные критики и исследователи русской поэзии второй половины XX века. Отметим только особый дар поэта – связывать несхожие мелодии «связками голосовыми», проживать чужую судьбу как свою, творить единую кровеносную систему человечности и утверждать тем самым неизбежное торжество жизни над смертью. Леонович, даже когда пишет чей-то портрет, неизменно автобиографичен. Он был тем, кого засыпали извёсткой в расстрельном рву, матерью-одиночкой в вагончике посреди снежной сибирской равнины, безмянным книжником – летописцем своего времени, он дерзнул примерить на себя крестообразный гроб Иоанна Богослова. От Пушкина, от Ходасевича, от Галактиона он воспринял «классическую соль избранничества и сиротства». История свидетельствует: «избранники этого ранга» спасают честь своего народа и «делают время».

Алла Калмыкова

Составитель благодарит за неоценимую помощь в подготовке этого издания:

Сергея Львовича Боголюбского – за предоставленные материалы по истории рода Облаковых — Боголюбских;

Викторию Борисовну Нерсесян, вдову поэта – за сведения о костромском и кологривском периодах жизни В. Леоновича;

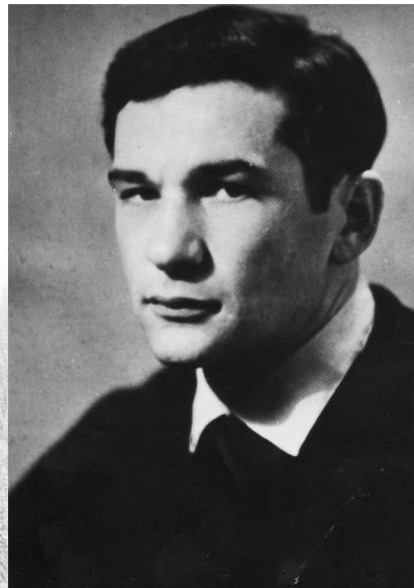
Людмилу Валериановну Оразвелидзе, поэта, исполнительницу авторской песни, члена литературного объединения «Магистраль» – за сведения о грузинских связях и адресатах стихотворений;

Ольгу Владимировну Осорию, дочь поэта – за сведения о жителях деревни Пелусозеро и села Парфеньево, за фотографии из семейного архива.

Особая благодарность – авторам фотографий Д. Давыдову, А. Кривомазову, М. Лыхиной, М. Пазию, Т. Пакельщиковой и всем, чьи имена неизвестны.

ТЕРПЕНИЕ СВОБОДЫ

СЛОВА

Если из песни
хоть слово ты выкинешь,
значит, песня – не песня.
Это – либо песенный выкидыш,
либо песня на пенсии.

Песня
будто сменила платье,
будто она здорова...
И поэту монету платят
за выкинутое слово.
Песню где-то и распевают.
За успех бокал разбивают...
Но вот
во сне,
вот на улице где-то
эти спетые и не спетые
слова

находят

поэта.

Самоотверженные –
отверженные.
Сердцем затверженные –
обезвреженные.
– Понимаешь,
из песни мы вырваны
без

твоего

ведома.

Мы прямые. Мы делу преданы.
Нам тяжело,
будто дело предано.
Мы должны быть реабилитированы!
– Разрешите недоразумение –
там у вас
какая-то мания:
растаскивают
каменья,

предназначенные
в основание...
Те, на воле,
слова бессловесные,
в меру чистые, в меру честные,
думаешь,
        нам замена?
Эта замена –
как та
        измена!
Независимые,
неприкаянные,
неулыбчивые,
твердокаменные –
ждут слова справедливости.
А поэт
разводит руками –
обычный жест
мужской стыдливости.

ГОЛУБИ

Птицы нехищные, города голуби!
Что не летите вы в местности горные?
Или ослабли вы сизыми крыльями,
или овсянкою вас окормили мы?
Или привыкли уж пачкать фасады вы
и не пришлось на себя вам досадовать?
Или смирились вы с жизнью куриною?..
Голуби, голуби, птицы старинные!
Вам бестревожно ль под крышами спится
в ночь,
как летят
перелётные птицы?
Пусть седина упадёт мне на голову –
а не пойму я вас, города голуби!

ЯНТАРЬ

Далёкие удары грома
ловила, вздрагивая, крона.
Тьма загустела,
подступила
и – раскололась!
Ослепило.

чтоб на крыльях – солнца переливы,
а не ветер, высота и лёд.

НАДПИСЬ

Благословен святое возвестивший.
Боратынский

Высо́ко – на стене –
гвоздём – неизгладимо:
З а п е р в у ю л ю б о в ь.
Н е п р о х о д и т е м и м о!

Заметил я себе,
что тут смешались стили,
а между тем слова
святое возвестили.

И самый след гвоздя
был резок, словно возглас.
Я долго простоял,
потупившийся, возле.

Здесь п е р в а я взошла
из-за второй иль третьей –
и ты кричишь о ней,
как будто о последней.

Не знаю я, кто ты,
мне этот крик пославший,
но будь благословен,
святое начертавший.

ПОЭЗИЯ

Владимиру Луговскому

Поэма
кашляет в платок.
Друзья глядят с участием.
Дописывается листок –
кончина первой части.
Сползает ниже потолок,
жена бесслёзно плачет.
Путь за плечами долгий лёг,
а впереди он так далёк,
как будто и не начат.

Искусство жить!
Искусство жить,
пристрастнейшее к правде!
В тебе такие рубежи –
зачатие да проводы.
На рубежах – поди измерь
и небеса и пропасти!..
Искусство жить –
в нём нет измен,
в нём нет удобства робости,
удобства немоты и лжи –
отвага есть в искусстве жить.
*Прими его глубинный ход,
не стоит конъюнктуровать.
Останется тебе стихом
себя прокомментировать.*
Пускай оно тебя трясёт,
счастливит и мытарит,
пускай поймут
не сразу всё,
читая комментарий.
Расплачивайся всем собой
за счастье предстоящее.
Опасен твой неравный бой
часами, смерть таящими.
Не изменяй себе
в кредит,
сворачивая с курса, –
а вдруг порвётся впереди
великое искусство?..

Стал небом
низкий потолок,
и в мире – всё иначе.
Дописан до конца пролог.
По жизни новый путь пролёт –
он только-только
начат.

* * *

Родная моя, родная,
на двадцать шестом году,
по мелочи не играя,
по жизни – по самому краю –
к тебе от тебя иду.

Я отнял у шулера карты
и дал по рукам судьбе,
а сам королём азарта
метели глотал на нартах.
– Тагам! Тагам!¹
К высоким богам! –
а солнце отдал тебе.
В тебе занялись начала,
в тебе истают концы,
имя твоё нечаянное
не растреплют потом юнцы.
Родная моя, родная,
в тундре, в дебрях тайги
снежные ветры знают
черты дорогие твои.
Люди – суровые, милые, –
догадки не показав,
о тебе, единственной в мире,
читают в моих глазах.
Братья мои в берлогах,
отсюда недалеко,
мне на белых дорогах
сочувствуют глубоко.
Под льдами могуче-синими
лопочет, как мальчик-ручей,
о самой-самой красивой
таёжный мой Енисей.
От ближних от полустанков
бегущие блики весны
несут тебя в позаранки,
в прозрачные мои сны.
Родная моя, родная!
На двадцать шестом году,
по мелочи не играя,
по жизни – по самому краю –
к тебе от тебя иду.

1959

ОБРЫВОК ТРОСА

Там, где тяжёлые колёса
дорогу распахали криво,

---

¹ Тагам (каз.) – еда, пища. – Прим. ред.

валяется обрывок троса,
как будто повести отрывок.
Узлом последним он завязан,
топырятся стальные жилы.
Никем рассказ тот не рассказан,
как напряжённо, трудно жил он,
каких ни видывал он грузов
и что в шофёрской жизни значил,
как по ночам, забившись в кузов,
дремал, свернувшись по-собачьи...

А в жилах, перевитых круто,
была особенная сила.
В особо трудную минуту,
струной дрожа, чуть-чуть басил он,
выдерживал и не сдавался.
Лишь иногда
певуче, тонко
отдельной жилкой надрывался,
и звук был – точно всхлип ребёнка.
Когда ж от тяги несусветной
однажды лопнул трос, закорчась,
его обрывок неприметный
среди ухабов службу кончил.
Ладони колет он, как роза,
когда берёшь его за гриву...
Красивый он, обрывок троса,
красивый.

ТУРБИНА

Мне снится: я турбина
из стали и труда.
Глубокие глубины,
высокая вода
мне силу сообщают
и круговой маршрут.
Их тяжесть обращаю я
в движение и труд.
Потоком я крутима.
Даю кому-то ток.
Я так необратима,
как времени поток.
Я не могу быть гибкой.
Мне жаль, мне очень жаль,
что рыбины и рыбки

мою встречают сталь.
И оттого, ей-богу,
хоть встать.
Хоть вспять.
Хоть вкось...
Хотя склонить немного
мою стальную ось!
Но я необратима.
Нельзя мне вспять и вкось –
и только взрыв плотины
мою содвинет ось.
Великою виною
себя отягощу
и грустию стальнойю
век я прогрущу,
но век я не отчаюсь
и крыл не опущу
и сквозь себя – ручаюсь –
три жизни пропущу.
В море уместится
шумная вода.
Может, мне простится
беда моя, беда?
Глубокие глубины,
тяжёлые суда.
Мне снится: я турбина
из стали и труда.

РАБОЧИЕ ПОЭТЫ

От железа и камня,
горячи и тихи,
настоящие парни
приходят в стихи.
И приносят в охапках
очень правильных строк
дорогие приметы
трудоу и дорог.
И в поэзии будучи
вроде как ни при чём,
эти парни
поэзию
подпирают плечом.
Ограждают незримо
её от беды

своей детской лирикой
чистой воды.

Но всё чаще блокнотики
в долгий ящик кладут.
Дни идут – сплошь в поэзии,
а стихи – не идут!

Постепенно стихи свои
забывают они,
и тогда появляются
чьи-то строчки о них.
Новый стих поднимается,
по-весеннему крут...
Замыкается этим
поэтический круг.

И над виршами добрыми
вспоминают они
про свои про медовые
стихотворные дни.

ИНЖЕНЕРАМ ЗАПСИБА

Снаружи пыльное стекло в накрапах.
В тепляк заходят ИТР на рапорт –
сухие, как индейцы, прокопчённые,
со взглядами чудесно отвлечёнными.
Там, на объектах, их глаза оставлены,
а тут они неяркие, усталые.
Но полнокровно ИТР ругаются,
как на работе им и полагается.
Дым папиросный лёг пластом, как студень.
Допущен брак, и этот брак подсуден.
К чертям, на лом пойдут мосты из стали!..
А инженеры, хоть кричат, устали.
Глаза у них – с туманом, с поволокой.
С бетоном плохо, с автопарком плохо,
надёжно сорван и последний график,
и на растворном, как картошка, – гравий.
Сиди, вникай, подробности тасуя...

А рядом инженер трубу рисует
и патрубков-сучок в неё врезает,
и человек на сучок влезает.

Он тянется за бабочкою-птицей,
что на сучке желает примоститься.
Не дотянуться! Инженер рисует
насос, который трубы опрессует.
Давление! Весёлая беда –
на человечка капает вода...
Бьют из трубы пластинчатые струи,
и наводнение инженер рисует,
а в нём Запсибу, так сказать, конец:
из-под воды – одна труба на ТЭЦ...
Но вдруг, как будто кто его ошпаривает,
художник смежника, вскочив, оспаривает,
дельца пронзает он карандашом...

Однако третий час уже пошёл.
Ещё немного – и конец планёрке.

Не надо ставить в ведомость «семёрки»!
Со сменой-эстафетой гонка дóтемна.

«Коробочка» тебя добросит до дому,
до двух часов твоих вечерних, считанных,
до книжек, очень нужных, недочитанных...
А ровно в шесть
изволь вскочить как миленький,
поскольку в шесть взрываются будильники
и клацают замками холодильники.

Напившись кофе, что покрепче перца,
выходят на работу итээровцы,
едва взглянув на небо подождённое.
Но эти нервы, ругань, труд до полночи,
мотанья их священные, подённые –
поэзией
нежданно переполнены,
искусством непреклонным опрессованы!

Затем у них блокноты разрисованы,
заделаны поэмы и сценарии...
По часу, по два в ночь берут у сна они,
на отпуск на очередной надеются...

Художники,
ребята-итээровцы,
двадцатый век стрелой пронзил вам сердце.
Ругая век,
навек в него влюблённые,

его творите вы надёжно и красиво.
У вас ещё в резерве столько силы –
навалом!
Пейте кофе крепче перца!

КОЗУЛЬКА

Июльским днём на станции Козулька
мошка клубится. Поросята млеют
в парной грязи. Исходят паром доски
панелей мокрых – сильный, тёплый ливень
сейчас прошёл. Он вымыл все травинки
и землю сделал чёрной, небо – синим.
На свежетёсаном бревне пихтовом
перемешались дождевые капли
и капельки смолы. Сейчас на солнце
играют их лучи – слепяще, тонко.
В затылочек друг другу, чинно, ровно
через дорогу шлёпают вразвалку
пуховые гусята. Часто шею
с шипеньем над землёю выгибая,
их стережёт гусыня-мама. Тут же
змеёнышами красненькими черви
ползут, полоски оставляя. Куры
клюют их равнодушно и поспешно.
Собаки грязнолапые бегут,
сверкая языками, по собачьим
своим делам.
Вот, доски прогибая
и ширину панельки неширокой
качаниями тела измеряя, –
одна штанина у него в грязи,
другая вся в опилках – ну и клоун! –
к раймагу продвигается с напевом
не очень трезвый, очень бородатый,
лет тридцати детина-леспромхозник.
Он рыжий-рыжий, несравненно рыжий
и мирный, как Козулька.
Через лужи
девчонки в сапогах и ботах скачут
и поминутно в лужах моют ноги.
Рычит, на взгорбок скользкий вылезая,
гружённый до отказа лесовоз.
По линии великой Транссибирской –
составы и составы...
Из окошек – глаза. Читают: «Станция Козулька».

Стоят. Плывут. Проносятся вагоны...
Надсадно, перебойно задыхаясь,
по два и по три в сплотке,
паровозы влекут тяжеловесные составы
со всех концов
во все концы земли...
Пар от земли!
И снова синий полдень
тяжёлой тучкой, припеканьем солнца
земле короткий ливень обещает.
И хорошо. Земля – она не против!
Пусть всё растёт,
и пусть промытый воздух
опять запахнет – густо, сочно, щедро
пихтою, молоком, навозом, хлебом –
всей плотию земной,
всем небом влажным!
Пусть!
Под навесом с воротом и цепью,
куда не попадают дождь и солнце,
уходит
в землю
сруб.
И там, далёко,
рябит вода – чуть светлое оконце:
то падают невидимые капли
в него
от тающего сверху льда.
Декабрьский гость!
На глубине в пять метров
он брёвна изнутри тугим распором
отжал к земле
и медленно, по капле,
сдаётся теплоте...
Но знает, знает,
что доживёт, истаяв половиной,
до первых инеев!
О чистая вода,
что ломит зубы, обжигает горло
и проступает даже сквозь бутылку,
когда дурманит всех июля солнце!
О чистота, о холод!
Оставайтесь
в душе моей упрямо, неизменно,
как неизменно в ней преобладает
июля всеохватное тепло!

КАМЕННЫЙ ПОЕЗД

Дорога его далека.
Никто горизонта не запер –
лишь ветер движения замер
и ждёт не дожждётся гудка.

Дорогу ему опростав,
готовы дома расступиться,
но каменный долгий состав
в асфальты увяз по ступицу.

Последний кирпичный вагон –
брандмауэр вздымается глухо.
Движенье великого духа –
свобода его – и закон.

Как строго вагоны идут
и прямо – в квартал из квартала.
Какая рука начертала
его неуклонный маршрут?

Какой Святогор превозмог
свою исполинскую силу,
в бессмертье ступив – и могилу
тяжёлою парюю ног?

* * *

И ветвь оставила сучок,
своё прямое продолженье,
и вкось продолжила движенье.
Образовался тупичок.

Сюда не попадает сок,
избравший не прямое русло.
Сучок отсох – мне очень грустно,
что он так строен и высок.

Какие силы изгибают
стволы, ломают ход ветвей,
что даже соки избегают
коротких и простых путей?

Какой идее крона служит,
когда, не зная топора,

так расточительно щедра,
она свои же ветви сушит?

* * *

Вам должен сегодня сказать я,
что вам восемнадцатый год
и ваше зелёное платье
красиво и стройно растёт.

Растение дачной окраины,
где утренний дым и роса,
как ваши зелёные тайны
волнуют меня без конца!

На даче вы бьёте баклуши
шестую неделю подряд,
и ваши зелёные уши
таинственным светом горят.

Моя безнадежна забота
и неразрешима вовек,
поскольку вы всё же – природа,
вы гений, а я – человек.

Вы произрастаете мудро,
и от лепестков до корней –
той грустной пословицы утро,
что дня моего мудреней.

МОРОЗНЫЙ ПОЛДЕНЬ

В дымное небо возрос
нерукотворный колосс.
В сизой морозной равнине
недалеко, посредине,
красного света труба –
призрачная – и по обе
стороны, равно поодаль,
два послабее столба.
Два, и пониже на треть –
как бы органа колонны –
тусклая красная медь.
Солнце стекло с небосклона
или восстал Баальбек –
красного камня пилоны?

Поле. Лыжня. Человек.
Ладно, загадок не надо.
Полдень – подобье заката,
заревое пало на снег.

СТРОЙКА СПИТ

И снег и звёзды. Иссиня-бело
и тихо. Слышен снег. Спит автобаза.
Такая тишина боится сглаза:
отчаянно взрывается баллон.

Ему взрываться явно не резон:
давно остыли, отдохнули скаты,
но долго весь холмистый горизонт
перебирает и дробит раскаты.

Поднявший молот – так и спит копёр
в заснеженной низине котлована.
Он потрудился, как в лесу топор:
чернеют сваи – пни лесоповала.

Но ветви – перемятые стержни –
из них уже торчат змееподобно,
и тихо распрямляются они,
как будто бы от соков почвы доброй.

В конструкциях из железобетона –
горбатых фермах, брошенных на грунт, –
пучки ребристых арматурных струн
напряжены – до пения, до стога.

И каждая волнистая струна,
натянутая в каменном пространстве,
поёт глубоко, чисто и прекрасно –
сама же не видна и не слышна.

И это только сверху – снег и сон.
Неровен грунт, и час ночной неровен,
и колоколу главному подобен
ушедший в землю наглухо кессон.

Чуть шевельнётся в гулких корпусах
дневное заблудившееся эхо,

ледок чуть треснет, дрогнет на лесах
доска, прогнувшись под навалом снега, –

прислушиваюсь...

НА АНТОНОВКЕ ВЕСНА

Неясной волей, волей вышней
замедлена, затруднена,
едва заметно и неслышно
здесь начинается весна.

Вздывает голубые сопки
сплошная шорская тайга:
там с февраля – ручьи на солнце,
а по июль – в тени снега.

В апреле небо слишком близко:
его цепляют за края
пихты смолистой обелиски
и терриконов острия.

И это не последний тормоз.
Апрель блистает, словно термос, –
попробую – блесну, сравню, –
тепло и холод сохраню.

По горизонту волноваты
земли туманные края.
Все понемногу виноваты –
и сонная душа моя,

и это поле, и болото,
и этот медленный апрель –
вся паволока, позолота
и световая канитель,

вся тварь – земная, водяная
и дремлющая под корой...
Я сплю – я ничего не знаю, –
поговорите с ней – с весной...

1966

ПОСЕРЕДИНЕ НОЧИ*Г. М. Левину*

В косой избушечке на улице Крестьянской
на станции сибирской Чернореченской
на западном плече дороги Красноярской
за делом божеским – сын человеческий
сiju – оплачиваю все оплошности
чудной своей интеллигентской должности:
согласно ей рабочих я в о с п и т ы в а ю –
могучей практикой теорию испытываю.

Трещит моя теория возлюбленная –
всё не сдаётся, значит, корнем держится...
Я знаю: рухни дерево подрубленное –
и корень

снова выжмет

прутик-деревце.

В сугробах длинных вдалеке от станции
полгода в тупичке глухом остаивается
706-й наш электромонтажный.

За быт его теплушек двухэтажный
я отвечаю, за культурно-массовую,
прости ты, Господи, работу в поезде
и, уповая на родную классовую
сознательность,

живу в томленьях совести.

На ней – сокрытый, уголовно наказуемый
проступок электромонтёра Зуева.

Отсек холодный одиночки-матери –
детдомовки, растрёпы, сигналистки,
нет у которой ни родных, ни близких.

Я слышу плач её, обиженный и матерный,
передо мной сырое, всё распухшее
лицо... Всё её прошлое, всё будущее.

Глаза ребёночка, молочные и грустные.

Воспомоществованья профсоюзные...

И я не ведаю, куда же деться

мне от моей студенческой идейности.

Ведь эти драные монтажные вагончики –

лишь камеры, капканы и загончики...

Оплачен скудно беспросветный труд –

вот и воруют, врут, и пьют, и мрут.

Пронизан воздух иглами и призмами.
В морозной хмари Красноярск насупленный.
Хожу-брожу, любимой не полюбленный,
но городом обласканный и признанный.
В вечернем пригородном допотопном поезде –
приткнулись – дремлют люди обыденные.
И думается мне: спасён от пошлости,
кто угадал в дыму их лица тёмные.
Под вечер люди сильно утруждаются,
особенно к концу недели,
и на вагонных полках утверждаются,
переговариваясь еле-еле.
В их позах – все их нормы перевыполненные,
все их дневные совокупные движения,
все годовые трудовые достижения.
Они лежат, они сидят,

        никем не вылепленные:

топырятся их ватники скульптурные,
курчавятся их полушубки,
звучат вполголоса их речи бесцензурные,
их шутки.

Контора поезда.
Горит в конторе до ночи
окно бухгалтера Григория Федотовича.
В рассредоточенном шараш-монтажном
перерасходном аварийном поезде
главбух сидит ночами в тихом поиске,
охотится за гривенником каждым.
Спиною слабой тысячи оправдывает –
копейки лишней сам не получает.
Бухгалтера и бесит и печалит,
что поезд все, кому не лень, обкрадывают.
Действительность крута. Бухгалтер слепнет.
Его посадят за перерасход.
Пусть это будет пошлый анекдот,
но рыцарство живёт ещё и крепнет.

Когда меня к ночлегу тащат ноги –
к его окну, к неясному светилу,
я вспоминаю:

        «Свет прямую силу
свою
        являет
        в середине ночи».

РЕСПУБЛИКА ЗАПСИБ

В квартирах печи холодны, как полюс,
На улицах слезятся фонари.
Кто это выкрикнул: – За что боролись?
– За родину. Понятно? Повтори.

Владимир Львов

Люди утренней смены
спать легли рано.
С третьей сменой полуночной
отошёл состав.
Республика нашей молодости,
первым снегом укутанная,
заснула сладко и праведно,
богатырски устав.
Чёрнометаллургический
новый завод закладывается.
У республики нашей
шаги нетверды.
В этом ребёнке-баловне
прорезываются, угадываются
все как есть – материнские
наследственные черты.

Долю вины и доблести
мы понесём в грядущее.
Да не утратят ясности
наши умы...
Что же, мои хорошие,
товарищи мои лучшие,
в лучшие наши годы
дело делали мы.

Соберутся когда-нибудь
ветераны республики,
наших лет незабытых –
неуходящих тех.
Будут ещё прихрамывать
уклонисты и путаники...
Время – одно. Погода
тоже одна на всех.

ПРОРАБ*И. Я. Бенюху*

В него работа въелась,
он от работы – раб.
В его фамилию впелось
прозвание – прораб.

Когда бубнит он сипло
на коксовой чуть свет,
понятно, что Запсиба
без Бенюха и нет.

Рассердятся ребята
порой на старика:
опять «году в тридцатом»,
опять «на КМК²».

Полна работы мера,
и велика беда.
Затяжка – третья смена –
опиум труда!

Вот располосовало
над Томью полумрак:
стекает по отвалу
бело-багровый шлак.

Я жму прорабу руку,
в глаза его смотрю,
за труд и за науку
его благодарю.

За тяжкую индустрию,
за вóйны и уже –
о душе я думаю,
о душе.

Наука дорогая:
не призрак и не дым –
жизнь его – другая,
не прожитая им.

---

² Красноярский металлургический комбинат.

* * *

Норпитовская³ духота,
горячий над плитою ветер,
гремит кастрюля на пять ведер,
шипит и пляшет, пролита,
вода – и светится плита,
и раздаются голоса
стряпух
из кухонного чада...

Какая чистая досада
на землю и на небеса!

Телефонистка мне грубит –
и нет во мне негодованья:
я слышу –
        об ином призванье
всё существо её трубит.
Что – грубость? Ненадёжный щит.
А трубка плачет и пищит.

Людей я знаю по себе:
услышу – и переиначу...
Рыдая
        о своей судьбе,
кассирша, ничего не знача,
тебе выбрасывает сдачу
и зло срывает на тебе!

РЕМОНТ

Без лестниц лестничный пролёт,
без рам окно, без кровли зданье.
Пустует комната. Звезда в ней,
ночная птица в ней живёт.

Разбитых перекрытий хлам.
Ни огонька, ни человека,
лишь раздражительное эхо
по стенам голым и углам.

Как будто мирные дела
благоустройства, капремонта –

---

³ Н о р п и т – нормальное питание.

но то верней, что линия фронта
по зданию этому прошла.

Настало время пустовать,
большой ремонт переживать –
достойно, терпеливо, стоя,
с ночною птицей, со звездой.

* * *

С. Д.

Шагала отделочница впереди,
мы сзади. Недолго
от базы строительства до посёлка –
пустырь перейти.

Забрызганы мелом её сапоги.
От солнца слепая,
идёт без пути, как попало ступая,
не видит ни зги.

В распахнутом ватнике – полы поврозь –
в сиянье апреля...
За ней, улыбаясь, всё зная насквозь,
мы шли – мы смотрели.

Притомскую землю, завод возводя,
дробят и корёжат.
Немало мы слов позабыли, Серёжа,
но это дитя

ведёт нас с тобой – не в обиду скажу
ведущему классу –
и не оглянётся, пока я пишу,
ни разу, ни разу.

ВОЗЛЕ СТАНЦИИ ИНЯ

Воздух тесный, воздух мглистый
пахнет мылом и водой.
На пружине на сталистой
между небом и землёй –
деревянное корыто.
Лубяная колыбель
белой марлицей прикрыта.

Человеку шесть недель.
Деревянная теплушка,
мокрой простыни клочок.
Стирка – сушка,
стирка – сушка.
Тихий мальчик – грудничок.

В этот полдень, в эту стужу
навещаю я её.
Почему живёт без мужа –
это дело не моё.
Ничего она не просит:
и вагончик не сквозит,
и газетку ей приносят,
и печурка не дымит.
Не насмотрится на сына.
В «монтаже» одна. Давно...

Смотрит белая равнина
в запотелое окно.
Надо мальчику кормиться,
надо сесть ко мне спиной.
Этот воздух материнства,
одинокий и грудной,
этот запах – горклый, кислый...
«До свиданья» второпях.
Эта зыбка на сталистой
на пружине, на стропях.

Где же горе, где обида?
Двери настезь, в горле ком.
Вся равнина,
вся залита
материнским молоком!
Спи, младенец мой прекрасный,
среди бела-бела дна,
среди чудного пространства
возле станции Иня.

ЧЕТВЕРО

Она его не знала, не любила.
Жила, жалела мужа – оттого
измучила себя, измучила его,
оплакала – потом похоронила.

Недолго пережил его и третий –
друг дома их – страдалец, весельчак,
что был в течение десятилетий
в неё влюблён, да всё скрывал, да так
и скрыл тот пламень жертвенный сердечный,
не помешав несчастью двоих.
Он укрепил престиж любви вечной,
хоть женщин не отталкивал, да их
и грех обидеть, думал он.

Те двое,
в семейной мелкой лодочке плывя,
как бы тяжёлой мягкой волною
качаемые гладью бытия,
не знали, что их, собственно, качает,
не видели – не надо и нельзя, –
как страшный борт себя обозначает
над ними – и стена стоит, скользя, –
неслышно – мимо – близко...

Их не тронет
высокая любовь, их бедный друг.
Корабль в одиночестве потонет,
последний сделав осторожный круг.
А в лодочке сидел ещё четвёртый –
виновник – мальчик – умница – сидел,
вдыхая бедной драмы воздух спёртый,
и на трагедию во все глаза глядел.

КРАСНОЯРСК

Какая ночь просторная!
И взмахом постоянным –
крыло рояля чёрное
высоко над Саяном.

Берёшь солянку красную,
пурпурную, атласную,
чтоб пара не видеть,
чтоб сутки голодать.
В ледовом ресторане
предупреждён заранее:
– Не торопись, дружок...
Ожогом на ожог –
потерей на потерю.
– Ничо, что горячо!
Запьем Кровавой Мэри
сибирское харчо.

Так и живёшь – обещанной
разлукой-на-века.
Стреляет мощной трещиной
великая река.

Протяжный взрыв похож на вздох,
на пушечный раскат,
и в нём едином – весь исток
и долгий звукоряд.

Снег с берегов, как пыль, сметён,
земля голым-гола.
С низовьев прилетел чалдон.
ЧАЛЛ – ДОНН: колокола!

А Ты ещё не родилась –
так чья же надо мною власть?
Твоя. Твоя. Как странно...
Как страшно ВНЕ добра и зла
виденье чёрного крыла
высоко над Саяном!

АНЮТА

Притомье. Низкие места.
Среди болотец
за пазухою у Христа
живёт народец.

Давно сошли с Алтайских гор,
где было круто,
и ровный обрели простор
здесь телеуты.

Селенье – на пути к реке.
В безветрии полдня,
в черёмушнике, ивняке
томится пойма.

Большой завод распространил
дымы над нею –
тончайшей сажей причернил,
понижил небо.

Мы шли – я не знакомлю вас, –
газетчик ушлый

в уме уже держал рассказ,
для дела нужный.

Он лишь детали уточнял
и, всё проверя,
сказал мне: «Взяли матерьял!»,
как «взяли зверя».

Опрос был точный, деловой,
как полагалось.

Она
    кивала головой
и улыбалась.

В окно идёт горячий свет,
и там теснятся
герани, рózаны.

    А лет
ей восемнадцать.

В газете будет репортаж
на два подвала
«Судьба крылатая».

    Она ж
и не вставала.

Был над низиной небосвод
июньский, синий.

В тени короткой у ворот
вздыхали свиньи.

Подушки влажны, высоки,
и запах пота
мешался с запахом реки,
черёмух, мёда.

О как я знал, что ей помочь
я не умею!
И словно бы открылась ночь
в окне за нею.

Стоят как тёмные столбы
на белом свете
вдоль всей дороги,
    вдоль судьбы
зиянья эти.

И бесконечна череда,
и нету чуда,
и звуки, что ушли туда,
нейдут оттуда.

ВИЖУ РАБОТУ

Кафе. Стена обнажена,
и кладка плотная видна.

Бетон – влиянье моды –
опалубки следы.
Древесные разводы
надёжно отлиты.

Каменотёса керн
едва прошёл по буту.
Я слышу про модерн,
а вижу я работу.

Изнанка? Ничего.
Да тут и незавидно
такое мастерство,
которого не видно.

Работа перед вами.
Работе – все права,
превышенные в храме,
к примеру, Покрова.

Колонна – или свая?
Здесь дух черновика,
и ко всему живая
приложена рука.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Когда «обратная засыпка»
опору скроет под землёй
и в рост подыметесь незыбко
сооруженье пред тобой,

увидишь ты: оно прекрасно,
но угол зрения вместит

его опору, что на вид
бесформенна и безобразна.

Куда от этого деваться,
когда прозрачна так земля
и зданью впору разорваться
по узкой ленточке «нуля»!

И в напряжённости пружины
оно не ведает о том,
что полностью и целиком
прекрасно и нерасторжимо.

НАПРЯМИК

Анатолию Яброву

Горы хлама, конструкции, плиты,
котлованы, траншей кривули.
Человек уходил от обиды
напрямую – не видя земли.

По отвалу взобрался, спустился
и пропал. Вновь на гребне возник,
подождал, полуоборотился,
пошагал под углом – напрямик.

Получилась пунктирная трасса,
ло-ма-ный и ныряющий след
легендарного Китовраса,
людо-коня, которого нет.

Своему прямодушью в награду
человек, оскорблённый жлобом,
обретает конечную Правду
в котловане, на дне голубом.

Дивный галечник праокеана,
колыхавшего Ноев ковчег...
Там распластан, лежит бездыханно
улыбающийся человек.

Новокузнецк

* * *

Кузнец поклялся распрямить
живую линию кривую.
Он стал в огне её калить,
он брал кувалду, торжествуя.
Но, раскаляясь добела,
она, кривая, не могла
и не умела распрямиться –
ей оставалось раздробиться, –
и малая её частица
была, как солнышко, кругла
и быть иною не могла.

ТАЯНИЕ ЛЬДА НА ВОЛГЕ

Позвякивая и шурша
у потеплевших берегов,
он разрушается, минуя
неразбериху ледохода.

Кристалл имеет вид ножа:
как будто тысячу клинков
вогнали в толщу ледяную.
Зачем? Соблюдена свобода.

Он таял исподволь, измором,
он сам в себе ослабевал.
Я приходил к нему, стоял
над разрушавшимся простором.

ВЕРЬЛЮД

Глаза сторожевые,
терпение, покой,
и долго гнётся выя
обратною дугой.

Орлиная, чужая
восходит голова.
Тебя сооружая,
природа неправа.

И неправа пустыня,
где ни воды, ни трав.

Ты, выючная скотина,
один остался прав.

Скотина непростая:
ублюдок и урод,
из рабства израстая,
до воли дорастёт.

Когда же совершится
безумный подвиг твой –
взлетит большая птица
с верблюжьей головой.

* * *

Цветок под колпаком окаменел,
внезапным жгучим холодом охвачен.
В лаборатории средь всяких всячин
пион не цвёл – он вечно пламенел.

Сковал его мороз, восторг и страх, –
и вот теперь не может он завянуть
во льду воздушном – разве слабо звякнуть,
рассыпаться в стеклянный прах.

И больно глазу свежему смотреть
на ледяное нежное создание:
здесь приостановили увяданье,
убили – помешали умереть.

* * *

Свобода берёт своё,
свободно произрастая.
Мы сотканы из неё –
основа простым-простая.
Свобода берёт своё.

Ликующее дитя:
опека – смена конвоя.
Что делать? Слишком живое
для жизни это дитя.

Но истина такова,
что жизнь сама для свободы
ещё не вполне жива.

И вот вам мои заботы,
обязанности, права.

И, нежный гений её
лелея и охраняя,
живу, гляжу на неё,
дышу, как старая няня,
которой житьё-бытьё
уже не своё – ничьё.

* * *

Цепочка фонарей
над мёрзлою дорогой.
Мы вышли из одних дверей
с девчонкой тонконогой.
Она спешит, храбрится
и на меня косится.
Она порхает предо мной,
как бант косы её льняной –
золотенькой косицы.

Я шёл в раздумье праздном,
что проступает празлень
сквозь золото ленивое,
и оттого у льна
такая блёклость и покой,
такие тихие тона, –
и всё ровнее шла она,
попутчиком хранимая
от нечисти ночной.

Белело впереди пятно –
её воздушный бант.
Река твердела –
и одно
ещё глядело там окно,
как чёрный бриллиант.

И на обоих берегах
хотя бы огонёк...
Порхает в десяти шагах
прозрачный мотылёк.

Не бойся ничего, дитя:
я отвечаю за тебя

моею бедной головой –
хранитель-ангел твой.

ТОЛПА

Многолюдное место у треста,
у старой столярки.
Помеси чернозёмное тесто
на рыжей солярке
и набитого насмерть автобуса
пожди.
Будь же цел
и, как сказано, Божьего образа
не утрать по дороге.
Ты сел:
на подножке, на воротнике, на ветру
провисел

десять – двадцать минут...
Вороти их, пожалуй.
Стой же тут
и привычную сценку обжалуй.
Трое втиснулось в дверь,
и толпа их вовнутрь вколотила.
Трое с лишним полезло. Заклинило дверь,
и напора толпы не хватило.
Подурачиться, кости размять –
это детство,
игра,
физкультура,
азарт,
заваруха.

Всё ж
поодаль – с ребёночком мать
и с клюкою старуха.
Всё же некий серьёз
в этой пробке и давке,
некий проклятый давний вопрос.
На пятнадцать шагов отойди.
Этот приступ удушья
и знакомая лёгкость в груди –
ощущенье призванья:
– Славяне!
Пропустите слабых мужчин!
Честь и место нахалам!
Ну начните ж
хоть в этом,

а некогда работника охраны
заканчивать редакторские курсы –
и он теперь заведует газетой,
и мыслями моими, и вообще...
И рисовало мне воображение
огромный склад, где мысли, где идеи,
обшитые досками, руберойдом,
огромные стоят, а в уголку
сидит завхоз – и ни себе, ни людям.
Хоть воровал бы, что ли...
На столе
оригинал изрубленной статьи:
кресты на ней стоят, как на погосте,
и, под крестом своим изнемогая,
редактор Мамин ищет вредный смысл
в неперечёркнутых ещё абзацах,
и древняя железная болезнь
в лице его – как серая желтуха,
глаза ожесточились, и рука
зажала карандаш железной хваткой.
Так время побеждает человека
и останавливается на нём,
как след от колеса...
И ты – позволил,
и оправдал его, и не пытался
на нём – оттиснуть душу!
Оправданий у вас достаточно.
У вас их столько,
что мне придётся вас благодарить...
Снимайте – в с ю статью. В корзину кинем
обрубки! Время терпит до поры,
и долг русский долг, товарищ Мамин, –
и я вам не товарищ.

СТРАХ

Железными гвоздями в меня вбивали страх.
С разбитыми костями я уползал впотьмах.

Но призрак Чести вырос, как статуя во мгле:
вернулся я и выгрыз позорный след в земле.

И стал я набираться железных этих сил...
И стал м е н я бояться т о т, кто меня гвоздил.

А мне теперь, ей-богу, не много чести в том,
и радости не много в бесстрашии моём.

ДРУЗЬЯМ ТЕХ ЛЕТ

Вл. Готову

Нам было по двадцать, нам было по сорок...
Смолкает наш пафос, стареет наш порох.

Но всё-таки Брут обучил нас латыни,
но всё-таки жизнь – это память святыни!

Мы были суровы, а стали угрюмы.
Давайте напишем БЫЛОЕ И ДУМЫ –

нам память сердечная не изменила
и всё похороненное сохранила.

Дворы подметали, капусту грузили...
Одно титаническое усилие –

вот мы.

Вот единый на долгие годы
задержанный вдох. О терпенье свободы!

* * *

1.
Двадцатилетний, желторотый,
любя высокий идеал,
я с матерью моей природой
в единоборстве состоял.

Я ей высказывал презренье,
прямое отвергал родство –
того и ждал природы гений –
торжествовало естество.

О, пол прекрасный, пол проклятый,
тебя почуяв за версту,
я шёл,

земли не видя,

ВЗГЛЯДЫ

обламывая на лету.

О, праведность воды и хлеба,
судьбы суровой простота,
о, дальняя земли и неба
горизонтальная черта!

2.

Черта. Воздушного припая
просвечивающий ледок.
Слепая или не слепая –
судьба, вперёд!

И наш восток
неуследим...

И без усилия
все те, что были суждены, –
становятся чистойшей былью
святого отрочества сны.

Сама к себе душа вернулась
и лучших снов не отреклась.
Черта могучая сомкнулась,
жизнь – первая моя – сбылась.

* * *

Нелепая русская тяга –
большого пространства труба.
Как нищий и пьяный бродяга,
всю ночь завывает судьба.

В полосчатом рваном халате
кружится промокшей листвой
и к воле зовёт и расплате,
и ждёт при дороге – не вой!

Я спал – это в душу ломилось,
я спал и кричал: погоди!..
Наутро она утомилась,
лежала и снегом светилась.

И женщина шла впереди.

* * *

Платформы старенький настил.
Все едут – всем чего-то надо.
Была «Ночная серенада» –
и я свой поезд отпустил.

Ведёт судьба нас не слепая,
родная светится звезда,
когда, билеты покупая,
мы пропускаем поезда.

Прочь, укоризненно постукав,
ушёл мой поезд деловой.
Обычным был поступок мой
в ряду других моих поступков.

С билетом – я ушёл пешком,
а ты уехал – без билета.
Нам повезло, мой друг, но это –
стихотворенье о другом.

ЗА ЗВУКОМ

Что значит счастье? Ничего я
от будущего не хочу.
Я обнимаю всё живое
и жизнью за него плачу.

Последняя – по Волге – льдина
в прозрачном сумраке весны.
Ты погляди: душа едина
у черноты и белизны.

И в этой нестеровской тиши,
в апрельском тонком забытьи
промолвили: сим победиши –
уста мои –
и я за звуком потянулся...

* * *

Потрескивало и густело,
покалывая и звеня,
большое звуковое тело
невидимо вокруг меня.

Я брёл, обуреваем речью,
оставя небесам лицо,
я замыкал в Замоскворечье
своё певучее кольцо.

Оно лежало бесконечно,
и, повторяя ход светил,
я жил безвыходно и вечно,
круговращался и светил.

И приобщался изначальной
округлой жизни вещества.
За мной с улыбкою печальной
следила праздная Москва.

* * *

Всё я хочу написать
стихотворенье без слов,
стихотворенье-мотив,
самой прекрасной ценой оплатив
исчезновение слов.

Стихотворение-лес,
где шелестенье древес,
отдохновение очес
от опорных стволов.

Кроны – или облака?
Освобождение от линий, углов,
красок мазка...
Без языка
музыка –
стихотворенье без слов.

* * *

Напишу ли я роман
или писем чемодан
или мысли ни единой
слову не предаю –

есть возвышенная сфера:
совершенно всё равно,
в чём одна душа и мера.
Тот молчит, кому дано.

НЕМЫЕ

В гремящем вагоне трамвая,
в пустынном вагоне ночном,

неслышимо рты разевая,
стоят на площадке кружком.

Нещадно гремит и мотает –
последний по городу круг, –
невидимо руки летают,
и пальцы лепечут у рук.

Летучие прикосновенья
к одежде, к лицу, к волосам, –
и слышатся мне на мгновенье
очнувшиеся голоса.

Как будто бы – ясная фраза
сквозь грохот и гам без конца,
томящая душу гримаса,
как маска, слетает с лица.

Но слово ещё не слетает,
а только томит и томит.
Нещадно гремит и мотает,
мотает, бросает, гремит.

ТАК НАДО

Нелётный небосвод.
Туманно и бело там.
Машина круг даёт,
покинута пилотом.

Пустынный небосвод.
Пустыня полигона.
Рокочет обречённо
и кружит самолёт.

Приборами он взят
в такое перекрестье,
что выпадут, как град,
кусочки рваной жести.

Хороший самолёт,
но марка устарела –
живьём, как птицу влёт, –
обыденное дело...

Снаряд наперерез
пошёл непоправимо –
разрыва слабый треск
да одуванчик дыма.

Не унывай, пилот,
и всё пойми толково.
Необходимость – вот
решающее слово.

Суха твоя щека,
темны во лбу морщины.
Бутылка коньяка
за упокой машины.

Так надо – и о ней
забудешь ты, освоя
машину посильней,
посмертоносней вдвое.

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ АРТПОЛКА

Ивану Фёдоровичу Набережных

Майора красит первый лёгкий хмель.
Майор смешлив, умён и в службе истов.
— Сержант Арсеньев, где у нас шинель,
украденная мною у танкистов?

(Подмигивает мне майоров глаз.)
— Не знаю, тащмайор! — и это правда.
Сержант не знает, где она у нас —
она давно уж не у нас... Назавтра

заходит разговор издалека.
Софизмами Арсеньев озадачен.
— Арсеньев... Я служил у Ковпака
и не могу быть вами околпачен.

Но я могу установить, кто вор,
и предложить пари, что на неделе
найду шинель. – Так говорит майор,
но дело, говорит он, не в шинели...

— Так точно!..
— Я из питерских сирот.

В тридцатых многие осиротели...
Детдомовцы — особенный народ.
Но дело, повторяю, не в шинели.

— Так точно!
— Мы сиротская страна,
мы коммуналка, и не красть бы рады...
Ах, не шинель, Арсеньев, мне нужна —
мне нужен маленький кусочек правды.

Вы — семеро — разведка артполка —
интеллигенты в первом поколении.
Сержант, не лгите, служите пока
в моём отдельно взятом отделении.

ГОРОХОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ

*Ивану Фёдоровичу Набережных,
начальнику разведки артполка*

Я вижу в стереотрубу
подпрыгнувшую гору.
Военное табу
велит мне, вору,
забыть — что видел.
В дымных окулярах
висит гора.
Оплавленного кремния огарок —
вот где была жара...

Сейчас пустынно полигоны.
Но в шелесте песка —
живые голоса — их миллионы —
слышны — до голоска.

Причастник мук нечеловечьих,
в передовом окопе артрзведчик,
я помню телом содроганье
земли.
Мы стали ей врагами —
убили и ушли.

И узнаваема едва
запретка полигона:
то бешено растёт трава,
то пуст песок. Плакуча и поклонна,
как быть бы ивушке, сосна:

ветвей заломленная голизна –
молитвы жест? Или обиды?
Так на полярных берегах
деревья стужею прибиты.
О ком молитва – о врагах?

Бездонные озёра торфяные,
что в обмороке испокон,
из зарастающих окон
глядят, как яблоки глазные.
Врастают в древесину провода.
Оборвана колючка оцепленья.
И тишина – распада.
И – *труда*
во искупленье...

ТЁПЛОЕ

Лесное озеро черно.
Вода прозрачная и жуткая,
и кромка торфяная чуткая
бежит по берегу. И дно
уходит глубоко под берег.
Он зыблется, плывёт, висит.
Чем тоньше он, тем мягче стелет.
Берёзка слабая стоит
и клонится, прошив торфяник
кореньями: а где земля?
И сохнет деревце и вянет,
нужды своей не утоля.
А озеро черным-черно...
Свершится тихая работа –
обволокнёт его болото,
сомкнёт над ним второе дно.

•
Холодный ветер бьёт в глаза.
Прямого света конуса
вперяются в глухие сосны.
Дорога гладкая разостлана
песком по сосняку
ленивыми большими петлями.
Мы едем тайно – едем с песнями
прогнать солдатскую тоску.
А за лесными поворотами,
за горями и за болотами,

куда мы держим тайный путь,
стоит – не может утонуть –
местечко под названьем
Тёплое.

А уж такое место топкое...

Здесь мы когда-то помогали
перестилать гнилую гать,
но это место не ругали
недаром, надо полагать.

Потом сюда едва ль не ротами
являлись в ночь с большой земли,
пока дремали за болотами
дневальные и патрули.

•

Места озёрные, безлесные,
загерянные и безвестные,
чёрно-коричневая топь.
Здесь бабы добывают торф.
Торфушки – лет до сорока –
не отбывали здесь срока,
а представляли только следствие
народного большого бедствия –
той самой страшной из причин,
поубивавшей их мужчин
и давшей им как бабью долю
большое торфяное поле,
где не присядешь ты, устав,
большой барак, где койки сдвоенны,
где изредка ночуют воины,
нарушив по нужде устав.

•

Визг тормозов и смех и крик:

.....приехали!

– Женихи приехали!

(Вот я и жених.)

Заахали, забегали.

Зашевелилась и зажглась
теснота барачная.

Стояла ночь прозрачная,
луна чуть поднялась.

В открытом кузове простыв,
протопав сапогами в сенцах,
входили, жмурясь, как от солнца,
от лампочек и от простынь.
Кровати бедные разбросаны.

Колючий стосвечовый свет
и ослепительные простыни –
как будто март, как будто снег...
Такие тёплые со сна,
обрадованные, словно дети,
торфушки – и подушки эти,
где сладкая ещё слюна...
В тех женщинах была открытость,
какая-то, скажу, умытость –
не оттого ль, что чёрен труд?
Здесь были тряпки и корыта
и дети были... Только быта
привычного не знали тут.
Хоть и немало мужиков
в бараках здешних выспалось,
но как-то не предвиделось
семейных очагов.

•

А хлеб есть хлеб,
и водка – водка,
и в этот час барак живёт,
и стол стоит так шатко-ходко...
И вот какая-то молодка
не выдержит и запоёт,
потом – ладошкой по столу! –
и по полу, и по суху
мелко дробит и плывёт.
... Чудный замок стоит
под луной златою.
Рыцарь с дамой сидит,
словно брат с сестрою.
Молодцы красилу:
что намалевали!
Девки что приобрели,
что огоревали!
Не болото, не лопату,
не торфушку конопату...

•

Всё совершалось – было – шло –
от ясного и целого.
И в полутьме белым-бело
бельё сиянья белого.
Шло
разделение мужчин
по бабьей справедливости.

Повремени, приличья чин,
погибни от стыдливости,
но в эту пору не мешай...
И женщина – ещё не старая –
меня с подружкой оставила –
Татьянку, мол, не обижай...
И на матрасике на тесном
я на краю прилёг-присел –
и мне был выделен удел
на празднике безвестном.

•

Оно так, да не так,
не как говорится.
Темнота, теснота...
Как дела, рыцарь?
Ставень тёмного окна,
узкая трещина.
Тебе нынче суждена
первая женщина.
Вот каков твой удел,
каково таинство:
и лица не разглядел
Танькиного.
А на воле светло
под большой луною...
Мягкой мглой заволокло
поле торфяное.
Только тёмные кусты,
только тени тёмные,
только с лунной высоты
семь бараков –
Тёплое.
Чёрный скат – белый скат –
крыши чёрно-белые
все заиндевелые.
Спит работа, люди спят,
один движок постукивает,
он пыхтит, не устаёт,
он по ночам отпугивает
нежить топей и болот.

•

И оказался я похож
на её братишку.
– Я видала, ты мало пьёшь,
а яхватила лишку.

И я узнал, что Тёплое –
место хоть куда,
что ранние осенние нынче холода.
А в Горьком жить и в Тёплом жить –
не один ли свет,
если у тебя нигде
никого-то нет?
Если брата посадили,
дурака набитого,
сбился, дурачок, с пути
без отца убитого...

И слушал я свою сестру –
толковую, не пьяную.
Про всю артель торфяную
узнал бы я к утру...
В углу лежали дочь и мать
на койках, тесно спаренных,
и тоже спали с парнями,
и чтобы э т о понимать,
душе

был нужен

труд:

при матери! при девочке!
За простыней в придельчике
зачем-то спички жгут
дивизионный писарь
и бригадир:
– Юрка! Не дури жа!

•

Как дела, рыцарь?
Много лет пройдёт,
народится-вырастет
новый маленький народ
в этой сырости...
Эта топь-сырота,
эта грязь – не грязная.
Что лежишь – сирота?
Что лежишь не празднуя?
И лежит твоя сестра
поверху холодная
и до самого утра
благородная.
Да ты оставь, человек,
оставь племени

этой девке, человек,
этому времени!
Девка ли не хороша?
Ну, так что же?
Или тело и душа
не одно и то же?

•

– Прости меня, – сказал я Тане.
Я из барака как из бани,
одевшись, вышел. Был мороз
октябрьский. Низок и белёс,
туман болотину окутал.
Сияло чистое крыльцо.
Рябое гневное лицо
горело в небесах, как будто
увидело внизу Содом,
и синий свет стоял столбом.
Передо мною на ступеньке
какой-то человек сидел
по-птичьи – голова в колени –
и еле слышно сопел.
Мальчишья шея...
– Слушай, малый,
проснись, простынешь! –
Сонный взгляд.
– О-хо... Сидела и заспала...
Скажи, сколь времени, солдат.
И я узнал – свою подругу,
ту, не старуху, ту, что руку
пожала мне, оставив нас
с Татьяной, с Танькой в добрый час.
Платочек серый, пальтецо...
Она меня узнала тоже
и улыбнулась, и лицо
красивей стало и моложе...
Нет, не красивей – а прекрасней!
И виноват был странный свет,
и за стеной барака праздник,
и то, чему названья нет –
пронзительное пониманье
другой, незнаемой души –
внезапно, в неживом сиянье,
в такой болотине,
в глуши...
И я поцеловал крест-накрест
её прекрасные уста...

Далёко изогнулась насыпь –
какие низкие места! –
до сосняка бежал, шагал я,
по щебню гулко топотал,
с разгону розгой обжигало –
рос на дороге чернотал...
И с неба мне стереть хотелось
рябое круглое пятно.
Лицо прекрасное светилось –
другое
        ведало
                оно.

•
– А озеро черным-черно,
и берега зыбучие,
и островки плавучие
непонятно, отчего
кругами ходят, ходят... Слышь,
там трава колышется,
а ветра нет. Сидишь, глядишь,
а он и движется, и движется...
Пойдёшь за клюквой, за брусникою,
да в озеро уткнёшь глаза.
А долго, слышь, глядеть нельзя
в такую воду дикую.
А у нас веселó
в Тёплом. Только сыро.
Да одной тяжело.
Мне бы сына.

1965

СИГНАЛИСТКА

Для ребёнка, солдат, для ребёнка.
Лёд в углу – оторвалась вагонка.
Не боишься – так спи на полу
(где пуховая наледь в углу).
Жись не жись, хер не жись, а продлёнка.
На полу уложила... телёнка,
подоткнула тулуп – засопел...
Всё кивал, да вздыхал, да краснел.

Спит, не спит? Ну да ладно. Покуда
плакать буду, рассказывать буду.

Скорый мчит, подымает метель –
оглушил, закачал колыбель.
Обозналась, терпела подонка –
для ребёнка опять, для ребёнка.
Уходил, приходил ночевать,
незажившие груди жевать.

Ты же сытый, козёл, ты же сытый,
ты же с этой, кричу, ты же с этой...
Со стыда поперхнусь, в пол гляжу –
ничего дураку не скажу.
Припасёна ему самогонка,
всё надеюсь: отец, для ребёнка...
Пей до визгу, а я не хочу,
понужаюсь – треплюсь да шучу.

Завернули за сорок морозы,
леденеют, чуть выступят, слёзы,
так что плакать Сибирь не велит,
а румянит тебя да белит.
А не то, как сегодня, – накатит,
заревусь... на всю ноченьку хватит,
вся опухнешь и ходишь как те...
Спишь? Не спишь? Поднялась на локте.
То и правда, что рвётся, где тонко.
А не спит... Ночь ты ночь, полусонка...
Пожалела его, как дитя,
и отправила, перекрестя.
Всё ж не вытравили... крестьянка!
Накормила его спозаранку,
так и на сердце будто ясней...
Уходи, возвращаться не смей.

* * *

А. Кондратьеву

Я тысячи мотивировок
людским поступкам нахожу
и оттого бываю робок,
когда о чём-нибудь сужу.

Не без горенья эта дымность,
и тот огонь – не без причин...
Бездонная необходимость,
круги спиралей и пружин.

Туда пути мои. Обратно
их не бывает никогда.
Там нет ничьей вины, о братья –
одна всеобщая беда.

Я отвечаю на вопросы
вопросами и тишиной.
Так разрешаются откосы
диоскурийской глубиной.

ЦЭЛ ЖИЗН

А в кубышке-недавашке накопились имена:
где ты, жив ли, Шилкин Сашка,
батареинный старшина?

Деду первогодки – дети. Кто там как живи, а мы
и обуты, и одеты, и под праздничек пьяны.
Он разжалован в солдаты и опять произведён
за житейские таланты, за родительский уклон.

Где природное бельканто – Арташес Мартиросян?
Наша пёстрая команда строит хлев для поросят,
строит водомаслогрейку. Вай, спасибо за урок –
за топор, черту и рейку, молоток и мастеров!
Хороша твоя беседа в тишине, когда отбой:
– Мой цэл жизн – машин «Победа» и лубов!
А твой какой?

– До сих пор не разобраться, джан варпат.
Не знаю, друг.

Где ты, Саша Какабадзе? Где силач эстонец Кург?
Алгирдас, хэй, цвейки, цвейки!
Тэрэ, Кург, Арташ, буриф!
В декабре на маслогрейке вялый трудовой порыв...

Без костра холодновато – жарко будет в лагерях.
Стрельбищем пылят ребята: кто-нибудь,
глядишь, и бряк!

Перегрелся, салажонок? Перестынешь в декабре.
Эх, немало бережёных так ли, сяк пре-пере...
Я храбрился: мол, не выдам! Выдали ногой под зад,
списывают инвалидом, даже пенсией грозят!
Пенсий много накопилось с пятьдесят шестого вплоть.
Посылал я... вашу милость, умудрил меня Господь –
подарил солдатский гонор инвалиду без войны.
Наконец, угрюмый донор обескровленной страны,

с целью жизни разобрался, голота и босота,
и поскольку не марался – будет кровь моя чиста.
Крюк, топор. Леса и веси...

Труд мужицкий мне с руки.
Только струйка польской спеси –
не подарок, мужики.

НО ТОЛЬКО ТАК

Лене

Здесь нет любви,
но есть семья,
и есть в семье четвёртый лишний –
друг дома, человек-змея –
но только так хотел Всевышний,
и дьявол так хотел,
и я,
и ты,
ты, соль моя земная
всей крови пресной бытия!

Не мог я жить, тебя не зная.
Как мог тебя покинуть я?

На небе сумрачно и гневно.
Я повторяю ежедневно
и повторяю я в День Суда:
да –
я не помешал тогда
отчаянной свободе женской,
да,
я три жизни рассудил,
как Ты, Который остудил
мне лоб прохладой вселенской,

Ты волен чудеса творить –
изволь же век мне
повторить:
увы, он будет столь же грешен...
Её – Ты дал мне навсегда.
Как друг-соперник,
в День Суда
Ты будешь так же прав и бешен!

* * *

Нестерпимы проволочки
и сердечное враньё.
Осудили ангелочки
поведение моё.

Я лежу – больной и слабый,
всех люблю – и всех мне жаль.
Наклонись ко мне, крылатый,
облачённый в сталь.

Мои речи дерзновенны,
только мучают людей.
Отвори мне эти вены,
кровь губительную слей.

Но стоит он молчаливо
и не трогает меня.
Тёмно-синего отлива
чернокрылая броня.

СТРАСТИ ЕГОРИЯ

Небо иконы подобно огню.
Горы подобны щелявому пню.
Корни – угорья.
Ангел стоит за горою. В горе
нечисть гнездится. А здесь на костре
жарят Егорья.

Он принимает назначенный труд:
вот уж на дыбу его волокут,
вот и в купели –
в чёрном котле, что кипит не шутя,
варят его – он глядит, как дитя
из колыбели.

Видя мучители доблесть его,
чудной женою прельщают его,
вынув из вара.
Тут, пролетев, ему зренья затмил
ангел – и мученик наш посрамил
лесть Велиара.

Коник святого стоял и не ржал.
Правый лишь глаз его перебежал

на левую щёку.
Коник печальный все муки следил –
рядом стоял или где-то ходил
неподалёку.

Стерпит, покоен во славе венца,
страсти Егорий свои до конца
повествованья.
Глядячи в небо, дракона сразит,
но никакого не изобразит
лик ликованья.

* * *

В дебрях крупноблочного квартала,
в недрах городского бытия
невредимо при дороге встала
малая часовенка моя.

Где проходит служащая смена,
вздёрнув плечи, опустив носы,
в силу некоего феномена
останавливаются часы.

Возле этих маленьких часовен,
тёмного наследья старины,
я давно заметил: час неровен,
и в движеньях люди неверны.

Время – ход просторный, ход державный,
неоглядывающийся ход –
повергается в какой-то плавный
обморок или круговорот.

Время пропадало несомненно:
век мелькнул, покуда миг протек.
В силу некоего феномена
о душе подумал человек.

* * *

Мне хорошо – мне выпал дар безмерный
любви жертвенной и милосердной,

как бесконечный северный покой,
и невозможно от неё – такой –

на свете никому ничто дурное –
одно обетованное, родное.

Мне хорошо, я хорошо живу,
когда я вам пишу и письма рву.

ЗАЗОР НАД ПРОЗОЙ

А. К.

Мгновенье первое неповторимо:
ты с трапа спрыгнула, ты балерина,
вся в голубом, и говоришь: *классичка*,
и костромское кругленькое личико.

Июль был наш: Москва – Владимир – Суздаль...
Не для тебя меня Создатель создал,
а для кого – тебя? Спроси Его:
для танца только. Только для него.

И если ты летала по паркету,
я это понимал: тебя здесь нету...
Да будет славен тихий город Буй,
откуда родом ты. Летай, ликуй!

Упрямо светится зазор над прозой –
над сценой выбитой – сплошной занозой.
Так дальние за дымкой острова
парят над озером едва-едва...

* * *

Я с тобою буду кроток –
на тебя ли мне пенять,
оттого что самородок
невозможно разменять?

Ты почувствуешь тем боле,
как тяжёл он и коряв,
где-нибудь на вольной воле
самородок потеряв.

Сердце охнет и зайдётся,
станет больно и темно...
Был бы цел – лежит – найдётся,
кто найдёт – не всё ль равно?

* * *

У Вас прекрасное лицо.
 Душа моя как ни капризна –
 я Вами занят бескорыстно.
 У Вас прекрасное лицо.
 Вы полстолетья всем светили –
 спасибо Вам: Вы есть, Вы были
 и Вы побудете ещё.

* * *

Я рисовал нехитрую картинку.
 День вечерел, был холоден и сер.
 Старушку в чёрном, словно паутинку,
 пронёс осенний ветер через сквер –

нагую душу в лёгкой оболочке –
 и лишь оставил у меня в зрачках
 косые ножки, детские чулочки
 да туфельки на толстых каблуках.

И пронесло, и в сумерках – растёрло,
 размыло невысоко над землёй.
 Шло время –

        ровно,

                        скорбно

  и просторно.

Листва взвивалась, обгоняя строй
 обратным колесом...

        Мне ж не хватило

для лёгкой той души прощальных слов –
 сорвало,

        обняло,

                        поворотило

и понесло в пролёт между стволов.

* * *

        А. К.

Я вышел из унылой гари
 на место свежее, где тѣк
 во льду и хвое светлокарий
 и темнокарий ручеёк.

Блестело донце золотое,
 весна запаздывала. Я

напился зимнего настоя,
сказал, что я тебя не стою,
и поглядел в глаза ручья.

Еловый бор неколебимо
стоял и слушал – и одно
я повторял: мне – всё – любимо,
мне всё любимо, всё – равно

любимо... Благорастворенье –
проклятье верное моё...
И в чашу вновь вошёл я тенью
и светом вышел из неё.

* * *

Небезгреховна, небезвинна,
полутемна, полусветла,
серебряная середина –
простая жизнь моя текла,

но Божьей карою обвала,
как Иов, был я потрясён,
и прошлого – как не бывало,
и настоящее – как сон.

Но то, что речь ему расторгло –
и возопил, и был спасён, –
мне только сдавливают горло,
и я над кручею взнесён

притихшей тяжестию всею...
И нет чудес, и нет пути.
Но, Боже, участью моею
любимых не отяготи!

ГНЕВ

С. Дрофенко

Прогулочная плоскодонка,
помахивают два весла.
Родившемуся лебедёнку
здесь отрубают полкрыла.

Живут под зноем и под снегом,
утратив чудо естества,

столь радикально человеком
воспитанные существа.

Я вижу мир весьма превратно,
и это есть моя беда.
Мне эта нелеть неприятна
на ртутной зелени пруда.

Одни не могут – не летают –
другие – могут – не хотят –
и высидят – и воспитают
себе подобных лебедят.

Податлива природа птичья,
испорченная под шумок...
Бесчеловечности постичь я –
как бесконечности – не мог.

Стоят хрустальные погоды,
пруд подмерзает в октябре.
А это – гнев Самой Природы –
и за полночь и о заре:

озёрный – скорбный и прекрасный –
воплъ – одинокий и родной! –
летает в каменном пространстве,
перекликается со мной...

ЧЕЛОВЕКУ ЖИВОМУ

Листья красные, серые былки,
да порожний стакан, да бутылки.
Поминают и пьют за него –
за родного, совсем своего.

Он увидит, надгробье отринув,
цепенеющих простолюдинов,
сиротеющего двойника,
здесь оставленного на века.

Нет ему ни в которой юдоли
утоления творческой воли –
поднимает от мирного сна
та же дума и та же вина.

Но не призраку сторожевому –
говорю человеку живому:
как – я – памятью – гневной – да-вим,
как – ты – счастлив и поправим!

ВКУС

Вкус художественный развивая,
знайте, что художественный вкус
есть необходимо роковая
категория или искус.

Хорошо воспитан, образован,
волю он берёт и тот же час
наше дело поверяет словом,
совершенства требуя от нас.

И уже тебя – твоё создание
не на шутку пересоздаёт –
все его святые предписанья
сбудутся в урочный час и год.

Исповедник веры идеальной,
так живи – лица не отвори
от неоспоримой музыкальной
той каденции, того пути...

* * *

У двух могильных ям я мёрз два года кряду.
Неправда, что друзьям т а м ничего не надо.

Висит мусеничок из капельных пылинок.
Осенний паучок настроил паутинок.

И, в сапоги обут, плетёшься ты по грязи
среди алмазных пут вот этой смертной связи.

И каждый божий день — поднимешься с зарёю —
встречаешь не один: вас двое или трое...

И мил и близок свет, которого не видел...
И вот тебе завет и жизни лишний выдел.

Вошла судьба в судьбу, и долг российский долог —
и ноша на горбу, и дождик, и просёлок...

ОКТАБРЬ

Первая в этом апреле лимонница.

Д. Голубков

Вечером иней, ночью всполох.
Вышел и вижу: силы небесные!
Свет из потемени вызволил Бог,
переливаются струи отвесные.

Полночи нет. Потемнеет к утру,
но засинеет, ослабнет и тронется...
Первой забрезжит бумага – к добру! –
с этого свет начинается в горнице.

Снежно белеет отава-трава,
облако ночью спустилось на озеро –
так и лежит на протоке, едва
сносит его... У мостков подморозило.

Бабочка? Ты ли – об этой поре?
Вголь облетела берёза-лимонница.
Митина бабочка – в октябре?
Кто о погубленной жизни помолится?

Вот и согрелась в ладонях – летит!
Жёлтого, красного столько нападало...
Бог тебя мучит – однако простит,
что напылил, наспешил. Ох, не надо бы...

Листья, вощёные словно, – везде.
Видишь – на всех драгоценные капельки.
Воду куда-то везут по воде
эти старательные кораблики.

Ты написал бы – ведь ты колорист –
блёлкую гладь неподвижно-хрустальную,
чистое дно выстилающий лист –
свежую паль, купину огнепальную –

свет верховой... Всю красу и напасть –
мне ль одному не дышать очарованно?
Озеро, распростёртое всласть,
берег далёкий – неясный, зарёванный...

РАССУЖДЕНИЕ*Б. Костюковскому*

Всё было здесь необходимо,
как и должно было быть —
скажу я прежде чем убыть
совсем
туда,
где нелюдимо.
Ни малых дел, ни суеты
здесь вовсе не существовало:
всё это
быть должно было,
имело корни и плоды.
И каждый день и каждый год
и важен был и самоценен.
С необходимостью пустот
мой краткий век был полн и целен.
Большим казавшийся урон
оказывался мал и частен.
Был мир по-прежнему прекрасен,
но был
ещё свободней он.
Так ломится набитый кузов.
Так тонут вешние луга.
Так некогда к себе врага
впускал задумчивый Кутузов.

ЭЛЛЕФЕРИЯ⁴

Эллеферия! Пред тобой
Затмились прелести другие.

Пушкин

Ты радугою в декабре
передо мной воспламенилась.
Ты раз и навсегда приснилась
мне в отрочестве о заре...

Ты родине моей явилась —
в крови, живая, наяву.
Я жизнь для тебя живу
и смерть сочту за Божью милость.

Морозный воздух — благодать! —
переливается и льдится.

---

⁴ Э л л е ф е р и я — свобода (*греч.*).

Тебя готов я созидать
по блёстке льдяной, по крупнице...

НА КАМНЕ

Пльви течением волокон,
упрямый камень обгони,
а чтобы вырваться не мог он,
опеленай, опелени...

Плети круги свои – оплетни,
в расселине укоренись
и листовницею столетней
на всю округу оглянись.

Держись – лохматою колонной,
разопираясь о персты,
одной-единой потаённой
живою силой – красоты.

Чудесно сжатую до взрыва
освободить – избави Бог! –
и волокнистого наплыва
распутать, размотать клубок.

ТЕРПЕНИЕ СВОБОДЫ

Мне говорит природа,
печаль свою даря,
что есть ещё свобода
и в капле янтаря.

Она совсем другая:
крылом не шевелит,
и смотрит, не мигая,
и больше не болит.

Вот капля золотая
в оправе на груди...
Но, вечность коротая,
ты не проспи гляди!

О том и речь природы,
что камень
разольёт

терпение свободы,
что вечен твой полёт,

хоть велика отсрочка
и хорошо во сне,
пока бежит цепочка
по тёплой белизне.

МАМЕ

Не понимаю вечности,
но полагаю чувства мои
относительно бесконечности –
материнской любви.
Но такого сравнения
не выношу –
близостью гения
от рожденья дышу.

* * *

– Твоему я дивился терпению,
и во имя Моё ты страдал,
но оставил любовь твою Первую.
Погляди же, откуда нис-пал.

Повтори же дорогу печальную,
утверди же, как прежде, пяту
на последнюю – Первоначальную
высоту.

* * *

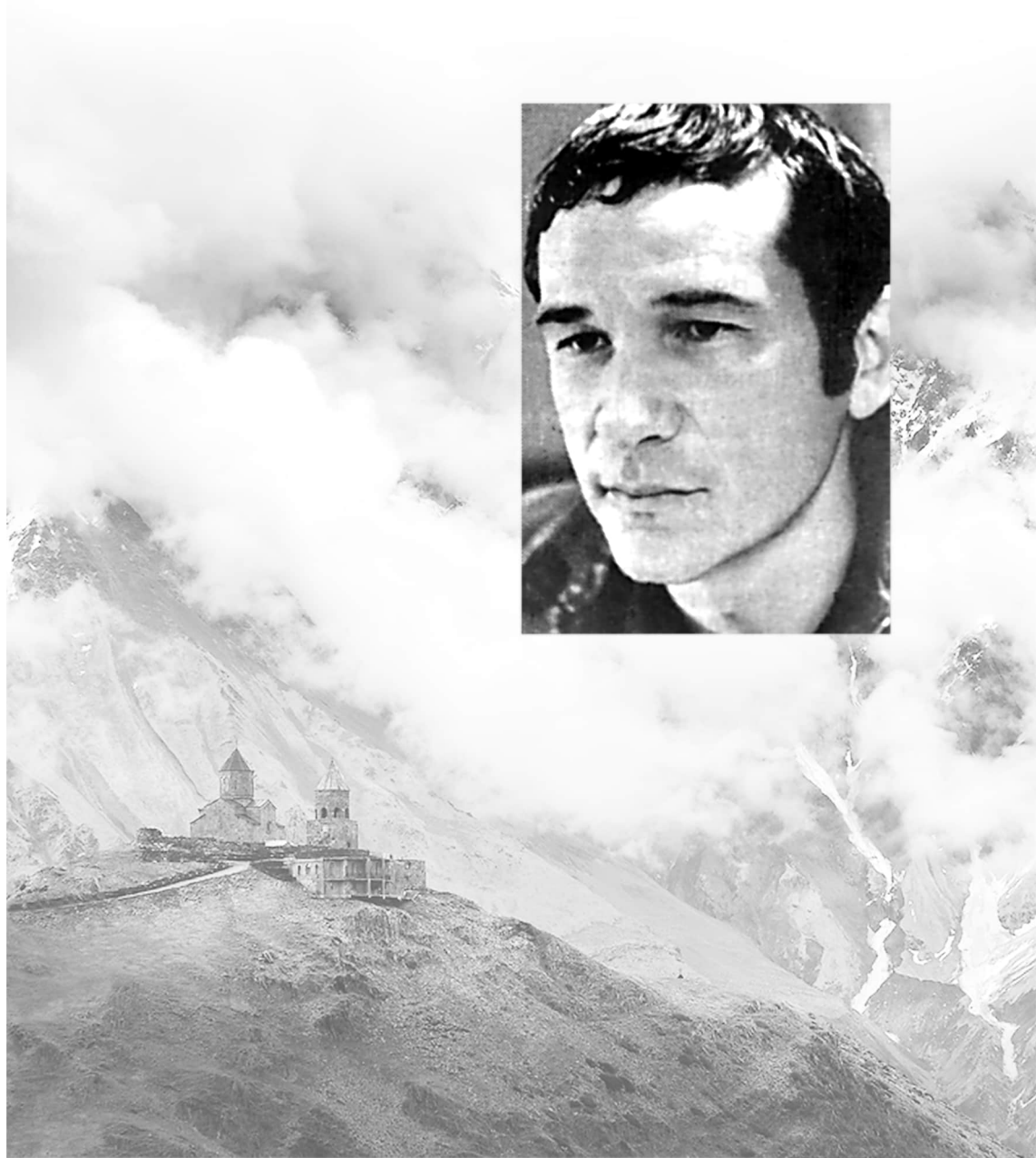
Пишу на всякий случай,
поскольку я живу
в раю
над самой кручей,
не очень наяву.

И кажется, в Сигнахи
в застолья добрый час
я просыпался
в страхе –
не за себя, за вас.

II

НЕБОМ ЕДИНЫМ

* * *

Сквозь дождь и дерево нагое
свет фонаря едва прошёл –
как ломкой золотой дугою
широкий вспыхнул ореол!

И поэтическое зреньё
подобную имеет власть:
вся жизнь вокруг стихотворенья
сомкнулась и переплелась.

Я вижу свет перед собою
и жизнь кругом – и вся она,
и каждая черта – любовью
осмыслена, озарена...

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1. П р и з р а к:

Священны, Гамлет, узы естества.
Я это знаю – вы ещё поймёте.
Родную мать не назовите тётёй,
Господь вас упаси. Она права.

Она права как жизнь, чиста как боль,
слепа как счастье. Я ж несовершенен.
Мне поделом и призрачная роль,
и смерть врасплох, и вот... поступок женин.

2. Г е р т р у д а:

Я горя не могла перенести,
твой брат скорбел – и я любила брата,
как бы тебя... Смертельная утрата:
я умерла – я ожила. Прости.

Сменяет тризну брачный пир,
в короне – Клавдий моложавый.

А что трудней, не говорит Шекспир:
быть женщиной иль управлять державой.

3. Ш е к с п и р:

Не знаю, женщина. Перед тобой
мне не избыть божественного страха
и шагу не ступить: я как слепой,
как малое дитя – и это благо...

И каждый раз не стоят ни гроша
мой дар, мой опыт. Изменяет маска,
когда мучительно прихлынет краска.
Как жалок я – а ты – как хороша!

4. Г а м л е т:

Вот роль: себя не зная – всеми быть:
отцом убитым, автором без маски
и замысла блуждающую нить
не выпускать и притянуть к развязке.

Развязки – нет, хоть надо умереть.
Землёй подавится любая драма –
как эта, видимая лишь на треть.
Прости, Офелия. Простите, мама.

5.

Как у Шекспира пляшет строчка!
При тихом потрясённом зале
как свищет слово-одиночка,
выделявая сальто-мортале!

Потеха взрослого дитяти.
И замысел он воздвигает
шутя, играя и не глядя:
не в этом смысл он полагает.

А был им крупно перемолот
до первых лиц, ещё до света
не этой драмы чёрный холод...
Тогда бежал он от сюжета.

Потом – нашло. Потом вцепилось
и вечной тенью увязалось:
возлюбленная утопилась,
покуда слово кувыркалось.

И он вернулся, всё утратив,
назад – пособник и виновник –
и проклял сорок тысяч братьев
один несбывшийся любовник.

Да захлебнутся и потонут
Саксон Грамматик и датчане –
где ива скорбная, где омут
раскаяния и печали!

И впредь – молчанье. Той немоты
не одолел и не пытался
и, представляя анекдоты,
не плакал впредь и не смеялся.

ПРАВА ОТЦОВСТВА

Сама природа перевода –
прямая женская природа.

И ты, как женщина, бранил
любя – того, кто непреклонно
родную мысль заронил
в жизнедарительное лоно.

Пошёл ты – против естества
в высоком смысле олимпийском!
Понёс, понёс – из озорства –
и разразился долгим списком...

Здесь материнские черты
в движенье каждом, каждом звуке, –
немалой стоит это муки,
но им не радуешься ты.

От них ты славы не воспримешь.
Твои они – а всё ж, а всё ж
ты сердца ради них не вынешь
и головы не понесёшь.

ПУШКИН ПЕРЕВОДИТ

Всё решено: наш Валленрод
обязан перевоплотиться,

и муза – тоже. Новый род
потребовал. Теперь ты – львица,
и вот тебе поэма – клять.
Пройдём же бодро переходы,
попробуем-ка в с ё у м е т ь.
Как плохи наши переводы!
И всё же злее – немота,
для целой нации потеря.
Благословясь, погоним зверя.
И без помарок два листа
исписаны... А твари пленной
решётки любы – что за пыл!..
Постой. Ты здесь переступил,
импровизатор вдохновенный.
Здесь – не Мицкевич. Здесь простор
иной. Оставить? Будет вздор.
Отсечь? Погибнет благородный
росток – а волей несвободной
развить его мне не дано...
Случится же в начале песни
виденье странное: оно
её ведёт – благие вести
послышались... Путём слепца,
руководима волей тайной,
течёт – а здесь всё до конца
так ясно... Гибни, дар случайный.
Вперёд, мой зверь! Да что с тобой?
Тебя охолодили прутья?
Но право же, их разогнуть я...
Над перечёркнутой строкой
сидит. Нет смысла продолжать –
не одолеть своей природы.
Нет, нет! Безумие – лишать
себя единственной свободы!
Российский смысл своё берёт,
но, уважая смысл литовский,
оставим неприступный род
тебе, мой женственный Жуковский.
И рвёт листок. Быть так. А нам,
мой милый гений, мой Адам,
в одном стихе – как в клетке тесно.
Останься ты – я выйду вон.
...Как вяло вышло б всё, как пресно,
ты – был бы скучен, я – смешон.

* * *

Утрудился, занемог
ваш неистовый Ван-Гог.

Жёлтых нет и синих лезвий –
только свет пустой и трезвый,

только клонится к земле
жница вещега Милле.

И былая ваша правда
поувяла, поодрябла.

И, пожалуй, не с руки
мне спускаться в рудники,

озираться в штольнях мрачных
парой глаз, цветных и зрячих,

оказаться без помех
в Боринаже – ниже всех.

И, покинув подземелья,
слёзы вытирать и бельма...

Или – заново начать?
Или нет? Не знаю... Глядь...

НАПУТСТВИЕ

Эммануилу Фейгину

Идти не можешь?
Беги.

Бежать не можешь?
Лети.

Лететь не можешь?
Не лги.

Понять не можешь?
Прости.

СВЕТИЦХОВЕЛИ

И это – клин,
который длинн
и оттого певуч,
который в небесах плывуч,
как старый цеппелин.

И клинопись моя стара,
летуча и легка,
и восьмиклиние шатра
светла одна рука.

Там узко устье, тесен свет,
в который я влюблён,
которым во мгновение лет
я был испепелён.

* * *

Родные! Я исчез
горящего эфира
легчайшим из веществ
и в области надира
и северных чудес
перевожу на русский
любовь и доброту –
единый столбик узкий
пронизывает темноту –
я славлю наготу
чистейшего балета
и страсти без завета,
хладеющие
на лету
и меркнувшие где-то...

* * *

Море, труженик идеи,
я люблю твои труды –
и капризы, и затеи
камня, ветра и воды.

Есть камешка – образ милый –
есть один всему венец...
Как-нибудь волна промыла,
угадала наконец.

Камень выбрала вслепую
из несметного числа
и – на счастье! – ликуя,
профиль тонкий провела.

В ГОРАХ

Майе Луговской

В тени полупрозрачной траура
прошла она – не шелохнулась, –
и вслед за нею имя Лаура –
хрусталь воздушный – потянулось,

и марево над камнем выжженным
дрожало и переливалось,
и сердце помыслам возвышенным
и скорби женской предавалось.

Носи легко одежду яркую,
не урони гордыню вдовью –
как я легко дышу с Петраркою,
утешенным твоей любовью.

НАРИКАЛА

Нехороши подсвеченные стены –
я приходил сюда при свете дня.
Рельеф единой мускульной системы,
как ясный замысел, пленил меня.

Я понял эти связи, эти вздутья –
так проступает сухожилий ход –
так воин в обороне ляжет грудью
и руку – так – над головой согнёт.

Нари-кала при каждом повороте
естественно и резко смещена
и безымянного Буонарроти
живому гению подчинена.

А глыбы, стиснутые как попало,
повсюду строгий сохранил отвес.
Ты хороша, твердыня Нарикала,
рубеж Тбилиси и самих небес!

* * *

Ба – тумм!
Бугрится море,
просвечивая ало.
Баа – тумм! – и налегает
на мыс Махинджаури,
и подаётся берег.
А там
почиет бездна.
Ба – тумм! И эхо: томба...

Вот молодого Галла
гармония и буря.
Здесь потопили город,
который в полнолуние
всплывает, разрешая
терпенье смерти.

Помни,
стоящий над обрывом,
пока луна восходит,
что воля к воскресенью
сильнее волн и ветра.

КАЖДОМУ КЛЮЧУ

Ну, а в начале этих лет,
когда припомнить, что же было?
...Глаза младенца – синий цвет –
полуприкрыты.
– Швило, швило⁵!..

И белый гроб, и мать в платке,
и тьма людей пришла прощаться.
Жара, и кладбище в Ваке
дрожало чашею Причастья.

Ушёл я в горы, в тишину,
в рельефе чтобы разобраться...
Младенца нынче помяну,
мальчишке было бы шестнадцать.

---

⁵ Ш в и л о – сынок, сыночка (груз.).

А мать... Мгновение одно
 бездонной темноты и боли...
 Мгновенье переведено
 на годы, голоса и роли.

Хоть по-грузински я молчу
 всё горестней и безусловней...
 Поставлю каждому ключу,
 где он пробился, по часовне.

Хочу, что каждый свой исток
 душа моя благословила,
 откуда жив и не иссох.
 Все эти годы:
 – Швило, швило!..

ИЗ ДНЕВНИКА

Секретарь Сигнахского райкома,
 что это? Молитва и мольба...
 Объяснюсь по случаю такому:
 не душа слаба – сильна Судьба.
 Тёплый мох по склону Авлабара,
 где скала отволглая жива,
 так и не опомнясь от удара.
 Тёплый мох, пожухлая трава,
 медный хлам в подвалах,
 мастерская.

Двое
 в подмастерья подались.
 Сумрачно блеснёт слеза мужская –
 состраданьем полнится Тифлис.
 Вдруг – пробилось
 чёрт те где –
 в Сигнахи
 секретарь похоронил жену...
 Что со мной?
 Я плачу в божьем страхе
 за судьбу
 за тихую
 одну –
 не одну –
 не каждые поминки
 нам под силу –
 мне – тебе.
 Я пью

память неизвестной кахетинки,
плачу –

потому что не пою.

Секретарь, твоей сухою скорбью
меряю долины глубину,
выхожу к обрыву, спину горблю,
руки расправляю

и тону

в тихом

тёплом

Алазанском море –

упадаю на его сады.

Нет прекраснее – моей беды,
твоего непоправимей – горя.

ЧЕТЫРЕ БАЛЛАДЫ

НА ПОЛЕ КРАСНЫХ МАКОВ

(Из Маркеса)

Не надо задавать бессмысленных вопросов.
На море ни следа, ни тени на песке.
Испанский галион, обуглившийся остов —
на поле красных маков, от моря вдалеке.

Когда он был и плыл? Когда воздухоплавал,
на ярких парусах ныряя в облаках?
И Бог его призвал — и не покинул дьявол —
и посуху он полз на слабых плавниках.

Потом его сожгло безмерное терпенье,
и маки подошли к обугленным бортам
и выразили вдруг чудесное волнение —
как свойственно цветам, единственно цветам.

Любови не избыть — и он плывёт и правит
за каменный венец — зубчатый окоём.
Любови не избыть — и сердце умирает
в горах и облаках, во времени твоём.

* * *

И туда я взошёл высоко сквозь огонь полуночи,
где в горах обитало печали моей божество —

окрылило меня, отворило мне сонные очи,
чтобы знал обо всём — и не чувствовал чтоб ничего.

Далеко до земли и до неба далёко, и нечем,
нечем жить, кроме вечной свободы, и нечем дышать...
Долго жил и дышал я — подобно крылатым предтечам —
и тоску я познал как связующую благодать.

Сердцу надо немного: любить или плакать — я выжил,
выше зла обитая и всё-таки ниже добра,
и однажды, как смерклось, покинул я скалы и вышел
на мерцавший огонь и сидел с пастухом у костра.

Знал он больше меня, и, весеннюю мглу коротая,
мне сказал обо всём. Становилось легко оттого,
что меня позовёт на рассвете тропинка крутая,
что по мне затоскует печали моей божество.

* * *

Шуре

О чём же, о чём же? О молнии зябкой,
о некоем плавающем напряженье,
о той тишине неразрывновнезапной,
о дальнезаоблачном преображенье.
О том, как ребёночка распеленали
и он не давался ни маме, ни папе,
когда переборки и рёбра стонали
у ветхого дома на дышащей хляби.
Выпрастывал крылышки мальчик нежнейший —
когда распахнуло оконную раму!
Закреть опоздали — о чём же? о ней же —
влетела и тянется к медному хламу...
Не бойтесь никто — и в нёмоте полнейшей
вершит милосердьё старинную драму.
Задремлет старик, заслонённый газетой,
скамья опустеет в тени бездыханной...
О сумеречной, стариковской, об этой
жестокой Иверии, столь бестарханной⁶.
О жизни щемящей, сладчайшей и тленной —
я вижу твой шаг неохотный, этапный...
Была эта молния, гостья вселенной,
ночной тишиною, настольною лампой —
обычной, нестрашной — неприкосновенной.

⁶ «Какой-то рынок бестархунный...» (А. Цыбулевский).

* * *

Памяти Гурама Рчеулишвили

Одни шатильони ушли, а другие уснули.
Хевсуры легли каменеть в каменистую пашню.
Лишь тень Батареки, бессмертного Чинчараули
в селенье спускается с гор и скрывается в башню.

Террасы и башни под снегом. Всё пусто и прочно,
и времени вольного некуда деть привиденьям.
В покинутый дом поднимается он еженощно,
влекомый всё той же надеждой, измученный бдением.

И так же, как некогда было и будет вовеки, —
пока он восходит и медлит, считая ступени,
считает шаги незабвенная дочь Батареки:
стихает, но тихое не прерывается пенье.

Шаги поднимаются — это мотив ожидания.
Тринадцатилетнюю Мзию ничто не заботит:
прекрасные звуки на свете всё знают заранее...
Отец мой восходит, отец — моё солнце — восходит...

Не пил Батареки в ту осень, охотился худо
и кровною местию сердца тоску не утешил.
А дочка поёт — он заслушался, будто бы чудо
услышал, увидел впервые, вошёл и опешил.

Уступы родного селенья, небес очертанья,
туманные зимние линии угля и мела
таинственно преображаются в нежной гортани:
дышала — и пела, молчала и слушала — пела!

Зачем ты поёшь? О родное дитя, совершенство!
Не это ли, Господи, воля твоя в человеке?
Он вынесет муки — но он не выносит блаженства.
Не вынес блаженства суровый хевсур Батареки.

Рука поднялась и ударила — так это было.
А вечером лёгкое тело он вынул из петли
и сгинул в горах. Но его не держала могила,
и тень на снегу появлялась, темнея и медля.

Светает, светает — и он покидает Шатили,
и смотрит, и смотрит — и светится что-то в проёме...
Стоит, замирая — и кажется, слышится... Или
и вправду селенье покинули все шатильони?

* * *

О жизни пёстрой полоса!
Но где я видел эти сны?
Тот ровный белый свет в глаза?
Тот чёрный холод со спины?

О Грузия! Вспылал восторг...
Подумаешь, великий толк!
Терпел,
        не разжимая губ,
слова позабывая впрок.
Наверх с уступа на уступ –
Бог ведал,
        для чего берёт.

И угадал я наконец
небесный лик – едва живой –
и ледяной венец – венец
твоей гордыни вековой,
и думу и печаль одну
твоих смиренных сыновей,
и благо и вину – вину
державной родины моей.

Тогда я расстелил снега,
чтоб жизнь моя была долга.
В славянских алтарях – один –
я выстоялся – как вино, –
как посреди твоих руин
во имя славное одно.
Я твой последний паладин,
о Грузия!

* * *

Одна черешенка стоит
в долине Алазани –
её вином земля поит,
и небеса – слезами.

Красным-красно,
белым-бело,
и в первый раз ей тяжело,
и ветви ломит ей.
И я стою среди ветвей
и говорю:
        – Плодами!

Плодами дерево цветёт,
и Грузия –
    плодами.

Так было в день блаженный тот
при мастере Адаме.

НИКА

По волнам бухты
скачет скутер,
и встречный ветер –
лучший скульптор –
единым замыслом объял
на свете лучший матерьял!
Одним порывистым усилием
всю обозначив – без резца –
от голени и до лица –
всю – обдаёт солёной пылью! –
обдаст и насухо опьёт,
и замирает на мгновенье,
и собственное вдохновенье
в богине мастер узнаёт,
и, выведя Nikeи крылья,
весь отлетает – душу вылья –
не оглянувшись, на простор,
у пирса
вырубив мотор!

ОТРОК

И я мгновенно увлечён
полумальчишеским плечом,
полудевическою грудью:
сама природа на распутье,
и ты, мой милый, обречён
её сомненьям и капризам.
Как перед светлым кипарисом,
помедлит, горькая, она –
и, сожалея и тоскуя,
тебе наладит стать мужскую
и всё определит сполна.
И гибкий переломит голос,
и в грубых утвердит правах,

И песня меня усыпляет,
и старая длится дуэль:
поверженный в небо стреляет,
а небо – хорошая цель.

За что же – родного – роднейший
оплачет, оплачет – убьёт?
Зачем погибает сильнейший?
Зачем этот мальчик поёт?

И тихо поёт он и грозно
про то, что нельзя воскресать,
про то, что напрасно и поздно
прохладные локти кусать.

Смолкает пронзительный голос –
молчи, заклиная, молчи.
Смолкает, как плачущий полоз
в морозной просторной ночи.

РАЗДЕЛЯЯ ГРАНИТЫ

Наклонённые серые плиты,
оползанье, надлом и разлад.
Бук растёт, разделяя граниты
(как писали лет двести назад).

Корень скручен и в камень завинчен.
Подивились – и дальше пошли.
В этой местности корень первичен
и вторична щепотка земли.

Сыт пригоршнею каменной крошки
и летучей росой напоён
стланник скрюченный – рожки да ножки.
А свобода – во весь окоём!

Здесь не камнем, а небом единым
заживём на последней черте –
в яром ветре и в облаке дымном
на летящей во мглу высоте!

НЕ ПОЖАЛЕЮ

Я никогда не пожалею,
что так я кончу подвиг свой –
что я увижу Лорелею
на ослеплённой мостовой!

Вослед тебе я оглянулся –
я сбит крылом грузовика –
не захотел – и не очнулся –
и так остался – на века –

в крови моей напечатленный
привет последний – красоты –
среди безвыходной вселенной,
среди бездушной темноты!

* * *

Энциклопедия
всей любви:
только живи,
только живи.

Только бы сил хватило,
чтобы – пережила –
долго бы приходила
и насовсем пришла.

Энциклопедия
всей любви:
только живи,
только живи.

* * *

От подземельного толчка
дом – как стоял – так раскололся.

Землетрясенье безголосо.
Ему не надо языка.

Всё
    содрогнулось
        бытиё –
земля и небо – всё живое! –

и помещение жилое
твоё

и зыбкое земное
существование моё.

* * *

Шёл, кажется, я на вокзал –
не помню:

    был пьян и рассеян
и, плотью твоею овеян,
всю душу твою осязал.

Весёлый район Дидубе,
что значит

    Большая Пашина,
роди мне грузинского сына –
вполне доверяю тебе.

О нежный рассветный восток!
Мгновение –

    неповторимо.
Вот слёзы мои – пилигрима,
святой Руставели восторг.

* * *

Заплачет ни о ком,
как школьница, закурит,
когда одна, тайком.

Присядет и сощурит
свой разноцветный глаз
и домики рисует...

Одна земля рассудит
и всех обнимет нас.

То блюдечко уронит,
то ключ забыла, то
сидит в платке, в пальто –
пришла или уходит?

В одном и том же сне
всех нас спасает чудо.

Прекрасно то, что вне
суда и пересуда.

ДЖВАРИ

Я вижу, как течёт песчаник,
от крепости своей устав,
где тот мятежник и печальник
суровый выполнял устав.

Я поднимаюсь по ступеням
и в клетке каменной стою,
объятый холодом, терпением
и переживший жизнь мою.

Закопчены глухие ниши.
Здесь перед образом не зря
склонялся гибкий мальчик
ниже
всей братии монастыря...

Он не хотел, чтоб город грешный
его молитвой был храним.
За наш визит – пустой, поспешный –
мне как-то совестно пред ним.

Сидит на выступе высоком,
оцепенев при свете дня,
моя сова – и водит оком,
и слышит тёплого меня.

И что я – в тёмном и убогом
воображении её?
Я только слово перед Богом:
– Спаси и сохрани её!

* * *

Кривое дерево реликтовых
и ревматических пород
из карликовых эвкалиптовых
застряло посреди болот.

Чуть дышит травяное череве
перегорающей земли.
Терпения кривое дерево,
расти-расти, боли-боли.

Пошли, творенье, силу сильную
ему достойно дорасти –

листами, корнем, древесиною
молочной вяжущей кости.

Ошиблось не столетьем – эрою.
При мне, живом, стоит и мрёт.
– Сломи! Сдери мне шкуру серую! –
не вытерпело и орёт.

– Терпи. Куда терпенье денется
и кто усвоит подвиг твой –
укоренится и оденется
кривою серою корой?

* * *

Кире

Метель в печной трубе
завоеет о тебе,
и глаз, посаженный во лбу,
увидит всю твою судьбу.

Переплетаются пути.
Мне ничего не надо...
Светает около пяти,
и с гор летит прохлада.

Ты
тихо
впереди,
левей
иди – в той кофточке твоей,
салатовой и зябкой,
заколотой булавкой.

Иди, светись, как лепесток.
Пылает поневоле
повёрнутое на восток
маковое поле.

Светись,
пока священный ток
не причиняет боли.

* * *

Петухи поют вторые.
На уста кладу печать я.
Не одобрил муж Марии
непорочного зачатья.

Он жену святому гостю
девственницею оставил.
Дар небес его состарил,
напоил тоской и злостью.

Ой, какая, сердцеvedы,
этой жизни сердцевина...
Понесём вины и беды –
только женщина невинна!

Судии Синедриона,
дело есть темно и свято.
Женщина – не виновата,
и не надо ей закона.

* * *

Сиди и напевай
забытое совсем:
гекоммен ист дер май⁷...
Спроси его – зачем?

Мой милый, сны и сны,
а больше ничего
не стоило цены
терпенья твоего.

И это не базар
(что надо объяснить),
а неотвязный дар –
платить – платить – платить –

за всё, чего давно
на свете больше нет:
за Город, за Окно,
где погасили свет.

---

⁷ Пришёл май (нем).

* * *

Ветреной ночью платан шелестит.
Лёгкая бездна навстречу летит.

Набережная гонит и гнёт
этот ночной, этот душный полёт.

Вот в мостовых простонало столбах,
дух захватило, скрипит на зубах...

Мальчик растёт и смеётся во сне.
Встань поутру, позабудь обо мне.

НА БЕРЕГУ

Я насчитал в ротонде
четырнадцать колонн.
На синем горизонте
стояли
слон и слон.

Потом один улёгся,
растаял без следа.
Другой потёк-повлёкся
неведомо куда.

А катер развернулся
на малой глубине
и чуть не пер-вер-нулся
на собственной волне —

однако не желая
такого ничего,
и баржа пожилая
гуднула на него.

Она прошла сутуло
с песком и кирпичом.
Она уже тонула
и знала что почём.

Я ждал тебя примерно,
потом ушёл – совсем.
Всё правильно, всё верно,
как наши дважды семь.

КИПАРИСЫ

Вижу я в рассудке здоровом
да и спяну не совру:
так и ходят всем составом
кипарисы на ветру.

Эта рать сторожевая
всё теснее, всё живей
ходит, пики воздевая,
вкруг гостиницы моей.

Что вам надо, кипарисы –
или голову мою?
Перед хмурой директрисой
вопросительно стою.

Наряжён такой роскошный
обходительный конвой –
для нужды моей ничтожной,
старой скуки путевой!

КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРАВЕДНОЙ НУЖДОЮ

Исполнить юбилейный долг
мы ехали в селенье Вани.
Десятка два «Побед» и «Волг»
тянулось в нашем караване.

Землёй и небом поверял,
что знал я о Галактионе,
и, оценив мемориал,
где мы толпились, как в загоне,

я удалился на задворки,
под сень чинары и ветлы.
Официальные восторги
как похороны тяжелы.

Деревня Чквиши. Свет отвесный,
который носят на плечах.
Галактиона столик тесный,
оконце, дерево, очаг,

да нищий полумрак дарбази⁸,
да лица милые крестьян –
живое их однообразье.
А тут родился Тициан...

Граната пламя – дар небес,
и благосклонный интерес
ко мне – красавицы Тамары,
и сердца
        бурные
        удары!

Был миг – и вспыхнул и погас.
Тогда вернулся я как раз
к церемоньяльному порядку,
и памятника шла закладка...

С какою жадною тоской,
лопаты расхватав, поэты
копают землю вперебой,
губя зеркальные штиблеты!

Сроднило всех на полчаса
крестьянской
        праведной нуждою.
Я мысленно запел «Одоиа»⁹ –
один на все на голоса.

ВРЕМЯ ТВОЁ

Есть одно такое диво
в этой жизни благодатной,
что становится обратной
временная перспектива.

Дайте, расскажу толково:
дальше – ближе всё живое,
ибо сходится подковой
время цельное, кривое.

Милые и дорогие,
я смешал во время оно

---

⁸ Д а р б а з и – помещение для гостей в грузинском доме.

⁹ О д о и а – трудовая песня.

с воздухом Галактиона
тайнословье литургии.

Только имя не сказалось
в голубом рассветном дыме –
не руби, когда связалось
связками голосовыми!

•

Красота не виновата
в непомерности избытка:
вай, художник, что за пытка!
Не гляди на цвет граната!
Красота не виновата...

Задохнулся – и на русский
перевёл в слезах от счастья
вашу негу, ваши сласти –
без усушки и утруски!

Вашу гордость и ранимость,
вашу нежность и высокость,
вашу страсть и вашу строгость –
мне была такая милость!

Я глядел во глубь колодца
и ещё не знаю ныне:
может, веточка привьётся
и родимой древесине?

Дело счастья – дело Божье,
не увижу, не услышу...
Холоднее, выше, выше
от прекрасного подножья –

круг – небесная воронка
свода тесного – ужели?..
Ниже-ниже, еле-еле –
мелкий жемчуг жаворонка.

И нанижет, и рассыплет,
канет в глубину пространства.
Кто-то может – кто-то выпьет
эту чашу постоянства.

несловесный, полногласный
чистый трепет сокровенный.

И пошёл-побрёл слоновьей
валкой поступью своею –
за последнею любовью,
за последнею – за нею...

ГАЛАКТИОН ЧИТАЕТ

Уже в ветвях черно и голо,
и лес во тьме – или в огне, –
и дух поэта вне глагола,
и слышать хриплое тремоло
уже невыносимо мне!

Твои голосовые снасти
так оттрепало, как листву,
но память жизни, память страсти
на старости – как наяву.

Я отмолю тебя, омололив
живую рамою – прости! –
но слово – счастьем – переполнив –
не удержать, не вы-нес-ти!

* * *

О чём ты думал? Образ мысли
есть образ жизни: погляди,
как жил – и хоть один исчисли
поступок впереди.
Во что ты верил? Оглянись
и огляди – пространство веры –
той котловины – полусферы
глубоко мреющую близь.
А незаконченную мысль
порой венчает образ смерти –
не надо им пренебрегать:
душа вольна в себе. Поверьте,
мы можем не что полагать...
Вторым собраньем сочинений
нас одарил Галактион:
в счастливый миг – счастливый гений –
жизнь оборвал – и мыслит он...

* * *

Разной крови – той же кожи
 перевод с оригиналом
 отвратительно похожи
 в самом малом-малом-малом.
 Будто гипсовая маска –
 только от лица живого,
 будто мертвенная ласка
 холодеющего слова.
 Исполать – на всём готовом
 пусть живёт – кому живётся.
 Я ушёл путём суровым,
 я не пропил первородства.
 Той же дебрею-лощиной
 пробираюсь еле-еле.
 Кажется, на этом деле
 я спознался с чертовщиной.
 Пластику Лаокоона
 надо понимать – костями.
 С грамотой Галактиона
 воротился во славяне.
 Грозной скорби разрешенье –
 только слёзы на ладони.
 Только слёзы. Шени, шени
 чири ме¹¹, Галактиони...

ПЕРЕВОДЧИК, СЛОМАЙ КАРАНДАШ

Кари крис – кари крис –
кари крис¹² –
 не умеешь – и врать не берись.

Переводчик, сломай карандаш:
 перескажешь –
размажешь –
предашь.

Этот подлинник неуследим.
 Подвиг –
подвигом переводим.

---

¹¹ Ч и р и м е – Мне – твоё горе (*груз.*).

¹² К а р и к р и с – ветер свищет (*груз.*).

ТАВИСУПЛЕБА¹³

Узнает всё и переверёт
колпак учёный.
Горячкой белой тот помрёт,
а этот – чёрной.

Зажарят одного в аду,
другого – заморозят.
Я постою – и сам уйду.
Тебя – увозят¹⁴.

Я тень – далёко – на краю –
сторожевая.
Нельзя стоять, где я стою, –
земля кривая.

А правый небеса коптит –
и нету сладу!
Галактиона тень летит
ввысь – по фасаду.

Чей стыд ты искупил, старик, –
и – в небо?
Семь лет перевозжу твой крик:
– Тависуплеба!

* * *

Друзья мои, вы есть, вы были,
вы научились воскресать –
со мной беседуете – или...
Не смею слова досказать.

И кто-то перевал осилит,
отпыхиваясь тяжело,
а ласточка летит навывлет
и невинно сквозь стекло –

и только звездчатая брешка...
И мы с тобою, милый мой,
туда, где вспыхивает вешка,
летим по ломаной прямой.

---

¹³ Т а в и с у п л е б а – свобода (груз.).

¹⁴ Выдворяют очередного неугодного.

Сгорев гордыней и досадой,
ты взмыл – покинул Муштаид¹⁵.
Ты говорил, что век десятый
в горах как облако стоит –

и дальше ни единым мигом
громада эта не пошла.
Турецким и татарским игом
поэзия пренебрегла.

А линии черны и белы,
а душу воспитала грань...
Ты знал, где обры, где иберы.
Как холодно! Какая рань!

Ещё вчера блаженный Павел
тринадцатую главу
коринфянам слепым отправил...
Ты этим жил – и я живу.

* * *

Лиле Браиловской

В рай попал по ошибке –
за грехи и вины –
были отпетые грешники
жестоко потрясены.

Их сердца огрубелые,
оторванные от земли,
ангельского сострадания
вынести не смогли.

Их сердца, прокопчённые,
как печные горшки,
от простого участия
раскалывались в черепки.

Наш Создатель воистину
справедлив и велик:
в милосердии, в гнев
и в ошибках своих.

---

¹⁵ Муштаид – сад в Тбилиси.

ОТРЫВОК

Приход и служба захирели,
пообветшали муляжи,
но две свечи для них горели
и золотили витражи.

Их миновал обряд венчальный –
весь этот вышедший в тираж
сакраментальный и сусальный
аляповатый антураж.

Но всею ясностью итога
и болью пятого ребра
дана была ему от Бога
духовная жена-сестра.

К его ознобу, к тайне детской
теперь примешивался лоск
гордыни дзядовской шляхетской:
где надо, там отозвалось!

Не можно жиць без отголоска
погибнувшего бытия...
Она ж – хотя б едзина слюзка
глаза увлажнила ея!

А ты, бесхитростный ваятель,
чья так плачевна и бледна
раскрашенная Богоматерь –
твоя вина, твоя вина...

ПАМЯТНИК ПИРОСМАНИ

Э. Амашукели

Непринуждённо и легко
такое сходится – взгляни-ка –
ты видишь, как стоит Нико?
А помнишь, как летела Ника?

Дух торжествует во плоти
как бесконечное стремленье:
– Тварь жертвенную защити! –
он опустился на колени.

– Её спаси – меня прими! –
к груди ягнёнка прижимает
руками – и накрыл плечью –
трепещущего обнимает...

Смысл жертвы – жертва до конца.
Грудь – впадина; движенье птицы –
крылами заслонить птенца.
Попробуй – выломит ключицы!

Душа художника горда
и не умеет покориться,
но лучший гений – Материнства –
нас осеняет иногда.

УВАЛЫ

Э. Думбадзе

По состоянию умов
не знают местные крестьяне,
что эта линия холмов
повторена у Модильяни.
Художник, впрочем, не видал
вдаль убегающих увалов,
но вдохновенно передал
всё то, что землю волновало
в непостижимые века,
когда впервые Юг-река
долину эту прорывала.
Он мог изобразить... не вас,
но в вашем возрасте как раз –
хоть деда вашего, хоть внука.
Блужданье взгляда или звука
в потусторонних временах,
испытывая вещей страх,
отвергла косная наука.
Я не был здесь. Но почему
так узнаваемо, до муки,
тропинка вьётся по холму?
Скажите, прадеды и внуки:
я – это я? Или не я?
Плывут холмы водораздела,
Как волновая ли-ни-я
божественного Амедео.

* * *

Это что же?
Это март ли –
бесноватый, гиж?
Не похоже,
дэда¹⁶ Картли:
синева и тишь.

Завтра
где-нибудь в Николе
и давным-давно
замечаю поневоле:
тихое
о н о.

Сонный-сонный,
гижи-гижи
голубой январь:
обернись, гляди –
гляди же,
мыслящая тварь!

РЕВНОСТЬ

Изольде Орджоникидзе

Страсть бурную твою познал я
корнями моего терпенья.
Твой монолог, пассионария, –
гроза! душа! оторопенье!

Твоя ревнивая укора
меня пронизывает жёстко –
на левой стенке коридора
мой силуэт хранит извёстка.

Твоя стремительная ревность,
покинувшая ускоритель...
Я, «беспринципный примиренец», –
принципиальный примиритель.

И я тебе не прекословлю,
но оставляю человеку

---

¹⁶ Д э д а – мать (*груз.*).

надежду, веру или кровлю –
и твердь себе – и хлябь ковчегу.

Спасутся – худший или лучший –
покуда трапы штормовые
опущены на всякий случай,
на ваши страсти роковые.

Ковчег тяжёл и неразборчив.
Отец не топит сына Хама –
и вот исток всемирной порчи,
и в праведном семействе – драма.

МАКИ

Слеза восковая и пыльный веночек,
цветные и жалостные муляжи.
И сосны, и своды готической ночи –
так было однажды. Когда же? Скажи.

То место, высокое и непростое,
как тигр возлежало на плоском боку,
и роща стареющего древостоя
сходила в ущелье – в котором веку?

В округе жила босоногая дура,
довольная тем, что не любит земли:
с утра по дороге бродила понуро
и выла: мзе хар габрцкинебули!¹⁷

И было всё это, клянусь, не впервые:
то поле – как пламя, и горы, и ты
клонила колени свои восковые,
смеялась, к лицу подносила цветы...

* * *

Вижу: давно идёте,
в гору стволы креня.
В вашем добром народе
не хватает меня.

Лес наброшен на горы –
плавной складки руно.

---

¹⁷ Ты сияющее солнце! (груз.)

Марево – вечный Город.
В городе том – Окно.

Под окном спозаранку
тополь сходит с ума:
вся листва – наизнанку,
без ветра, сама...

Каменные ступени,
медленные облака.
Здесь, на краю терпенья,
и постою пока.

* * *

Сердце, без меры упорное,
всё перетерпит, любя.

Тронется озеро горное,
мирных долин не губя.

Дрогнет зарница – не режется.
Вспыхнет – померкнет опять.

Кто-то не может утешиться,
слёз не стыдится унять.

Только свобода страдания
этой душе суждена.

Облако дальше-дальнее,
северная сторона.

ЗИМНИЕ СТИХИ

Семнадцатого января
в округе холода и тьмы
псалмы я буду распевать.

А сердце некуда девать.
Из карантинных Костромы
оно потащит якоря,
пространство
за собой вздеря.

В округе холода и тьмы
я буду распевать псалмы,
слезою тихой возгоря.

К тебе и шагу не ступлю.
Желанья жизни замолю
семнадцатого января.

с. Никола, 1971

* * *

Блаженная страна,
в которой вы живёте,
которой крутизна,
замеченная Гёте,
и камня, и небес,
и стихотворной строчки
имеет вкус и вес
и рождена в сорочке!
Вся скомкана земля,
вверху зимует лето,
но Грузию нельзя
расправить на полсвета.
Будь истина – тесна,
но врозь – духан и келья.
Вселенная видна
из чёрного ущелья.
А волны разведёшь,
где ваш почиет Китеж...
Но если раз войдёшь,
то более не выйдешь.
Неразрешимы, нет,
проклятые вопросы.
Да видит тьму и свет
ущелья глаз раскосый!

ГРУЗИНСКИЕ СТИХИ

Отару Челидзе

Дождём в предгорьях падают минуты.
Умылся камушек, подумал и потёк.
Постой внизу и подожди, как будто
виновен в том, что прочим невдомёк.

Гора сползает! Шевелятся камни,
угадывая русло-колею.
Держи лавину рас-простёртыми руками,
заворожи стихию, как змею.

Кому опять нужда в родной природе
рельефы гладить и черты ровнять?..
Как матица в дому, как дэдабодзи¹⁸,
ты должен тяжесть встречную принять.

... Уже по шею в щебневом болоте –
оно ползёт – я грузну и держу –
я крестенею в тягостном полёте –
ищу опору – душу положу...

Судьба моя! Единое объятье –
одно воскрылье распротёртых рук.
Родимый щебень прёт враждебной ратью.
Сползла деревня. Изменяет друг...

Сквозь тьму, сквозь веки вижу только Ушбу,
чей лик мне ослепительно сиял...
Где я стоял, я выхожу наружу
и падаю на месте, где стоял.

ЕГО СВОБОДНАЯ ОСНОВА

Всё плоскогорье – миг единый –
как передёрнуло его,
подобно шкуре лошадиной.
Переглянулись – ничего.

Идём – и пошатнулся снова
зелёно-серый Дагестан:
его свободная основа
зашевелилась где-то там...

Тропа под нами натянулась,
скала над нами напряглась.
Отроковица не проснулась,
а только потяну-у-лась власть.

Скала черна и ноздревата –
вмиг вспылала добела...

---

¹⁸ Д э д а б о д з и – Т-образная опора кровли в грузинском доме.

Ни в чём была не виновата
несчастливая Махачкала.

70-е годы

ДОВЕРЬСЯ СЧАСТЬЮ

Здесь переждем-переидём,
где смерти грозные владенья,
вниз поглядим – и страх паденья
на мужество переведем.

Орлиный отрешённый круг –
свободный перевод рельефа,
и взгляд возвышенный – и с неба
в тебя вперяющийся вдруг.

На дерево взобрался плющ,
гранит посеребрили слизи –
они повинны в буквализме,
который столь им при-со-сущ.

Ты многого ещё не знал.
Доверься счастью, брось поводья:
сию минуту в переводе
рождается оригинал!

Зима – над нами высоко,
а здесь весна – сырой подстрочник
ручьёв, ростков, снегов непрочных...
– Я вижу осень, дзамико¹⁹.

* * *

А. Межирову

На носках – на носках – на носках –
через свет – без опоры – по сцене –
ослепит и заломит в висках,
и с галёрки кричат об измене.

Не твоё! И не наше! Ничьё!
Но скольженье – не просто скольженье:

---

¹⁹ Д з а м и к о – дружок (*груз.*).

вот когда раздалось бытиё
и вступило в права искушенье.

Свет и темень сведу и смежу,
душу живу – отныне родную –
этой волею преобразу,
жизнь – отдам и переименую.

Чтоб во все просветлело концы,
немоты отпустило удушье...
Что останется? Великодушье –
и пребудет. Увидят слепцы:

чистой кровью тропу окропил,
восходя к предыстории вопроса.
Чистой мысли невольник,
с вершины утёса
на воздух легко соспустил.

ПАМЯТИ ГУРАМА АСАТИАНИ

Он молодую мне представил
и моложавую жену —
я про себя его поздравил,
хотя подумал: ай да ну! —
уж захлестнёт тебя волной...
А что — естественное дело!

Она ещё помолодела,
когда знакомилась со мной.
И сам я чести не ронял...
А он сказал: поехал к внуку,
я внял, однако, только звуку,
а смыслу этому не внял.
Гурама — внук, жена — Гурама...
Что? Молодая эта мама
ещё и бабушка к тому ж?
Не может быть — какая чушь!

И вижу вдруг и потрясённо,
как молода ещё Мадонна —
та, с мёртвым сыном: ей-же-ей,
он с т а р ш е матери своей!

Какое дивное значенье
глядит оттуда! Где мученье?

Улыбка лёгкая и свет —
Ея лицо — Ея Завет.
И мраморное облаченье,
и между слабеньких грудей —
на перевязи между ними —
ваятеля почитет имя,
счастливейшего из людей.

ПЬЕТА

О милосердии мольбу
ночами гений высекает.
Он в шлеме, со свечой во лбу
ведёт резец – и зубы скалит.

Наклонится – падёт ничком.
Очнётся – встанет на колени.
Квадратноглавы, с молотком
отбрасываемые тени.

Он Библию не повторит,
снимая белые покровы,
и за год в нём перегорит
гнев Данте и Савонаролы.

Есть в камне заключённый свет,
как бы не ведомый природе.
Есть Богоматери завет,
изваянный Буонароти.

ДВЕ СЕСТРЫ

Баллада

В сосновой роще нет подлеска,
в роду прекрасном нет детей.
Ты вздрогнул от сухого треска,
как будто ждал дурных вестей.

Поляна по-над самой кручей
лежит, пылая и кренясь.
С обрыва там – несчастный случай –
упал когда-то старый князь.

Жена достойно и жестоко
перегорела во вдовстве,

и доживают одиноко
две дочери – старушки две.

Тропинка в поле; плиты храма,
где камень чёрн и ноздреват,
как будто тут дохнула драма...
Но я ошибся, виноват.

Здесь высоко – и близость неба
заметна в бледности лица,
и очистительная треба
здесь совершится до конца.

А драмы нет, как нет потомства,
житейской смуты и греха,
как не могло быть вероломства
исчезнувшего жениха.

Другой убит, и без сомненья,
но был едва ли женихом –
давным-давно, ещё в именье,
сюда заезживал верхом.

И не было причин и следствий,
где высшей волей обошлись.
Воспоминания о детстве
святую наполняют жизнь.

И в лёгкий быт вошло преданье,
где высоту хранит рельеф
и тайна пребывает втайне
покоя ради старых дев.

Они рисуют акварели,
грамматику преподают.
Как радостно они старели,
как умирают и цветут!

А на поляне наклонённой
одну я вижу поутру,
и шалевый платок зелёный
над нею рвётся на ветру.

Она стоит, раскинув руки,
на ветер налегла слегка –
в глубокой каменной излучке
ревёт и пенится река.

Не вижу смерти умиленной
и благодати неживой,
но взгляд – слепой, испепеленный
и профиль птицы кочевой!

ОЛЬГА

Баллада

Памяти Ольги Степановны Окуджава

Беззвучен и велик,
сомкнулся круг Полярный.
В одной из сводных книг –
твой номер инвентарный.
Амбарную найду
шнурованную книгу
и пальцем по-ве-ду –
в число и цифру вниду.

Под вечной мерзлотой,
под молнией моментальной –
прозрачной чернотой
окутана хрустальной...
И в неге, и в тени
росла-произрастала...
– Виновных не вини,
от злобы я устала.

Пророчица пурга
по ледяному полю
сравнила берега
свободы и неволи,
по горло замела
обугленные кочки –
ни цифры, ни числа,
ни инвентарной строчки.

Твердыня – на плаву,
на хлябях Мегиона,
где Ольгу я зову
строкой Галактиона.
Я эту смерть расторг
одним усилием вольным...
Стынь, северо-восток,
на своде колокольном.

АХПАТ-УРПАХ

Мрачным Господним черновиком
скомкана местность — и целиком
наше ущелье сюда перенёс
каменотёс эскимос Мартирос.

Во льду продышу лады:
— Эй! Немота агатовая,
где же вода твоя?
— Да, твоя, да, твоя...
Нету воды.

А мороз!
Глянешь по снегу — ззелено!
Вот расселина, Мартирос —
на кривых ледяных столбах.
Чу, ручей!
— Джурр²⁰, — отвечает эхо,
— джурр! — Урочище это
зовётся Урпах²¹,
что уже чересчур.

Ведь сюда я один
протеснился по каменной трещине!
Было когда-то:
шли от Ахпата
на Санаин —
двое — при женщине.

Ей отслужил,
его пережил,
с вами рассорюсь.
Осиротею, как совесть.

Горы —
черно и синё,
и красногубые шлаки —
армянские маки...
За тебя, за неё
и за камни Ахпата —
благо мне — плата.

---

²⁰ Д ж у р — вода (арм.).

²¹ В Колымском краю.

ВЕРХОВЬЯ*Отару Челидзе*

Река по трещинам и сотам,
по лабиринтам, жилам, гротам
сочится с ледяных высот
и вырывается к воротам,
где имя славное берёт.

Щебёнкой грубой селевой
базальтовый зубец обглодан
и отливает синевой,
не свойственной таким породам,

и надо рассказать про ту
континентальную плиту,
пропарывающую полог
позднейших лавовых пород.
Н. Н. Герасимов, геолог,
мне объяснял: плита плывёт...

Не здесь ли край подземной льдины
зубцом выходит изо дна?
О чёрно-белая страна,
где обе тверди столь едины!

А это спящее село
к обрыву близко оползло –
его таинственная сила
содвинула, поворотила,
но жителей не разбудила...
С друзьями мне всегда везло.

Вся Рача Верхняя вполне
проснуться может Нижней Рачей
и дальше плыть на плывуне
и зыбко называться Качей.
(В Сибири есть такая хлябь:
на тарантасике проехав,
туда едва не канул Чехов).
...И столь едины крепь и слабость.

И надо вникнуть как-нибудь
в геологическую суть
всей нашей смуты и бесчинства –

Бог даст, и вникну и пойму
в наследственном гнезде, в дому
Отара, славного рачинца.

И вот, когда на третий день
селенье сдвинет набекрень
понятная вполне причина,
Отар мне скажет: ты мужчина,
всегда стой прямо – хоть стремглав,
и весь тут сказ. И будешь прав.

МОНОЛОГ

Светлой памяти Тэдо Бекишвили

Я в эти игры не игрец,
надоедает, наконец:
блефует автор круглолицый,
а измождённый угло-лицый
его лирический герой
пластает крылья над Курой –
с собой поканчивает бодро –
иль пригвождается к кресту...
Мартирии такого сорта
глотать уже не вмоготу.
О чародеи, бутафоры!
Они с подошв срывают горы
и громоздят их как хотят,
и тигров душат как котят,
и поражает слабонервных
смешенье чувств невероятных,
столпотворение имён –
то Саваоф, то Соломон...
Кого-кого там только нету –
и всё за звонкую монету!
Как посадить хоть одного
от сих румяных и дебелых
до эмпиреев чёрно-белых,
где место свято и мертво?
Где жив Спасителя завет
и доблести не прекратились,
откуда столько-столько лет
они так радостно катились...

ТЕАТР-АБСУРД

Георгию Маргвелашвили

Из-за президиума на трибуну
красивая всплывает голова
и в тёмный зал, освещивая лунно,
поёт и шепчет пылкие слова.

Оратор вдохновенно-бездыханен,
пока трепещет облачко над ним...

И впереди сказали: марсианин,
а позади сказали: пьяный в дым.

Ты был трезвее трезвого, не так ли?
И в паузах откровенно хохотал,
являя ложь во лжи, спектакль в спектакле,
театр-абсурд — и плавал и блистал...

А в зал сходя, качнулся: это дело
на миг пришлось тебе не по плечу.
Потом — свобода — поднебесье — Белла —
она поёт — ты плачешь — я молчу.

ТОСКА ПО ВАЖА ПШАВЕЛА

Ещё озарена голубизною фирна
творенья сторона, которая надмирна.

Ещё голубизна сочится ручейками
на Ахиелу, на Шатели, на Чаргали.

Морозный воздух чист, ущелья гулок раструб.
Целы кинжал и хлыст, топор его и заступ,

орлиное перо, мемориальный пепел —
музейное добро... Там никогда я не был.

Но знаю я о том и это вижу даже,
как действует хлыстом великолепный Важа —

чтоб руки не марать и пороха не тратить...
Как жить и умирать, поэт учил собратьев.

Не научил. Не впрок пошла его наука
скупых высоких строк и топора и плуга.

Лишь слышен до сих пор глагол суровой правды –
свергающейся с гор родной его Арагвы.

Лишь держит на весу атлантово терпенье
альпийскую красу, разор и запустенье.

Ржавеют репера в расселинах базальта:
где лёд сверкал вчера, проглянет камень завтра.

Громада уползёт вспять ледяною лавой,
людской покинув род, злотворный и лукавый.

НЕЛИКВИДЫ

Элегия

Опускался я в подвал
и душевно горевал:
там лежали неликвиды –
застарелые обиды.
Вот Гурамова Давида
исповедь – была она
славно переведена...
Ты читал?
Да ведь и я не
одолею Давитиани,
узнавая наперёд
добрый старый перевод:
безупречна, двуедина
золотая середина.
Крепкий стих – орех волоцкий! –
чудный мастер Заболоцкий.
Середина золотая,
только, золото глотая,
посредине – хошь не хошь –
ты оскомину набьёшь.
Мысли чинное течение,
пыл души и блеск ума...
Несвобода. Заточенье.
Пересыльная тюрьма.
Добровольное служенье,
вдохновение, знание, вкус –
лёгкий привкус одолженья –

неужели не дождусь
чуда и преображенья?

Опускался я в подвал
и поддон макулатуры,
айсберга литературы,
горестно обозревал.
Где поверхности покров,
там плывёт туманный лебедь,
и громаду не колеблет
рябь течений и ветров...
Неликвиды, неликвиды,
непотребная среда –
не живые, не убиты
и сгорели б со стыда –
отсырели, вот беда!
И, однако, в этом Орке,
полуморге-полумраке,
я спросил о Пастернаке,
неуверенно спросил...
Не слышали человеки,
обитавшие в подвале,
ничего об этом греке...
Пачку не распаковали?
Грузовик не приходил?

Тут я вздрогнул: это о н!
Боже мой! Галактион!
И ему при свете лампы
на обложку лепят штампы.
Уценённое добро
и лиловое тавро –
новый уровень товарный
этой музы легендарной...
Где, однако, та строка,
где воскрес грузинский гений?
Где же русская тоска
на пиру его трагедий?
Музыка без языка?

Неликвиды все похожи
участию роковой –
на бумаге меловой,
в золоте и ложной коже.
За версту их узнаю,
будто сам их издаю.
Ходит классик-индивид –

сразу вижу: неликвид.
Свеженькие – на прилавке,
миг блаженный – как в раю...
Через год – в пыли и давке
верхней полки на краю.
Короток полёт «Мерани».
Взмах крыла – и сверху вниз!
Камнем падает «Совпис».
Крайний – следующий – крайний...

Чтобы душу убересть,
хоть писали б мемуары,
как писали в годы стары,
как Липранди или Греч.
Ветераны! Одолжили б
немощную молодёжь –
от чего? Не ото лжи ли?
Долг чужой, да свой платёж...
Крайний – следующий – прыгай!
Повергая книгу книгой,
шевелится теснота.
Сколько тягостных уронов...

А вертящихся рулонов
за верстой летит верста!
Там – тебя же набирают,
тут – тебя же попирают.
Там – пошёл под коленкор,
тут – поехал под топор.
Там – опять в стихи и прозу,
тут – опять на целлюлозу!..

И плывёт полярный лебедь,
ослепительно суров –
дивной стати не колеблет
рябь течений и ветров.

* * *

Гаянэ Хачатурян

А Вам, Гаянэ,
подарить я дерзнул
терновый венец.
Когда-то такой же
для Сына согнул
суровый Отец.

Куда же душа
из обоих заветов
упрямо рвалась?

В руках у меня
колючая ветвь
сама завилась.

Забуться, припомнить,
вернуться обратно,
беду отвести...

Лазоревый свет –
и начало невнятно
иного пути.

Я рад, Гаянэ,
что увидеть могли Вы
младенческий сон

и грезить о счастье
ещё до прилива
кровавых времён.

Примите – он кстати
блаженным полотнам –
колючий венец –

предел, предначертанный
грёзам свободным –
начало-конец.

ЕНИСЕЙСКИЙ ГРУЗИН

Любезный сердцу генотип!
Хоть нос твой в первом поколенье
хакаска-мать укоротит,
но в третьем, всем на удивленье,

ту седловину взгорбит хрящ,
а глаз, мерцавший в щёлке, в пятом
весь выскочит, круглогорящ!
И назовут дитя Багратом.

В крови раздор и непокой,
живые струи неслиянны —
и с кахетинскою тоской
глядишь ты на свои Саяны!

Ты вниз уплыл и там осел.
В седьмом — по тундре ты размазан...
Что ж так неласков Енисей?
Уехал бы... ах, не к хакасам!

В десятом — крепкий автохтон —
примчишься на санях в Дудинку
и в сумраке, как мех, густом,
увидишь деву-кахетинку!

СИНЬОРИНА ЗВУКОЗАПИСЬ

Благородно черны бриллианты,
и платочки ещё не мокры,
и слегка притушили гранаты
неуместную алость игры.

Соответственно строги костюмы,
чёрны платья, вуали темны.
В ту же меру мужчины угрюмы,
в меру женщины удручены.

Только в чохе малиновой горец
в этот чин затесался спроста
да неистовый Бах-смертоборец
слишком резок: кассета не та?

Но сеанс музыкальный оплачен,
смерть богата, и нынче ничья...
Мой послушный словарь озадачен:
синьорина Пьета? Плачяя?

В самом деле, подобна мадоннам
и ещё характерней иных
эта девушка с магнитофоном
на коленях своих молодых.

— Калбатано²², — скажу, — Звукозапись,
в этом чине чужих похорон
вы — какая-то новая завязь
наступающих странных времён.

Вместо радужной нежности в коже —
алебастровая белизна.
Или к смерти вы запросто вхожи
и прохладная кровь не красна?

---

²² К а л б а т о н о – госпожа (груз.).

Далека от кассетной печали,
из-под длинных припущенных век
Звукозапись блеснула очами:
— Вы не в курсе, чудак-человек.

Закопают — придём на келехи²³,
всё изменится — колер и тон,
непременно дойдёт до потехи,
если явится, кто погребён:

«Звукозапись, врубай Мендельсона!» —
и посходят с ума, кто не знал,
что в гробу восковая персона
и живёхонек оригинал!

Подерутся противные кланы,
поделённые на два стола.
Если будут смертельные раны,
я бы тут же заказ приняла...

АНГЕЛ

Обыкновенно проводили
приятеля в последний путь.
Посплетничали на могиле,
озябли, сели помянуть.

Он был непрост – да и не сложен,
порою противоположен
себе же сам, живуч как жизнь,
«мудёр» – на этом и сошлись.

В любые жизнеповороты
он вписывался без греха.
О нём ходили анекдоты
(он сам их сочинял, ха-ха).

Когда известный острослов
одну представил сценку в лицах,
стол грохнул, и поверх голов
свобода принялась носиться –

свобода-девка... Оборжав
покойного, о нём забыли

---

²³ К е л е х и – поминки (*груз*).

(а хоронить они любили,
блюли регламент и устав).

Но ржачка, Господи прости,
не заглушала голосочка,
и звонче всех смеялась дочка
хозяев – ангел лет шести.

И тут и там она мелькает,
однако скатерть поползла –
и девочку из-под стола
за ушко папа извлекает –

всегда надорвано ушко –
и в тёмный кабинет за двери...
А за столом уже запели
чуть слышно ЧЕМО СУЛИКО.

И боль истерзанной страны
всех ВДРУГ – как крик в ночи – настигла,
и всё опомнилось и стихло.
А за дверьми: – Хны-хны, хны-хны.

Но тоже слушает. – Хны-хны –
всё тише... Но поставим точку.
Потребив большую мочку,
дитя кричит: – ВЫ! ВСЕ! ГОВНЫ!

СКОТИНА ЧЕЛОВЕК!

Тариэлу Чантуриа

Не думай по ночам,
смотри на вещи проще:
безродным палачам
всегда нужна жилплощадь.

Скотина человек!
Семейство посаждалось,
и верное навек
жильё освобождалось.

Я доски изучал
поры мемориальной –
мне душу омрачал
их смысл материальный.

Синодик именной,
связующая дата –
год а к а н ч а т э л н о й
победы диамата.

ПОД СОЛНЕЧНЫМ ОБВАЛОМ

По причине суицида
помрачнел палач.

На отвале антрацита
процветает грач:
иззелена-серебристым,
голубым, гранатно-алым
с беглым проблеском капризным –
грач
под солнечным обвалом!

Солнце давит и печёт,
опаляя грачьи крылья...

Это здесь, мне говорили,
был РАССТРЕЛЬНЫЙ ТУПИЧОК –
тупичок товарный, сорный,
на окраине пустынной
в сизой патине полынной,
в синеве туманной, горной,
в чёрном городе Рустави...

Но глаза мои устали,
и себя уже сама
не выдерживает тьма.

* * *

За острой желтизною дрока
дороги белой не видать.
Когда осыпалось барокко,
тогда открылась благодать.
Тропа моя ушла к бурьяну,
к боярышнику и к стене –
к Галактиону, к Тициану,
ко всей замученной родне.
Ещё рукою суеверной
ветвь ломаную отведу,

ещё увижу свет безмерный...
К стене щербатой подойду
и повернусь – и что-то щёлкнет,
как на рассвете первый дрозд,
и перед тем, как всё умолкнет,
вытягиваюсь в полный рост.

ДЕДУШКА УБИЙЦА

Белле

Он в гостинице швейцарит,
в вестибюльчике царит,
бородой в ночи мерцает,
дремлет – слушает и зрит.

Надзиратель в годы оны
и теперь ещё сексот,
отирает фальшколонны,
службу главную несёт.

Со своим коллегой в паре
он без дела не грустит
в ресторанном перегаре
в холле бывшей «Мажестик»²⁴.

Утром, стоя за хинкали,
тосты дикие шепча,
душу греют, пьют, ракальи,
за бессмертье Палача...

А словесности царица,
проходя у фальшколонн:
– Здрассьте, дедушка убийца! –
делает ему поклон.

Он отпрянет деревянно:
будто в темя обушком
тот поклон
от Т И Ц И А Н А²⁵
вместе с царственным смешком!

---

²⁴ Гостиница «Тбилиси» в Тбилиси.

²⁵ Тициану Табидзе († 1937) проломили череп.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ БЕЛЛЫ

Не оставалось ни грозди сирени
в зарослях заиндевельных кустов,
где перепархивали свиристели.
Но невозможно же – к ней – без цветов!
Тающий розовогрудый букет
вносят в мансарду.
Здравствуй, мой свет! –
Белла молчание понимает.
Птицы ликуют, она занимает
гостя беседой своей кружевной,
тянется к ней оживлённая ветка...
Мамино словно – лицо предо мной,
мамина – стрелочка тонкого века,
мамина ласковость... Не обессудь,
что не слыхала таких комплиментов.
Это твоя материнская суть
правит повсюду: «Мальчик мой Лермонтов...»

Мама моя умерла на лету.
Лопнул сосуд. Умерла – и упала
в душе казённом, в облаке пара...
– И никогда не теряй высоту! –
Шура²⁶ твердил. Переулок-чулан,
где Авлабар²⁷ переходит в курятник.
Мечет бутылки Рубен Бабаян,
пьёт за тебя паладин твой и латник.
Белла, любовь – это вихрь под крыло,
всех мимолётностей натиск опорный,
а поклоненье душе тяжело.
Помнишь, над графикой белой и чёрной
облачная неоглядная гладь –
Кавкасион... Ни слова сказать –
было им тесно, они оробели.

Шуры не стало, пока мы летели.

Кажется, это был Кутаис.
Собственным грохотом оглушённый,
взрыв дрессированный протяжённый
сходит на кашель, и кашель на свист.
Мамину смерть называли: insult,
Шурина гибель... Обе прекрасны,

---

²⁶ Поэт Александр Цыбулевский.

²⁷ Армянский район Тбилиси.

связаны слишком. Никак не опасны
той, кого белые крылья несут.

Ах, военврач! Молода и строга.
Сколько больных, симулянтов, поклонников,
жизнью обязанных слёзных паломников
к ней на приём! Позовёт старика,
он её: «Ольга Лексеевна, матушка...»
Ей тридцать три, и война на дворе,
а в кабинетике как в алтаре:
свет, белизна, ни единого пятнышка.
Тонет за кладбищем и пустырём
расположение Третьего ЛАУ²⁸.
Щёголей двое, влюблённые в маму –
вечно последние к ней на приём.
Впрочем, такой установлен наряд:
доктора в город курсант провожает.
Весело: стужа иголками жалит.
Поле – как небо, и звёзды горят!
Смёрзлись – зажмурилась только – ресницы.
А у курсантика хром-сапоги...
С полудороги: – Беги уж, беги!
– Нет, – отвечает курсант Солженицын²⁹.
Дома у матери слёзы из глаз:
– Что за мальчишек на смерть посылают!
В тонких портяночках щеголяют,
в рыбьих шинельках – вот этот сейчас...
ЭТОТ? Не этот? Зима. Кострома.
Улица ЛАГЕРНАЯ. ТЮРЬМА
слева поодаль в начале СОВЕТСКОЙ.
Бег от ворот холостой, молодецкий!
Прямо по курсу играет звезда...
Справа – в сугробах за речкою ЧЁРНОЙ –
дремлет Татарская слобода.
Ряд именной – род плодотворный,
словно пророчество или родство:
наши Ахматы, Ахсаны, Ахаты...
Все Боголюбские³⁰ татароваты
в силу простого соседства того.
Белла-якты³¹, жизнь чудесно тесна!
Ты – ОПРАВДАНИЕ ТАТАРСКОГО ИГА,

²⁸ Ленинградское артучилище окончил А. И. Солженицын.

²⁹ Александр Исаевич сказал: «Я не болел».

³⁰ Фамилия нашего рода.

³¹ Свет (*mat.*).

ибо свободою одарена,
как лебединокрылатая Ника.
Только – за каждую Божию тварь
призвана мучиться ты и молиться,
гордые крылья сложив на алтарь –
крылья в крови – на алтарь материнства.

ДВЕ МАТЕРИ

(Из грузинского фольклора)

Элисо Джалиашвили

В крови лежат тела
охотника и тигра.
Как тень к ним подошла
седая кахетинка.

Потом спустилась с гор
старуха мать – тигрица.
Их слёзный разговор
тысячелетья длится.

Чуть озарён карниз,
где всех родней и кровней
два горя обнялись
над гибелью сыновней.

Сюда Гомборский лес
восходит неустанно
и бьётся об отвес
гранитов Дагестана.

И только ковыли
да траурные маки
на тот карниз взошли,
где ни земли, ни влаги.

Отсюда с давних пор
горючими слезами
ручьи сбегают с гор
к широкой Алазани.

НА КАМЕННОМ ПРИГРЕВЕ

Здесь только ночь и день – ни вечера, ни утра –
и свет горяч, и тень черна, и время круто.

И солнечный ожог на скулах неизбежный,
и тени впалых щёк с голубизною нежной.

Пробил скалу родник на уровне метафор,
и в синеве возник голубоснежный капор...

Не плетью, не мечом – лишь девственной улыбкой
да крестиком крещён, что из лозины гибкой,

край, отданный в удел Святой Марии Деве.
Уснуть бы я хотел на каменном пригреве,

где рвётся горизонт слепой, светообильный,
где стелется, как сон, живой ковёр ковыльный.

Не знаю испокон я лучшего притина...
Где осенит на сон меня Святая Нина.

* * *

За далью времени и боли
в моих покинутых горах
пылает маковое поле –
сегодняшний безвидный прах.

Ты говорил – и справедливо, –
что майский пыл пройдёт к зиме.
Прошло, погасло это диво.
Факт пишем. Истина в уме.

Любовь прошла и стала мною,
не вырвать – нет таких клещей –
высокогорною странною,
порядком и лицом вещей.

Живу в расчёте ежедневном
с тобой, с неутолимо гневным
Судьёй – для этого храним? –
прилежным ангелом одним.

МАТЬ ЭТИХ МЕСТ

В который раз сошла трава?
Который век? Сочти и сведай.
Но здесь всегда была жива
мать этих мест – адгилис дэда.

Всё бьётся ключ – хотя овраг
завален хламом процветанья –

и мать – коль ты себе же враг –
тебя хранит давно и тайно.

Адгилис дэда – присномать,
хранительница, берегиня –
того не станет понимать,
в чём злоба наша и гордыня.

...Встаёт разрушенный тотем,
встаёт у родника часовня,
встал бор порубленный – затем,
чтоб огляделся ты спросонья.

И возгорелся пепел книг,
чтобы из пламени исторглась
сожжённая до «Шушаник»
иберов праведная гордость!

ТЕМ, КТО СТРЕЛЯЕТ

Как тот альпийский мак, по прихоти метафор
цветёт кромешный мрак и полыхает траур.

Цветёт на память зла, враждой дурных и сытых –
до гибели, дотла – на известковых плитах.

В бесславии резни не надо углубляться –
на родину взгляни Давида Какабадзе,

на летние поля с орлиного полёта.
Чернее, чем земля, сидит вполоборота –

имеретинка-мать, от горя камня.
Не вас мне понимать – а горевать мне с нею.

Я вашей дурью сыт, но от несчастной скрою,
что сын её бандит. И честь воздам герою.

Скажу: в раю он спит, как на её коленях...
Как чёрное слепит на мраморных ступенях!

ТЕМА

...На Кавказ идёт ночная мгла.

Пушкин

Слепа и сонна
магнолия цвела
в объятьях лавра,
как Дездемона
в объятьях мавра –
благоуханна и бела.

Фонарь последнего вагона
ла-ла ла-ла
Над родиной Галактиона
НОЧНАЯ МГЛА – лишь купола
Кавказ возносит белолаво.
Ночная мгла, моя держава,
КАК ТЫ МОГЛА... Твои дела,
твои кровавые дела
вовек не ведали предела.

Вскипела воля Сакартвело,
от правой ярости бела!

Колокола... колокола...

Теперь она едва тепла,
слаба и сонна,
как раненая Дездемона.
Ла-ла ла-ла
ла-ла ла-ла

ИЗ АЛЬБОМА

Георгию Маргвелашивили

Видел я Каргополь нынче и Петрозаводск,
Питер и Оренбург, Кострому и Калязин,
алмаатаюсь по свету, и нет мне опоры.
Нет — как дифтонга воздушного «и-а», чтоб мог я
Гиа сказать, Гиинька, домосед мой счастливый.
Ты себе дома, и крепки твои бастионы
рукописей, корректур, запылённых подшивок...
«Книгу в себе» ты умеешь ценить, прикасаясь
пальцами бережно к авторской подлинной правке,

к детскому почерку: о! – лепетать, – о цхинвали! —
синюю папку одну разрешив от тесёмок.

Третий этаж, и звонок — наконец! — и объятья,
и ритуальные танцы, и пухлые ручки
к небу воздеты, и прыгает Лялька, и Джанка
лает и лает, и монументальна Этери,
как дедабодзи, держащая Дом крестокрыло.
В этом триклиньи грузинском теснятся картины,
книги, растения и камни, и — вечные гости —
в комнаты входят с балконов лоза и глициния.
В этом дарбази античном гостят олимпийцы,
ликами — вполоборота — из тьмы выступая.
Додик Давыдов, наш Рёмбрандт, снимал их, но если б
преображённые Додиком оригиналы
вдруг собрались — не избегнуть бы нам потасовки.

Мир вам, которые живы, и царство... Но царство —
в воздухе дома сего: замирание звуков
благоговейное, этих камней и растений
позы, и возникновение звуков, и ликов
этих вниманье — и всё тут внимает и внемлет
некоей чудной стихии... Но страшно за Гию:
так незнакомо лицо, и уста побелели,
бездной какой-то охвачен, последним блаженством,
на волоске его жизнь... Длится пауза... — Белла,
гениалури, — прошепчет, ещё не очнувшись.

Беллину книгу держал я, как Вацлав Нижинский
Павлову Анну, и это — вина режиссёра.
Бисерным Гииным почерком: «Павлову Анну —
Вацлаву...» — мне.

Белла, Белла! Балет наш окончен:
сцена в крови, сорван занавес, обе кулисы —
два сапога исполинских, великодержавных...

1977–1989

III

СВЕТ ИДЁТ ОТ ЗЕМЛИ

* * *

Ты погляди, как ветви ели
вливаются в единый ствол –
для дальней невозможной цели.
Она – не имя, но глагол.

Ты укажи, в котором месте
на океане мировом
стоит безлюдный Остров Чести, –
ты ревновал о таковом...

Имён своих великолепье
несовершенство бытия
влачит, как золотые цепи.
Вперёд, словесность, жизнь моя!

ИМЯ ПРАДЕДОВО

Нет ни кликов, ни откликов,
течение неколебимо.
Прадед мой был Василий Облаков
из Любима.
Сиротеют потомки:
против времени кто ж пробьётся?
Огонёк на потёмки –
имя прадедово остаётся.
Так блуждаешь – долго да около, –
жребий русский.
Был ты Облаков –
стал Боголюбский.
Припаду ли когда на паперти
к твоему надгробью?
Я, обязанный матери
сильною кровью,
между мусора прусского
и родимого благосвинства
пе-ре-нял жилу русского
духовенства.

В эту жилу вбежала
и запенилась кровь отцовская:
там Мицкевичи, там Варшава –
воля польская.

МОЕЙ МАТЕРИ

Слышишь – Кóстрымя...
Нелепица,
слух царапает, дика.
А на слове – город крепится,
Кострома стоит века.

И теперь глазами острыми
это видеть я могу –
буйное полымя-кострымя
на угрюмом берегу.

И народа огнеликого
разобрать могу я речь –
тёмной памятью великого
языка не пренебречь.

Для того во мглу осеннюю
в том решительном году
я от храма Воскресения
Нижней Дебрею³² иду.

* * *

Были цветы и колосья,
красные маки цвели –
где костромские полозья
след голубой провели.

Там начинаются горы –
солнечная сторона:
стройно заполнены хоры,
празднично пихта черна.

Так ослепительным летом
слишком черна и резка –
помнишь? – на камне нагретом
тень полевого цветка.

---

³² Ныне ул. Кооперации.

Краток закат и обрывист.
Всё хорошо, старина, –
если мне очи не выест
северная белизна.

* * *

Через поле, через лес.
Поднебесных и плакучих
елей сумрачный навес –
и никто мне не попутчик.

Тесны тропы бытия.
Топкая глухая хвоя.
Дебря Нижняя³³ моя –
всё наследство родовое.

Уцелел, на счастье, лист
рукописи стародавней –
озарён, глубок и мглист
тёмный свод родных преданий.

И роднее всех святынь –
невзначай в избе крестьянской –
наша гордая латынь –
кровь моя и смысл славянский.

Ничего не запишу –
позабуду без заботы.
Хоть умру – а продышу,
продышу – до той н е м ó т ы.

* * *

Он сучок сбивал топориком,
будто слизывал сучок.
– Мне бы, дед, к Еловым Дворикам. –
Затруднился старичок.

Комариный звон топорика
с лезвия сошёл на нет.
– До Елова, стало, Дворика? –
Поглядел на сучья дед,

---

³³ Н и ж н я я Д е б р я – улица в Костроме.

вытянул из груди скрюченный,
мёртвый, севером измученный
коленчатый сучок:

– Вот он путь какой, милоч.

Вот тропиночка и вот она,
по колену – поверни,
по чернолеси намётана –
ходил третьёва дни.

Вышел на свет – по болотине –
оно и будет весть...

По еловой моей родине,
самой-самой, что ни есть.

БУКСИР

И. Дедкову

Буксует, никак не взберётся
по тёмной и тихой реке –
одышка его отдаётся
так слышно в прибрежном леске.

Невидимо, барку ли, сплотку
выводит на плёсо, гуднув.
Его обошла самоходка,
как стерлядь, бортом полыхнув.

Натягивается – провисает –
как в прорву уходит канат...
Костёр на откосе мерцает,
светила над Волгой стоят.

Невидимо, бремя какое,
неведомое самому –
он тянет, буксуя и воя,
приветствуя Кострому.

ПОКЛОН КОСТРОМСКИМ СТАРУХАМ

Река – тогда она была рекой –
снесла меня, едва зашёл по шейку,

но я спасён был бабой костромской
и на плоту отшлёпан хорошенько.

...Всё вижу: мутная вода желта,
а ноги тут же отнялись со страху,
на корточках на лаве баба та
полощет, пялит белую рубаху.

Нет голоса, пускаю пузыри...
Махну рукой... Меня на стрежень тащит...
Янтарно-зёркальная изнутри...
Мальчишка тонет и глаза таращит:

весь берег солнечный, костры в цепях,
плоты, платки – отчётливо и колко –
телега с бочкой – мельком, второпях
и навсегда уже... Ой, Волга, Волга!

Но ТОТ, Кто это сверху видеть мог,
Тот бабу под локоть толкнул: гляди, мол –
вон головёнка, будто поплавок,
то вниз её, то вверх – и мимо, мимо...

ОНА УВИДЕЛА – и в воду плюх!
В опорках, в юбке...
И сегодня в лица
я вглядываюсь костромских старух –

и каждой,
каждой
надо поклониться.

ЛЕСНАЯ РЕЧКА МЕЗА

Мне десять лет. Речонка Меза.
На солнце ржавая завеса,
и серая солома крыш
по свесу шелестит, как мышь.
И замерла. Озноб и тишь.
И тьма... По шёпоту-накрапу
понятно: подошла гроза,
и на починок, на леса
внезапно-мягко, ВНЕЗАПУ...

Ночь молнией ослеплена,
и молния в глазах черна,

и бабушка: «Крестись, крестись!».
А я весь – в любопытстве дерзком,
меня знобит и тянет ввысь!
Немая сумрачная близь
потрескивает свежим треском...

УДАР! – и вспыхнула изба.
И тут слепым и перевозанным,
сухим и душным ураганом
уже проложена труба –
и, как пурга по Енисею
в саянской воет тесноте, –
он навалился – дурью всею –
всей силой – сердца в простоте...

Мальчишке это незнакомо,
и надо прыгать и орать –
изба горит! Летит солома,
И ЛЮБО ЖИТЬ-И-УМИРАТЬ,
и вместе с солнцем рухнул ливень
на все избёночки без крыш!

.....
Передо мною Ты стоишь.
Стоишь – и этот миг молитвен.
Шагни – и я перед Тобой
лесную землю расцелую...

.....
Так он пропёр напрапалую
вдоль Мезы выбранной трубой.
И всё. И превратился в ветер.
А перешёл я в третий класс
и распеваю в самый раз,
что НАХ ГЕВИТТЭР ШЁНЭС ВЭТТЭР.
А мой любимый омуток
весь золотом окантовало.
Плывёт соломенный желток
среди безбожного повала...

ЗА ЛИЛИЯМИ

Любовь – такая странность:
как быть, что делать? – СМЕТЬ.
Мы отменили старость,
но разбудили смерть.

Так прост волшебный ларчик.
И вот поплыл чем свет
за лилиями мальчик
четырнадцати лет.

Когда Она проснётся...
Когда Она... Она...
Так хорошо плывётся,
когда не надо сна!

Горнист пионерлага
в сторожке спит пока,
и дымчатая влага
тепла и глубоко.

Цветы слепы и сонны,
в бутонах белизна...
Раскроются бутоны,
когда Она... Она...

Но ТЕНЬ встаёт в картине,
и вязнет дуралей
как муха в паутине
резиновых стеблей.

Быть может, за отвагу
ОТДАТЬ ЛЮБИМОЙ ЖИЗНЬ
Господь ему корягу
подвинул: обопрись!

Ты начал жизнь неслабо.
И в смерти выбор есть:
прими её как благо
и редкостную честь.

РЕКА БЫЛА РЕКОЙ

Две школы на Лесной, на берегу.
Но школа – это Волга. Вспомнить сладко:
апрельский гром, толчок, и треск, и гул...
Смеются стёкла, содрогнулась кладка,
и это значит: тронулась, пошла!
Вся школа – за́ двери, конец уроку,

и Воскресения³⁴ колокола
благовестят ей славную дорогу.
Что нынче Волга на себе несёт,
откуда что берёт? Судите сами:
завозня, будка, дурень-пешеход –
или шальной добытчик? – тащит сани...
Сруб, да новёхонький – а что внутри?
Корзины, бочки и петух на жерди –
не может быть! Да ты глаза протри
да вспомни в самый раз о вешней жертве...
Спешу, рисуй, ломай карандаши,
но зрелище Свободы вне сравнений.

Я видел волю... Жалко от души
столь обделённых ею поколений.
Затем наследник твой ленив и вял,
что исподволь изводят в человеке
свободу – как бы ни обалдевал
в своей видухе он и дискотеке.

В СОЗНАНИИ ДРЕМУЧИХ ПРАВ

Река была утомлена
своей борьбою терпеливой
и шла, прозрачна и черна,
и повторяла кропотливо
левобережный дальний бор,
стволами золота и черни
лежащий поперёк теченья,
и тот Макарьевский собор,
разрушенный перед войною,
но золотом и белизною
мерцающий на лоне вод,
пока идёт последний лёд,
и рассыпает бредина
по щебню золотые купы,
и туристические группы
внимают, чем земля красна,
хотя полу-Калязин с борта
и выглядит весьма негордо...
Запечатлеют колокольню
в воде на правом берегу,
где Волга делает дугу,

---

³⁴ Церковь Воскресения на Нижней Девре в Костроме.

и по апрельскому раздолью
туртеплоход проходит мимо.
А колокольню ту сберёг,
сломав ненужный алтарёк,
кружок Осоавиахима –
оставил для прыжков и риска,
но девочка-парашютистка
разбилась там... Молва темна:
де, отомстила старина
гонительному Волгострою.
Теперь библейской стариною
звучит: Осо-ави-ахим,
когда не вовсе быть глухим –
как Авраам, как До-са-аф.
Самих себя не опознав,
живём в предании, как дома,
в сознании дремучих прав
уничтоженья и погрома.
...Последний лёд из-под Дубны
плывёт, не зная глубины,
плывёт, и льдина-лебедица
на отмель нехотя садится,
на щебень крепостной стены,
где нежно купа золотится
прозрачной ивы-бредины.

ВРАГ СОЦИАЛИЗМА

Играючи и не со зла,
но как-то слишком шатко
мальчишку с места понесла
и скинула лошадка.

Вся уличная ребятня
в восторге завопила,
но лошадь, уронив меня,
и шагу не ступила.

В те годы, ЛОШАДЬ, ты была
ВРАГОМ СОЦИАЛИЗМА –
его подрыв и ты вела
хитро и закулисно.

Подорванный социализм
в большом-большом упадке...

И был бы счастлив я плестись
в хвосте своей лошадки,

того худого меринка,
что от работы плачет.
И буду счастлив я, пока
меня не раскулачат.

МЫС ШАЛЯПИНА

И я с последнего приступка,
откуда ласточкой лететь,
гляжу на лодочку-скорлупку
и начинаю холодеть.

Противно засмеялся отчим,
противно страх меня ожёг.
Я слез и понял: мой должок.
Мой долг... Кому? Неважно, впрочем.

Назавтра, чуть живой, понурый,
один, опять наверх: плати
за страх, плати живой натурой –
и с мыса ласточкой лети...

И снова – сполз тропинкой скальной.
И – влез опять. И ОДОЛЕЛ
страх смертный (экзистенциальный) –
хоть и солдатиком летел.

Гурзуф

ГОЛУБЬ

Запутался, висит на водостоке,
кровава цинковые рукава.
Народ детей не то чтобы жестокий,
но дикий.
– Сам отцепится.
– Едва...
– Пожарников позвать.
– Приедут, как же!..
Постой и ты в сочувственной толпе,
послушай, кто чего умнее скажет
о деле, ясном первому тебе.

И, разрешая праздные вопросы
 КАК БЫТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ и КТО ВИНОВАТ,
 снимай кожанку, выплюнь папиросу
 и полезай:
 с ухвата на ухват –
 второй этаж... четвёртый... или пятый?..
 И нитка с голубем – в зубах.
 И – вниз.
 – Рисковый малый!
 – Но придурковатый...
 – А что, и я бы!..
 – Ты не альпинист?
 – Дай пять, кирюха! Познакомлю с бабой,
 пошли, тут в Трали-парке, на Лесной...
 Вот когда страх, и вот когда я слабый
 и бледный – перед жёлтой стеной.
 Какая баба!.. Улицей Лесною
 иду домой, совсем не в кураже.
 Однако знаю: Бог всегда со мною –
 как был тогда, на пятом этаже.³⁵

МИУССКИЙ СОБОР

Красноватой окутано мглой,
 полстены нависало скалой,
 и чугунная бита
 исторгала из монолита
 совершенно немислимый гул:
 то стонала
 колокольная кладка.
 Помню судорогу скул,
 пылевого осадка
 красный иней
 и прах
 на зубах.
 Помню тёмный искус:
 да взорвать эту глыбу!
 (Мы дети.)
 – Где звонят?
 – У Миус, –
 надо было спросить и ответить.

Не достроенный к Первой войне,
 ко Второй был собор не доломан.

³⁵ Миусская площадь, угол нынешнего Гуманитарного университета.

Нам внушали презрение к старине,
страсть к разгромам.
Мы дышали с младенчества
силикозною мглой.
Мы не знали отечества,
но годились на смертный бой.

В окруженье элитных хором
у Миус нынче Дом
пионеров (и школьников просто),
и скульптурная группа при нём.
В ней писатель, воспевший «Разгром»
и столь страшно и поздно
разглядевший в дыму,
что его обманули.
Да зачтётся ему
покаянная пуля.

Вот стоит он – бубновый туз –
грудь вперёд – это в моде-стиле...
Не по нём ли звонили
тогда у Миус?
Не по нам ли звонили?

ПЕЧАТЬ

Двенадцатый мага́зин, где прилавок
лоснится от прибора хлебных давок
и лязгает в пазу лучковый нож.
Прилипло к пайке лишних полдовеска.
– Назад положи! – горланит хлеборезка.
– Беги! – Держи его! – Оставь, не трожь...

В ногах толпы, в шатучем полумраке
приземистые скользкие собаки,
авоськи и мешки,
безногие фронтовики,
хрипатые, с распухшими зобами –
кто действует локтями, кто зубами –
галоши, голенища, лапотки.

Что скажешь, лейтенантик руконогий,
обрубок безнадёжно одинокий,
всё растерявший, даже самый страх,
митинговавший возле винных стоек,

покуда спал Господь и лгал историк,
ты, в одночасье втоптанный во прах?

Что скажешь ныне? Поделись судьбою:
в каком углу покончили с тобою,
как скопом ликвидировали вас?
Как заработал *голубиный всас* –
изобретенье мысли санитарной, –
живьём сосавший с площади базарной
всю вашу стаю навсегда и враз?

И амба! *С добрым утром, милый город...*
Но шарикоподшипниковый грохот
не гложет над базарной мостовой,
ещё смягчённой грязью и навозцем.
Перед калекою-орденоносцем
мальчишка – я – на площади Сенной.

И он, навзрыд, внушает мне, как мерзко
сверкать чулочками из фильдеперса
и пьяные приказы отдавать,
как все мы преданы бесповоротно,
И МЫСЛЬ ЕГО БУЛЫЖНА И ОГРОМНА,
и он, взмахнув толкушкой – в жись и в мать! –
влепляет в грязь возмездия печать.

Кострома

ОСНОВА

В лесу далёко пахнет гарью,
чернеет в озере вода,
и нас за тридцать вёрст к Макарью
несёт какая-то нужда.

На паперти среди разрухи,
где негде встать и негде сесть,
поют паломницы-старухи,
и странно слышать эту песнь.

И плат белеет, где подвижник
за нас предстательствовал в вышних
и украшал иконостас...

Они поют в последний раз,
они поют в разбитом храме

«о гневе буйных» ветхий стих
мучительными голосами
помилуй, молят, и прости их...

И тот районный активист,
столкнувший восемь колоколен, –
плюгав же был и неказист –
перед Макарием отмолен.

Наследники его вины,
и мы с тобою спасены
молитвою о всех бесстрашных
среди болот и дебрей важных.

Тропой черничною гуськом,
с котомкою и посошком
плетётся воинство Христово;
семидесятые года
его поглотят навсегда –
продлится чистая основа.

* * *

Держит путь бродяга-книжник
тыщу лет назад.
На боку лежит бульжник,
изнутри – агат.

Камень грубо запелёнут
непроглядной пеленой.
Сделай срез – глаза потонут –
верный срез волосяной.

Нежно-перистые круги,
облака-материки...
Разреш его от муки,
рас-секи!

Наклоняется, не слышит,
заслоняется плечом.
Быль и небыль в книгу пишет,
остаётся ни при чём.

Гонит поп и мир не примет
душу странную твою.
Свято Озеро обымет,
бор затынет литию.

Рукопись в холсты укутал
вологодский Дамаскин,
божеское перепутал
с че-ло-ве-че-ским.

Выходило как хотело,
будто в лёгких снах...
Рукопись окаменела
в чистых пеленах.

Записи

ДИАЛОГ

– Книгу доблестных ЖИТИЙ
перепиши набело:
много важных ЗАБЫТИЙ
ИСТОРИЧЕСКИХ произошло.
Перепиши ничейныя,
ложныя, отреченныя,
синодальным крестом
придавленныя
чудеса и предания –
слышишь стон?
Сложишь в стол.
Будет книга начала начал,
где ТАТАРСКОГО МИГА
праведник не замечал...
– Страшно!
Как не сумею!
Грешен весь и убог...
– Яко на Идумею,
простру на тя Мой сапог!

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

содержанья охранного,
жития ради странного и сугубого сыска приставного
мною составлена.
Филология, помощи в кровь не драться!
Не о Боге я, братцы, хоть Его попущением
хульны ереси на нь писахом...
МЫ ОБЯЗАНЫ ПРОСВЕЩЕНИЕМ НАШИМ
ЧЁРНЫМ МОНАХАМ.

Связным времятечением – тем писателям и учёным
в постриге, в облачении белом и чёрном.
Не оставивший имени паче славного нарекаем –
и к родимому вымени всласть приникаем.
Перемазаны киселём-кашей – ликование и резвость!
ЧТО Ж КУСАТЬ НАМ ГРУДЬ КОРМИЛИЦЫ НАШЕЙ –
ИЛИ ЗУБКИ ПРОРЕЗАЛИСЬ?
Мы обязаны словом – малым школам прихóдским,
тёмным книгам крестовым,
дамаскинам своим безымянным – тверским,
вологодским...

ЖИЛ-БЫЛ ПОП – НЕГОДЯЙ ДУХОВЕНСТВА.
Филология, помощи,
тут кричит неравенство,
и синонимы суть враги.
Кто кому что наследует? Как себя понимает?
Только с Богом священник беседует –
поп начальству внимает
и последнего русского евангелиста
так с амвона поносит – святых выноси...
ДУХОВЕНСТВО РУСИ ИСТОРИЧЕСКИ ЧИСТО.

70-е годы

* * *

Не облаяла собака,
и репейник не пристал.
Хлеб, да книга, да бумага,
да презрительный металл.

Высоко о полдень солнце.
Поклонились ячмени.
Слов не много остаётся:
сохрани, повремени.

Обогнула поле тропка,
раздалась река Костромка,
забелела из леска
монастырская тоска.

Службы целы, стены чисты.
Голоногие туристы
в деревянном терему,
непостижные уму.

Давит солнышко на темя,
налегает тяжело.
Время набрело на время,
слово на слово нашло.

* * *

Свет идёт от земли.
В сумерках беломошник
под ногой – будто в страшной дали.
Где опора, художник?
Здесь она или там,
в котловине и чаше?
**ЗЕМНЫЙ СВЕТ ИСХОЖАШЕ
И ПРИНИЧЕ ПЯТАМ.**
Там – глухой
обретался народец лихой:
уходил от Ивана, не дался Петру,
здесь по нём два кургана в бору.
Землю в руки вберу
белую моховую
и тебя назову я.
Разберу, как слепец письма,
вплоть к тебе приникая,
что посмел забывать: вот какая
ты нечаянно погребена.
Угадаю родню,
по которой тоскую и сохну...
Первым делом в рогатую соху
впрягу четверню.
Кони или быки –
кругом ходит квадрига.
Пашня пышная, пашня-коврига,
в пашенке камешку
по сту пуд! Лягут в стены.
Две валунных морены –
что твои Соловки!
А в горе сам собой на вершок
ключ забился навстречу усердий,
это с посохом Сергей
проходил – отвернул камешок.
Тут часовенка – для бытия.
Прудик-сруб для питья,
для скотины, потом для белья –
зеркала в три ступени,
и простор – для веселья и пенья.
О-зе-ро! О-стро-ва!

Сей округи Великий акустик
голоска, шепотка не отпустит –
слышишь? – песня жива.
С песней тянут плоты,
возят сено широкие лодьи –
как же ты дожила до бесплодья,
до моей немоты?
То ль гагара вопит,
то ль безумная мать причитает –
эхо пересчитает
острова и века, но смертельных обид
не сочтёт – и растает.
На вершине трёхпрудной
на камнях лишай изумрудный,
дивный свет подо мхом,
яма, холм...

д. Липовицы

РОДНЫЕ

По России, по Сибири,
сам не знаю отчего,
так они меня любили,
как родного своего.
Всё живое – тесно, больно –
вот стареют – смерти ждут,
а просты, а безглагольны...
Дом пустой – часы идут.
И везде переселенец
и нигде не сирота,
перепутал как младенец:
та родная или та?
Жив я, нищий и никчёмный,
это – милое – копия:
– Целовек-от ты уцёной,
так и жалко мне тебя. –
А и мне – и так, и жалко:
груди нет, спина да палка.
И гляжу и пропадаю:
так стояла б – молодая,
так бы руки прятала,
так бы зорко взглядывала.
И, ресницы притемня,
угадала бы меня...

Это – в рамке на стене,
будто в омуте на дне –
ты – не ты? В красе и славе
в лапоточках и с багром
в майский день в лесу на сплаве –
стлело время – вышел бром...
Не гляди уж так плачевно,
укоризну затая,
мама Ольга Алексевна
одинокая моя:
по Сибири, по России,
память милую храня,
без меня живут родные,
помирают без меня.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ СТИХИ

Фотографический портрет
в просторной северной избе,
где встречен ты и обогрет
и рады угодить тебе.

Простые мягкие черты.
В глазах – печаль судьбы чужой.
– Ты кто? И где была?
– А ты? –
И говорит душа с душой.

А где я, правда, был тогда,
когда я молод был?
Не помню, позабыл... Ах, да,
ведь я – одну любил.

И я боялся не беды –
боялся счастья своего,
такого ясного...
– А ты?
– Я не любила никого.

* * *

Тихо, важно
всё в природе.
Косточки Яшина
болят к погоде.

Где-то тут наверняка
положили встретиться.
У Кичмень-городка
деревенька така:
Светица.

Посреди лесов-холмов
деревенька – семь домов –
пятнышко родимое
одно неуследимое.

* * *

Пошёл, пошёл – по тропам
на север наугад, –
а чёрный цвет потрёпан,
а серый сероват –
на злую волю волчью –
и поделом, гордец! –
но кровию и жёлчью
не соблазни сердец.
А воля – как погоня –
всегда-всегда близка,
и на родимом лоне –
по родине тоска!
В заплёванном раймаге
и в подзаборном сне
покорные дворняги
тоскуют обо мне.

* * *

Во всём ассортименте
мои – резиновые сапоги.
Таков сегодня дэнди –
и возле глаз круги.

ЖАВОРОНОК

Человек на асфальт упадёт,
а на землю упанет.
Належится и встанет,
пошатается – да и пойдёт.

Там ты – злостный,
а тут – озорник.

Тут я слёзный
раскаившийся ученик

тех полей, тех лесов,
что простором одним поравняло,
сорванных голосов...
Жизни мало,

жизни мало – поля перейти,
воздух вешний
выпить – пить, выпить – пи-ить...
Посредине пути
панешь, грешный.

НИКОЛА-КОЛОКОЛ

...на Вохме построена в 1784 г. церковь на месте,
где слышали з в о н: в 1845 г. она сгорела с о з в о н о м.

В. Даль

Подковой брошенной блестит курья:
прогнали Вохму-реку по прямой,
и вопли земноводного зверья
тревожат слух или рассудок мой.

РАССУДОК ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЕЛИК – таков
завет поэта. Вот и мужики
тот колокол везли на переков,
но рассудили ехать до реки,

до омута... Сюжет совсем не нов,
но голос обрела немая тварь.
У благовеста тысячу тонов
улавливает музыкант-звонарь.

Угадывает гениальный слух
лады и тоны внешней немоты...
Невероятный дар или недуг
запечатлели нотные листы.

И, значит, жизнь со смертью заодно,
и звук немой прозрачен, как кристалл.
Никола-колокол ушёл на дно,
но отзываться нам не перестал.

Диапазон его тонов и нот –
небывшей жизни щедрые черты,
нужда души протяжная – ди ноот...
С утратою славянской долготы

мне помогал рачительный остгот:
без языка оставили меня,
родимой речи величавый ход
побежкой суетливой заменя.

Места родные – звуковой провал.
Молчит округа – а всю зарю...
Три поколения перебедевал
Никола, ожидая звонаря.

КОНЮХ ВАСЯ

В октябре человек с чемоданом
появился в селе.
Впереди некто, пьян вдрободан,
шёл, прикладываясь к земле, —
и до площади храмовой шёл я за пьяным.

От густой унавоженной грязи
отрывал я его: — Не балуй, не балуй! И — а — уй! —
Нетяжёлого тела и земной органической связи
отрывания звук — поцелуй.
И от конюха Васи
дух знакомый сивушный
до конюшни донесло ветерком,
и приветное ржанье слышалось из конюшни,
а хозяин ни с места — и в глину ничком.

...Поцелуй — звук для слуха разбуженного!
И не зря
перед чайной избой у разрушенного
алтаря

до весны дожидались меня
отпечатки ладоней и лба —
навсегда на сетчатке:
борода и губа.

Пал морозец весёлый,
и глина взялась, как сургуч.

Где зимуют раки? Ну, не мешкай.
На снегу одёжка и пешня.
Ясный месяц с грустной усмешкой
смотрит и не смотрит на меня.

До полудня – вспомнишь – и хватает
оторопи этой ледяной.
Еле-еле край мой рассветает –
низкорослый, северный, лесной.

Рассчитав хитро воздушный вектор,
поправляя шляпу пирожком,
в школу направляется директор
многоуважительным шагом.

Через час, походочкой нескорой
и держа портфель как бы дитя,
девочка проходит, о которой
я скажу немного погодя.

Вот она уже неподалёку,
вот идёт, сощурясь на зарю,
мимо окон... Вот уже, ей-богу,
не дышу и даже не смотрю.

Буду в испытаньях неослабен,
больше никого не полюблю,
сиротой остался Колька Скрябин –
хочет, так возьму усыновлю.

Поле хмурое ведёт и клонит,
поле всё промёрзло, всё поёт,
ветер мглу несёт, позёмку гонит,
обрывает галочий полёт.

Достоевский. Два часа науки.
Знают всё, не зная ни аза,
эти – полные судьбы и муки
чёрно-золотистые глаза.

* * *

Одна заветная? Их две
в моей болящей голове:

одна – земля, другая – небо,
и нет без них меня. И мне бы

небес не знать, землёй не стать...
Неизмерима благодать:

ужели – третья? Быть не может!
Так, значит, век ещё не прожит?

Взбежал как мальчик по лучу –
о как светло... как жить хочу...

МГНОВЕНИЕ БЫЛО ТАКОЕ

Да здравствует тощая шкура
сельских учителей
и русская литература
за краем лесов и полей!

Я принял почётное бремя
и старшие классы повёл,
разумное доброе семя
кидая в родимый подзол.

Конспекты, уроки, тетради,
картошка, дрова и поход...
И детская чуткость к неправде,
и взрослый её обиход.

Росли – для колхозов истроек,
как будто спешили – росли.
Не велено ставить им двоек –
я ставлю им просто нули.

Но это не слишком сурово,
к тому же потерян журнал.
Герасимовы и Костровы,
немало от вас я узнал.

Писал Маяковский жестоко,
Есенин, обратно, кругло –
выходит из первоистока.
Как вышло – да так бы и шло...

В оглобли я впятил Пегаса,
мне дети являлись во сне.
Четыре запущенных класса
меня измотали к весне.

В июле – долой с голубятни –
с сиротского прочь чердака!..
Две девочки в розовом платье –
ко мне – словно два мотылька –

Колесникова с Гончаровой:
– Учить-то нас будете, нет?
А есть у меня уж готовый,
мною выстраданный ответ.

– Да... Буду. – Понять не умею!
И, Господи, обе и две
девчонки повисли на шее,
стемнело в моей голове.

Пудовые сердца удары.
Висят – задушили... К тому ж
тем летом стояли пожары,
давила великая сушь.

Вот было мгновенье какое...
А был ли ты счастлив? Вполне –
в селе Вознесенье-Николе
в моей костромской стороне.

* * *

Тринадцать пуль отлей мне, оружейник!
Г. Табидзе

Лесная родина. Июль.
– Галактион, семнадцать пуль
в груди моей сорокалетней!
Какая жизнь – хоть не живи!
Опять предвестие Любви,
всегда великой и последней...

– Какое счастье, милый мой!
Семнадцать пуль... Как жизнь прекрасна
и в час последнего соблазна,
когда достаточно одной!

– Беда, беда, Галактион:
леса горят и сохнут реки,
ты видел буйный лес знамён,
а я – обугленные древки.

– Семнадцать раз переживи!
ЦАМЕБА³⁶ – помни эти звуки.
Лес – на огне. Храм – на крови.
И всё и вся – на смертной муке.

* * *

Живёт огонь в печи,
живёт герань в горшке,
мышонок за обоями
и дождик в потолке.

И тень живёт в углу,
и дышит щель в стене –
и я сажусь к столу,
а жизни нет во мне.

Я знаю, где она,
я слов не собираю,
когда в мою светёлку
она заходит поутру.

А щёки холодны,
зарёй озарены:
как шла – так свет на ней
и ветер снежный от полей,
а слышу, как тепла.
– Вот молоко, ты пей,
вы пейте, я пошла.

И всё. И я живу
до завтра, до неё,
и длится жизнь моя,
дыхание моё.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

От кружки кофе, залпом выпитой,
мотор подхлестнутый стучит,
и младший класс по тропке выбитой
свои портфелики влачит.
Шурша нескошенными злаками,
ломая утренний ледок,

---

³⁶ Ц а м е б а – мука, страдание, но с оттенком праведной победы (груз.).

со всеми сельскими собаками
спускаемся в широкий лог.
Толпимся у колоды с пенною
водою для мытья сапог,
чтобы стопою омовенною
ступить на вытертый порог.
По коридору чуть покатою,
плывущему немного вбок,
спешу к любимому десятому:
у нас сегодня праздник – Блок!
Гвалт за дверьми секунду слушаю
и твёрдо вшагиваю в класс,
где пахнет доброю конюшнею
и пыль ещё не улеглась.
Глаза по плоске, косы встрёпаны,
весь деревенский макияж
намарку – и стою как вкопанный,
пока стихает юный раж.
И надо сблизить даль словесности
и эту жизнь передо мной,
где бездна полной неизвестности
во взгляде девочки одной.
И жар, и бледность от бессонницы
к черёмуховым холодам...
Не страшно ли тебе опомниться
к семнадцати твоим годам?
Грехи мои, паденья, промахи
ты сможешь ли когда простить?
Тебя ли, как букет черёмухи,
я обнимал? Не может быть...

1973

* * *

Не будучи лёгким словом,
ни рифмою избалован,
я думаю иногда:
никакого труда
не требует стихотворство –
ждёт одного потворства
словесная череда –
странная вереница
обратного бытия,
ты, моя ученица,
учительница моя...

* * *

Служить садовником, и солнцем,
и чёрным ледяным колодцем
в углу сияющего сада –
и больше ничего не надо.

Но расцветала надо мной
и, на лицо земли сырой
мне цвет младенческий клоня,
моя стояла яблоня...

* * *

Рае

Туманный дождик тише тишины.
Серебряное облако лежит
отсюда – до Николы и Ключей.
Ты без платка передо мной стоишь,
и палехская золотая низь
унижает волосы твои.
В лесу ещё сугробы. Дышит лес.
О раменье кругом едва-едва
белеет наледь. Поздний месяц май,
зажги свечу в холодном сельнике,
дохни – и душу видно: ра-ду-га...
И погаси...

* * *

В Калязине душном шиповник цветёт,
в Калязине влажном высок и опасен
разлив подземельных блуждающих вод –
при малом дожде оплывает Калязин.

Зачем на зубах эта терпкая вязь –
зелёная каменнокислая слива –
и странное чувство – никак не зовясь –
у тёплого моря удушье прилива?

Лягушки звенят в потоплённом бору,
такие лиловые и голубые!
Когда, я не знаю – весной, поутру, –
а только не вынесу этой судьбы я.

И пальцем не тронут, никто не убьёт,
а только не вынесу – жизни родимой...

В Калязине душном шиповник цветёт,
неделю стоит, кисловатый, сладимый.

От вольного света, от жизни дневной –
запомни, Калязин! – чиста роговица,
когда перед старостью или войной
является светлая отроковица.

* * *

Путь дальний – ближний не годится,
а почему – не враз поймёшь.
Как выйдешь – девочка родится
и вырастет, пока дойдёшь.

Звенит водица ключевая,
шумит тенистая сосна.
Весна моя сороковая –
как будто первая весна.

Мне снится лес и семь избёнок
за полем голубого льна.
Издалека – бежит – ребёнок –
подходит – женщина – она...

Ты сон согласи и покоя.
Шуми, сосна, звени, вода.
Потом – старуха ткнёт клюкою,
потом – почти уж никогда...

И через поле то льняное
уйдёт к поваленной избе
и доживёт своё земное,
невыносимое тебе.

* * *

Всё одна и та же сила
это поле всколосила,
и себя превозмогла –
и слова произнесла.
Замела поля кривые,
где оранжевую выю
отморозил агрегат
комбайнёру невдогад.
Накопаю дров ольховых
в голубых снегах пуховых,

лёд метровый прорублю,
камелёнку протоплю.
Всё одна и та же сила
жар со стужею смесила,
по снегу бегу босой
да за русою косой!
Поведут её за гробом...
Лёд рвануло под сугробом!
Эхо глохнет в берегу –
всё мне любо,
всё могу!

* * *

Попивая коньячок,
худощавый маньячок
всаживает, как дробинку,
в эту женщину зрачок.

У ней коса расплетена.
По улице пройдёт она –
и останется за нею
солнечная сторона.

За столом она сидит,
на меня светло глядит,
ничего не понимает –
может, сына мне родит.

...Я бы рад тебе помочь –
простоял твою бы ночь
на коленях перед бездной...

Может, сына, может, дочь.

* * *

Я знаю без искусства,
что жизнь моя сбылась
и от избытка чувства
со смертью обнялась.

Не рано и не поздно –
посередине лет –
и солнечно, и звёздно,
и просто: свет и свет.

* * *

Ландышей нарвал в комарином лесу –
старой няньке моей несую.

Девочки навстречу – три.
Делать нечего – дари.

Они косенькие,
крепконосенькие.

Больше дышать и нечем –
этим вот существом человечьим.

Ладно, дыши,
дари ландыши.

* * *

Век живёт у оврага
берёзина вниз головой.
Стройны отпрыски. Только и правды,
что на берёзе кривой.

Бабка, кошка, козлуха
в деревеньке лесной.
Разговаривает старуха
с тишиной.

Это свыше
ей дар таковой.
Опирается на косовище,
клонится над травой.

У худого покоса
гнёт тебя пополам...
Знак вопроса,
не ясного нам.

Позимуй да полетуй,
не пыли прямоюй
возле спинушки этой
либо – той.

*Записи***АГРИППИНА**

– Тropicки-ти перемело,
а животина тонь понятна:
я веду её в село,
а она меня обратно.

Иду – боле не могу!
А темно – нали что глухо.
Ноцеваем во снегу
в обхватаоцку с козлухой.

Снег-от мяжкой.
– А куда,
слышно ли, погнали сына?
– Ой, далёко, ой, беда! –
заревела Агриппина. –

Николай-от ключецьской
нас конём и переехав!
Не видав дак! Смех какой,
а замяв – так не до смеха.

Возле самого крыльца,
значит быть, и ноцевала.
Раздобылася пивца –
и козлухе подавала.

д. Осаниха

* * *

Хороший парень. Милая семья.
Извёлся: как там приработать денег...
Ах, эта добродетель не моя –
хорошая такая добродетель...

А к ночи сон его сбивает с ног.
В полгода раз он пьян – подумать тошно...
Опять не мой – жаль, что не мой – порок:
похмелье всё-таки благонадёжно.

Мы дружим. Всё у нас как у людей.
Меня своей моралью допекая,
он совестится, мучится – моей...
Моя мораль? Помилуй Бог – какая?

Довольны им работа и семья,
и верная любовница довольна.
Что делать мне с тобою, жизнь моя?
Мне ничего нельзя – и всё дозволено.

* * *

Ты – разум?
Ты пошляк.
Тебе доступно что-то
не выше анекдота
и птички на полях.

Тебя не оскорблю
и самым грубым словом –
живи на всём готовом.
А я – её – люблю!

Меня ещё спасёт
пространство чистой веры –
та высота высот,
не знающая меры.

* * *

Не троньте эти ризы –
пускай душа цветёт.
Её цветы – капризы,
её раздумья – плод.

Не окажите грубости –
не всё ли вам равно?
Не осудите глупости –
поступите умно.

Не надо мне рассудка –
расхожего, ничейного.
Он гадок – проститутка
от очага семейного –

и тут на миг я точен,
а так – я налету
и не у всех обочин,
чорт побери, цвету!

любого умственного положенья
душевное опереженье!

с. Никола

Записи

* * *

Вот какие мне подарки:
рассуждения доярки
о питомицах своих.
Имя – образ. Имя – стих.

Еле-еле спозаранку
выстала доить ПОГАНКУ –
так и не далася, б....:
чует запах, чует, знать.

Дак со свадьбы! Еле-еле...
Что ей! Думала, не встать...
Лижется моя АВЕЛЯ:
чует запах, чует, знать.

Бела тёлочка ВАДИМА
(у меня такой Вадим
по два годика ходил,
может, чем не угодила?).

Эта красна. Эта МЕДЬ.
Ну-ка! Эка здоровушша!
Та – АКУЛЬКА – что козлушка,
мелка, не на что глядеть.

ЯСЕЛЬКА... Зову почто?
Знай-поди. Ясель-то нету.
ДУРОЧКА? Да не про эту!
Не корова – тенето.

Та СОРОГА, что безрога.
Тёлочка от МЕДИ – ХНА:
дак и модница она,
глянь-ко, даром что корова!

Онега

ДОМ

Спасибо за то,
что тонок и звонок,
что плачет ребёнок
и лает собака.

Значенья лишены
случайного слова –
за пеленой стены
лишь музыка – едва...

В поле настольной лампы
будто издалека
будто чужая – эта
прожилистая рука.

Разогнутая тетрадь.
Лая собачьего,
шума ребячьего
милость и благодать.

СЕГОДНЯ

Эрнсту Неизвестному

Мне целиться в летящий день
мешает творческая лень.

Не вижу ни «вчера», ни «завтра»,
а только чувствую, что правда

навылет – и не чью-нибудь –
мою же пробивает грудь!

А в этом деле, братья-внуки,
не столько правды, сколько муки,

и между завтра и вчера
такая рваная дыра...

* * *

Нагая тишина безветрия.
Три сотни окон спят в стене,
и нищенская геометрия
ещё беднее при луне.

Ещё беднее и бездарнее
напротив и наискосок
супружеская брань базарная,
где женский голос так высок...

Не первый год живу на свете я:
утихомирится жена,
утихнет драма – а трагедия
невидима и не слышна.

* * *

В церквушечке затхлая мгла,
преграда восходит подковой:
там вышибли камень замковый,
и трещина ввысь поползла.

Исполнилось десять веков,
как мы повалили Сварога
и ради печального Бога
крестили плетью мужиков.

А первую память души
пожгли, посекли, потопили.
Так эту преграду разбили,
так выдрали эти тяжи.

И кто тут работал киркой
в пустом и захламленном месте –
не думал о горьком возмездье,
вины не понёс никакой.

...А дивно порой горячо
от старого пепла – доныне,
и дымом славянской святыни
мы дышим, мы дышим ещё.

Кого бы на мысль навело
кумиров и храмов паденье
родные хранить – заблужденья,
и мир, и печаль, и тепло...

* * *

Пространство волнами покрыто,
над морем – одинокий крик:
здесь потонула Атлантида,
здесь захлебнулся материк.

Остался голос – эти земли
по голосу – восстанови!
Поэт, родимой речи внемли,
родное время оживи.

ПОРЕЧЬЕ

Ветер выдавит стекло
или выгнет парусом.
За ночь снегу намело,
кровли со стеклярусом:
ветер гнёт сосульки в крючья,
гонит снеговые тучи.

– Это чёрные костры! –
это шестилетний Митя,
это пик его развития.
Мальчик гений до поры...

У хвостатой тучи страшной,
синеврюхой, двухэтажной,
режут глаз до слёз края –
солнечные лезвия!

По заснеженной тропинке
не проходишь без запинки:
– Митя! Под ноги смотри...
Митя говорит неслабо:
– Папа! Некогда мне, папа...

Вот и пожни-пустыри.
Пали и пожухли травы.
Кочковатые луга
долгошеи, белоглавы...
– Видишь, Митенька?
– Ага.

Что он видит, я не знаю.
Я что вижу – не скажу.
Ручку мягкую сжимаю,
озираюсь и дрожу:

мальчик тоже не слепой...
Поворачивают лица
те, которым не ложится,

тут стоящие толпой –
здешние... в земле по плечи...
Одичалое поречье.
Брошенные стожары.
Тучи – чёрные костры.

ЯВЛЕНИЯ И СИЛЫ

К. Постнову

Я выпил кофию полкружки,
печь затопил и вижу в ней
над грудой сыроватой стружки
такое облачко огней.

Оно кудряво и лохмато,
всё искрами просквожено.
Висит отдельно – сублимато –
понятно? – То-то и оно.

Катается по своду, виснет,
в нём озаренья – как в мозгу...
Я вижу, что матерья мыслит –
ещё раздую – помогу!

Кругом явления и силы.
Я дунул – и огонь погас,
и плавают круги и пилы
у самых глаз. А как у вас?

Огонь дымил, огонь томился
и вымахнул под потолок –
и оттолкнул – и о-бо-лок! –
чтоб я живым огнём умылся.

ВОТ КАКАЯ МИНУТА

А слабó с десятиметровой
стеблем клонящейся вышки?
Бойтесь, мальчишки,
и ты не пробуй.

Но площадка-ладонь
тебя протягивает кому-то
в небесах над водой...
Вот какая минута.

Встань на краю
в стойку, прямую как гвоздик –
а к р о б а т и ч е с к у ю –
лёгкий толчок, нарастающий воздух...

Всем-то прикладом! Плаш-мя –
об воду, бедолага...
Камнем встретила влага
шмякнувшегося мя.

Даром не принимается дар.
В жизни продлённой
помню жаркий удар,
яркозелёный –

изумрудно-зелёный на миг
однокрасочный мир.

КАР-ОЗЕРО

Н. Арронету

Лежала в лодке нагишом,
литую косу в воду свесила,
чтоб я, который мимо шёл,
тут и остался бы, балбесина, –

а я бежал!.. Как снег бела...
Вновь тропка обогнула озеро,
покуда косу расплела
и копну за плечо забросила.

Пустынное лесное Кар.
Подсочный бор, болотный ельничек.
Кирпичный по щеке загар,
и розовый такой ошейничек.

А тело так слепит бело,
что и комар её не трогает.
Всё в лилиях, озеро кругло,
и сердце, обрываясь, грохает.

По лывам тощий березняк,
и мреет торфяное, карее...
Курится банька на камнях.
Напарница – её постарее.

Из четырёх недель одна,
законная – им на пропитие...
Постой! Так это же она –
скрипачка, беглая, из Питера!

Лес в дивном зеркале – и то
судьбы её преображение...
Напарясь, наплескавшись до
блаженного изнеможения,

с подругой шкалик распочнёт...
А волосы – коснись – присвистывают,
а тело под рукой поёт,
как лес поёт зарёй росистою,

как скрипка пела под смычком...
Живи, душа, своею волею –
и никогошеньки кругом!
Ох, никого... Меня – тем более.

Записи

ОДНОЛЕСЯ

– Так, значит быть, случилось однолесья...
– Чего-чего?
– Однолесье, говорю,
случилось... Ты думай, а не смейся.
Ну, еду в остров, дело к ноябрю,
и вижу: ПЛЕЩЕТСЯ, а так студёно,
на берег вышла и манёт – вот так.
Стоит и ровно бы поёт... ВОДЁНА...
– Кто-кто?
– Водяникова дочка, дак!
Вся ровно бы как дым...
– Как вот Васіна когда-то, да?
– А подь на леший след!
– Так это не водёна, а ундина.
– Не, не, не Дина! (Размахался дед.)
Да разве Дина... Динушка грузная,
а та танцавенька така. Ну вот,
подъехал, и растаяла, родная,
и следу нет, а всё как бы поёт!
– Русалка?
– Не, русалка другояка,
та в Чёрной лахте, ту я не видал...

– С хвостом, дед? Как сорога?
– Как собака!
ТЬфу! Сам всё знат про всё,
а чё пристал...
– Так это, дед, была такая овидь...
– Во-дѣ-на! Грудки маненьки, стоят.
Однолеся и было, и давно ведь,
а вижу...
Спрашивают! А сам всё знат!

Пелус-озеро

СТРОИТЕЛЬНАЯ ОДА

В каждом божьем сновиденье,
продолжаясь наяву,
длится домовозведение.
СТРОЮ – ЗНАЧИТ Я ЖИВУ.
За протокою в бору
стали звонкими лесины:
переплавлю, обопру
первый ряд и крестовину
на двенадцать валунов
и тринадцатый под печку –
с печкой много, мно-ого снов! –
но беда: проспал крылечко –
наступив на пустоту,
дочка лоб себе расшибла,
и загладить шишку ту
может лишь другая шишка.
Лёжмя положил окно –
в лист! – на озеро, на полдень –
светом горницу наполнил...
Шутка ли, когда бревно
двадцатипудовой тяги –
ЗДЫНЕСЬ только на бумаге,
а втянуть на берег... Но
тут лебѣдка, колея
в две слег... Не понимаю,
как такие брёвна я,
цепью захлестнув, тягаю!
В озеро – короткий СВАЛ,
два пологих долгих въезда
на пригорок – это место
сам Господь образовал.

В небо ёлочка-свеча –
тех откосов завершенье...
Где же муки разрешенье –
той, что давит мне плеча?
Я б хотел на склоне лет
обратиться к Гесиоду
и строительную оду
посвятить ему... Так нет!

ОХОТА

Синий-синий зимний день.
Солнце рвётся через ельник,
выстилая светотень,
полосатую, как тельник.

Бестолковая лыжня,
пропадай за малягами!
...И всегда эти мужья
путаются под ногами...

Рухнул снег – дымит вода,
две промоины чернеют.
Где же ты? Летел сюда...
Валенки окаменеют.

Я гляжу – и он глядит,
как палит моя двустволка.
Мёртвый тетерев летит
низко-низко, долго-долго...

Чёрен, жив, тяжёл, горяч,
в россыпь дивную сугроба
зарывается косач.
Небеса глядят сурово.

Что поделать – кровь не врёт.
Пуще каторги охота.
А известно наперёд
приблизительное что-то.

Пелус-озеро

БОЛЬНИЦА. ЛЕТО*Алёнушке*

Прежде чем повернуть
на дорожку, прямую как плёс,
ты глаза вытираешь от слёз,
останавливаешься вздохнуть.
Полосатый махровый халат
полноват для его худобы.
Принесла ему виноград,
недозволенные грибы.
И мгновенье одно
испытующе смотрит, как мать:
что больному разрешено? —
и решает не отдавать.
Ты бы рада ходить и ходить
хоть в больницу к нему, хоть в тюрьму,
и ребёнка ему родить —
ах, когда бы — ему!
Рада кровь свою перелить,
чтоб не мучиться — всю в него...
Как ему это знать? Как быть?
Не тебя любить — каково?
Чуда Божьего причастясь,
онемели его слова.
Паутинки блистает снасть
и поддерживает дерева.
Пересёк муравьиный ход
асфальтированную тропу.
Проводив тебя до ворот,
он глядит и глядит в толпу:
— Спаси тебя, сохрани,
ангел мой... Исцели Христос...
Грех валяться в такие дни:
сенокос...

* * *

Если спросят на Суде:
– Ты ли грешен?
– Я, – отвечу.
– И кого, когда и где
ты обидел, человеке?

Поведу тогда рассказ
обо всех, кого хоть раз,

хоть нечаянно, невольно
я обидел, сделал больно.

Так пройдёт тяжёлый час.

Председатель очи скосит
на божественный совет:
– Был ты счастлив или нет? –
так же строго меня спросит.

– Был, скажу, и есмь, отвечу,
буду жив, пока люблю... –
И о том же – той же речью
страшных судий удивлю.

И один тогда, насупясь:
– Счастлив, – скажет, – хоть речист. –
И какой-нибудь Анубис,
как какой-нибудь штангист,
вынесет над головою
коромысло роковое,
сердце грешное живое
на две доли разорвёт...
Зло с добром шакал развесит:
чаша добрая плывёт –
помышленья и дела –
чаша злая поплыла...
Больше ничего не лезет,
ибо жизнь моя тесна.

Сорок зим уравновесит
сорок первая весна!

НЕПРОЧТЁННЫЕ СТИХИ

Яну Гольцману

Что-то нам, худым и пришлым,
непонятно объяснил
Михаил Михальч Пришвин:
не гадал – а соблазнил.

Не сойдутся слово с делом:
то мешает, то претит...
Над прогалом поседелым
мёртвый тетерев летит.

Почернелую дробинку
вынимаешь из груди...
Посади – по мне – рябинку,
лиственницу посади.

Не твоя ли на угоре
лиственница – как струна?
Не моя ли в Белом море
потоплённая страна?

В дебрях водорослей ржавых,
в помавании ветвей –
коль причастен СОНМУ ПРАВЫХ
сотой долею своей?

Записи

ПИСЁМУШКО

Здрастуй Ванюшко мой сынушко бажонный
на два годичка незашто посажонный
говорят не виноватый ты Ванюшко
кланяется тебе твоя мамушка
и всем товарищам твоим и всем начальникам
как и звать не знаю величать ли как
прости Ванюшко меня простоголовую
таку негодну дурословую
всё и складываю нонь да причитываю
а писёмушка твою не прочитываю
а прочитыват сын мой Вовушко
он и пишет всяко писёмушко
родной сын посажонный куролесливый
а чужой учёный жалесливый
скажу сделай чо дак он и рад
а уходит сам в байну в трубу играт
и пошто эту гадось в рот берёш
такой смирный весёлый да всем хорош
у его труба ли квохчет ли керкает
а ку песню заведёт всю сковеркает
давай брату гыт мать писать письмо
а письмо вперёд и бежит само
нет уж мать по порядку веди не спеши
а ты не слушай меня знай пиши
дуда гнутая сарафаном звать
вся серебряна с такими папинкам
в байны сам сидит раскладёт тетрадь

нуко с птичкама такима с крапинкам
а лони пришло эких-то пятеро
кто таки а говорят с конца озера
дак в палатке ночесь их заморозило
а у Вовушки ни отца ни матери
запустила их в зимню горницу
сама думаю кака может вольница
нет гыт мать мы художники
и тебе ещё может помощники
эти двое-то с двоима жёнами
так что мы тебе не грабители
жаль смеюся говорю что не видели
непутёвого мово посажного
а ты Вовушко не жанат чево
а гыт мать всё в жизни обманчиво
а сам поглядыват на фотку на сестру твою
на таку же на дуру беспутную
доброгой да красотой своей нещасную
в батьку видно тихую согласную
а вот как сынушко заключённой ты мой
одна беда мне с твоей тюрьмой
как пошли дожди картошка не копана
а сыны ушли дак не прикованы
мне высокодавление такой степени
ин до звёздочек до края потемени
всю шатат меня ровно пьяную
на коленках в борозде тут и плаваю
изустала да пала да запела я
во всю голову дура угорелая
говорить-то путём разучилася
до того сей год с картошкой добилася
не сердис на меня сыночек Ванюшко
плоха стала я где бы батюшку
нету батюшки нигде нет и в Пудоже
видно ждут меня к себе знать зовут уже
поклонися от меня всем начальникам
каким товарищам как звать величать ли как
а ещё тебе сам напишет Вовушко
напиши ему беспутному два словушка
и за что только Бог меня наказыват
знает все мои грехи да не сказыват

ЧАСОВНЯ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ

В ПАМЯТЬ
ЕЛИЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ
И ЕКАТЕРИНЫ ИГНАТЬЕВНЫ
КАЛИНИНЫХ

До края чаша налита
и пролита – пиши.
Точу топорик на лето –
чинить карандаши.

Что звоном, что закалкою
он радует меня.
А с плотницкой смекалкою
все прочие – родня.

В каноне есть особинка,
в свободе есть закон.
Растёт в бору часовенка –
двадцать пять бревён.

От кия и до клотика
задорно взнесена
олóнецкая готика
с развалом в три бревна.

Крыльцо, крутая крышица
и маковка на ней.
Качнёшь – она колышется
от высоты своей.

ИВАНОВ, ЭТЮД «РАБА»

Раб неприятно голубой.
Ослабился: чего угодно?
Присел – глядит наверх. И потно
над вывернутою губой.
Приплюснут нос, наставил ухо,
показывает весь оскал,
как давешняя молодуха...
Нашёл-таки, чего искал,
раба составив по кускам.
Вот –
предрасположенье духа.

И был им создан
рабский дух.
И были вы-жа-ты модели –
все – от подростков до старух, –
притом старухи молодели
и вкось из-подо лба глядели...
Разбит божественный сосуд,
претворена живая форма!

Он мучится, он мыслит гордо –
он кается. Года бегут,
и невелик, незамечаем
Мессия – будто нет его –
ником особенно не чаем –
невероятно божество –
гуляет по холмам Кампаньи –
пускай гуляет, день погож...

Позавчера он мылся в бане,
медноволок и белокож.
На площади,
в дому,
в гробу,
в терпении судьбы и страсти –
я узнавал тебя – отчасти...
Прости же своему рабу!
Художнику – прости мне грех!
Там, в Самарии, в день погожий
ведь ты явился – всем – во всех –
сияющий и белокожий!

ГЕФСИМАНСКАЯ СОНЛИВОСТЬ

Чтобы славная продлилась
жизнь апостолов Моих,
гефсиманская сонливость
одолела их.

Тем же часом легионы
ангелов наготове
трепетали полусонно
в голубой листве,

и в тяжёлом полудужбы
плыл Отцовский лик...

Никого не звал к оружию
наш архистратиг.

В голубом и зыбком свете –
как на дне реки –
разметались, спят как дети
все ученики.

Только... Только Иоанна
грудь как будто бездыханна
и чело темно.
То-то и оно!

Сим отмечен гений дивный:
чувствую спиной
взгляд горящий: ты единый
бодрствуешь со Мной.

ОРЛИНОЕ ПЕРО

Сентября двадцать шестого
все семеро учеников
ведут наперсника Христова –
им радуется Богослов.

Уже стоит в виду Ефеса –
короной – свет со всех сторон,
как та полярная завеса.
И смерти радуется он.

Столетний разум твёрд и ясен...
И повелел, глаза смежив,
гроб истесать крестообразен
и в оном ПОГРЕБЕСЯ ЖИВ.

И то, что век ему служило,
спросил орлиное перо
затем, что ВРЕМЯ СМЕРТИ – ЖИВО,
а не мертво.

И явственно ещё и слабо
он говорил свои слова,
егда возлёт крестокрылато...
Но все бежали от волхва.

ЧЕТВЕРИК*Из поэмы*³⁷

1.
Просторно. Пустынно.
И здесь ты крылат:
поднявшись легко над излучкой озёрной,
мысок оплыви и окажешься над
вмерзающей в заберег баенкой чёрной.
Ноябрь. Светает с трудом. Поглядим,
не выбьется ли где-нибудь над избою
дымок?..
Нет... По осени край нелюдим.
Дома заколочены. Белой крупую
помечены ямины и колеи.
По отмели – по льду – разводы агата...
Вставайте!
Не встанут старушки мои.
Чернеется лодочка продолговато.
Десяток домов на мысу коренном.
Два-три с развалюхой торчат в заозерье.
Но все пепелища рельефны, где дом
когда-то вставал и справлял новоселье.
На двух берегах мал-не сотня дворов,
хозяева коих за лахту уплыли
в лодейках сосновых под полог и кров...
А кто убегал. А кого уводили.
От Бога ли срок, от людей ли указ –
оставим пока эту грустную пропись.

Осиновым белым огнём распалась,
сквозят облака. Через хвойную прорезь
пробьётся вот-вот...

Хорошо с высоты
окинуть в земле потонувшее время:
боры, что на избы пошли, на кресты,
целы. Вся угадывается деревня.
С Колоды, с Корбозера колокола,
с Гужова – сюда долетят издалёка...

---

³⁷ В сентябре 1990 г. была освящена часовня во имя Рождества Богородицы на погосте д. Пелус-озеро. Три года рубил её Ваш покорный слуга. В монографии Евг. Нилова о Муромском монастыре сказано: это первое за годы советской власти культовое здание, сооружённое в Карелии. Ну как не похвастаться?.. – *Автор.*

Глядь –
вышел хозяин в чём мать родила
из крайней избы, что дымит одиноко.
Мужик как мужик. Постоял на крыльце,
шлёп-шлёп – сосупает по инею сходней...

Во времени сущем и в третьем лице
ему оставаться, однако, свободней.
И крепок же Север!
Парок недвижим.
Жердиною лёд разбивает... Да скоро ль!
Ждём-ждём – отвернулись.
(Представим – дрожим.)
– Как в Сороть! –
и в озеро прыгает. – Сорок!
– За сорок! – то эхо рифмует, то звон
самой тишины – или впрямь издалёка? –
то музыка льдинок, тепла поволока,
где з́аберег свежий сломал он, как слон.
Дверь бузднула, иней сползает с окон.

А было:
по озеру он и она,
а озеро только что отходило:
промоина рядом, алмазно черна –
теплом ключевым восходящим промыло...
Всё было – всё, что он бормочет:
Одна

всё одна и та же сила
в поле травы всколосила,
и себя превозмогла,
и слова произнесла.
Замела поля кривые,
где оранжевую выю
отморозил агрегат
комбайнёру невдогад.
Накопаю дров ольховых
в голубых снегах пуховых,
лёд метровый прорублю,
камелёнку протоплю.
Всё одна и та же сила
жар со стужею смесила –
по снегу бегу босой
да за русою косой!
Поведут её за гробом...
Лёд рвануло под сугробом!

Эхо гложет в берегу.
Всё мне любо – всё могу!

2.

Погибшей и гибнущей жизни ходатай
и душеприказчик последних старух
поплакать бы рад над ПОЛОСКОЙ НЕСЖАТОЙ –
но в этом краю небывалых разрух
не сеют. И пашня становится пожней,
и пожню затянет, глядишь, соснячок –
тем гуще и тем веселей, чем ухоженной
был чей-то надел: попотел мужичок –
двупалой окованной сошкой-виланьей,
как пеня, повыкорчевал валуны.
Ступали по собственному желанью
в оглобле крестовой быки-балуны.

«Кнута им не нать. Сам и ходит и ходит –
падёт – ровно щука лежит в борозде.
– Ну, Глазушко, ну! – не стаёт. Ну, и хватит,
знать, весь уходилсы. Ин – двое в кресте
падут как заленятся. Вынести надо
какого-ни пойла – манишь калачом...»

В бору островном исполинские гряды:
валун – шевельнёшь, а поднять – нипочём.

Кругом

этой были следы-отголоски...

И что в этой гибели, чем он живёт?

Прогнили на крыше смолёные доски –
горбыль раздобудет, притащит, нашёт.

От нереста щучьего до сенокоса

и впредь весь черёд – как священный обряд!

ЧТО ДЕЛАТЬ? Такого не знали вопроса

кормильцы Руси. ВСЁ – в черёд и подряд.

Лет триста деревня жила – лет уж двадцать

при нём отходила... Трудясь при одре,

он хочет понять – заодно и похвастать, –

что было, что ясно об этой поре

в пустом ноябре.

На Руси есть веселье:

попить да похвастать – тому он и рад,

что экологической «Водлоозерье»

почётной он премии лауреат.

Труды его были любезны старухам,

и сено коровам полезно весьма –

весьма отличаясь и видом и духом

от затхлой трухи, что идёт на корма.

...Возвеселись, душа коровья,
 попробуй моего сенца:
 тут шёлковое разнотравье,
 где земляничка, где сольца:
 труждался до поту лица...
 Себе по праву и по нраву,
 как повелось от римлян, сам
ВОЗДВИГ Я ПАМЯТНИК на славу:
 охлопал стог и очесал.
 На памятнике разумею
 коровье слово обо мне:
 «Он был поэт. Не гнул он шею
 в рабовладельческой стране.
 Когда что делать, знал и делал,
 брал в руки вилы и топор,
 в страду Отечества не бегал,
 за недосугом, за бугор».

Он мостики ладил, часовню поставил –
 деревне покойной свечу в головах,
 плотами за лахту сарай переплавил,
 сложил себе избу
 и к Богу воззвах:
 О Боже! Деревня моя – не жилища.
 О Боже! Не будь к ней по смерти жесток.
 О Праведный! Да возродится, продлится
 разумная жизнь! Зарони же росток
 туда, где телятник забила малина,
 бурьян да крапива сосут перегной,
 где ЦЯЙ ПИТЬ ждала меня мать – баба Лиза,
 где мать – баба Катя поёт надо мной:

«Шли-прошли наши некруты молодые,
 За има вслед идут мамушки родня.
 Во слезах пути-дороженьки не видя,
 Во горящих словещюшка не молвя.
 Один маненький-молоденький солдатик
 Он промолвил своей мамушке словечко:
 Вы не плацьте, наши мамушки родня,
 Не горюйте, наши жёны молодья.
 Вам не выходить бела свету за нами,
 Не смоцить пути-дороженьки слезами.
 Принасырела дороженька дождями,
 Цясто-мелкима шумливима руцьями...»

3.

На лезвие плюнул, поправил топор он,
к ровеснице статной подходит сосне,
примерился... Гул рассыпается бором.
Пустынностроитель, вздохни в стороне,
пока замирает окрестное эхо –
не то ли хохочет Потемени Князь?
С последним ударом красавица эта
пошла, развернулась в падении –
хрясьсь!..

И так каждый раз – сотый раз как впервые.
И сколько ж ты их завалил, человек?
Огромно-тяжёлые, сонно-живые,
кренились и рушились в зелень и снег...
Ноябрь. Сосна суховата, и горек
под скобелем бледный её поднаряд
(как сахарный в мае). Дружок мой, топорик,
как быть-то? Похвалят ведь, не укорят...
четвёртый венец: ей ещё подыматься
три лета, три осени с главных камней.
Три лета, три осени с нею промаяться
до маковицы и креста по-над ней.
Зовётся она РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ³⁸ –
часовенка наша у края могил.
Срубить помогла – десять раз не угробиться –
Пречистая Дева, друзья помогли.
Стоит – на слезах, безответно оплакана,
рыданием жертвенным освящена...
Дымит костерок – лиственничного ладана
по пояс одела её пелена.
Со строчки нечаянно дактилической
прямой четверик подался на развал
десятым венцом – ради кровли готической
(чего и не думал, и не рисовал),
а крышица над крылечком полога...

Чтоб эту округу спасала,
она
септемвриа месяца двадцать седьмого
была, как положено, освящена.

---

³⁸ На медной табличке выбито:

Елизавете Ивановне
Екатерине Игнатьевне Калининим
Царство небесное Земной поклон
Всем мелусозерским крестьянам

Народу, отцу Михаилу и причту
и ангелам певчим – поклон до земли.
Пустынностроителю хлеб – паляничку
ржаную – и соль на холсте поднесли.
Поклон мой тебе, Валентина Борщова,
поклон тебе, Аннушка-труженица...
– А был ли ты счастлив? – ТАМ СПРОСЯТ. –
– Ещё бы!
Тогда – совершенно... до слёз... без конца...
Как Вечную Память о духе нетленном
в оградке у Лизы отец возгласил,
в погостный песок ты вдавился коленом,
постигнутый, согнутый Силою Сил.
Познай же себя, малодушный и гордый,
случайный во взоре Его столбовом!
Ещё ли ты дышишь?
Ещё ли не мёртвый –
в столбе световом и в мешке долговом?

Познай себя слабостна, худа и нага –
да жажда чужая тебя напоит!
...Столбами стоит Беломорская тяга
на каждом потопленном. Так и стоит.

4.

В часовне – наверх погляди – крестовина
и сумрак за ней. Развиднеет потом.
Сквозь «небо», сходящееся восьмиклинно,
навyleт проходит Четвёртый простор.
На память о всех куполах ОСЬМИПЛЕЧИХ
(Сиони, Манглиси, Ахпат, Санаин),
о высокогорьях в тропинках овечьих,
где небо взлетает и сходит на клин...

И этот клин, который длинн
и оттого певуч,
который в небесах плывуч,
как старый цеппелин,
и клинопись моя стара,
летуча и легка,
и восьмиклиние шатра
свела Одна Рука –
там узко устье, тесен свет,
в который я влюблён,
которым во мгновенье лет
я был испепелён!

А в каменном полумраке теснится
тот образ небес. Вместо камня-замка
отверста – звездой пополудни – Зеница...

Так мастер велик, что десная рука
отрублена и глядит с барельефа
(моя-то цела, но топор украдут).
Капелла-часовенка в сумраке нефа –
святыне такой позавидуешь тут:
громадина храма обстала часовню,
не трогая утлого четверика
НА МЕСТЕ СВЯТОМ –

уродлив безусловно
богов и народы,
века и века.

Как некогда, по завету Христову,
Святую Марию хранил Богослов,
обнимет часовенку Храм Богослова
среди золотистых, как свечи, стволов.
И к этому важному делу я встану,
уставший от смерти, от праздности лет –
рубить крестовидный не гроб Иоанну,
а Храму Его лиственничный подклет.

...Сентября месяца двадцать шестого
все семеро учеников
ведут наперсника Христова –
им радуется Богослов.

Уже стоит в виду Ефеса
короной – свет со всех сторон,
как та полярная завеса, –
и смерти радуется он.

Столетний разум строг и ясен...

И повелел, глаза смежив,
ГРОБ ИСТЕСАТЬ КРЕСТООБРАЗЕН
И В ОНОМ ПОГРЕБЕСЯ ЖИВ.

И то, что век ему служило,
спросил орлиное перо,
затем что время смерти – живо,
а не мертво.

И явственно ещё и слабо
он говорил свои слова,
ЕГДА ВОЗЛЁГ КРЕСТОКРЫЛАТО,
но мы бежали от волхва.

И только СВЯТЫНЯ ВОССТАНЕТ ИЗ СРАМА! –
воскликнул – а может, слышалось нам...

Разумная жизнь начинается с Храма,
с часовенок памятных по деревьям.

РУКА СОЧИНТЕЛЯ

Свои рукописные перебираю листки
и вдруг обращаю внимание
на выраженье руки
и вижу, как верно рука проработана – и
рисую крестьянские руки – мои? не мои?
Чернила уже выцветают при жизни моей,
бумага поблёкла, но эта беда – не беда:
гораздо заметнее стала, гораздо видней
рука сочинителя – произведенье труда.

Как рад, что успел я – несметно порвал рукавиц,
как рад я, что в дело мужицкое всё-таки вник,
что сам,
от усталости на́ землю падая ниц,
я взял у земли – что не вычитал бы из книг!
И в первые руки и мимо чужого ума
начальное знанье она мне вложила сама,
и словно бы кровушка чья-то, свежа и ала,
от почвы отсыкла и в жилы вот эти вошла.
И, влажную тёплую землю сжимая в горсти,
я знаю – трескотинной кожи, ломотой кости,
блаженною радостью созерцанья труда:
кто землю вскормил – не обидит её никогда.

И кто хоть однажды бревно положил на бревно
(со звоном певучим и влажным ложится оно,
и знаешь, опять, как легло – по тому, как звенит) –
уж тот не обидит, не тронет и не осквернит
чужого труда.
Кто же землю мою разорил?
Уж верно не тот, кто ломил от зари до зари.
И кто же так бил по рукам, что сломил их в кости?
Прости мне – чья кровь в этих жилах!
Прости мне,
прости...

КОНСПЕКТ РОМАНА

Через колючее репье
я брёл – где чёрт оставил ногу,
и только вышел на дорогу –
как молния впилась в неё!

И твердь со твердью сопряглась,
соединя два пролома.
И я сказал: теперь я дома.
И лёг, и потянулся всласть.

ВЕСНОЮ ПОЗДНЕЙ

Меня похоронили маловеры
в дешёвом склепе сплетен и клевет –
меня колышут не такие ветры,
и корни держат не такие – нет!

Мыслители, могильщики, пророки!
Деревья живы на три стороны –
так светом вскормлены, так разнобоки.
Я попрошу: не стойте со спины.

Да не жалейте – вы – меня: я встану
из гробика готовенького, чтоб
сработан был, как древле Иоанну –
просторный и крестообразный гроб!

Перегорев и перетлев душою,
с самим собой, с природою правдив,
я грянусь оземь – дерево большое –
весною поздней, в листьях молодых!

НЕ ОГЛЯНИСЬ

Позабытыми на лбу очками,
строчками, теряющими связь –
старость приближается скачками,
по дороге медля и таясь.

Всё-таки избегни анекдота
или запоздалого греха.
На тебя затеяна охота,
местность потаённая глуха.

А не здесь ли ты капканы ставил,
слушал лес и замирал, как рысь?
... Ни охоты, ни игры, ни правил,
кроме одного: НЕ ОГЛЯНИСЬ.

*Записи***ВСТРЕЧА**

Узнаю:

это ты Мне работал горбом
и не звался рабом
при достатке никчёмных послушливых чад:

только лбами стучат!
Только милости просят Моей в простоте,
и особенно те, что не жнут и не косят.

Ты не хилым пришёл стариком:
с топором, с мастерком –
что ж, трудись и немотствуй...

Я ведь Сам никого ни о чём не молю,
да и н е к о г о Мне. Всяк сиротствуй,
кого Я люблю!

Ты Моею был волею прав, и страданьем права
при живом ещё муже – вдова.
Ею, чистой, продолжил ты род свой.
Утешителя ангела к ней ниспошлю...
Всяк терпи и сиротствуй,
кого Я люблю.

Я о детях... поплачу тайком,
если что-нибудь значу
на Престоле таком.

ПОЛЁТ В ПОЛЁТ

Я должен описать его полёт:
не то чтобы как камень он падёт –
на взмыве ветра
он стоит, как камень.
Под ним
как тень
таймень
стоит в волне –
в капризной волокнистой быстрине,
чуть пошевеливая плавниками.

Вот так природа мне моя велит:
полёт – в полёт.

Так я во время влит.
Полёт – в полёт. Такое многоборье.
Одoleвая натиск лобовой –
полёт – в полёт! –
над каменной Москвой –
клоню,
клоню и правлю к Беломорью.

IV

В ПИРУ ЧЕСТНОМ

МУЗА

1.

Где эта грешная обитель
подвальный заняла этаж,
вывешивает вытрезвитель
свой честный фоторепортаж.

Хозяйку выманит из дома,
кого попало соберёт
многосемейного альбома
столь непотребный разворот.

Застигнутый бесстыжей вспышкой,
дурной, беспомощный народ
в исподнем порванном бельешке
себя позору предаёт.

Испуг и стыд, недуг и драма...
Но все, униженные так,
во сраме их не имут срама.
А кто судил, не знал, простак.

Идут – глядят – торчат подолгу:
вся улица развлечена.

Вот

наконец

душа

одна

проходит мимо –

очи долу

потуплены.

2.

Родина, благ я твоих не отрину,
ни твоего откровенного срама.

Но, возвратясь, разбивает витрину
вдребезги

эта Прекрасная Дама.

ПО ПРАВИЛАМ ВОЙНЫ

Прости ты нас, прости людей:
мы вырастали без корней,
и мы не знали, что творили
и сколько жизни уморили.
Тебя обрыли с трёх сторон,
вершину тросом захлестнули,
машину подогнали, гнули...
Был произведён твой урон.
Тебя распилят, приберут,
распишут по графе расценок
ненужный и недобрый труд.
Ты был нестар, силен и цепок,
лет семьдесят гляделся в пруд...
Я узнавал, ходил в конторку:
они стеклянную обжорку
на этом месте возведут.
Дела идут согласно сметы,
хотя по правилам войны
тут никакие не нужны
сомнительные сантименты.
Мы, недобитые враги,
очкарики-интеллигенты,
даём ненужные советы,
имеем лишние мозги.

СУШЬ

А. Величанскому

Который насос производит откачку,
движеньями лапок похож на собачку.

Старательно воду земную сосёт
система земных понижения вод.

Квартал деревянный неслышно осадит,
подземную речку отсюда отводит,

кругом наведёт сокровенную сушь –
гони экскаватор и домики рушь.

Бестрепетны лица румяных рабочих,
огонь безучастен, и ковш неразборчив.

Под грудую хлама сопит самосвал.
Я всё это знал и по имени звал.

Я поднял и вынес оттуда не много –
истёртую доску чужого порога –

раскосые выпуклые сучки,
тройные подглазья, сухие зрачки.

ТАК И ТАК

Слабого не соблазни.
Истина дурна и дика.
Фальши затяжное иго
милосердию сродни.

Слов прямых не говори –
есть важнейшие резоны...
В быстрой камере кессона
кровь вскипает изнутри.

Чахнут ёлочки в тени,
а на вырубке от света.
Должного иммунитета
не приобрели они.

Так и так, мои друзья,
выбор наш весьма убийствен:
между долгого вранья
и скоропостижных истин.

НА ОДНОМ ОСТРИЕ

У Сендюги-речки великая свалка.
Ворона шагает степенно и валко,

и нехотя-медленно-косо, как дым,
возносится стая над лесом худым.

И где залегает кольцо обороны,
не знают шпионы, а знают вороны,

а мы, заблудившиеся грибники,
наткнёмся на зону – плюёмся с тоски!

Не нашим с тобой разумением и толком –
вороны питаются кабельным током,

который выклёвывают из глин,
и наши воззрения сводят на клин.

А милый пейзажик из поля и леса
стоит на платформе бетоно-железа,

она же – весьма вероятно сие –
покоится вся на одном острие.

ЦВЕТОК

Цветок. Вокруг него поля,
деревни, города,
что на себе несёт земля
куда-то не туда.

Он ясен, как дитя, в своём
неведеньи благом,
его зелёный окоём
так близко и кругом.

Но вот кивнул он головой,
возможно, оттого,
что я смутил его покой,
встревожась за него.

И необъятный шар земной,
незыблемо летя,
тихонько дрогнул подо мной
немного погода.

* * *

Резко пахнет давленная хвоя.
Под ногой пружинистый сугроб.
Место боровое, моховое.
Лесоруба кроет лесороб:

— Здесь тебе дялянну дали — или
там твоя дяляна, в душу мать? —
Что орать? В «жестянке» полбутыли,
ну чего комедию ломать?

Содрогался бор моторным рыком,
оглашался бор притворным криком,
а теперь, с беседой вполпьяна,
все ушли. Настала тишина.

Небо разгорается над бором.
Дятел отдолбил и спит в трухе.
В ёлке хохлится и дремлет ворон.
Дремлют звуки — шепчутся в стихе.

* * *

Тише – глуше.
Песочек, ивняк, берега.
Колея волокуши,
измочаленная слегá.

Славной жизни останки:
трудовая война...
И глухая, как в танке,
в бараке гнилом тишина.

Водяные зелёные тени:
малинник в окне.
Не истлели
газеты ещё на стене.

Там согласно канона
НА ПЕРЕДОВОМ РУБЕЖЕ
явлен подвиг района –
в сводках, в мутных клише.

Лесозаготовители.
Инвентарь довоенный: «лучок».
Все заиндевели –
а в лаптях мужичок.

Все хохочут:
фотограф попался шутник.
Червь истории дерево точит:
тик-тик, тики-тик...

КАЛЯЗИН

Как ты хорош и как ты грязен!
Привет, привет тебе, Калязин!
Где с Волгой Жабня – две реки
слились, ещё во время Смуты
побили ляхов тверяки.
Теперь потомки-шалопуты
дерутся в праздник меж собой.
Душеспасительны скандалы:
ведут фамильный давний бой
кожевенники и валялы.
Однако уж который год,
как на междоусобной ниве
убитых не было: народ
воспитаннее стал, ленивей.
За Жабней церковь, в церкви поп,
ну а за Волгой дочь попова
ведёт районный агитпроп,
лицом, как батюшка, сурова.
Калязин сорок лет назад
затоплен был наполовину.
Тогда подняли Волгу

над

камнями Углича.

Плотину
подставили. Там, за стеной,
он и красуется как пряник.
А мой Калязин – под водой,
всеобщего разлитья данник.
Земля понизилась, отволгла,
и Жабня раздалась, как Волга.
Под Волгой – щебень и пустырь.
Снесли, как дети, не оплавав,
полгорода и монастырь,
что устоял против поляков.
Поналомав камней и дров,
в тоске подумали: довольно...
Осталась поздних мастеров
классическая колокольня.
Она выходит из воды,
прикрывшей спешные труды.
Опасен волжский лёд весной,
и угличане втихомолку,
чтоб не было беды какой,
по трубам выпускают Волгу.

И лёд, когда вода ушла,
 тяжёлый, слабый от тепла,
 ложится на берег исконный,
 ломаясь, повторяя склоны:
 фундаменты. Канава. Пень...
 Рисунок грубый, но толковый –
 слепой рельеф доледниковый,
 не вытершийся по сей день.
 Однако я себя ловлю
 на сетовании бесплодном –
 не то в характере народном:
 за лёгкость я его люблю.

ХОТЬ НА МИГ!

На строительном пустыре,
 полуулице-полудворе,
 среди вечных недо- и пере-
 в глине пригородных Семилук
 поломать драгоценный каблук –
 сонь и рань матерком стегануть,
 золотистый чулочек стянуть,
 поплясать на ноге на одной –
 да и устроить себе выходной!

Лужи розовы и широки.
 Из пролёта в пролёт сквозняки.
 Ни семи, ни единой луки –
 всё кубы-прямики-тупики,
 всё корóbки, а в них коробкú.
 – Дураки вы и есть дураки! –
 разлетались её матерки,
 словно мячики и коlobки,
 словно ласточки и мотыльки,
 словно зайчики и светлячки!

Погляди, как она босиком,
 как, размахивая каблуком,
 как по лужам бежит прямиком,
 да почувствуй себя – дураком,
 ну почувствуй СЕБЯ хоть на миг...
 По колено бредёт напрямик,
 улыбаясь навстречу заре
 среди вечных недо- и пере-
 на дурацком твоём пустыре!

ТВОЕЮ СЛАВОЙ

А вам такое не знакомо,
когда ненастью вопреки
уходят – не сидится дома –
и бродят ночью старики?

И кто их знает, где их носит!
Один споткнётся как-нибудь,
переходя железный путь, –
лежит и помощи не просит.

Находит мир его душа
за пустырями на дороге...
Красивые подходят ноги,
смолёным гравием шурша.

А он не столько плох и стар,
ещё не столько, Боже правый,
чтобы утратить лучший дар
пред женщиной – Твоею славой.

Ей гений дан: как поняла!
Ей тоже полночь эта снилась...
Легко и сильно наклонилась,
своим дыханьем обдала –

теплом младенческим и млечным,
существованием иным –
туманом утренним заречным,
лугами, молоком парным...

Она ведёт его по шпалам
туда, где света материк,
и телом лёгким и опальным
трепещет, мается старик.

Заплакала, занемогла,
нагнулась, потеряв гребёнку,
и помочиться помогла
ему, как малому ребёнку, –

и – полумёртвая – ведёт –
да чтобы только не споткнулся...
И город и небесный свод
на эти слёзы навернулся.

*Записи***ДРУГИЕ ВОЛОСА**

Не помню сколько было выпито
но мотоцикл завели
с братухой шпарили до вылета
ему хана не довели
а у меня коробка треснула
зато поправились мозги
теперь водярой жутко брезгую
такие паря пироги
мозги мозгами может к лучшему
пошли другие волоса!
как проволока завитучие
сплошные ажно по глаза
теперь башкой амартизирую
накой когда хожу пешком
на выпивку не реагирую
считают паря дураком

*Нея***ЧТО, ВОЛГА?**

Простор воды, фальшив и пресен,
накрыл поёмные луга,
и море зацвело, и плесень
окантовала берега.

Живой, зелёной, жирной пылью
напитана, вода цвела
и отдавала свежей гнилью –
а что она ещё могла?

И видели цветенье тины,
и плакали глаза мои:
– Что, Волга? Что твои плотины,
пруды гигантские твои?

И было мне подобье гула
на потоплённом берегу:
– Как будто, милый, я вдохнула,
а выдохнуть и не могу.

Не спорю с человеком гордым,
трудов его не оскорблю –

но преизбытком полумёртвым
себя и землю погублю.

В моей теперешней доле
я терпелива без конца...
Но зрелище моей неволи
людские утомит сердца.

СОБЫТИЕ СОВЕРШАЕТСЯ ПРИ НАС

Опять камнями Волгу забросали.
Событие совершается при нас.
Победу торжествуют Чебоксары.
Молчит – спасибо и на том – Парнас.
На Новодевичьем истлели доски,
и выдохлись восторги той поры,
когда уже ТРЕЗВЕЮЩИЙ Твардовский
глядел на перекрытье Ангары.
Тогда же одобрительно-угрюмо
следил смыканье каменных оков –
а видел протопопа Аввакума
в узилище студёном Смеляков.
Воистину поэт – невольник «Правды» –
корреспондент её: хоть тресни лоб –
ни слова о Событии, а рад бы –
помстился же несчастный протопоп!
Зато, природу ужасая видом,
летала евтушенковская ГЭС
к египетским далёким пирамидам,
к трудам рабов имея интерес.
Зачем летать, чтоб говорить с рабами,
в такую давность и такую даль?..
Завален я бетонными кубами.
Мне не себя – МНЕ БУДУЩЕГО ЖАЛЬ.
Моя судьба – последней божьей твари,
за чью гибель вам нести ответ.
Я захлебнулся – вы торжествовали.
Вопросы есть у вас? Вопросов нет.

КОСТРОМИЧАМ

Напишем слово через два тире:
оно рычит и охраняет воды
и отчуждает зону ВЭ – ДЭ – ХРЭ
от окружающей её природы,

равно как от живого словаря
 уродливую аббревиатуру.
 Здесь воды, осуждённые зазря –
 гнилое море, розлитое сдуру.
 Слилось в обширной камере одной,
 как языки, здесь множество течений,
 произведя один язык – блатной –
 и обеспечив минимум значений
 прожиточным десятком матюгов.
 Гнилой лиман лежит без берегов.
 Какой былины чудо-богатырь,
 производитель катастроф и ломок,
 в природе произвёл такой пустырь?
 Аминь, УЗНАЕТЕ ИХ ПО ДЕЛОМ ИХ.
 Кто вынес приговор воде: умри,
 умри, вода, в живоначальных связях,
 в самом своём составе – из-ну-три! –
 где этот основоположник-классик?
 Достигнут водяной полураспад,
 и тихо-тихо в сторону гниения
 подался вожделенный термояд.
 Где этот гений? Не ищите гения...

ОГОНЬ-ОГОНИК

Огонь-огонь-огоник
 по левой стороне.
 Ромаша-алкоголик
 пожаловал ко мне.

Я наливаю Ромке
 за малые труды,
 а после третьей рюмки
 не водки, а воды.

Его воображенье
 меня не подведёт:
 почует ублаженье
 сожжённый пищевод.

Он просит после пятой:
 – В-высоцкого, па-жа... –
 и слушает, не пьяный,
 бледнея и дрожа.

Хрипит злодей, наматывает
 кишки на барабан,
 горлянку перехватывает
 свободушка – рабам.

Кончается пластинка,
проходит тишина.
– А где зараза Зинка,
Володькина жена? –

Он бьёт зубами клёцки,
горит его нутро.
(Несчастный Заболоцкий
так слушал «Болеро».)

– Я волк, ты знай заранее...
Ещё нальёшь? – Налью.
– Попомни: я когда-ни
деревню подпалю...

Огонь-огонь-огнище,
душевный дикий зуд...
Но прежде на кладбище
Романа увезут.

СО СВАДЬБЫ

Попривыкнешь – поодикнешь,
мне сказал лесной народ.
Выше головы не прыгнешь –
разве как наоборот.
Одикаю, привыкаю,
да привыкну ли когда?
Родина моя дикая,
Вохма – долги холода...
Одинёхонек со свадьбы,
растревоженный, стою:
не упасти, устоять бы –
обнимаю верею.
Бор шумит, деревья гнутся.
Первый сдаст – пошёл повал...
Весь тут виден, как на блюде...
И чего он приставал?
По молве какой? По злобе?
Наставляет кулаки –
только взял его за обе:
– Ты учитель, не моги... –
Верея, душа прямая,
где же наши воротá?
Головой бы – понимаю,
а душой – душа не та?
За ноги сегодня кошку
мужичок берёт – и – шмяк!
об угол – и всмятку... бошку...

Понимаешь? Это как?
Предкам верен материнским,
что поделать – весь я тут.
ТОКМО ОБРАЗОМ ЗВЕРИНЫМ
ТИ ЖИВЯХУ – и живут.
Банька, свадьба под субботу,
тут и Бог – да тут и бес.
Всё путём! С лица, с исподу
не насмотришься чудес.
И кого чему учу я?
Раскачай меня, качуля,
на кладбищенском лугу,
на высоком берегу!
Тут звонила и горела
церковка СО ЗВОНАРЁМ...
А теперь – кому-то дело,
как мы живы? как помрём?
Но в огне... Звонить, оглохнуть,
задохнуться и сгореть!
...Господи, не дай мне сдохнуть –
дай как надо умереть.

ВЫБОР

Тот, кто стоял на мосту, не умел плавать.
Тот, кто стоял на мосту, не имел права
прыгнуть – чтоб утонуть... Невмоготу
слышать крик на воде – устоять на мосту.

Тот, кто тонул, передумал – промок, боится.
Вот уж когда сознание его двоится.
В тесных объятьях – оба пошли на дно,
и другого выхода не дано.

Богу предстали так, пузыри пуская.
Бог сказал – велика дерзость людская.
Смысла – нет и не будет. Живите пока.
Не для того не мёрзнет Москва-река.

Непререкаемое косноязычье
клонится в сторону, и кончается притча.
Так и живут. И – жалость в них велика.
В дряхлой руке – горсть сырого песка.

* * *

На 6616 лет, 6 месяцев и 1 день осуждён аферист в Мадриде.
Он продавал несуществующие дома.

Из газет

На побережье Коста Брава
стоят воздушные дома.
Он продал их, размыслив здраво,
как подсказала жизнь сама.
Своей аферой беспримерной
сразив Мадрид и Лиссабон,
сидит в тюрьме делец бессмертный,
в тоску по дому погружён.
Не зная сердца угрызений,
он вспоминает славный путь...
Он осуждён как всякий гений,
его поймут когда-нибудь.
Он выйдет в город свой воздушный,
чудесно жив и невредим,
срок отсидев большой и скушный –
шесть тысяч лет и день один.

* * *

Мне написать страницу,
перебеляя быль,
как дурню австралийцу
сожрать автомобиль.

Он молод, он дерзает,
планета ждёт вестей.
Он громко разгрызает
коробку скоростей.

А я связал – на счастье –
два слова: ТЫ и Я –
расторгнутые части
земного бытия.

* * *

Тихонько подымает шлюз
бетоном схваченные воды
до чёрной чёрточки свободы,
где обозначен некий плюс.

Так в мае – надо знать об этом –
был каргополам послан знак.

Шквал прогонял сквозь анти-Лаче
анти-Онегу в анти-Свидь:
в «Проекте века» всё – иначе
долженствовало течь и быть.

ЛЕВАК

– Привет! – ему.
Он: – Сколько дашь? –
Я дверцей хлопнул: баш на баш.
– Катись! – и плюнул.
– Хулиган! –
орёт оттуда еле слышно...
Что ж, хулиган... Неладно вышло.
Но мочи нет, как стал поган
полусвободы чистоган,
плодоносящий
пышно-пышно!

70-е годы

ТИП

Совесьть его,
как помойная яма,
всё без зазренья вместит:
каждая мелочь открыто и явно
нетерпеливо блесит.

Кается запросто, сам сочиняет,
страшный какой он злодей,
топчет себя,
даже в краску вгоняет
виды видавших людей.

Что же он хочет,
чего же он просит?
Есть и покрывка, и дно.
Искренности – целая россыпь.
Исповеди – не дано.

БЕЗ ИМЕНИ

Бледна рука воскресных канцелярий.

А. Цыбулевский

Кого смешишь,
когда спешишь
ты с постоянством злоупорным
с утра к делам своим прискорбным?

Куда тебя поволокло,
затиснуло, приподняло
в раскачивающейся давке,
повергло в узкое жерло –
к какому Данту или Кафке?

Толпы сплотилось вещество.
Не обижайся на того,
кто полступни тебе отдавит:
не он стремится поток и правит.

Так ручейками без числа
сольются мёртвые дела
казённых безответных парий
в одно –
без берегов и дна
да и без имени... Бледна
рука воскресных канцелярий.

ДИОСКУРИЯ

Шуточка

Перепой и недоед обусловили проект
потопления берегов к устрашению врагов,
и народ, умом скорбя, ров изрыл кругом себя,
обороной кольцевой свод сплотил над головой.
Но чудовищный кессон оказался столь весом,
что не вынесли грунты...
Тут и всё бы, и кранты...

Диоскурия не миф, а нормальный антимир:
где живёт наоборот трудовой антинарод,
ибо дышит в жизни той жидкой углекислотой,
и немного погода нарождается дитя

с жабрами и в чешуе –
в трудовой одной семье.

Батуми

КОЛЬЦО

Сомкнулось людское кольцо.
Он вспомнил – ему это снилось –
сто лиц, наплывая, стеснилось
в одно круговое лицо.

Кричали владельцы лица
разгневанно и неприлично.
Он был их легенда и притча,
досказанная до конца.

Он думал в своей тишине:
сбываются Слово и Сроки,
и пылкие люди – во мне –
свои осуждают пороки.

А что я отвечу? Молчу.
Кричат – ни словечка не слышу.
На ту – против солнышка – крышу
сейчас поднимусь по лучу...

На кровлю облокотясь,
спасенья прямая дорога
сходила на площадь отлого,
привычно и мирно светясь.

Потом опустело кольцо,
и в городе осиротело...
Всё то, что лица не имело,
опять потеряло лицо.

Записи

ЗА СТОЛИКОМ

– Не слышали? Взяли Вовку –
под бульдозер вздумал лечь.
– Объявляет голодовку
и к народу пишет речь.

Заявляет: или – или,
 перережьте пополам –
 Сухону поворотили,
 а Онегу я не дам.
 И кололи и поили...
 – Под бульдозер? Ни хрена...
 – Дома кто-нибудь остался?
 – Дети, двое, и жена.
 – Пятеро! И не одна...
 – Выпрыгнуть ещё пытался.
 – Исцарапал потолок:
БЕРЕГИТЕ РОДНИКИ! –
 будто поверху пластался.
 – Это могут дураки...
 – Перебросили по плану.
 – Захотелось парню в рай.
 – Просто делает рекламу.
 – Проворонили Чограй...
 .....
 Всё слышу. Опускаю веки.
 Укладываюсь в две строки:
ОБОЖЕСТВЛЯЙТЕ РОДНИКИ.
ОСВОБОЖДАЙТЕ РЕКИ.

ГРИФ ДСП. ПРОЕКТ ВЕКА

Покуда пьют, покуда спят,
 несеянное пожинают,
 Онегу-реку гонят вспять
 и на равнинах распинают.
 «Антионеги» этажи
 гнетут несчастных каргополов.
 Окаменели горы лжи,
 каких не видывал геолог.
 Мордатые трудовики,
 кровавоглазы и поддаты,
 уже ломают Соловки
 и сваливают в тело дамбы.
 Дрожит Секирная гора,
 взлетает к небесам Голгофа...
 Нам обеспечена – ура! –
 неслыханная катастрофа.
 Теперь Онежская губа
 заткнулась и распространилась,
 по воле плавают гроба,
 как бедному Рубцову снилось.

А тот, кто участь разделил
с рекой, лесами, деревнями,
соляркою себя облил
и в чистое облёкся пламя.
Не пробудил нас Божий глас,
не вразумил народный вопль...

Но в самый раз рванул Чернобыль,
и вскорости пришёл Указ.
Он не был этой вдохновлён
бедой, позорной и безмерной,
но льстил общественности нервной –
«Проект» прикрыт был... и продлён.
И на онежском берегу
приспущен вымпел Минводхоза
(как понимаю, это проза –
я у неё всегда в долгу).
Ослабла правая рука
и в левую переложила
16-ю ПМК,
что каргополов ублажила,
рабочий кадровый народ
перекупая за десятку,
дорогу и водопровод
начальству посулив как взятку
за гибель края... Скажешь – бред?
Ан нет. В райкоме горевали!

«Проект» застрял на перевале
восьмидесятых бурных лет,
и праздных тысячи умов –
немудрено – зашли за разум,
создавши страшных сто томов,
приостановленных Указом.
Гриф ДСП: кубы, грунты,
узлы, урезы, перемышки...

Словарь и дух анатомички:
копаются в тебе, а ты –
а ты живой! Ушли под гриф
болота Лаче, хрящик Свиди...
– Я жив! – ору. – Нет, ты не жив!

Мы живы. Сатана, изыди.

Каргополь

* * *

Юрию Давыдову

Разумный скот
под нож нейдёт,
он ужасается! Вот-вот
его сознание озарит,
да так, что скот заговорит...
Его в сужающийся вход
как в мясорубку нагнетают,
разрядом глушат и пластают.
Пока он буйствует и мрёт,
проворно внутренности жрёт –
чужие и свои – свинья
и кончит жизнь – жуя, жуя!

Сам про себя я знаю брюхом,
что попаду я в зубы хрюхам,
но я горюю не о том,
а вот о чём:
как быть на бойне,
куда мы гонимся гуртом?
Как быть – самих себя достойней?
И ЧТО в тебе заговорит,
когда так ярко озарит,
что напоследок напросвет
увидишь собственный скелет
и душу?..

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛЕД

П. Краснову

...Свободно, где бетонка прогнута,
ты выжал около двухста,
и сзади запоздало дрогнула
озвученная пустота,

через промоину отлогую
перелетел широкий мост,
никто не видел тень убогую,
спускавшуюся под откос.

Степные сумерки такие вот –
пора блуждающих теней,

лети, лети себе до Киева
да не убейся, не убей!..

А здесь горит звезда вечерняя,
повиснувшая невдали;
исходит слабое свечение
откуда-то из-под земли.

Укрыто место и ухожено,
вблизи кудрявится погост.
Со всей округи обезбоженной
старухи тянутся под мост.

Там образок, лампада зыбкая,
игра теней на потолке,
и паперть щебнистая, сыпкая
спускается к сухой реке.

Нездешний ужас всех охватывает:
– Спаси Христос! Спаси Христос! –
когда по кровле прогрохатывает
какой-нибудь тяжеловоз.

Но гром прокатится карающий –
и всё звучит, сходя на нет,
какой-то струнный отзвук тающих,
какой-то музыкальный след...

ГОВОРЯЩАЯ КОРОВА

Что делать? Как что?
Пришла весна – пахать...

В. Розанов

Куда текут забвенья реки,
ещё никто не угадал,
но было сказано, что некий
«В. Аленович с е н о с д а л».

...И повлекла река забвенья
восьмидесятые года...
Благая весть о сданном сене
застряла в «Знамени труда».

И разнеслась молва коровья
не про казённое гнильё –

про шёлковое разнотравье,
про сено, стало быть, моё.

Упал в объятия Тель-Авива
мой друг, а я вступил в ряды
крестьян последнего призыва,
провозгласив: кому – куды!

Себе – по праву и по нраву –
как повелось от римлян, сам
воздвиг я памятник на славу –
охлопал стог и очесал.

На памятнике разумею
коровье слово обо мне:
«Он был поэт – не гнул он шею
в рабовладельческой стране.

Когда что делать –
  знал и делал,
брал в руки косу и топор,
в страду Отечества не бегал
за недосугом за бугор».

ШАЛА

Евг. Евтушенко

И вся вода качается,
и вся земля качается,
баржа толчётся-чалится –
ни-чо не получается –
  как дьявол рвёт пеньку!

С баржи кривого ростика
кок-прачка-мать-матросиха
ещё конец пробросила,
Онего-море-озеро
  напёрло на реку.

Как спички кранцы крошатся,
не чалится – не можется,
чудовищные ножницы –
  железные борта.

Эх, Шала деревянная,
земля обетованная,

нагоном Водла рьяная
и ветром заперта!

Слова хрипят из рупора,
отходит барка глупая,
на стрежне топляки
по дну, косые, топчутся,
как после доброй стопочки
на свадьбе старики.

Эй, берега обидные!
Болотные-гранитные,
такие беззащитные
низинные они.

Онего ты, Онегушко,
не потопи нас, дедушко,
не осерчай, медведушко,
волну угомони!

Записи

МАРИНА

Чего же ты, моя Марина,
лежишь как глупая перина?
Да ты была ли мне верна?
Была, отвечает она.
Была, да лишку, в том и дело.
Не приворачивал домой –
стерпелась я, залётик мой,
поэтому и поглупела.
Уж подошла такая кромка –
постыла я себе сама.
Смеются бабы: пустодомка...
Не спрашивай с меня ума.
Чего колодец позаглох?
Давно, знать, водушки не черплют.
А ты-то сам – чего уж плох?
А? Мужики-ти али терпят?

ЛЮМПЕН-ВЫМПЕЛ

Николаю Тряпкину

Видал бы Яков Деревяга,
войны Японской инвалид,
как пьяный агроработяга
траву поклонную валит!
...На Яковлево воскресенье –
по прихоти стихотворенья –
мелькает красный вымпелок
над полем, с коего сволок
старик великие каменья.

А пожню ветром пригнуло,
а градом вовсе положило.
Явление Яковлево живо,
коль дело мёртвое – мертво.
А всё же лёгок на помине
и полон интереса дед,
проспавший семь десятков лет
в своей добротной домовине,
которую и сладил сам...
Стоит мужик на кошенине –
не верит собственным глазам!

Пока он в этом ступорозе,
я думаю, что в дельной прозе
опишет это кто-нибудь,
оставив мне, однако, суть.
По этой сути
воскрешённый
«не умер, не сошёл с ума...».
Измято поле задарма,
но клин остался нескошённый,
и нам теперь его косить,
покуда этот душегубец,
зная, поломал сороказубец,
что перестал тут колесить.
Какой мне праздник нынче выпал!
И, напевая «люмпен-вымпел»,
прокос иду за стариком,
а он так споро ковыляет
и ни клочка не оставляет –
с наукой, видимо, знаком,
когда крестьянского мальчонку
привязывали за мошонку

таким клочком. Но чем и как
наёмных этих работяг
к земле истерзанной привяжем?
Теперь не знаем и не скажем.

Так в чём обещанная суть?
А в том, чтобы косою ширнуть
с потягом, поперёк повала,
согласовав и взмах и шаг,
хоть на полутора ногах
воскреснув!
Коль нужда позвала.
Чтоб воспылал живой ожог
на совести, саднящей вечно,
чтобы зимой стоял стожок
высоко и остроконечно.

* * *

Выкашиваю свой лужок
в счёт Продовольственной программы,
а кто скирду сгноил и сжёт,
никого не имут сраму.

Они всегда отрапортуют,
что сено сортное сдают,
начальство местное надуют
и вместе премию пропьют.

Уже с утра гудит бригада,
начальству поднеся. Оно
само обманываться радо,
как Пушкин утверждает, но

обманутым ещё повадней
обманывать и пить – коньяк
там, где и закусь деликатней,
и всё совсем уже не так,
уже ковры и полумрак...

А ты вздохни, душа коровья,
попробуй моего сенца –
оно как шёлк. Тут разнотравье,
и земляничка, и сольца –

тот пот лица и труд поклонный
и даже славы нимб районный.

* * *

Наука травит лес,
всех неучей дивуя,
и яд летит с небес
на часть н е д е л о в у ю.

Смекай, мужик: враги
в лесу – листва и хвоя,
и – всё неделовое,
жить больше не моги!

Ольха обожжена,
берёза побурела,
вся живность присмирела
и стала нежива.

И ясно мне как день:
спасает нас не чудо,
а недосуг и лень
внедрять идею чью-то

до самого конца,
до полного абсурда –
когда вползает судно
на отмель солонца.

Апрельский канет флот
в песчаную пучину,
и тут конец придёт
великому почину.

УГЛЕБОХИ³⁹

Ахсану Баянову

По арифметике без оговорок
из десяти отпущенных семёрок
спустил я восемь, спешный человек,
но приглядел на родине пригорок
на стрелочке сливающихся рек –
искал обетованные места.
Здесь бредина, черёмуха, рябина
цветут по очереди. Красота!

---

³⁹ Ухлебавшиеся (*церк.-слав.*), утопленники.

И вспомнишь: велика же и обильна,
и поглядишь: безлюдна и пуста.
Название удостоверяет: Пустошь.
Внизу подпор, задумалась вода.
Однако, мать, отсюда никуда
ты не сошлешь меня и не отпустишь.
Удачи всякой тем, кто подались
искать краёв довольных и свободных,
а мы, Ахсан, так метко родились,
что отнеслись к отряду земноводных.
Куда уж нам! Не то чтоб якоря
загрузли навсегда в глухих затонах,
но тяжко над душой стоят «моря»,
природа нетверда в своих законах,
и нынче жабрами души – отнюдь
не фибрами, которых не бывает,
придонную перепускаешь муть,
что пепелища детства укрывает.
ПО ЛЕСТНИЦЕ ЛАМАРКОВОЙ до дна
дошли утопленники-углебохи –
военных лет голодная шпана,
живой состав, отстой и шлам эпохи.

ЭПОХАЛЬНОЕ СЛОВЦО

Десять коек – дышим тяжело –
двухэтажных – под и над.
Расторопная шабашка
внедрена в сельхозуклад.
В 10 ляжем, в 5 встаём,
ни граммулечки не пьём.
Нам лентяи платят подать,
люди пришлые в цене
(и свои подзаработать
норовят на стороне).
Где свои? А кто в ремонте,
кто не в духе – и не троньте,
кто сидит на билютне –
и транзистор на окне.
Кто опять в командировке –
выбить что, за горло взять.
Вон – один сидит на бровке,
в поле воин – пашет зябь.
Разве только в день оклада
собирается бригада:

всем бездельникам подряд
полагается оклад...
Те, выходит, и крестьяне,
кто на фоне местной пьяни
пашет, что ни говори,
от зари и до зари.
Возникает на бесхозье
тороватая артель –
дорогой и званой гостье,
надо бы спасибо ей...

Брёвна давнего залама
каменеют в берегу,
где студёная Молома
вольную даёт дугу.
Эту реку не томили –
не прудили, не прямили...

Слышу вятский говорок:
пишет Витя-бугорок.
Зарифмуем письмецо,
эпохальное словцо
не сотрём и не заклеим:

– Хорошо живём, наглеем...
Бригадир мой осерчает,
если что совру не так.
Работягу выручает
запланированный брак.
Тут кому-нибудь икнётся:
дважды рубль обернётся
около одной дыры.
– Переходим на дворы.
Обижаются коровы:
подгнивает потолок,
потекли твои хоромы –
надо выручать «залог».
Сам себя не пожалеешь –
будешь инвалид труда.
Что не пишешь никогда?
Обижаясь?..
Наглеешь...

ПОДМОСКОВНАЯ КЛЯЧА

Человека такого усталого
Не держи – пусть идёт...

Некрасов

Чтобы о многом рассказать
яснее и возможно кратче,
походку надо описать,
побежку подмосковной клячи.

От Малых движемся Вязём
замусоренным краем-лесом.
Чего же, мать, несём-везём
с таким натягом и развесом?

Шажком немного попойдёт,
потом засеменит вприпрыжку –
так на ходу и упадёт,
когда откажется сердчишко.

Попробовал ей пособить
и напугал до смерти бабку.
Дождём налита ископоть
по щиколотку или бабку.

До серого протёрся плюш
двумя полосками на месте,
где ёрзает тяжёлый гуж –
узлов и сумок перевесье.

А вон стоит тебя встречать
дородный малый с постной миной –
сынок или, пожалуй, зять
с приметой болезни львиной:

над глазками мясной нарост –
как у тебя мозоль на сердце,
как мне не вылезть из корост
некрасовщины...
Heimatschmerz'⁴⁰.

---

⁴⁰ Боль о родине (нем.). – Прим. ред.

СТАНСЫ

Лёгкий дымчатый зверёк,
Божия пушинка.

Вл. Трофименко

Доживает в коммуне родитель
при живом озабоченном сыне,
приезжающем в эту обитель,
проходящем сквозь взгляды косые.

Это дом электрических грелок,
долгих мыслей, мучительных спевов,
дом нетронутых стылых тарелок,
здоровеющих кухонных девок.

Пожилая жена без протеста
той, которая много моложе,
оставляет нагретое место.
Муж пришёл и зовётся «прихожий».

Вот беда: старикан не стареет.
Он глядит непонятно и мимо

из-под пальмы, которая реет
иглопёрым крылом серафима.

Это дом, где великое время
разъясняется всем как проклятье –
накрывает, ревущее ревмя,
разогнавшись бугристой гладью...

Вот чета старичков. У обоих
вдруг завзрагивали подбородки:
то опять навещает их боль их –
то уж подлинно Божьи сиротки.

Грех подумать, какая морока –
всякий день поутру просыпаться...
До могилы дочерней далёко...
Надо ехать – и там закопаться.

Но копают им братскую яму –
их коммуна последнюю, ибо
ни креста, ни стыда и ни сраму
помрачённые годы не имут.

Для души бессловесно-бессонной –
Троицын храм, уцелевший ошибкой,
ключ в овражке под красной часовней,
в парке белочка – Божья пушинка...

О СЕМИ ЦЕРКВАХ

Надежде Ивановне Катаевой

Через дорогу дерево росло
и делало проезд негабаритным.
Когда-то взят был молодой ствол
защитною железною оградкой,
потом железо облегло кору
и потонуло в деревянном теле,
но выходило ржавчиной листвы
по осени лет сто. Потом поклоном
земным то дерево прощалось с нами...
Срубили дерево, и я с трудом
то место нахожу. Стою, смотрю,
и призрак дерева передо мной
стоит и клонится, и сквозь него
машины мчатся.

А наискосок
с чугунными решётками на окнах
в броне гранита виден зиккурат⁴¹:
он тоже призрак, ибо, как свеча,
в нём церковка снесённая белеет.
И Поварская о семи церквях
лежит, одетая ещё в булыжник,
вся ещё дышит. От Бориса-Глеба
свернём к Никулушке-на-Курьей Ношке⁴²
в Борисоглебский. Вот Маринин дом,
где вечно новоселье, шум и гомон.
– Как, девочка, тебя зовут? – Ирина
Сергеевна. Теперь я не умру,
и призрачные годы не наступят...

⁴¹ Культовая башня в архитектуре Древней Месопотамии.

⁴² На кривой меже.

ТРЕЗВЫЙ ПЕРСТ

Что поделать, если кровно
мне покоя не дают
эти катища, где брёвна
в два обхватища – гниют?
Кой-то леший обо-хватит
краснокорый комель-ствол –
катит-катит, да и хватит –
и покинул, и пошёл...
Ой ты, рохля! Ой тетеря!
Обернётся-поглядит:
дескать, э т о ли потеря?
И направит: – Да иди т...
Винтик, что ль, какой немецкий
в голове моей мозжит?
А народ мой молодецкий
о пропажах не тужит.
Жил я был у лесорубов,
как покинул города –
нагляделся, Добролюбов,
подвесная борода.
На великих самых стройках
и в затерянных местах
пожил – видел – знаю –
ой как!

Тошно – совестно – вот так...
Так – печальник и ходатай,
русский немец-эконом,
Добролюбов бородатый –
трезвый перст
в пиру честном.

* * *

Не одна тут намокла спина,
и пила не одна порадела –
для какого-то хитрого дела
роща мачтовая сведена.

Кто и дальше стволы напятнал?
Посредине измятой красы той
всею кровью живой и несътой,
всей душою моей застонал.

Краснобура, тепла, смоляна,
понимаешь ли стон обречённый,
возле самых зубов пресечённый?
Понимает и плачет она.

Кислотой протравлен нарез
по сосне, добела окорённой.
Дело мёртвое. Труд подъяремный.
Молодой обескровленный лес.

ПЕЙЗАЖ С ОБГЛОДАННЫМ ПЕНЬКОМ

Нужна лесхозу шишка –
и свалена сосна,
которую мальчишка
сгубил на семена.
Как пионер старался,
сужу по виду пня:
до сердца добирался,
наверное, полдня...
И скушно, и досадно.
Но хорошо, когда
достаточно наглядна
бесмысленность труда.
А там совет отряда
и барабанный бой,
«всегда готов», «так надо»
и головная боль.

Стою среди пейзажа
с обглоданным пеньком.
Некрасовская Саша
не плачет ни по ком.
Лежит старик Некрасов,
и немощен, и слаб,
уныл и одноразов,
как пройденный этап.
Для воспитания духа
в худые времена
селу нужна *видуха* –
и шлёт её казна...

Но я ещё к вопросу
о срубленной сосне,
чьи семена лесхозу
понадобятся *не*.

На рапортичку нашу
плевали в Районо.
И я ещё про Сашу,
про Сашку в секс-порно.
Сидит она, голуба,
и глазом не моргнёт –
ломает двери клуба
звереющий народ...

Казна давала пенки,
но это коленкор
другой – скажу Губенке⁴³
как мыслящий селькор.
Поплатится натурой
за непотребный мрак
не тронутый культурой
российский молодняк.
И вот какая тонкость
какой иглой блестит:
сперва убили совесть,
теперь изводят стыд –
вот замысел программный...
За стыд, за совесть – на
кусоч свободы срамной,
несчастливая страна!

ТРИ АКТА. БАНЯ. МИЛИЦИЯ

Первый. – Ну курва же ты, ну рвануха!..
(Реплики возмущённого духа.)
– Бабку ударил! – Не бабку, а мать!
– Мать не уступит, айда разнимать.

Следующий. Общий гвалт без ремарок.
Сунулся – двинули в зубы: подарок...
Милых разняли. – Не так уж и пьян.
– Кроет мамашу, как Бедный Демьян.

Третий. В милиции шьют хулиганство.
– Шейте. Кто стерпит такое демьянство!
В город не выйдешь теперь в синяках.
Ну и сиди и витай в облаках.

---

⁴³ Тогдашний министр культуры, при нём стихи напечатаны.

Держат-подержат и отпускают.
Дела не будет. Мозги полоскают.
– Он же психованный, ты же смекай,
ты ж образованный, не возникай!

УСТАМИ МЛАДЕНЦА

Трудный с воздуха мусорный дух.
Печь не топлена. Пусты бутылки.
Ребятёнок полутора-двух
на соломенной голой подстилке.

Что тут, право? Такой кавардак!
И мальчишка зарёван. Однако
он кричит – по-карельски, никак? –
ох, по-русски совсем: – ИДИНАККУЙ!

У апостола сказано: Бог
есть начало творенья и речи...
По колено болотный сапог
непотребно торчит из-за печи.

Понимаю... А стужа в избе.
Батька с маткой свалились в одежде.
У мальчишки песьяк на губе –
то-то лает! Два года, не больше...

Или прókлятой жизни итог,
матерясь, возглашают младенцы?
Батька лезет – поставил сапог...
Ничего не хочу – пячусь в сенцы.

с. Дьяконово

Записи

БАР НЕПТУН

ПЯТЬ УТРА

– Гляди: не пнут –
ошшо как напинают
– Ошшо и выпнут
– Ну так бар,
а мы какие баре?

– Баре знают,
кому писать
– У этих бар амбар...
– А, Минь, а ежели сказать немтун?
Хоть лаемса, а всё равно немтуем
– С полночи ох и колотун,
пивка бы...
– И за коим куем
написано? Кабак и есть кабак
– А стоюна видал? Валютный дак.

ДЕСЯТЬ УТРА

– Ты чо? – А чо?
– Ну ты даёшь, Колюха,
жениться ладит, голова-два-уха!
– Дак чо?
– Дак то... жениться... дак она...
– Ну чо, ну чо она?
– Она ить шлюха!
– Дак што што шлюха –
значит всем нужна.

Макарьев

ПЛЯС

Те в золоте и в коже томы
чудесны и неодолимы,
где писано про чернозёмы,
про чернозёмы Усть-Илима.
Покровы МОЩНОСТИЮ в сажень,
каких не ведала Европа,
тучнели для лугов и пашен
тысячелетья до потопа...

И в мире нет мертвее зоны,
чем Усть-Илима чернозёмы.

На скорбном море разлитом
с подкладкой чёрною у дна
на палубе, пьяным-пьяна,
отплясывает с кэпом пьяным
бабёнка резвая одна.

Она расскажет нам (стихами),
что ноги так и пляшут сами,
ну так и пляшут!

В самый раз
и кстати – над бедою смертной,
такой безмолвной и безмерной,
на нас находит дикий пляс...

* * *

Каким-то мрачным аппетитом
с утра до ночи он страдает,
и день-деньской имеет ритм,
в котором он его съедает.

Большие руки – будто ляжки –
он опирает о перила.
Всё начиналось с манной кашки –
ах, что ты, мама, натворила!

С балкона пасмурно следит он
за головами и плечами,
что еле набраны петитом
в каком-то тусклом примечанье.

Сидит и яблоко кусает,
гримасничая и потея,
и на мозги мне тень бросает
прикованного Прометея.

МЕЛКАЯ ДРОБЬ

Б. Я.

Ты знал, душа микробья,
как надо убивать:
не пулю, но дробью –
«щекоткой» № 5.

А с тысячью дробинок
возможны ли когда
достойный поединок,
серьёзная вражда?

Нас убивает, братцы,
не бытие, а быт,

когда и почесаться –
ведь тоже срам и стыд.

«Щекотка» в ягодицах!
По совести смешно:
ни драться, ни судиться,
ни сесть. А всё равно...

ВРАГИ

– Я презираю вас глубоко
и вызываю на дуэль.

Он смотрит как-то одиноко,
и я смотрю в него... Ужель?
Померк, потупился в раздумии,
чтоб эту трудность превозмочь, –
и съёживается, как мумия!
Такое видел я, точь-в-точь...

Зачем я это сделал?
Внешне
не происходит ничего,
но э т о происходит между
двух слов...
Несчастно и мертво
глядит наружу, воскресая, –
сильна проклятая Косая...
Он выплывает: помоги!
Я помогаю. Мы враги.

ИЗ ДНЕВНИКА

Честь пропьём и совестью закусим.
Грязь грязна – завязнем и загуснем.
Долог долг – отложим на потом...
Но нельзя же быть таким скотом!
Не единожды – но дважды, трижды
пропил ты себя и вновь гудишь ты.
Ох, как надоело с трезвых глаз
хоронить скоропостижно вас!
Знаю я мучительно и здраво,
что на смерть мы не имеем права –
в наши годы, в нашем-то хлеву.
Схоронил... Ругаюсь и реву.

НА ЭТЮДАХ

Как старушечки эти шумливы!
Тормозит на пригорке шофёр,
и автобус стоит терпеливо.
И слепит подмосковный простор.

Водят кисточкой, дышат прилежно
три бабуся, а два молодых,
в сорок лет подающих надежды,
бородатых и жёлто-худых,

покидают автобус прозрачный,
где угарно сухое тепло,
и бредут по окрестности дачной,
где дорогу не так замело.

Красота! Выбьют пепел из трубок –
и опять под стеклянный колпак.
В результате взаимных уступок
тут заминка: не влезут никак.

Вот последний овраг и берёзка,
вот Госстраха знакомый плакат
и дома, что бездарно и броско
заслонили январский закат.

Завтра те же угар и дорога...
И за ширью и гладью стекла
усмешается солнце Ван-Гога
над потугами их ремесла.

* * *

У излучистой Моломы
сидит Федя-дурачок,
понимая, как могло бы
всё текчи, а не течёт.

Он содержится при ферме,
то ли вправду тронут он,
то ли кротостью безмерной
скотьей муки умудрён.

На пригорке, меж излучья
и глухого рукава

речь идёт, как жить, не муча
никакого естества.

Никого-то не жалеет
окаянный живорез,
невозможно как наглеет!
Накажи тебя Велес!

– Как те спится, окаянный! –
раздаётся по реке.
Гневается первозданный
вечный смысл в его башке.

Слышится дурацкий, братский
то ли смех, а то ли всхлип.
Ах, ни Швейцер, ни Вернадский
в глухомани этой вятской
в этих криках не погиб!

Стадо растеклось по лугу:
дин-тилин-тилин-дин-дин –
есть, выходит, на округу
здравомыслящий один.

Медитации

К ПЕТРОВИЧУ

Как ты, Петрович, в лес не стал ходить,
так и грибы родиться перестали,
тропинка заколодела, водить
уже не хочет – разве так, местами.
Обабки вот... Обабок что за гриб!
Болотные обабки – тонки лапки.
Набрал полкороба – отдай-ка бабке,
хоть поругается, а суп сварит.
На Кулгом-озере кидал блесну,
кидал-кидал... Вот выманил одну:
от рыбака и щука отвыкает.
Избушечка? Цела, не протекает,
видать, недавно человек гостил:
всё прибрано, оставлена заварка,
припас подвешен. Чаю вскипятил...
Тот жил порядком: в банке три огарка.

И что не жить, Петрович? Ведь места
за пазухой, сам знаешь, у Христа:
две речки, озеро, боры, болота!
Трудись и благоденствуй, и никто-то
не вякает, не виснет над душой,
и всем в лесу ты свой, а не чужой,
на берегу избушка на пригреве,
И ДОБРОТА ЕГО ДОВЛЕЕТ ДНЕВИ –
стихотворенья важная строка.
Бежит в деревню за тобой лосёнок
и всю дорогу плачет: молока!
Здесь пауза: как паутинка тонок
зазор такой, волосяной мосток,
другое руслице нашёл исток:
что может быть – то будет – по-другому!
Вот радость! А когда дошли до дому,
ослаб лосёночек... И молока
в деревне нашей гиблой ни глотка.
Неделю-две ходила, выла тихо
по заозерью глупая лосиха.

В овраге недалёко от моста
осину помнишь? – Лет ей, может, триста.
Земля забагровела от листа,
трепещет крона, льётся как мониста.
Другое имя – это бытиё
другое – вспомнится или помстится –
когда гляжу, Петрович, на неё,
откуда-то находит: ТРЕПЕТИЦА!
А младшенький разумный отпрыск мой
ей «здравствуй» говорит, ладошкой гладит...
Пока он гений, школа с ним не сладит,
Бог даст, приедем как-нибудь зимой.
А лучше в марте: свет и красота!
Приедешь – а деревня и пуста –
и всё. Разор дошёл до точки. Точка.
И что теперь, писатель-одиночка?
Была деревнюшка и больше нет,
всех схоронили за 15 лет...
Всё ждал крестьян «последнего призыва»,
как мог крестьянствовал летами сам,
звучат призывы, но весьма фальшиво:
крестьянин крепкий ни к чему властям,
ни власть – ему. Как сирота, она
отныне лишь сама себе нужна.
Не будет лишнею и эта строчка,
и что ты мог поделать, одиночка?

В стихотворенье вставить обиняк?
 Кому застой, кому сплошной сквозняк:
 провинция – село – Москва – грузины...
 Тем – зарубеж, тем – лагерь и тюрьма;
 а мне – до помрачения ума –
 Отечество! Терпенье... Зимы... Зимы...
 Тот запил, этот прыгнул с этажа,
 тот в почтальоны, этот в сторожа,
 тому наркотик, этому ирония –
 полпоколенья счавкала хавронья!
 А если бы заботники мои
 мне выбор предложили: **ВЫДВОРЕНЬЕ**
ИЛИ ТЮРЬМА?
 Вперёд, стихотворенье!
 Всё выбрано! Ещё немного, и...
 Но эти вещи надо знать. Я знаю
 давным-давно. Во сне который раз
 нейтралку тёмную переползаю,
 сюда – оттуда – полоснёт сейчас...

Чего задумался? Да так, о всяком.
 Чего... **ЧЕГО В МОЙ ДРЕМЛЮЩИЙ**, та-та,
НЕ ВХОДИТ УМ... Так-так, и с этим таким
 уже в двери, уже пригнулся... Да!
 Скажи, Петрович, печь-то какова?
 (Я боров перекладывал.) Похвастай.
 – Так тянет нонь – в трубу летят дрова,
 ты хоть писатель там, а головастый...
 В десятый раз всё слышу и порок
 печной врождённой кладки излагаю,
 в десятый раз – ногою за порог –
 оборотясь, бездельников ругаю.
 Но тут и бабка голос подаёт
 и вылезает к нам на свет, и тут уж
 я их спрошу: кой леший вас несёт,
 последних стариков, – туда же, в Пудож?
 – Придёт какой-ни гопник, настрамит, –
 покорно соглашается Васина...

Высасывает и центростремит
 людей нечеловеческая сила.
 Кому оплачивать чужой разбой
 прибавочным трудом на благо вора?
 Оплатим, мать их в душу, но нескоро...
 Ты сокол сталинский, Господь с тобой,
 у нас об этом нету разговора.

Притёрлись, как в прибое камешки,
народ постёрся: матюки, смешки,
глаза зальют и кольев не ломают,
изъяты коренные мужики,
биоценоз нарушен – понимают...
Так щуку если выбьют острой
или сосняк повторно обессочат...
Но если деревеньку раскурочат,
тогда и ты почувствуешь: изгой.

Однако в марте буду попадать
на свет, на утренники... Благодать!
По насту гулкому до Заболотья
катись – да неужели наяву!
И помяну не раз, и позову:
Серёжа,
Митя,
Сашенька,
Володя...
Без вас – как мне обидно одному,
друзья, смотреть на свет
сквозь вашу тьму!

* * *

Под шинами из года в год
земля садится, каменеет,
трава от химии синееет
и потихоньку травит скот.
Такую землю червь не гложет:
жизнь земляная нежива,
лишь пьяная одна трава
сосёт раствор и стебли множит.
Всё меньше ест, всё больше пьёт
хитрохимический наркотик.
Барашек былку пожуёт
и выплюнет – неглупый скотик.
Отравленная почва мрёт,
покос год от году лысеет.
Сельскохозяйственный народ
таинственное зелье сеет:
погуще полосу засёрет,
с которой травки не возьмёт...
Лишь клин особый – тыщи га –
не ведает беды-отравы:

правительственные луга,
елани, пашни и дубравы.
Там живы птица и зверьё,
добра земля... Великий Боже,
храни правительство моё:
им нашу пищу жрать негоже!

СТРАДА

Фазилю Искандеру

Ох, лето!
Грядки, пожни, печи, дом...
Крестьянским вечным ломовым трудом
недуги буйной родины врачую
вплоть до трескотины и почечуя –
извольте мне простить – сквозь пот лица
не вижу лета! Нет ему конца.
В глазах туман: смешались свет и тьма,
частит и пляшет рамка-бахрома,
И КРУПНО ВСЁ. Не так уж плохо, впрочем,
явиться Господу разнорабочим.

Но начинается тоска ума.
Так говорит астафьевская мать
уполномоченному в коже:
нам – вас кормить, а вам – нас убивать.
Намаешься и думаешь похоже.
Старуха КРУПНО выхватила суть:
корми воров и веруй, что Россия
твоим трудом спасётся. У Фазиля –
всегда Фазиля рад я помянуть –
как в букваре: ТЫ ЕСТЬ ТО, ЧТО ТЫ ЖРЁШЬ,
что – сытый – у голодного сопрёшь.

Ремень с утра потуже затяни,
утешься доброй мыслью и смекни,
что сок земли, её животворящий,
сочится по вискам и каплет с век,
пока ты жив, пока ты человек
благоразумный, прямоговорящий.

ПРОШУ...

Прошу меня расстрелять...

Анна Баркова

Хоть искрошите в сорок сабель,
но не сегодня, а потом –
так прокурору пишет Бабель,
прозаик и шпион притом.

А лучше посадите на кол:
мне надо смерть мою продлить –
ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕБЕЛИТЬ!
Так он хохмил, молил и плакал

(или не так), но те моленья
архивы нынче не таят.
Однако прячут заявленья
в писательский секретарьят...

Я полагаю, это значит:
не всё погубло, господа,
коль власть, наглея, всё же прячет
остатки страха и стыда.

«Прошу – и вся-то недолга! –
вне очереди предоставить
мне **ДАЧУ ПОДЛОГО ВРАГА...**»
Всё те же вы – чего лукавить?

Писательские заявленья...
наперебой... без промедленья...

ГОГОТ БЕСПАРТИЙНЫЙ

Постарались мастера
немцы или финны:
обустроили снутра
камушек старинный:

сауна, укромный холл,
при дверях бамбула
на тебя – чего пришёл? –
глянет в оба дула.

Ради серед и суббот
омовенья духа
знать бобровая плывёт
в сауну-парнуху.

Шевелятся на столе
красные купюры.
Изнывают в алтаре
красные фигуры.

Кочегар, ох, порадел
для святой субботы!
Шлёпают в пивной придел,
в расписные своды.

Ох, распаренный словарь,
гогот беспартийный!
Где ты, постник-пономарь,
бормоток литийный?

Слушай, паря, обмирай
с кочегаром-дедом:
ведом Господеви край,
иже нам не ведом.

КАКОЙ БУКЕТ У НАС СЕГОДНЯ!

Николаю Тряпкину

Своей малиновой шинели
топыря вислые плеча,
сквозь дух помойки дух «Шанэли»
уверенно проволока,

полнеющий стандартный малый
звонит в загадочную дверь,
где ЖЭК был прежде, а теперь
какой-то Шейпинг небывалый.

Мне наплевать на их дела
и никакого интереса,
ПОЧТО сюда свои тела
привозят девки в «мерседесах».

Я эти таинства постиг...
Но тут с авоськой неизбежной

вслед шейпману спешит старик
своею косою побежкой.

Шарк-шарк, что лапоток, шажок –
да не подумайте худого!
Он весь: душа да посошок.
Но Шейпинг? Чёрт-те что за слово!

По мне, спросить, так этот шейп
с пришипом – по спине нагайкой...
Отшелестел шанельный шлейф
между помойкой и утайкой.

ТЬфу! Кель одор! Я говорю,
какой букет у нас сегодня!
Найдётся маршал Пишегрю
на оказаченные сотни.

Опять Россию Бог не спас...
Ты видишь, Николай Иваныч?
Они ещё достанут нас
нагайкой, напоследок, на ночь...

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ

И. Дедкову

На месте нежном и укромном
при обстоятельствах иных
прочсть возможно: No problem
пониже бугорков грудных.
И в милицейском протоколе
записано при понятых,
что всё обман и скука в школе,
что всех не переловят их
и что страмить других бы надо...
Но чьи теперь смутит умы
дитя всемирного распада
и всесоюзной кутерьмы?
А вот что сказано в письме:
в моей родимой Костроме,
чьё имя славится кострами,
стогрел архив в соборном храме.
Столетий восемь взметено
через замковое окно
за два часа – единым махом!

...И Кострома оделась прахом.
Над городом нависла туча
и, сопрягаясь, как мозги,
осмысливала этот случай:
ДА КАК ЖЕ ЭТО ВЫ СМОГЛИ...
Да так... Виновных отыскиали:
мальчишки голубков пускали,
проёмы не застеклены,
приделы глухи и темны...
Кому нужда в архивном соре!
Как в домне, гуд стоял в соборе.
Провинциальное звено
в таких делах закалено.
У них-то не горят палаты...
Так с кем же, дурочка, спала ты?
Где протокол? Чорт уволок.
Пришли и смотрят в потолок.
Впервые посетили храм,
похлопали по чёрной жиже,
вполне бесстрастны и бесстыжи,
как и положено вождям.
Кромешной огненной бурей
здесь выжжен весь Никитин Гурий.
Что знает горстка пустомель
о славе северных земель?
По саже поскребли: извёстка...
Ни Бог, ни мир им не судья.
Тому свидетельство – статья
«О воспитании подростка».

1982

Записи

ПРО ИВАН ПАЛЫЧА

- Чо дуришь, говорю?
- А чо дурю?
- Дети будто порыжели – от чо, говорю?
- Не ори, говорит, ай пропало чо...
- Али рыжего забыл Иван Палыча?
- Ах ты тварь, говорю!
- А ты алкаш, говорит.
- Покажу те алкаша!
- Покажь, говорит.
- Ах так, говорю!..

– А вот так, говорит.
Нонь у нас с тобой – не контакт, говорит.
– Ух какие, гу, пошли все учёные!
– А, гыт, все вы – кобели нелегчёные!

А сама, гляжу, ревет сидит, нахохлилась,
всё же мать, как-никак, многодетная...
– Ладно, чо, говорю, тут рассоплилась,
погуляй поди, вон какая бледная.
(Не беда и погуляет – сам себе молчу.)
– На детей, гу, не влияет...
– Не влияет, чу.

– Кабы знать, гыт, как гулять...
Как, гыт, есть – тут и вся.
– Извини, гу, ладно, мать,
пошутить нельзя...

НЕДУГ

Душа бы моя желала
видеть ещё одну
выходящую вон из зала,
глотающего слюну.
Где услугами секса
пользуется пропаганда,
мне
места
нет – и не надо!
Чистоган – арифметика –
кинопрокат – вал...
– Нет лишнего билетика?
Отошёл и сблевал.
Я страдаю почётной
НРАВСТВЕННОЙ ТОШНОТОЙ,
как граф Толстой,
ото лжи отлучённый.

* * *

Бывалый старый обезьян
свою предупреждает крошку,
что тыква с дырочкой – капкан:
ТУДА просунула ладошку –
ОБРАТНО кулачок с зерном
и лезет и не лезет вроде...

И, дурочка, при всём честном
ты будешь поймана народе.

ХРИСТОСИКИ

Арабу Хоснию Мубараку
за рифму благодарен я.
Когдаймаешь вора за руку,
он отопрётся: не моя!

Тогда с постыдною поспешностью
ты сам же прочь бежишь, как тать,
перед ужасной неизбежностью
ему по совести воздать.

У Хосния детишки Хосники
и жён несчётно – красота!
А мы, стыдливые христосики,
произошли не от Христа...

...И снят оклад, и с мясом вырвано
старинной ризы серебро.
В чулан заброшен образ Тирона
как непотребное добро.

Богатого от небогатого
угодник сей не отличал,
а брал за ворот вороватого
и перед Богом обличал.

Страна разорена и продана.
Торг в алтаре, в чести жульё –
затем что Тирона Феодора
не чтит отечество моё.

СЕРГЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

В начале утра было Слово:
бритоголовые ребята
под управлением комбата
орут речёвку Михалкова.
И я ослышался едва ли,
когда из рыканья и гарка
– Умрём за Русь и Патриарха! –
такие гуси выплывали.

Маэстро ведал, но не выдал
национальную идейку:
– Умрём, ребята, за копейку! –
в гробу, ребята, вас он видел. –
И я сижу на скверной лавке
и разрушаюсь в ветхой коже:
– Тебе-то что! А я-то дожил
до этой гнусной переплавки...

О ЮБИЛЕЯХ

Все начинается
с пяти-шести,
растёт к семи-восемидесятилетью.
Покойники особенно в чести,
поскольку допускает к литнаследью
любого-каждого их мирный прах.

Мертвец растёт буквально на глазах!
Прибавка веса и прибавка роста
особенно заметны к девяности,
и даже некоторый спад
являет голое столетье –
есть магия подобных дат.

Итак, дерзайте, юбилейте
и снова, не щадя ума,
учите мёртвого, как жить ему на свете:
ученье свет, а неученье тьма.

РЕЙНГЛАС

Е. Р.

Скажи, ты помнишь, Рейн,
то братское вино?
И кто из нас еврей,
ещё не решено.

Не глядя в потолок,
не шаря под столом,
бутыль ты уволок
с пристойного банкета...
И пили два поэта
на Пресне за углом.

А горлышко отбито
и вовсе знаменито:
неуследимый твой
единый взмах короткий –
и горло с глупой пробкой –
долгой!

Мой дорогой!
Глотая и трезвея,
в тот озарённый миг
в себе я иудея
и Русь в тебе постиг.

Стекланный, впрочем, бой
был мелочен и хрупок,
но важен был – поступок!
Стекло в зубах дробя,
я полюбил тебя
умом и дурью русской –
всё знавшего про нас,
хрустевшего закуской
по имени Рейнгляс.

70 – 90

...Народные денежки!
А. Солженицын

Гроза очевидная и безнадёжно сухая
подходит и топчется, глухо ворча и перхая.

Без ветра, без ливня гроза – без лица и поступка.
Гроза без грозы – утомительная душегубка.

Не эта долина, не эта зазубрина Греми –
темно и повинно такое бездарное время –

вся эта усталая и безнадёжная мякоть,
от коей так хочется пить и не может плакать.

...Я жил на задворках, покуда гремели застолья,
где славили – ныне поносят – эпоху застоя.

И вечно они веселятся и пьют на чужое,
и хаот что надо, и славят как надо – с душою...

Страна опустела с войной. Краснобаев орава
гуляет теперь по Руси, эх, гуляет халява!

УБЬЮ!

Мне похвалялся имярек,
что предка драли на конюшне
и на брюхатой незамужней
женили – скрыли барский грех.
«Они Ланские – мы людские,
вся дворня – полугородские.
К большевикам подался дед
и завещал мне партбилет».

Дед жил сурово, внук красиво –
к тому обязывала ксива.
Убили деда басмачи,
а внук подался в стукачи.

Держава Бога воскресила,
идея деда умерла,
звезду сменили на орла,
и над Россиєю крыла
простёрла воровская сила,
и новый православный Бог
благословил Большой Хапок,
Большие Бабки плутовские,
и оказались на коне
с чекистской пикою, в броне⁴⁴
крутые выблядки «Ланские».

С одним из них и я знавался.
«Ланской» мне в чувствах признавался
частично, а потом сполна:
– Убью!.. –

Убьёт? Я знаю брюхом,
что попадаю в зубы хрюхам –
но в эти зубки грызуна?

Ах-ах! Какое недержанье!
Какие новоприхожане,
новоцерковная страна...

---

⁴⁴ Памятник на Трубной площади.

Убьёт? Но на дуэли биться
мне с негодяем не годится.
Пощёчина – тебе цена.

ДОЛГИЙ ЗВУК

Вот после мусорного дележа,
мою испытывая душу,
побольше бомж бьёт меньшего бомжа,
как бьют боксёры кожаную грушу.

(И груша обнаруживает ритм –
в ней скрытый скоростной пиррихий плотный,
биясь-отскакивая РАЗ и ТРИ
и ПЯТЬ – с отрывистостью пулемётной.)

Большой ударит – плюнет – подождёт,
а бомжик, принимающий удары,
лишь молча в сторону башкой мотнёт,
достойный, может быть, и худшей кары.

Однако справедливость или месть
не могут быть столь явно безобразны,
и мне бы сразу в это дело влезть,
а я стою как соглядатай праздный.

Вот малый избиваемый упал.
Большому – парой воздано заушин.
Меньшого поднимаем – еле встал.
Домой... А дома ты уже не нужен.

Дверь заперта. Оттуда: – Гад такой!
Пошёл!.. – И детский рёв, и мат подробный.
Лежи в крови, под дверью – и с тоской,
какой-то раковой тоской утробной,
сказав прости избитому бомжу,
из нищего барака выхожу.
Иии БОММЖЖЖШшш!..
И доллго держит звукггустой
ПОЗОРНЫЙ КОЛОКОЛ Руси Святой.

Объявлен нерозыск, и всё, и молчок.
 Сотрудник улёгся жене под бочок.
 Велик материк, и поэта найти...
 и девочку... Девочка лет десяти...
     И дрыхнет, кто может. Ответственный мент
 страшные рожи наклеил на стенд
 и девочку... Девочка лет десяти...
 Ушла и пропала. Господь, НЕ ПРОСТИ...
     Мужик-недоросток, до глаз в бороде,
 бормочет под стендом: НИКТО И НИГДЕ –
 мой статус отныне и место моё.
 Ох, звери... Ну как же, найдёте её...
     А что же коллеги? Пропал – и пропал,
 хоть вас и покрепче стишонки кропал.
 Забросьте наживку: «Прекрасный поэт...
 Издание... Спонсоры... Вечер... Фуршет...»
     Иосифу Бродскому честь отгубя,
 Россия, оглянись ли на себя?
 Но Юра, уехав, но Юра, ушед,
 не слыхивал сроду, что значит «фуршет».
     Подумает: разве какой-нибудь срам?
     В нём так сочеталось презренье к пирам
 с охотою к водочке...
 Где ты, старик?
 Обширен и глух мой родной материк.

* * *

Прервав застолье и уют,
 вбежал и крикнул:
 – Наших бьют!

И сразу лица стали краше:
 – Да кто кого?
 – Да наших – наши,
 а наши сдачи им дают.

Всё правильно.
 Сидят и пьют.

Тогда один упёрся в стол,
 и встал, и отодвинул чашу,
 и мир худой и братью нашу
 на две свободы расколол.

**ДМИТРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПРИГОВУ,
УМЕЮЩЕМУ ВОПИТЬ КИКИМОРОЙ**

Дмитрий Александрович, по дружбе не уделите ли мне несколько воображенья, восполнить дабы соображенье... скажем, рояля по брюхо в морской волне, что почуяла отмель и сразу встаёт на дыбы?

Дмитрий Александрович, дорогой мой сосед, обяжите! Или – раскиньте пустырь для бомжей и собак со столом посередине: тосты, фуршет, а потом присед, а потом они бродят, жуя кто-кого-как.

Ну вот и спасибо! Дальше сам я наверняка нарисую фигуру со взглядом издалека на коньяки-балыки (бокал – завершенье руки: рúки, когда без бокалов, сжимаются в кулаки).

Пьют, но и жрут могуче: хоть бы кого развезло! Стол – буквой П – «покоем». ОГНЁМ ОКРУЖЁН ПУСТЫРЬ. Смотрящего издалека первого припекло: согнуло и нудит... Пуст желудок. Пуст желчный пузырь.

Лев Толстой на войне придумал НРАВСТВЕННУЮ ТОШНОТУ и КРЯХТЕНЬЕ СТЫДА. Бесперывно старик кряхтит! ... .. Слышите? Разговаривать с командирами невольно: один негодяй, другой, кажется, полный кретин.

Но вопите Вы замечательно! Научите – к чертям слова! А я Вас – кряхтеть... попробую... Может быть... Но сперва вой чеченского волка ямбом переведу. Волка пуля найдёт – я берлогу найду.

А Я ВАМ ГОВОРИЛ

Сергею Яковлеву

Свидетельствует пыль молочная,
что эта балка потолочная,
столетняя тугая матица
в зарубе древоточцем тратится.

Понятно, помогали дожди,
сыреет, сыпется, да мало ли...
Летами жили здесь художники,
глядели – А НИЦЁ НЕ МАЛТАЛИ,

всё подставляли вёдра-тазики,
а сверху капало да капало...
Ну академики! Ну классики!
А мудрость, ах, невелика была –

одну прореху залатать...
Треск среди ночи! Грохот! Маттть...

Пришибло бедных, еле вылезли
из-под чердачного хлама...
Всё помыслы у вас да вымыслы,
а тут натура, был! А я

вам говорил: козявка, тикая,
тугую деревину прочную
преобразует в пыль молочную –
работа страшная и тихая –

так время – слышите? – идёт,
и потолок на вас ПАДЁТ,
и сгинете под ним, как не жили.
Который раз твержу вам: ежели...

Лекимозеро

* * *

Когда ты меня приглашаешь в *salon élegant*,
то я вспоминаю, что я – костромской хулиган.

Волчата – голодные дети – нам светит тюрьма...
Зеркально-лиловые окна, ковровая тьма,

брезгливая роскошь, как вялая сытая страсть –
на «новую жизнь» не насмотришься отворотясь,

где с ветхим бандитом сидит молодой проститут,
где честь нипочём, где купюрами пальмы цветут.

Мне старую память не тешить, бокалов не бить,
во мне это время чужое, в котором не быть –

старинное *im'me la morte*... Прости и живи.
Война на дворе, и телец расторженье в крови.

* * *

Вынув из урны хлеба кусок,
бабка его завернула в платок.

Кто его бросил и кто оплевал,
я не увидел и не назвал.

Но по тому, как взглянула она,
я ужаснулся: будет война!

70-е годы

СТАНСЫ

Что делать? Как что? Пришла весна – пахать...
В. Розанов

Куда тебя леший несёт? Заночуешь в кювете...
Гляжу, как заносит, шибает гружёный прицеп.
Сильней вертанёт – и хана, и никто не в ответе,
ужо и записывай памятку в книгу судеб.

Районного праздника милое разногололье,
бутылка ПРИЧАСЬЯ, душевный дурной разговор –
ну всё понимаю! – и дикий удар в переносье –
за что же?! – и глаз побелелых бессмысленный взор.

На сцене кумач на столе, и на стенке личина,
собрание никак не начнут, а домой бы пора,
всё ждут из района, сказали, какого-то чина,
залазит на сцену, ползёт под кумач детвора.

Российская поросль, сопливая наша надёжа,
коль три поколения сработалось, скисло, спилось –
такие ребята пропали... Эх, Боже Ты, Боже...
Железо вживили в людей, и оно прижилось.

Речонка в тумане и ранняя рань с косарями,
и росную радугу держишь-несёшь на косе.
Что даром дано и чего не искал за морями,
а то, что искал, сохраняется в личном досье.

Безгласная участь какого-нибудь одиночки,
который не мог, отказался, не стал, не хотел,
щербинка в огромной поручке, секунда отсрочки
прямого Возмездья проклятых убийственных дел.

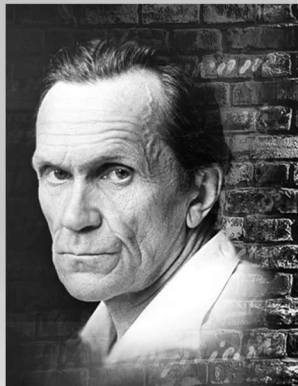
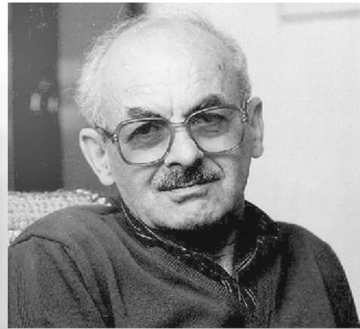
И что же? Тебя стебанёт развихлявшимся бортом,
а то стаканом в промежглазье: до дна не допил!
Иль сам ты на нет изойдёшь в одиночестве бодром,
в страницу уткнёшься или загремишь со стропил.

Натянем исподки, надвинем рабочие шоры,
не спрашивай, жить для чего и загнуться почём.
Поставил избу – набивай кружевные подзоры.
ЧТО ДЕЛАТЬ, мы знаем с Васильём Васильёвичом.

Играют на стеблях и, вздрогнувши, рушатся росы.
Права человека – долги материнской страны.
И радуга рдеет, и еле дымятся прокосы,
и долгая тень впереди: солнышко со спины.

V

ПОРТРЕТЫ

МОЯ СТАРУШКА

Анне Ильиничне Лунёвой

Ясны воды под водою.
Через семеро слоёв –
это донце золотое,
за весь век не зажитое...
Полны воды до краёв.

Комковато, жилковато
старое твоё лицо.
Это годы виноваты,
это белое винцо...
Твой Калязин недалёко.
Ты сказала: ты на Бога
осерчала за попов.
В тридцать пятом твой Лунёв
молодой откомиссарил,
вековать тебя оставил.
Не живи, сказал, одна,
как сорока-белобока.
Что там было – мало, много
пито горького вина?
Кой кобель в магазин бегал?
Ты сама себя спасла:
– Не горюнчик меня делал,
не тужилка родила!
*Раз в милицию попала
по оплошности властей,
понаслушалась немало
от начальника страстей.
Чем старуха провинилась? –
Без прописки загостилась.
– Чтобы не было и духу!
Посажу, – кричит, – старуху!
Но ответ неизгладимый
передать не в силах я:
– Посади меня, родимый,*

*али жопа не своя?!
Слава Богу, не чужая,
есть на чём и посидеть...
Я в Калязин приезжаю –
отсыпаясь, как медведь.*

•

«Володюша погостить
приезжай зима проходит» –
и в конце письма выводит:
«Ато недлеково жить
мой родимой заждалась я...»
Без единой запятой
нескончаемую вязью
буквы нижет, нижет, нижет.
Право, будто Лев Толстой
сам рукой твоею движет.

Что за небо и земля
посредине февраля –
свет какой...

До слёз прекрасен
деревянный твой Калязин.
Волга широко лежит,
обещает водополие.
Лошадь тёплая бежит
через ледяное поле.
И хозяин был неглуп:
завалился под тулуп,
как исправил свой черёд –
едет задом наперёд.
Умный до дому проспится,
телевизор доведёт.
В красный угол, где божница,
чудный ящик водрузит,
у которого само
засвечается бельмо.
Лошадь нехотя трусит,
на хозяина косится:
умный до дому проспится,
валенками тормозит.

•

С лишком тридцать лет назад
слово явлено: «каскад».
Оттого пошло большое
потопление земель.

Там в бараке Волгостроя,
в комнатёночке своей,
руки уронив на брюхо,
мается моя старуха
долгой думой ни о чём
между дрёмой и сном.

•

Между штопок и блинов
воркотня твоя родная.
– Грех Господен...

Мать честная,
распахнуло до основ!

В две шерстины вяжет кофту:
посветлее, потемней.
Грех Господен...
Сам таков ты,
и тебя мы не грешней.
Семь десятков – ясны воды.
Близко-близко я приник.
Я простой твоей свободы
благодарный ученик.
Уж тебя-то ли не гнуло:
от семи годков ты нянька,
до семидесяти – Анька...
Всё слетело,
всё минуло –
где неволюшка твоя?
Трудно шло, да ладно вышло –
вот и маялась не зря,
свет мой, Анна Ильинишна,
Нюрка, дочка звонаря.

•

Там, где траур и багрец
одинакового цвета –
побелеют за два лета, –
где лежит солдат гвардейский
и калязинский купец
и свернул на лад житейский
стих из Нового Завета,
отдыхаем мы с тобой
по дороге за грибами
на скамейке над гробами
в тёплый полдень голубой.

Помянём Кузьму Клочкова:
нет уж мастера такого,
сыновей не приохотил.
И недолго проболел:
всех соседей обиходил,
а себя вот – не успел.
Наварил крестов, оградок
из прутка, из утиля.
Шарики и кренделя –
стиля верный отпечаток.

Птицам принесли кутью.
Ты усопших поминаешь,
две слезинки утираешь,
надо, говоришь, две склянки
краски светлой, серебрянки
на ограду – на твою.
А в лесу поёшь разлуку,
думу думать не велишь.
– А как в яму повалишь
бесплезную старуху,
уж, наверно, не приедешь
и меня не наведишь?

Сберегу твою науку:
обниму и помирю
то и то –
одной заботой.
Говоришь: своей охотой...
– Что ты, что ты, – говорю, –
полно!

А у самого-то
вся – с краями,
вся – полна.
Неизбывная свобода –
ключ холодный изо дна...
Всё исполню, навещу,
сам тебя запеленаю.
Одного-то я не знаю:
как тебя я отпущу.

МУСОРГСКИЙ

А был Модест Петрович
учитель первый мой.

Его я крови крович,
ближайший и прямой.

А славно зубы ломит
отеческий родник!
Хоть замысел и пропит,
но ясен и велик.

Он сует нос свой сизый –
он чует шабаш лысый,
и смуту, и раскол,
и ручеек ползком.

И на зуб в звуке Углича –
зола и кислотца.
Младенческая улица
у красного крыльца...

Царевичево тельце
смердит – не довести,
и надобно младенца
др у г о в а извести.

Сгребли народ в овражек,
живой и неживой.
Поехал саркофажек,
а мальчик там – чужой.

И чей там замордован
и похоронен крик?
Ещё не расколдован
заветный черновик.

С утра учитель пьяный,
и день за ним деньской –
мотивчик окаянный
да жалостный такой.

БОРАТЫНСКИЙ. СЛОВО МИЛОСТИ

Читает, пишет. Взаперти, один.
Что означает это заточенье?
Свобода – добровольный равелин,
а дарование есть порученье.

В Муранове себя замуровал.
Зачем – Мураново, Каймары, Мара?
Созвучий круг – прибежище кошмара.
Прав Пушкин – звукам воли не давал.

Тоскует. Пьёт. Да кто его ссылал?
Да на свободе – мало воли, что ли?
А он ушёл от этой самой воли –
он этой воли сам не пожелал.

Судьба – усилье гордого ума.
А чем они венчаются, усилья?
Иронией... Ты спасена, Россия:
мы – сами по себе, и ты – сама.

Сороковые годы – вещь в себе.
Скудеют мысли – поумнели звуки.
Себе довлеет слово. Сами руки
всё тянутся то к лепке, то к резьбе...

Невидимый, незрячий мелкий дождь.
Накопится – и в бочку капля капнет.
Терпи за сорок лет, российский Гамлет, –
и самого себя ты не убьёшь.

Накопится – и капнет. И молчок.
И тишины никто не разумеет –
она накапливается, немеет...
А дождь по имени: му-се-ни-чок...

Другое бытие – другой словарь,
где так ясна и так невинна Сумерь,
где жив мужик, куда он не умер,
как всякая живая Божья тварь.

Здесь Родос – прыгни! Здесь, моя душа.
Пускай в Европе вольность шевелится –
свобода исподволь и хороша...
Ах, родина! А речь твоя, и лица...

Ты прав, мой гений: втайне и вчерне,
и тем милей, что вовсе беззаботна!
Что мысль моя? Ужель она свободна,
коль так мертвит и давит сердце мне?

Пусть выбирает форму матерьял.
 На то и опыт мой, и очи зорки,
 чтоб вещей смысл народной поговорки
 надменную премудрость поверял.

Он вышел. Тихо, влажно – и со щёк
 щекотного дождя не вытирает.
 Российский мученик, всё повторяет
 как слово милости: му-се-ни-чок...

* * *

...Отвергнул струны я –
 Да хрящ другой мне будет плодоносен!
Боратынский

Ужаснулся – что содеял! – навсегда отрёкся слов
 и еловый бор посеял на две тысячи стволов –
 без заботы о текучих нежных формах естества –
 угадал в тенистых сучьях отреченные слова:
 тёмный шум, глухая слава – всё понятно
 всё равно.

Тишины святое право думающему дано.

* * *

Глядит как лорд британский
 разбойник и поэт
 Евгений Боратынский
 четырнадцати лет.

Минует четверть века,
 и полагает он
 стихиям человека
 хранительный закон.

Лишь только то, что плоско,
 наш плоский ум вместит –
 лишь маленькую блёстку,
 которая блестит;
 а нам и это льстит,
 как похвала подростку.
 Создатель «Недоноска»
 отчаянно грустит.

И всё ж, себя измучив,
 не ступит он за край,

где
    обитает
        Тютчев.
Не надо, не ступай.

Ты здесь. Ты утешенье
тому, кто там бывал.
Тебя воображенье
убило наповал.

А что? А страх житейский,
тревога о жене –
как тот припадок детский,
как те слова вчерне...

БАТЮШКОВ

Утро ночное, слепое окно.
Двигается что-то – не вижу, темно –
вон, через двор, занесённый золой.
Этак бывало в Италии злой.
Низко сегодня сел потолок.
Снова проходит – и след поволок...
Тёмно, невидимо – свечку задул.
Так и бывало, помнишь, Тибулл?
Кто-то из бреда пришёл твоего
в Хантоново, ха-ха-хантоново.
Вышел на холод – снег озарён.
В полдень закладывать – за декабрём!
Как поворотит зима на весну,
тут-то я на зиму и поверну...
Батюшков знает – рассудок велик –
тот сокровенный разымчивый миг.
Едет – пора, – вдохновеньем гоним –
путь п о в о р а ч и в а е т с я под ним –
верно приводит – к тому же крыльцу.
Слёзы блаженства текут по лицу.
Счастлив безумец. Теперь – вспоминать!
Время твоё обращается вспять:
всё оживая, всё больше любя,
Делия, вновь доживу до тебя!

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ГОЛУБКОВА

1.
Ты был...
Ты рыцарь был –
всё отрок был –
за сорок –
твой самый чистый пыл
весь вспыхивал, как порох.
Твой декабрист-старик,
как старчище былинный,
столь одинок и дик
на площади пустынной,
где конного царя
с прибавкой пьедестала
фигура Кобзаря
уже перерастала...
И бунтовщик умрёт
от счастья речи вольной,
и тело приберёт
квартирный сердобольный.
И всё – и ничего
от грозного восторга?

...Я вытащил его
из мерзостного морга.
Для беспризорных тел
есть под Загорском яма –
ты ЭТОГО хотел
так долго и упрямо?
Единственный исход –
и всё-таки не выход.
Прости, мой Донкихот,
ты сделал ложный выпад.

2. КОСОЕ ПОЛЕ

Прямая тень стоит посереде
завьюженного поля, впереди,
и не отбрасывает тени –
и не избыть моей потери.
ТЫ ВЫСТРЕЛИЛ В СЕБЯ И СПАС МЕНЯ.
И весь тут сказ. И тут бы точка.
Но старая кочует строчка
из года в год.

К исходу дня
развиднелось. Конец пурги
Прозрачные полукруги
стекают по зернистой корке.
Село сутулится на горке.
Косое поле оползает в лог,
и солнышко по зерни
свет посылает мне вечерний.
НО КАК ТЫ МОГ...

А за сквозистым сосняком
детишки – разноцветные – гуськом –
бегом сюда. Любуйся, гость –
и пробегут тебя насквозь,
не замечая лишней тени:
тебя ведь нет для них...

Я тоже состою из слов одних
или каких-нибудь видений:
на взгляд учеников,
учитель не вполне материален.
Среди закатных облаков
сиянье ослепительных прогалин –
лазурь, заливы... Мы с тобой больны
Италией: ке чьело кьяро!
Но ты не дожил до своей страны,
до половины не исчерпал дара:
на перевале... в сорок два...
А там ущерб?
Чудак! Да в эту пору
катись хоть в пропасть!
Но – слова – слова –
им – только в гору, в гору, в гору!
Гора перед тобой встаёт
и следующую скрывает,
и заблуждений не бывает,
когда – наверх,
а там – полёт...

Ты спрашивал: а есть ли храм
в моём селе, ты вне прихода
не мыслил мирного народа...
Темно и сонно по утрам.
Чуть свет, через косое поле
бежишь ещё сквозь сон КО ШКОЛЕ,
где затемно двадцать одно
дежурная зажгла окно.
А храм... Соборная руина –

ке чьело кьяро э туркино! –
закатным небом обдана,
и вслед за уходящим светом
базилика плывёт в иные времена
и тонет в этом.

3. ПОЧЁМ?

Последний русский вопрос

Митя, Митя, святая душа!
Ан. Жигулин

Святая. Митю Голубкова
и полюбили мы такого,
и я о том. И не о том.
Ему лежать бы под крестом,
под голубцом – в краю Волоцком,
под крышицей, в углу сиротском,
но солнечном, где дышит ель,
роня слёзную капель
сквозь полог на могилу чью-то,
и сыплет шёлковую паль
на тех, кого сгубила смута...
Здесь ВОЛЬНИЦА – их больше жаль.

В Абрамцеве, в семидесятых,
самоубийствами богатых,
в насквозь промокшем ноябре,
когда земля лежит без кожи...
Прости, что не Твоею, Боже –
своею волею помре.

И не Волоцкие места –
он их любил и спал бы сладко –
Ваганьковская теснота –
его семейная оградка.
Молчали. Говорили кратко.
Посвистывали поезда.
Трамвай вопил на повороте.
Дрожал бетонный виадук.

Но в человеческой природе
ТАКОЕ выпирает вдруг...
Шекспировской ненастной ночью
при факелах и фонарях
ваганьковской похмельной сволочью
был ВЫКОВЫРЕН Митин прах.

И прах отца его. И кости
 несчастной матери его...
 – Не может быть! Да ну! Да бросьте!
 И что потом?
 – И ничего.
 Писали. Дважды. Всяк прочёл,
 ЧТО ЧИСТОГАН ДОШЁЛ ДО НЕДР...
 – Какая дикость!.. А почём...
 ваганьковский квадратный метр?
 С меня вне всяческих приличий
 содрали за новодевичий!

ДЕВА ПУСТЫНЬ

А у этой летящей бабы
 Апельсиновые волоса.
А. Адалис

На нищем больничном одре
 лежала тогда в ноябре –
 неловко лежала, как птица.
 И образ её, как всегда,
 капризничает и двоится,
 как призрачные города
 возлюбленных ею пустынь.
 Песок и белёсая синь...

Крылатое диво сидит
 на спинке кровати железной,
 и серое око глядит
 с тоскою на мир бесполезный,
 на сборище дураков –
 зачем не дают порошков
 забвения! – Гнев и обида!
 Презренья и знания полна,
 что будет ещё рождена
 для имени: Аделаида! –

для новой утробы узлом
 старуха себя завязала
 и серым укрылась крылом
 казённого одеяла.

* * *

Надевает он шляпу чудную,
 веник плоский под мышку берёт,

РЫЦАРЬ

И что ему на свете нужно,
ей-богу, я не разберу.

Зачем

так нудно и натужно
он служит –
правде и добру?

Себя давно железный рыцарь
обрёк на это ремесло.
Он устаёт. Он матерится
освободительно и зло.

Так нечестивых не честили,
как он поносит подвиг свой!
И воздух – стройный и живой –
от дикого смешенья стилей

тихонько стонет...

Но пора
измученному крестной силой
вставать на подвиг свой постылый.
Где жертва новая
добра –
звериный нюх ему подскажет,
и прямо путь его проляжет
к несчастному!

ОФИЦИАНТ

Бифштекс и жареный картофель,
бутылка кислого вина.
А у него орлиный профиль,
его усмешка чуть видна.

И я последнее бы пропил –
сидел бы тут, за ним следя, –
чтоб этот демон,
этот профиль
в дыму бы плыл, как бы летя,

и близко подходил, и мешкал...
О, времена – официант!
Какая чёртова усмешка,

какая грусть...
Какой талант!

Откинув голову, бледнея,
окурки красные гасить
и, сатаня,
сатаня –
уже лететь, уже сквозить

во область некую – иную –
в трубу квадратно-вытяжную!

АННА ХОДАСЕВИЧ

Воспоминаньем истлевая,
живёт старушка восковая
и мертвецов своих корит,
и говорит, и говорит...
На стенке с ними заодно
сама хозяйка в кимоно,
надменная и молодая.
Овала рама золотая.
Всех пережить ей суждено.
Слышна затейливая погудка:
электрочайничек парит.
Старушка голодом морит
и чёрным чаем – рак желудка.
И, начатое позабыв,
без перехода и вразбив,
но ровным тоном, как в балладе,
рассказывает мне о В л а д е.
Начало от конца. Покинул
меня в раскаянье, в слезах
и написал, что сердце вынул
и помнить будет в небесах.
И мне, однако, рай обещан...
И тут обиды. И про женщин –
одна на сером жеребце
въезжала прямо на террасу,
так домик весь звенел и трясся,
а Владя расцветал в лице.
Потом ушёл и был с другой
над венетийскими водами –
но все цвели и опадали,
а я была ему – одной.

Его ронсаровские циклы
читала, плача и любя.
Мне говорит: играю в куклы,
запомни – я люблю т е б я.
Я знаю – что ж ты врѣшь другим?
Его спросите-ка подите!
Не подступиться – поглядите:
и часто он бывал таким...
Чуть фотография туманна,
а взгляд пронзителен – ей-ей,
игумен братии своей.
Сознание дара или сана.
Певец четвёртого сословья
и пятому последний брат
затем, что весь – аристократ
гордынею, отчасти кровью.
И я писала – только Владя
писать не то чтоб запретил,
а пошутил – да и отвадил
и круг другой мне очертил.
Был мягок и непререкаем.
Я знала весь его словарь:
уж если говорит – я Каин,
то надо понимать – я царь.
За гордость эту и молюсь.
Мне говорит: я становлюсь
произнесѣнным мною словом
и тем сойду путѣм готовым –
Орфей – отселе прямо в ад...
О Боже! Всѣ равно не верю
ни Каину его, ни зверю –
не больше прочих виноват.
Но, жалуясь и негодуя,
такую вздумает вину –
свою, чужую, не одну –
навалит на спину худую.
А мне: не забывай, Нюрок,
хоть ты мой рай, но ты мой рок.
Незабываемо и чудно
бывало, право, как в раю.
Так и скажу про жизнь мою
в день судный...
И говорит, и говорит –
ему, себе ли в утешенье.
Однако это разрешенье
мучений, ревности, обид.
И как-то мне легко и странно:

я словно послан от него –
к тебе от мужа твоего,
великомученица Анна.
Где спесь его, и мрак, и злобство?
Где сатаническая роль?
Великодушное потомство
воспринимает честь и боль
и ту классическую соль
избранничества и сиротства.

УЧАТКОВЫЙ

Он идёт, прямой и бледный –
синий китель, красный кант, –
из семьи интеллигентной
милицейский лейтенант.

Синеглазый и красивый,
грубых слов не говорит.
Острый пламень негасимый
от очей его горит.

Никакая не острастка –
с кобурой идёт пустой
крупноблочного участка
попечитель молодой.

Из России только-только,
из педвуза – в том ли суть?
Стыдно стало нашей Лёльке
с кем попало, где-нибудь.

Он не водит в отделение,
он не давит на испуг –
он берёт на удивленье
Лёлькиных друзей-подруг.

Тихого милиционера
наш квартал зауважал:
ореол миссионера
всю шпану заморозил.

Где там – служба подозренья?
Наши с вами дважды два?
Это чудное горенье,
эти странные слова...

Подойдёт он, извинится,
из очей пробьётся свет:
– Вы ведь, Лёля, не блудница. –
Губы сами шепчут: – Нет...

Так жива ещё поныне
эта власть и эта кость.
Не горюй: пропало в сыне –
в правнучке отозвалось!

Так что прадеда с лихвою
повторило – набело.
Сильной жилой становой
дальше, дальше потекло.

ПОДЖИГАТЕЛЬ

Орут, стенают без умолку.
Не подойти – огонь стеной.
Кострище на краю посёлка,
сарай пылает дровяной.

Ночь, бестолочь. Хватились поздно.
На лицах – сильный шаткий свет.
Упала кровля – стало звёздно.
Хоть ветра, слава Богу, нет.

А он сидит себе в сторонке
на корточках на бугорке
и на огонь глядит – мальчонка
с коробкой спичек в кулаке.

Болезненный озноб восторга
всего трясёт его и бьёт.
Его очередная порка,
сознавшегося, дома ждёт.

РАБКОР НАДЕЖДИН

В раковине томского карьера
экскаватор шею преломил.
Жилковатый, крупный, сине-серый,
сохнет гравий. На воде – настил
подъездной дороги. В берег сизый

уперев полдневные лучи,
стало солнце.
Отложил ключи
экскаваторщик кирпичнолицый.
Около машины горячо.
Надевает кепку, за плечо
фотоаппарат – и был таков.
Бродит по лугам, подстерегая
бабочек пугливых, паучков:
ведь какая жизнь – совсем другая!
Насекомый праздничный народ
расправляет крылышки, поёт...

•

Над гравийным плёсом ковш летает,
цедится вода в зазор бортов.
Самосвал под грузом приседает
трижды: три ковша – и будь здоров, –
следующий...
У большой машины
лязгают стальные позвонки,
и под козырёк его кабины
солнце отлетает от реки.

•

У него бессонница. Назавтра
карточки показывает мне.
Чёрен и похож на динозавра
экскаватор, снятый при луне.
Шмель на воздухе мохнат, огромен –
шмель-медведь... Я говорю: – Олег,
этот образ неправдоподобен,
и вообще ты странный человек.

•

Так оно и было: экскаватор
вскоре он забросил. При ДК
появился – кинооператор,
на окладе дворника пока.
Не было бы тут большой печали,
так оставил всё – жену и дом...
В закутке своём корпел ночами.
Жизнь перевернулась кверху дном.
Пьяным же никто его не видел,
к девкам разведенец не ходил –
знал свой «Зоркий», мухи не обидел
и в посёлке дурачком прослыл.

•
Впрочем, где дурное, где иное –
тот пускай рассудит, кто умён.
Восемь лет промаялся с женою,
восемь лет – другую помнит он.
Медленно
из слов его корявых
восходило, обдираясь в кровь,
чудное светило –
Боже правый! –
та – обетованная – любовь,
что дана душе одна навеки
и втемяшилась ему в башку,
поселив великую тоску
и блаженство в этом человеке.

•
Отыскал при помощи «Известий»
он следы возлюбленной своей.
С мужем та жила на новом месте
и воспитывала сыновей.
Из Сибири ездил под Каховку,
мимо дома раз прошёл и два...
Постучаться не посмел: неловко.
С голоду кружилась голова.
Так и не сказался им – куда там!
Это в книжках только чудеса...

•
По посёлку с киноаппаратом
он проходит, глядя в небеса.
Кинолетописец нашей стройки,
самый добросовестный рабкор,
муж, в лишениях и бедах стойкий,
холостой, непьющий до сих пор.

КАПИТАН

Гарию Немченко

1.
Перемычка всю ночь фильтровала.
Инженер заглянул: озерцо
перерезало дно котлована...
– Сто чертей! – побелело лицо.
И кругом ни души. Где бригада?

Он в контору – там нету. Он сгрёб тех, кто был в коридоре: завсклада, машинистку... – Куда это? – Надо! – Бюллетенщицу: – Вот те лопата! – Что такое? – Однако, потоп! – Вся конторская пёстрая челядь всполошилась, кто как, налегке, в самосвал погрузилась, и через пять минут самосвал на реке. Лихо ехали, развеселились – инженер был угрюм и не рад... Там лопаты уже негодились – в котловане шумел водопад.

2.

Есть минуты, когда инженеры в полусне словно дети стоят пред стихией. Минуту назад принимались решения и меры – всё пропало! Дохнула она свежим хаосом, духом соблазна... И стоит он, и шепчет: «Согласно Уголовному...» Вот тебе на!

3.

Так и замерли над водопадом, а струя тяжела и седа... Но вперёд протеснился завскладом и: – Внимание, слушай сюда! – Было кратким его повеленье: нагрузить самосвал. Что к чему, непонятно. Явилось явление – оставалось дивиться ему. Перед бедствием неминучим по закону сюжета возник наш герой – кладовщик, завгорючим, капитан-отставник. Не спеша он в кабину садился – поглядите, с лица как застыл, – это что ещё? – перекрестился, тронул «МАЗ», на гравийный настил выбирается, едет, на кромку – что ты делаешь, выбьет как пробку! – наезжает – и – грузно в промоину, руль свернув, самосвал забурил... Взбеленилась вода! Подождал, закурил, обернулся – глядит... Хорошо ему!

На подножку ступает – вода по колено,
и лицо – обыкновенно.

4.

Тут я сделаю паузу, выдох –
котлован не потопит река –
и скажу хоть два слова пока
о ночных сторожах-инвалидах –
о товарищах кладовщика.
На строительствах комсомольских –
вечно жалуются кадровики –
составляют охранное войско
эти странствующие старики.
Ни имущества, ни прописки,
сух и на ногу снова лёгок,
ветер носит его трансибирский
и на запад, и на восток.
Что за племя! Ни корня, ни крова,
даже имени: просто «дедок».
И причина смиренья такого
молодым никому невдомёк.
Всё помалкивает, поддакивает,
словно памяти нет за душой,
в чай коричневый корку помакивает,
днём приткнётся на койке чужой...
Ночь идёт, совершается участь
человека с берданкой в руке.
Велика этих кадров текучесть
на колючем сухом сквозняке.
Тело дряхлое в грозном тулупе
свяло, скорчилось. Сыплет снежок
из крошечной невидимой глубли,
засыпает стрелка... – Эй, дедок!
Жив ли, нет?

5.

Капитан презирует
ветхий штат подчинённых своих,
им с опаской оружие вручает,
оставляет за полночь одних...
Днём впотьмах он сидит, как в засаде,
как в пещере какой атаман,
и в глазах у него «не укради»,
и на бочке гранёный бердан.
Кавалер орденов и штрафник,
понимавший атаки и штурмы,
в нашу жизнь, как ни бился, не вник,

где мы с вами умны и культурны.
Вот он бочку ребрастую катит:
– Отцедили солярку... Шпана,
цуценята! Подушки не хватит –
вам – за мною нести ордена... –
Едет траурная колонна,
и звенящая речь микрофона
по посёлку далёко слышна...
Впрочем, это из области сна
и, быть может, шаблона.

6.
Но закончим хоть главную сцену.
Был он жив и хорош – полчаса,
а завидев грядущую смену,
сам пошёл на неё как гроза.
Бранью встречной, однако, покрытый,
при народе при всём, на миру,
он хватился движеньем забытым
за невидимую кобуру!
Тут совет разделился во мненьях.
Хоть бригаду никто не хвалил,
посильнее святого знамени
жест последний толпу впечатлил.
Как уж там согласились в итоге,
я не помню, но долго смотрю,
как шагает он прочь, без дороги,
по изрытому пустырю...

7.
Эти древние гальки и глины
голубыми выходят на свет.
Эти были – ещё не былины,
тут ещё и поэтики нет.
Но меня поразила – осанки
и пути его прямизна
по отвалам и рвам, по изнанке,
где земля голуба и юна.

ЕВТУШЕНКО ГОДУ В 65-М

Шиллеру моей юности

Он выглядел неукротимо:
помолодел, опал с лица.

Мортира телеобъектива
его следила без конца.

Ища опору и робея,
свои записки теребя,
себя сильнее и слабее,
весь, как стихия, вне себя,

кружился он, хрипел, шатался
на сотнях слабеньких пружин,
пока из горла вырывался
повелевающий им джинн.

Он колыхался как костёр,
был ярок, словно на прощанье,
уже – пожар, ещё – актёр,
уже правдив, как завещанье...

Его челнок, лёгок и утёл,
скользит на гребне под уклон.
Толпу с народом перепутал
не первый, не последний он.

Дитя толпы, толпе он верит,
везде скользит, во всём сквозит,
всё перелюбит, перемерит
весь карнавальным реквизит,

и кажется, любая впору
ему заслуга и вина...
Да нет, не ищет он опору –
ему опора не нужна.

Ему как вечному мальчишке
нужна волна – лететь, скользя,
поймав уклон, меняя книжки...
Но так в России быть нельзя.

Нельзя? Нельзя. Нельзя – а надо! –
ему? толпе? Вот и живи...
О страшная арлекинада,
и тем страшней, что на крови.

ПРОТЯНУТУЮ РУКУ

Евгению Евтушенко

Я помню –надцать лет назад
счастливейшего человека.
– Что? Написал поэму века?
– Ха! Пропустили «Детский сад»!

(Там Евтушенкины друзья
идут в колоннах ополченья,
и крайний справа – это я
с лицом, исполненным значенья.)

И, как ликует сад детей
при появлении Дедмороза
с мешком игрушек и сластей,
ты ликовал.

Но тут заноза.

Из очереди в гардероб –
а дело было в ЦеДеэЛе –
довольный, праздничный,
отселе
сходящий, как Державин в гроб,
ты руку простираешь, чтобы
благословить младых...

И что бы
вы думали?

Мальчишка-сноб
ему протянутую руку –
на дружество, на жизнь, на муку –
выкручивает...

Что за бред?
Выламывает...

Что за время!
Нет...

И сейчас кричу я:
– Нет!

Несчастное младое племя,
не знавшее великих бед.

– Вы не поэт! Вы не поэт! –
И не от боли бледен Женя⁴⁵.
Какие дикие сближенья:
благополучный детский сад
мог вырастить таких волчат...

ПАВЕЛ МЕЛЁХИН

В тех казармах для крестьян фабричных,
двухэтажных и краснокирпичных,
что тоскою метят Подмосковье,
обитает пятое сословье.

Переименованная в Клизму,
Клязьма в русле мусорном струится.
Удалось-таки капитализму
за социализм зацепиться,

а последний сей в коммуны вторгся
долгой перспективой коридорной
с кухней и общественной уборной
за фанерной дверцей в том же торце.

Подыши минуту, опиши-ка
нашатырный дух и керосинный...
На столе у Паши пишмашинка,
а под полом – сам король крысиный.

В обществе крысиного Михая
той «Румынии» или «Шанхая»
жил король – поэт Мелёхин Павел...
Он скрипел, фальшивил и картавил,

но ему, а не Рубцову Коле
присуждали «короля поэтов» –
звание соблазнительное, кое
он отверг, владычества отведав

(одному шуту-лауреату
надавав увесистых пощёчин
впрок и поделом, хотя предвзято,
как и надлежит поэту, впрочем).

---

⁴⁵ У Сергея Гандлевского в «Трепанации черепа» описано не то и не так, как оно было.

Ромбики кроватной голой сетки,
кашля-смеха Пашки хрипы-всхлипы:
ибо стенку отирают типы
в серых шляпах внутренней разведки.

Чем очаровал ты эту дуру?
Почему наглеют эти типы?
В подражанье старому Катуллу
Паша в рифму пишет инвективы,

и, как древле Цезарь и Мамурра,
их читают Гришин и Романов,
и жива ещё литература
баловней фортуны и смутьянов.

(В чудной дружбе пара негодяев:
кот Мамурра и похабник Цезарь...)
Вразумит Мелёхина Куняев,
или вырубит полкниги цензор,

или вовсе похоронят Пашу,
напечатают, что жил да умер...
Дураку понятно, чей тут юмор,
кто пустил подобную парашу.

Погрустил денёк и ржёт Воронеж,
увидав Мелёхина живого.
Мать слегла от юмора такого...
Знаешь, боров, где ты, боров, роешь.

...Заполночь внизу возня и писки:
беспокоится Михай Михаич
о твоей опасной переписке:
пишет Паше Александр Исаич,

всею чернью клятый и клеймённый,
шлёт письмо по линии казённой
и дойдёт в «Румынию» на Клязьме –
в те-то годы! – позабудешь разве?

Лишь юродивый не знает страха –
ломит прямо, где прямых дорог нет.
На тебе холщовая рубаха,
снятая с отца, никак не сохнет.

Не пошёл в этап Леон Мелёхин,
кинулся Леон в родной колодец:

знал мужик, что по краям далёким
сгинет весь воронежский народец.

Душно жить! Да что ж это творится!
Ну-ка помяни отца, насмелься...
Били Пашу головой о рельсу
неизвестные, но в шляпах лица.

Я хотел бы видеть эти рожи –
бросили тебя на рельсы... Местный
оттащил тебя в бурьян прохожий...
Слышишь, Паша, голос мой болезный?..

Тёмной ихней силы не осия,
мы полжизни перебедевали...
Наша опустелая Россия –
чернопенье на лесоповале.

Помню, милый, я твою присягу,
повторяю: буду жив покуда,
на повалах на пень не присяду –
потому угрюмец и зануда.

Ну а ты озоровал... И даже,
олимпийских не страшась запретов,
сочинил однажды – Паша, Паша! –
пару фронтовых живых поэтов.

И огонь священный сник и вытек,
расколосся, бедный, пополам ты...
Феликс Кузнецов, великий критик,
проходимцев оценил таланты.

(В книжечке одной гласит акростих,
что ГОВНО КАСАТКИН – и однако
не упас тебя неверный мостик,
отомстила гневная бумага.)

Воровское время. Грех поэта.
Ты и сбросил с девятиэтажки
сам себя – за всё за то, за это –
как в колодец. И не стало Пашки.

ЗАПОЗДАЛЫЕ СТИХИ

Я. С.

Темна душа людская, как п у з ы р и з е м л и:
зачем она – Ланская, не Ваша – Натали?
И с нею – хоть убейся – не быть накоротке.
И ревность и плебейство мешаются в строке.

Но умолкают сплетни – Вы это знать должны, –
когда усилием смерти спасают честь жены.
И на другой странице, и через много лет
перед нею извиниться Вы не сумели, нет...

С душой хмельной и косной, возможно, что за час
до исповеди грозной оставили Вы нас –
угрюмый, вислоносый, гугнивый, испитой –
с чугунной гиблой прозой и лирой золотой.

* * *

Ярославу Смелякову

Да, праздник. Незаконная слеза,
невидимая, по щеке сползает.
Никто его не видит – заперся.
А кто его увидит – не узнает.

А знают что? Такой он и сякой,
к тому ж ещё угрюмый и гундосый.
Согнётся, будто в поле над сохой,
и рот заткнёт всегдашней папиросой.

В газете напечатает стишок
и в рукописи чистый лист оставит,
а между делом за вершком вершок
в историю российскую врастает.

В истоке речь славянская пряма.
В итоге старость неисповедима.
Но что душа произнесла сама,
с тобою сбудется необходимо.

От века судьбы русские всё те ж:
душе живой иного нет исхода,
как первая любовь её – свобода,
как поздний праздник зрелости – мятеж.

Прекрасно, Ярослав Васильевич!
Пошёл – так и пошёл, как остутился.
Услышат – не поверят: что за дичь...
Не вышел – помереть поторопился.

ЧУЖАЯ

Крепдешинная красotka,
впрочем, мать двоих детей,
впрочем, честная сексотка,
вплоть до сломанных костей
преданная идеалам
и двоим сироткам малым,
впрочем, сыновьям врага,
заключённым в детском доме.
Сорок лет над пармой Коми
воет вещая пурга.
В переломанных костях
ревматическая стужа
и вина в чужих смертях,
впрочем, и родного мужа.
Как ковыль-трава, седа,
над записками колдуя,
из последних сил себя
ненавидит молодую!
Только этим и жива,
как над каменною кручей
та бесплотная трава –
скудной влагою летучей.
В заключении сидит –
в тихом доме престарелых,
на детей, ковыльно-белых,
с отчуждением глядит:
все в неё... Свиданье длится
нестерпимо долгий час.
Мукой с ними поделиться
нету сил... Даёт наказ:
сжечь её – не хоронить,
прах предать пурге полночной
воркутинской, правомочной
с прахом прах соединить.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛЬВОВА

Во мне – убитые мной.

В. Львов

Я мимо шёл – раздался крик,
тупик безлюден был и чёрен,
злодей был силой невелик,
труслив, и жалок, и проворен.

Ту девочку я проводил,
она зубёнками стучала,
и всхлипывала, и молчала.
Я тоже слов не находил.

И было это – или мнится,
что я целую у дверей
её солёные ресницы
и прочь бегу – скорей, скорей...

Я думал о тебе: добро
твоей души не потрясало,
и никогда твоё перо
не ахало, не восклицало.

Мальчишка принял смерть войны,
понёс невидимо бремя...
Твоей глубокой тишины
почти не нарушало время.

А людям было невдомёк,
как страшен дар такой и редок,
и в горле копится комок...
Ты раздышался так ли, эдак –

и снова начал – и умолк,
как будто на слове запнулся...

Война достала, мир помог,
несчастный случай подвернулся –
водою хлорной захлебнулся
в бассейне, вырытом не впрок.

КОГДА ВЫ ПОНАДОБИЛИСЬ, ВЫ УСТАЛИ

и ещё несколько слов
жаркими пепельными устами⁴⁶
произносит Володя Львов.
Книжка стихов «БЕЗ ОТДЫХА»
в землю вросла, как дот.
Дух, взыскующий подвига,
сподвижника не найдёт.
Под колёса Истории,
где развезло подъём,
требуются – которые
первыми и живьём.
Вахту несёт бессрочную
Слуцкий у гроба –
прямо, как перст...
И приминает обочину
тяжкий Володин крест.
И шепчет он, вечно силясь
выволакивать и вздывать:
КОГДА ВЫ ПОНАДОБИЛИСЬ,
ВЫ СМЫЛИСЬ,
АЛИБИ ВАШУ МАТЬ!

СЛУЦКИЙ

Д. Сухареву

Оскоромился Слуцкий...

В. Корнилов

Читаю Слуцкого – и – не могу! – реву
от правды, как всегда. Зову-зову –
здесь нет моей прекрасной комиссарши
подставить зеркало таким слезам,
когда я счёт веду не дням – часам:
дойти и не скопытиться на марше.

Борис Абрамыч Слуцкий. Монумент,
каких ещё еврейство не рождало,
в больнице у жены, где Таня пропадала,
вобрался весь, вместился в НЕТ, НЕТ, НЕТ,
НЕТ, смерть! Он верил: мог
заключить её, сдвинуть сроки,
как это делали пророки,

---

⁴⁶ Был сожжён в крематории.

как Бог – бывает миг,
когда ты – Бог...

Я помню, как, торжественно-суров,
у смертных он выстаивал одров
и, в таинство последнее вникая,
у Смерти спрашивал: кто ты такая?
Татьяна умерла. К нему в дурдом
всё ездил Межиров и, туча-тучей
вернувшись, выговаривал с т-трудом
и страшно заикаясь: – М-мёртвый Т-тютчев.

...Из занесённых снегом деревень
в Москву приеду на Татьянин день,
и на Никитском постоим с тобою.
Всё в жизни разъясняется любовью.

Нет, Слуцкий никого не предавал –
но предан был всем тем, чему был предан
и чьим был комиссаром и полпредом
и что любил – и Родиную звал.

ТВАРДОВСКИЙ

Прогуливался вечерами.
Сквозил как лось в березняке,
и в рост обозначался в раме
дверной, и медлил в косяке.
Потусторонне спросит, нет ли
чего на донушке... Болесть
затягивает хуже петли.
На донушке, по счастью, есть.
Сидит в бушлате иль «москвичке» –
в том дачном рубище своём
под гнётом горестной привычки.
Я пью, ты пьёшь, он пьёт – мы пьём.
Я не люблю молву мирскую –
ей в пересудах откажу.
«Свою п'ю, а не кров людськую» –
Шевченко не перевожу
и невозможно: «Шкода й праці»...
Когда Твардовский в петлю лез,
он был медлителен и трезв,
и в этом стоит разобраться.

•
Тому назад уж много лет
у «дядьки» нашего Бориса
на даче под Москвой открылся
Твардовский университет.
Иркутский был и был Московский,
однако времени сему
нас вразумил старик Твардовский –
всех вместе и по одному.
На даче всласть я зимовал –
тот год бездомен был и смутен...
Там жил Шугаев, жил Распутин,
Преловский жил, не горевал,
Вампилов Саня... Мир ему.
Берёзки, ёлочки, осина,
и теремок стоит красиво,
и гость прекрасный в терему.
У вас тут прямо общежитье –
Сибирь! Странноприимный дом...
А как здоровье? Как с жильём?
Возьмите... в долг... не откажите.

•
А лиственница хороша
и на голову выше леса.
В ней шелковистая душа
и древесина как железо.
Бывает так: на море хвой
налягут ветры верховые,
и ломают корень становой,
и вырывают боковые.
Великолепный ствол простёрт:
всё погибает быстро – или
годами мается, растёт...
Какое дерево свалили!

•
Был с половиною страны
Твардовский в частной переписке
и косо и со стороны
глядел на рынок олимпийский.
Прости, Олимп: тот разум благ,
в ком золото – рассудок детский...
Есть Исаковский, есть Маршак
на бедность лирики советской.
Ахматова... Был Пастернак,
но этот – выкормыш кадетский,

а я, вы знаете, кулак –
Твардовский пан и шпынь шляхетский.
На вещем языке доносов
я собиратель всех отбросов,
я пригреватель всех злодеев,
особенно из иудеев.
Раскольник и смоленский патер,
освободитель сумасшедших,
не в эти ворота зашедших,
и мертвецов реаниматор.
Заведующий старой свалкой,
ходатай и стучатель палкой,
поскольку кандидат в ЦК...
В опале, правда, но – пока...
Я вдохновитель перекосов:
в журнале есть такой отдел –
земельный «чёрный передел»
для самых проклятых вопросов.
Василий Тёркин – в царстве мёртвых.
Читали? Хвалят... Не прочтут...
Что ж молодые не растут?
Не жалко – траченных да тёртых?
Вздыхал: сознание – поздний дар
ущерба и похолоданья.
Как думаете, Вольдемар,
Россия – всё-таки не Дания?
К себе сомненья примерял
и шпагу горестного принца
и, треснув кулаком – я дряхл! –
шептал: сознание... боится...
Все нужники сам обжогу,
с журналом – месяц проволоочки.
Старьё, жульё... поодиночке...
А что же вместе? Погожу.
А как же – у кого служу,
того бранить неблагородно.
Иное дело – принародно,
по расхождению идей...
В нём это жило и болело:
«Мне правда партии велела
всегда во всём быть верным ей».
Шёл – прямо, оказался – слева.
А большинство ушло правей!
Что делать? Врать? Себе дороже...
Потом попробуй зачеркни –
так и напишется на роже!
Попортить борозду – ни-ни...

А знаете, читать стихи
так стыдно: выйдешь словно голый...
Я слушал: так шумят верхи,
и тишину грызут глаголы.

•

Идут года – стоят дела.
Накапливается утрата,
как призрачная тьма Рембрандта
или собора полумгла.
Есть ложный стиль: мемуарит,
когда сидишь – вос-по-ми-на-ешь...
А Величанский говорит:
пиши о том, чего не знаешь, –
и будет то, что быть могло,
но в силу недоразумений
буквально не произошло.
Да здравствует – душа явлений!
И снова – глядя на отца –
напишет сына Модильяни...
А нет – вернёмся к обезьяне,
дойдя до твёрдого конца.

•

Вчерашний гость – и нынче в гости.
Снег, иней, солнце и мороз.
Всё опушилось и зажглось.
Стоит и дышит: Гос-по-ди!
Вы не смотрите на меня...
Природу я не украшаю.
А знаете, не возражаю –
немного... для начала дня.
И Белла, Белла там жила,
она бы рассказать могла:
серебряная, кружевная
зима была... А я не знаю.
Была – и не было зимы,
и правил мной не бог деталей,
но то окно нездешней тьмы
за здешней – той, за далью далее!

•

За новомировским столом
Твардовский в голубой рубахе.
Всё пребывает – поделом –
в почтительном державном страхе.

Магнитофонная змея
прокручивается вхолостую...
Стучатся – входят. Это я
пришёл к нему. Я протестую.
Против чего? Против молвы:
    Александр Трифонович, Вы
    отреклись от Солженицына?
    Не понимаю...
Не понимаете? Отрёкся?
Куда молва – и ты туда?
И я о взгляд его ожёгся –
воскрес и умер со стыда.
Вдруг выцвели его глаза,
потом зрачки заполонили
пространство дышащее – за –
раздавшееся там, за ними.
И поминая вашу мать,
и багровея, как при флаге,
орёт Твардовский: вурдалаки!
Хрипит Твардовский: грязный тать!
Соратнички, секретари –
и с прахом дольним их мешает.
Свобода рвётся изнутри –
словарь великий воскресает –
славянская прямая речь –
родная,
    рваная,
        босая! –
когда является Исая
сквозь грудь разверстую протечь...
И ни-че-го не разумели
висящие вниз головой
запоминающие змеи
аппаратуры слуховой.
Он наплевал на их коварство,
он отвечал за их позор,
последний рыцарь государства,
и мученик, и фантазёр...
Непререкаемый генсек
той партии, которой нету,
за то сживаемый со свету
больной и старый человек...
Твардовский не был пощажён.
Своя – своих... Тишком, окольно...
Своя – своих... И он пошёл
навстречу своре – на рожон –
медлительно и добровольно.

•
И снова тихая Пахра.
Его последний день рожденья...
Кончается пора цветенья.
Жасмин в окне, и дождь с утра.
Мы не видались года два –
как будто вырваны страницы –
больной доставлен из больницы
и не выходит никуда.
Пришли, поздравили. Была
среди друзей княжна Светлова-
Амирэджиби... Как дела?
Пра-хо-вы-е... Четыре слога.
Был стол – я убежал. Ещё
мною не изведанная горечь
нахлынула... Где Леонович?
Не-хо-ро-шо...

•
Нехорошо. Он был бойцом...
В начальных сумерках, с лицом
багровым и одутловатым
вставал к работе молодцом
часу в шестом, а то и в пятом.
А как однажды напрямиком
по дачной узенькой аллее
гнал палкою и матюком
правительственного лакея!
«Высокой честью» оскорблён –
пакетом – подлой синекурой.
Твардовского – скажи им – шкура
отдельно – стоит миллион!!
На дачный весь архипелаг
летели молнии и громы,
где нынче задом на овраг
выходят Люськины хоромы.
Схватился: сердце... Здесь, в конце
аллеи, просеки в начале...
Но страха не было в лице,
а смесь презренья и печали.
И за два этих года сдвиг:
труд совести, души и смерти...
Я вижу не лицо, а лик.
Светлейшая шептала: Гмерто⁴⁷! –
покуда нем сидел старик.

---

⁴⁷ Господи! (груз.)

•

За молчаливою рекой
 в краю печали и мороза
 не докричатся перевоза –
 где перевозчик молодой?
 Ни голоса из-за реки
 и ни мосточка, ни жердинки.
 В лице прозрачном – ни кровинки,
 и – дышащие те зрачки.
 Я вижу мать и вижу сына
 и гиблого народа тьму:
 содвинулось – лицо – едино...
 За что же мучиться ему?
 Какой указ? Какая статья
 народу гибнуть в месте диком?

Перед лицом же, перед ликом
 замученных –
 не устоять.

•

Я убежал – смотреть не мог.
 Овраг, захламленный лесок,
 куда-то дальше, дальше, к полю –
 упасть и вырветься вволю!
 ...И жизнь пройдёт, и смерть пройдёт,
 и кто-то, взысканный утратой,
 как Тёркин твой, переплывёт
 на берег правый – и вперёд –
 путём поэзии проклятой!

ЧСИР⁴⁸

Маленькая знакомая повесть

Владимиру Британишскому

У этих – особая складка
 заметна без обиняков:
 блокадница, ленинградка
 из «бывших», но большевиков.

В четырнадцать осиротела –
 там каждый четвёртый был сир, –

---

⁴⁸ Член семьи изменников Родины.

сначала и жить не хотела
под кличкой змеиною: ЧСИР.

Квартира подобна бараку.
Раздумала умирать,
представив позорную драку
за книжки её, за кровать...

Представив чернильные слёзы
соседки над гробом своим
(той самой, клепавшей доносы).
Соседи... Спасибочки им!

Не видеть, не слышать их чтобы,
жильё поменяла она,
уехав от горя и злобы.
А лет через пять и война.

Боец постучался: назавтра
отходит его эшелон.
Смеётся: на лавке вокзала
бойцу ночевать не резон.

За чаем он сделался строже.
Она не таилась. Он тоже –
клеймённый как сын кулака...
и, может... в том смысле... пока.

Уйти подобру-поздорову:
узнают – и несдобровать...
Направился твёрдо к порогу.
– Умоешься и в кровать!

Себе на полу постелила.
И что это? Слёзы ручьём...
Кого-то о чём-то молила,
не зная, кого и о чём.

И странное слово РОССИЯ,
забытое перед войной,
в подушку шептала впервые,
«Солдатик, – шептала, – родной...»

Молитва свободно творится,
слова наплывают – волна
незнаемого материнства –
впервые – откуда она?

Он с фронта вернётся – калека.
Помыкается по тылам.
Свезут их – по полчеловека –
куда-нибудь на Валаам.

Сапёры... Слепые танкисты...
Куда их девать, бедолаг?
Чтоб было на улицах чисто,
сметут их, свезут их в ГУЛАГ.

И нашего с вами дизайна
не портили чтобы они...
Но это уже несказанно...
Но это уже – извини...

Она же... Не раз повторится,
подступит, задушит не раз
всё та же волна материнства,
которого Бог ей не даст.

И мальчик на Валааме –
безногий – мужчиной не стал,
а стал стариком – и с годами
себя вспоминать перестал.

И больше не надо сюжета,
где жалость осталась одна.
Кому и зачем эта жертва?
Ну как же! Отчизна! Война!

РОССИЯ... Россия. Но разве
не страшно, что все алтари
так жирно заляпаны грязью
и так опустели внутри?

ПЕЙЗАЖ

Л. Ч.

Рабочий стол и полку книг,
пейзажик зимний законный
я вижу сквозь прозрачный лик
той женщины, едва знакомой.

Или, скорей, наоборот:
видна она сквозь день прозрачный,

и ей особенно идёт
пейзажик белоснежный дачный.

Что мне она? Зачем? Какой
былой тоски переизданье?
И всё-таки лицо... Покой
преображённого страдания.

Покой. Полярной ночи свет,
свет, отрешённый от истока —
свет Милости — за что? за столько
жестоких лет?..

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

Там, где Садовое кольцо
легло на белые сады,
я угадал его лицо —
я целовал его следы.
На Лира не был он похож —
не те печали-времена —
классических подобию ложь
оригиналу не нужна.
Зелёный свет — рысцой-трусцой,
не глядя, по своим делам...
Но я увидел, как

Варлам

Шаламов

шёл через кольцо:
глазниц полуночная тень,
проваливающийся рот...
Он шёл через московский день,
сквозь кольцевой круговорот.
Пустоты тела и углы
и полы с ветром пополам...
На сочлененья и узлы
пойдёт любой железный хлам,
и примет каждая щека
по вмятине от кулака:
твоя натура — потрудись,
твоя пора, авангардист.

Исканьями переболев,
увидим как-нибудь и мы,
что этого лица рельеф
хранят ущелья Колымы.

Итоги классовой борьбы
невпроворот и невпродых:
надсмотрщики и рабы
тридцатых и сороковых...

БЕЗБОЖНЫЙ ТРУД ПОЙДЁТ НЕ ВПРОК,
ВЕРНЁТСЯ ЗОЛОТО В ПЕСОК,
И ВСТАНЕТ ГОРЛА ПОПЕРЁК
У НИЩИХ ОТНЯТЫЙ КУСОК!

За двадцать лет в колымском рву
мне столько счастья раб нарыл,
что кровью харкаю и рву
промежду хрюкающих рыл!
Неумирающий конвой
внучат и правнуков растит,
и тяготее над Москвой
непобедимый срам и стыд.
По тихим улочкам её
гуляет с палочкой, в пенсне
мемориальное трупье —
не наяву — и не во сне...

В приюте обмели углы,
иконку положили в гроб,
потом зарыли кандалы
поглубже, чем в колымский ров...
— Помилуй душу и спаси! —
Варламия-еретика
отпели ангелы Руси
и приняли её века.
Надгробных не было речей —
он так хотел — и в крайний час
от слёз и фраз и стукачей
избавил и себя и нас.⁴⁹

---

⁴⁹ 100 лет Шаламову. Великого писателя мёрзлой земли русской писатели не хоронили. Гроб донесли до могилы только двое, да и те Алик Зорин и я. На отпевании стоял Фазиль. 2007 год Свиньи и текущая эпоха понуждают меня уведомить читателя и об этом — ради минимализации родимого свинства ныне и впредь. Авось...

ЕГО КРЕСТОМ

У кратовских дач
встретил меня загадочный стукач.
Ю. Фидельгольц

Три века: до и въ и после,
читай: тюрьмы, тюрьме, тюрьмы,
мы с ним друзья, и нам на пользу,
что так живём и дружим мы.

Три века! Крепко, загадочно:
— Как ты на мне разъелся, вошь!
— Ха-ха!
— Как, генерал, живёшь?
— Нормально, Юра, КЭГЭБЫЧНО.

Я перед ним – что шерсти клочок
(как странно: стыдно перед вором).
Домовой церкви куполок
торчит за крепостным забором.

Когда настал Большой Хапок,
мой капитан подсутился –
отстроился, потом крестился –
и в генералы бог помог:

— Ха-ха! – И зубки грызуна.
— Живём! – И смотрит живоглазо.
Краснофигурная стена,
за ней его блатная хаза
его крестом осенена.

ЗЕМЛЁЙ И ВЕРОЙ

Памяти Вячеслава Макарова

1.
Ортодоксальный идиот, ревнитель правил,
нам во спасенье ДО и ОТ кругом наставил.

Но быть и значить не могли такие знаки:
вперёд! Не по лицу земли — так по изнанке!

Там ветерок небытия дрожит и веет,
там кожа на лице моя ороговев.

На той, на левой стороне, на чёрной воле
понадобятся жабры мне иль что-то вроде.

2.

Нам вышла ото всех щедрот глухая трасса,
такая жизнь-наоборот, ход Китовраса.

Тог зверь не выжил ни в миру, ниже в природе,
выламывая по ребру при повороте.

Такие тёмные дела, мой милый Слава.
Тебя достала, пригнела тебя держава.

Прочь от неё, сутул и крив, стезёй прямою
ты уходил, асфальт взбугрив, куда-то к морю.
Как не был — ты сошёл на нет... Из психодрома
ко мне с приветом твой портрет: сидит ворона

на голове твоей живой... Бери, историк,
картинку в книжку про застой: в больничный дворик

ворона вовсе не на труп летит смердящий —
она летит на шелест губ, на мозг творящий.

3.

По обе стороны черты сегодня правда.
Подкинь мне, Слава, черноты из андерграунда!

А в скобках и для знатоков такая справка:
не только Николай Глазков –

на свете есть Макар Славков –
владелец птичьих языков — Макаров Славка.

Ему оставил чистый лист в глуши приютской
эпохи энциклопедист – прозаик Слуцкий.

И Чичибабин обнимал и плакал вроде,
пока учёный кот дремал, кругами ходя...

Я чистый лист беру и просто заполняю
и больше поминальных слёз я не роняю.

Вас много там и мало здесь. Кривосулулы,
друзья твои предрержат честь литературы

горбом! Проталина пряма, трава на взгорке —
так близко вы — сойти с ума — в земле, в подкорке!

Да будет крепок наш собор землёй и верой —
пока вершится их террор, глухой и серый!

САБУРТАЛО⁵⁰. СТАТУЯ

Памяти В. Высоцкого

Далеко от милых мест ясна севера
пыльный ветер дует крест-накрест скверика.
Весь пронизан сквозняком вплоть до косточек,
мужичок стоит с мешком, недоросточек.
На чугунной крышке пёс мёрзнет-ёжится.
Мужичок бы рад – помёрз бы, да не может.
Не согнуться, не погладить пса облезлого:
мёрз ты, мёрз и домёрз до железного.
Ты постой-постой да уматывай:
нету ОЧЕРЕДИ той для Ахматовой,
ПЕРЕКЛАДИНЫ литой – для Цветаевой...
Он кивает, шевелятся уста его.
Свищет ветер пустырей – пыльный, пригородный,
перекрёстный, в крестовине сломанный,
и стоит мужик, невесть откуда пригнанный,
из железного из мусора склёпанный.
Много правды на Руси – мало мрамора,
обошлись металлоломом, стеклотарою,
чтоб фактура шелестела-корябала,
отзывалась твоею гитарою.
Отчего Сабуртало – слово римское,
да сибирского напева протяжного?
Выбредает из моря Усть-Илимского
лес, потопленный замертво и заживо.

ВЫСОЦКОМУ ИЗ СИБИРИ

<1.> РАДИ ГАМЛЕТА

Опять, опять в ночи безумной тенью
он бродит, вопрошая тень родителя.
Храпит окрест держава отравителя,
и на свободе бродят привиденья.

---

⁵⁰ Новый район в Тбилиси.

И мыслит Гамлет: ныне чаша яда
через воронку уха проливается
в живую душу. Свет мне открывается,
и ядом истины душа разъ-ята.

Отечество хлопочет и пирует.
Забавно человеков усыпление.
Шумит и крепнет древо преступления
и малым сим плоды свои дарует.

Кого лобзает бедная Гертруда!
Пред кем весь двор неистово лакействует!
Несчастный принц на людях лицедействует,
на королевство действует цикута.

Заветы не убий и не укради,
а также заповеди гастрономии
на добродетельной физиономии
у дяди. Боже мой! Отец – и дядя...

Жив мёртвый – мёртвый жив. Теперь возмездье
естественно как мысль! Земля ограблена.
От щедрости своей Бог шлёт ей Гамлета –
спасти дурное время от бесчестья.

<2.>

Высоцкий не Гамлет – Высоцкий Шекспир:
повсюду живые его персонажи –
трагедию спел и в толпу соступил,
с народом смешался – и нету пропажи.

Поэта народ распинать не давал –
поэтому и оказался народом –
и глаз не отводит, вперяясь в провал,
где был одурачен, унижен и продан.

Кого ты оплакал, того отомстил.
Помимо тебя торжествует возмездье
и в камень отвесный вгоняет костыль
гражданского долга и певческой чести.

Распластанным телом скалу понимать...
Сорваться нельзя: вся связка сыграет.
Ну, как там бессмертье? А бедная мать –
мгновение каждое мать умирает.

СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ

*Памяти Бориса Костюковского,
помогавшего Лине По⁵¹ и многим другим*

С семи, с одиннадцати лет –
уже ни выбора, ни торга:
танцкласс – и всё – прыжок, полёт...
– А за руки тебе – «пятёрка».
Что значит танцевать?

– Лепить!

И шёпот восхищённый: «Руки!...»
И пальцы выплетают нить.
Исчезнуть в кружеве – и в круге
исчезнуть – потому слепят
все контуры, что пальцы слепят –
исчезнуть с головы до пят.
Ведь если умирает лебедь,
смотреть не надо!

– Из-за рук

тебя не видно, баловница...
Да. Остаётся только круг.
Что значит танцевать?

– Молиться.

Сценическая полутьма –
вся сплошь – изранена в итоге
зигзагами светописьма,
как Валтасаровы чертоги.
– Ну Поленька, ну так нельзя.
Ну что же ты нарисовала?.. –
Антракт.

И медленно скользя
среди воздушного развала,
взглянуть боится...

Полутьма –

как полынья там ледяная.
Плывёт луна... Сойти с ума...
– Да что с тобой? Ты не больна?

– Я?..

Больного слуха тишина.
Больного света угасанье.
Кулиса. Синяя стена.
Пугающее прикосанье
незнаемой доселе тьмы...

⁵¹ Лина По – Полина Горенштейн (1899—1948) – ослепшая балерина, ставшая скульптором. – *Прим. ред.*

Ослепнувшая балерина
любуется на снег зимы.
На горный фирн. На солнце Крыма.
Здесь, в окруженье чёрных стен,
ей остаётся бездна света –
здесь пляшет Поленька-Кармен,
летает Поленька-Джульетта.
Но только лишь вспорхнёт она
на лунный пяточок пятацетты,
её движенья-письмена
влекут её от этой сцены.
– Полина! Поля!
– Я – не я...
И там, за рамою финала,
толпятся и з в а я н и я –
узнай, душа, чего не знала.
Ваятелю пошло укор
и возложу – пора приспела –
на искро-чёрный лабрадор
парализованное тело.
Однако видел Бог, кого
избрал для муки – и победы.
В глазах туманно и бело,
и мне теперь не надо света.
Ещё мне зренье притемни,
чтоб занавес как тьма распался
и были видимы одни
её трепещущие пальцы.
В них – только в них – Ты знал, зачем
оставил жизнь – и мне знаменье.
Они и с п о л н е н ы о ч е й!
И гениальное уменье
перенимает Лина По
от умирающей Полины –
движение перетекло
сквозь пальцы
        в тело гибкой глины
и в тело мрамора. И нет
нужды ни в чём.
        Да видят очи,
что смерти – нет
        и силу свет
свою являет – в недрах ночи.

АДРЕТТА*(сорт картошки)**Александрю Бурлуцкому*

Адретта никакой не корнеплод,
отнюдь! Красавица Адретта –
сплошное имя. Уж который год
ищу пароль для твоего портрета,

бумагу порчу, не могу созреть,
решая перспективу и пейзажи –
пейзажи-клейма. Эта круговерть
не мыслит ни одной пропажи.

Где разместить картину Кивача,
такого же, как ты, бородача?
Как взволновать холмы Башкортостана,
как будто в дымке их – сама Тоскана?
А буковый увесистый Домбай?
А скалы Карабаха, где с тобой
не повстречались мы – как странно!

В могучих сколах врангелевский лёд
в упор под солнцем незакатным,
цвета перебирая, отдаёт
красно-лазоревым, зеленоватым...

Уральский кряж, байкальская тайга,
кубанские твои родные плавни...
Как быть? В какие берега
вместить судьбу? Капризничают планы.

Но ближе к имени. Адретта –
пароль среди других имён,
звучавших здесь. Шумит в овраге Брента,
и вечно-влажный благодатный склон

восходит к пушкинской усадьбе
в полукольце старинных лип.
Здесь Гений места не погиб
твоим трудом. Мне описать бы

твои дела повсюду и Во Имя...
Бывал здесь Пушкин? Не бывал? –
Но с нами вместе Гений пировал
июня числами шестыми.

Как в крепости или в родной семье –
мы в пушкинской святой поручке
А эти, в костромском селе,
адриатические звуки!..

АДАМОВО РЕБРО

Булату

Болит адамово ребро,
с тоскою нету сладу.
«Прочти “Женитьбу Фигаро”
да позвони Булату».

Но так сурово на душе,
что не поможет Бомарше,
хоть с Моцартом впридачу –
как Таризэл я плачу.

Я не звоню – звонит Булат,
хоть был с утра не в духе:
КАКОЙ СТАРИННЫЙ СНЕГОПАД!
ПРОЙДЁМЯ ДО ХАРПУХИ⁵².

Там улочки как ручейки,
извилины и тупички,
как в этой черепушке,
и дом ОДНОЙ ХАРПУШКИ.

Из сплетен ей сплели венок,
но в нём стихи и песни.
Она одна... Она без ног,
её катают в кресле.

...На нас сквозь отсветы окна
красавица глядела –
и жизнь моя – ещё одна –
как молнья пролетела!

Забывтый отроческий сон:
БЕЗНОГАЯ НЕВЕСТА...
И на бульжный крутосклон
я вкатываю кресло.

---

⁵² Район старого Тбилиси.

О счастье ЖЕРТВЫ-БЕЗ-КОНЦА!
И свято мне и больно:
такого одного лица
на всю судьбу довольно.

В небесных отсветах окно,
и в сетке снегопада –
лицо, всезнанием сожжено,
лицо Булата.

ПОЕЗД МОСКВА – ТБИЛИСИ

Б. О.

...Я говорю, а он не слышит,
не хочет знать, что есть вина –
вина, которую не спишет
и ни любовь,
и ни война.
Он исповедует Природу,
он вам любой отпустит грех...
А сам гуляет по перрону,
а белый зной –
как белый снег.
И, белизны не затмевая,
одолевая годы вплавь,
сны золотые навевая
на вашу боль,
на вашу явь, –
он так плывёт и тянет ногу,
как дромадер через пески,
а сколько сам – известно Богу –
влачит любви и тоски...

Плыви, Булат, корабль пустыни,
в тебе такая благодать,
что при тебе нельзя
пустыми
словами
душу утруждать.

Харьков

* * *

А. Межирову

Жена прогуливает дога
и машет хлыстиком,
псом огнедышащим ведома
на дачу к мистикам.

Житьё-бытьё у них двояко.
Земное – сбудется.
Чужая женщина. Собака.
Ничто не слюбится.

И дом – пустой. И нету дома –
и этой пристани...
Любовь разрушена как догма –
любовью к истине.

Для сердца сильное движенье,
сильнее прежнего,
и мужество, и постиженье
пространства свежего.

НАБРОСОК

А. М.

Что послужит истине? Вопрос.
Ничего не жаль и всё равно.
Короткоостриженных волос
чёрносеребристое руно.

Ей послужит очевидный вздор...
Изумлённо брови возводя,
к небу обращает синий взор
это иудейское дитя.

Я молчу, пока мы говорим,
из Тифлиса попадая в Рим:
Цезарь умирающий стыдлив –
видит Брут, что был несправедлив.

Этот ум причудлив как звезда,
обольстителен и остранён:
должен быть – от вящего вреда –
гений Сартр на площади казнён.

Тут я думаю, что он и сам
осуждён по нескольким статьям,
но его щадят, и как тут быть? –
продолжают всё-таки любить.

Что поделать, я люблю его!
В нём к пересозданию всего
воля чудная и грешный зуд –
но его слова его спасут.

Хороши и выход и прыжок:
время – Рим, и мишура в чести...
Был строчной⁵³ огонь – прошёл, прожёт –
душу через смерть не пронести.

Так и вижу из моих степей,
так и знаю, что рождён рыдать
о моём народе – иудей.
Не сбылась такая благодать.

ВТОРОЙ НАБРОСОК

А. М.

*Звучат сквозь чад весенний
под клиросом в тени
четырнадцать прошений
Сугубой Ектеньи⁵⁴.*

Мы поднялись на Джвари
во Вторник на Страстной,
и полдень был в ударе —
с искрой и сединой.

Стена течёт: песчаник...
Ещё не глубоки
веков первоначальных
рельефы-желобки.

Веками отрывались
частицы бытия.
В запасе оставались
тысячелетия.

Остаток — наш задаток.
Ты сед и синеглаз,

---

⁵³ «Прицельным – пачечным – строчным...» (А. Межиров).

⁵⁴ Строфа Межирова, подаренная мне.

на фоне жёлтых складок
 застигнутый ан фас
     с нечаянной улыбкой,
     с текучею стеной —
     за пеленою зыбкой,
     воздушной пеленой...

Та именная плёнка —
 прозрачная броня —
 ни старца, ни ребёнка
 не скрыла от меня.

    И самое бы место,
     пока момент ловлю,
     сказать тебе словесно,
     что я тебя люблю.

Но это — на бумаге,
 лет через двадцать пять...
 Назавтра вспыхнут маки
 и склоны окропят.

    И дрогнет вся Страстная
     Крестовая Гора.
     На плитах тень резная:
     тут стужа — там жара.

«А к Постригу готовы?»
 Я отвечаю «да»,
 рождённый для простого
 повинного труда.

    Базилика над кручей
     размером с коробок:
     такую — может, лучше —
     и я сложить бы мог.

До верхней седловины
 верста — подать рукой:
 там подвиг мой повинный —
 и воля и покой.

    Подъём на Зедазени —
     по тропам за полдня —
     лет двадцать пять, не мене,
     потребует с меня.

«Ты угадал, о равви».

А пьяница-амкар,
 последний Моурави,
 поможет мне Нодар⁵⁵.

    Нодари, труд оплачен...
     Нодари, я приду

---

⁵⁵ Названный мой брат Нодар Тархнишвили – поэт, переводчик, царство тебе небесное!

вдавиться лбом горячим
в шершавую плиту...
Четырнадцать прошений?
Кто может — тот проси.
Моих мне прегрешений,
о Боже, не прости!

ВИЗИТ К ПАСТЕРНАКУ, 1937

Летом 1937 года Б. Пастернак, несмотря на настойчивые требования руководства Союза писателей во главе с В. Ставским и вопреки отчаянным просьбам беременной в ту пору жены, отказался подписываться под требованием расстрела И. Якира и М. Тухачевского. Однако его подпись против его воли и без его ведома всё-таки была поставлена под опубликованным в «Литературной газете» письмом писательской общественности «Не дадим житья врагам Советского Союза». Этот факт отражён в записках З.А. Маслениковой, вдовы поэта Зинаиды Николаевны и его сына Евгения Борисовича Пастернака.

Автор

Он разумел помимо книг,
что тело – ПЕРВЫЙ УЧЕНИК
ДУШИ, и потому, свободно
владея возрастами, жил
всем трепетом желёз и жил
в готовности к чему угодно –
и к лагерям, и к высшей мере –
вот... этот снимок НА ПЛЕНЭРЕ.
Вот – он в пилотке, сед висок,
лицо солдата пожилого,
который вынес всё, всё смог,
что может и выносит Слово.
И больше: он имеет власть
погибнуть раньше, чем упасть
и молодыми желваками
впечататься в надгробный камень.

Вожатый был коленоглав,
и круг над лысиною тёмной,
и след ведомых был кровав –
от лагерей, каналов, домен.
Хотя не терпит мемуар
того, чем вольно дышит Муза,
однако секретарь Союза
и есть губитель Велиар!
А этот... В сапогах, с лопатой,
мальчишка в сорок семь-то лет,

(замаскированный кадет,
 как думает о нём вожатый,
 на пустяки погублен дар...)
 И было дело о соблазне
 с НАРОДНЫМ ОДОБРЕНЬЕМ КАР
 и требованьем смертной казни...
 Воззвание надо подписать,
 перетворяя зло во благо,
 чтоб те, кто станет воскресать,
 узнали руку Пастернака.
 Осуществитель этих мер –
 лихой казак, большой удачник,
 Генсек СП СССР,
 орденосец, раскулачник,
 чья правда ПОСИЛЬНЕЕ СМЕРТИ⁵⁶,
 коль пухла с голоду Кубань...

И как-то каменно губам
 и страшно холодно в предсердьях.
 Он выставил их тот же миг,
 им выпятив вдогонку челюсть –
 их сквозь – сюда и напрямик
 глядит, мучительно сощеляясь...
 Стоит. Один. Конец игре –
 он сделал шаг – он близок к краю
 и сыну скажет на одре:
 – НЕПРИМИРЁННЫЙ УМИРАЮ. –
 Я этот Пастернаков грех
 не променяю на спасенье...

Февральский слёзный сотый снег.
 На даче правят новоселье.
 Опомнившаяся страна
 кусает локти и ликует.
 На сценах, на экранах, на
 могилах! – плещет и токует
 тот неизбежный тамада,
 кто в злые дни молчал как цуцик –
 ПОНЕЖЕ НЕ БЫВАХУ В РУЦЕХ
 ЖИВАГА БОГА никогда.
 ...Убрался штурмовой отряд,
 но Пастернака ПОДПИСАЛИ...
 Архивы врут и не горят.
 Нет подлости под небесами,

⁵⁶ «Сильнее смерти» – книга В. Ставского.

какой бы ни изобрели
властители моей земли.

А он стоит ещё с лопатой,
на то мгновенье нем и стар.
А дома ждёт его кошмар –
укоры, вопль жены брюхатой...
Валялась у него в ногах –
и волосы на сапогах –
он думает: как Магдалина...
Он говорит: КАКОГО СЫНА
РОДИТ ПОДЛЕЦ?.. Ох, не впервой
перекрывает женский вой
его слова... Ох, роды вскоре...

Он на неё глядит – как в море...

ПОРТРЕТ

Зое Маслениковой

В словах и в бронзе тот портрет.
Портрет – в судьбе мемуаристки.

СУДЬБА ЛЮДЕЙ, ПОЭТУ БЛИЗКИХ,
ЕСТЬ НЕКОТОРЫЙ ТАНЕЦ-БРЕД.

В бору кремнёвая сосна
у комля сушит всё живое
широкой кроной корневою
и за десяток вёрст видна.
Белёсый вытертый мошок
пометил тощие пределы.
Соснёнок вылез на вершок –
никчёмный, хилый, оробелый.
Идёт наверх могучий восток,
шедра и скаредна природа.

...Ей стоил творческий восторг
семейной драмы и развода.
Впечатывались кулаки
в живую мякоть пластилина,
и расшибалась на куски
лелеемая слёзно глина.
Дочь возрастала без отца
И с матерью полублаженной,
торжественной и оглашенной
Богочисутствием Певца.

И вламывались к ней в подвал
подговорённые подростки⁵⁷,
и жалкой грудой известки
портрет любимый представал.
Непостижимо – но опять
всё возникало первозданно!
Не странно ли, однако? Странно
не более, чем Благодать.

И длится, длится танец-бред
по смерти гения, и нет
конца ревнивому злословью
и насыщению УМУ...
И лишь одной своей к Нему
благоговейною любовью
художница отдалена
от этой сутолоки пыльной
в оградке тесной и могильной.
Такая – ты Ему нужна.

БАРАНОВСКИЙ

Архитектор Барановский
влез на Сухареву башню,
вознамерясь, очевидно,
вместе с ней взлететь на воздух,
но его оттуда сняли
люди в штатском и военном.
А как за бороду тащили
да за долгое пальто,
всё кричал он: ИЛИ – ИЛИ!
Как его не посадили?
Было всё-таки за что.
– Посадили, посадили...

В чёрной стёганке спина –
площадь Красная – тесна
с мавзолейной точки зренья.
Заказали взрывпакеты,
изготовили макеты:
вот малютка-мавзолейчик,

---

⁵⁷ Мастерскую З. А. Маслениковой, создателя бюста поэта и автора книги «Портрет Бориса Пастернака», громили не раз. Надеюсь, что портрет Александра Меня, чьим редактором и духовной дочерью является Зоя Афанасьевна, избегнет участи оригинала.

вот Блаженный в два вершка,
Исторический музейчик,
проходящие войска,
человечек-муравейчик.

И теперь Иван Великий
по колено Микояну,
место Лобное – нашлёпка
чуть поболе пятака.
Простирается РУКА –
хоп! – и дырка на макете!
Хоп! – возносится Блаженный...
Тут как рывкнет архитектор
Пётр Дмитрич Барановский,
ощутив на сердце мрак:
«П о с т а в ь н а м е с т о, д у р р - р а к!»

...Разве думал Барановский
о простых народных нуждах,
поновляя закомары
Божьей Матери Казанской?
Всё снесли до основанья,
а затем как раз на месте
сломанного алтаря...

Долго жил – и жил ты зря.
Оснащён подвал алтарный
для нужды элементарной.
Где ты ладан обонял,
там зажмурился повинно:
нашатырь и мочевина
довели тебя до слёз.

И сортир пошёл на снос!
Помрачения ума
тоже, в общем, скоротечны.
Пётр Дмитрич, Вам сама
наша Вечность подопечна.
Вам довеку с мастерком
по стенам пластаться надо.
Это ж сила: Фёдор Конь,
Вы, да мы, да тут бригада –
починаем Соловки –
зубры! А-ка-де-ми-ки!

МАВРА

Игемон римский Ариан –
ему же вечное забвенье –
в своей провинции гоненье
воздвиг на первохристиан.

И книжник юный Тимофей,
к нему по свежему доносу
доставленный из Пирапей,
сейчас подвергнется допросу.

Игемон к тайнам бытия
уже давно равнодушен,
но страху римскому послушен.
Итак:

– Даждь книги мне твоя,
да силу их уразумею, –
он приступает к Тимофею.

И чтец отвечает:
– Навряд
наш совокупен будет взгляд
на самые простые вещи:
на крючья эти или клещи...

И он печально оглядел
пытóшный тягостный придел,
и взгляд его похож на веер –
столь медленно-широк и светел.

Свисают петли и крюки,
тьма возвышает потолки,
огонь горит в глубокой нише,
скамьи – повыше и пониже,
места для знатных и простых...
– Что извлечёшь из книг моих
ты, человек с умом и властью,
без сердца?

Книг тебе не дам.

– Тогда пожри моим богам! –
игемон говорит со страстью.
И Тимофея вновь отказ
насмешлив и высокомерен.
Задет уж Квирин – как? Сейчас
не помню – п р о т о к о л потерян.

Игемон очень уязвлён,
 хотя не очень верит он.
 Что делать? Палача он кличет,
 и тот калёным шилом тычет
 в лицо чтецу.

И, глядя он
 перед собою, не мигает...
 Но весь темнеет...

– Ничего,
 что очи тела моего
 слезами крови истекают,
 очам души отверзя свет:
 провижу Рим грядущих лет,
 Рим упадет, упадет...

Но быть игемон должен прав:
 кляп в рот философу вгоняют
 и вешают его с т р е м г л а в
 и декорации меняют.

•

Столичной роскоши в укор
 игемон прост. В его приёмной
 одна скамья да стол огромный
 да кесарь – вот и весь декор.
 Пустое гулкое пространство.
 Сюда уже приведена
 жена филоофа – юна,
 как юное само христианство.

Потупясь, у стены, бледна,
 стоит, окутанная вся
 хитоном серым – будто в дыме...
 – Которое тебе есть имя?
 – Я Мавра именуюсь.

– Скорблю о юности твоей.
 Вчера ещё – отроковица,
 в супружестве семнадцать дней –
 и вот уж сирота – вдовица...
 Был Тимофей привержен злу,
 святого мрамора и лавра
 не омочил в крови... –

Но Мавра
 уж бездыханна, на полу.

Арьян глядит – и впрямь скорбит
о юности – своей, однако...
О ч н у л а с я.

Он ей велит,
покуда ж и в ещё бедняга,
красно одеться, уплести
власы ей бледно-золотые,
и – римский бог его прости –
он шепчет ей слова пустые...
Так. Надлежит явиться ей
туда, где виснет Тимофей
вниз головой – на шее жёрнов,
и неизвестно, жив иль мёртв.

Просторна, повторяю тут,
и показательна темница.
Народ по сторонам толпится:
ждут милости – и казни ждут.

•

Полузадушенный, немой,
висящий слишком неудобно,
ужасен мученик святой.
А Мавра – ангелоподобна.

Глядит ему куда-то в темя
и молит дева:
– Сотвори
ты волю ирода – н а в р е м я.
Поди, богам его пожри –
хоть ради Господа Христа...

Несчастный головою дёргнул
с такой досадой, что исторгнул
свой тошный кляп... Смежил уста...
И слышат:

– Пиколпос пресвитер,
приди – овей мне тьму лица! –
он из толпы зовёт отца,
и вздох – по ней:
– Глядит! Увидел!

– Напрасно мучают меня.
Но эта попытка всех жесточе...
О, ароматная воня
ея одежды... Авва, отче,
да вырвет ноздри мне палач!

Свою погибель обоняю.
На те слова ей не пеняю:
ум женский мягок и незряч.

Что ж Мавра? Белая лилея
в вертепе мерзостном, она
молчит, любимого жалея,
его словами смущена.
Никто не знает из людей,
ни даже вещей Тимофей,
ни в дебрях Четтих Миней
вы не найдёте – только знайте,

что ей на свете – всех больней,
что всех страшнее – только ей! –
вот э т о здесь и прочитайте
во славу града Пирапей.

Одежды о б л а г о у х а н н о й,
красы своей – ей стыдно вдруг:
так мучится её супруг,
так мучится её желанный!

Ещё твердит ей Тимофей
про недостойное, мирское:
и дьявол шёл с ключом за ней,
и близко он, и всё такое.

Она ж ему:
– Господь нам дал
семнадцать дней, а больше нэ дал.
Моих ты нравов не уведал,
судьбы своей – не угадал...

Но, милый, я тебе жена,
на мне сбывается Писанье:
и плоть и дух и смерть – одна,
лишь разлученье – наказанье.

•
Настал игемона черёд
уведать христианок нравы.
Вчерашней безответной Мавры
сегодня он не узнаёт.

Она сама к нему явилась,
когда уж солнышко садилось,

да – от порога:

– Вурдалак! –
в пол-потолок заколотилось,
да так кругло да звонко так.

И мы о кротости ученья
судить давайте погодим –
на Мавру лучше поглядим.
Ей

Тимофеево мученье
всё отлилось – как плод схватилось!
Коса её раззолотилась...

Хранят поныне образа –
глухие, чёрно-золотые, –
как Тимофея и з л и т ы е,
но близко зрящие глаза.

Взор ненависти – жгучий, рысий,
что выхватил сам Дионисий,
но слишком дерзкий и мирской,
так и остался в мастерской:
Мария рвётся из толпы –
слепая! – Сына распинают...
Эх, не дозволили попы –
они побольше Бога знают.

И сиротеет бледный лик,
отчаянием искаженный.
Святые жили – не из книг,
и тяжек в мире труд блаженный.

•

Игемон Мавры сторонится.
– Эй, сотник! – тот всегда при нём, –
заметь-ка: из себя юница
как пышет греческим огнём!

Вчера к дознанью призывал –
тиха была. Гляди: взбесилась!
Волхв – и жену обволхвовал...
Всё справедливо доносилось.

Ещё он сотника в мужья
и злато Мавре предлагает...

Напрасно...

Нет.

Не постигает
игемон – таин бытия.

Ну что же, к сострадальцу мужу
веди уж Мавру, не томи –
тяни железными клещьми,
добудь из них живую душу,
егда уж лестью не добых.
Твоя последняя услада –
душа – живая – от живых –
а больше ничего не надо.

•

Иди, народ – прости меня –
досматривай сюжет старинный,
кровавый и многосерийный, –
постой у мрака и огня.

...И в волосы ей погрузил
мучитель грубые персты – и –
льняные, бледнозолотые
и в празелень... Нет, нету сил!

А дева:

– Ничего, прекрасно:
уж нет красы моей земной,
но ты избавил от соблазна
народ, стоящий стороной.

Вот – нежные отсечены
ей персты.

Тимофей не дышит.
В минуты полной тишины
скрипит перо: всё кто-то пишет...
Невидимый и тихий скрип
все эти сцены без изъятья
сопровождает. Каждый всхлип
записан. Каждое проклятье.

...И волокут к ея ногам
к о н о б с кипящею водою –
горбатой, вспученной, седою –
и надо отвернуться вам.

А мне слепой дарован пояс –
младенческая белизна.

И слышно:

– От грехов омоюсь,
хотя вода и студена!
Дров поспешил – мне на муку!
Пошли к отцу – он древодел...

Вскочил!

По локоть сунул руку –
и тут игемон о б а л д е л!

– Велик Господь единый – Маврин! –
ошпаренный возопиял.
Скрипун и это з а п и с а л,
затем что свыше был приставлен.
И кесарь Диоклетиан
узнает скоро в лучшем виде,
ч т о происходит в Фиваиде,
каков наместника изъян.

...Калек обоих – отпустить
велит ошпаренный игемон.
Однако искуситель Леман
того не может допустить.

В день изо дня – семнадцать дней
пытают их в пещере смрадной.

Был май, цветущий и прохладный.
Ходил народ от Пирапей.
И от усталости ума
сам возроптал язык: д о к о и х?..
Тогда печален стал весьма
и повелел распять обоих
игемон Рима.

•

Крест – и крест.
Лицо к лицу, и два распятья
или распахнутых объяття –
гвоздями утверждённый жест.

И обращается:

– Сестра... –
и слово Божие внушает
супруге Тимофей с утра.

Она ж от ночи утешает
его до утренних лучей,
так отвечая:

– Брат любезный... –

И длится девять дней-ночей
их разговор бессонный, крестный.

И жажда мучит их, и пить
приносит им б е з в и д н ы й кто-то,
их помышляя погубить,
едва найдёт полудремота.

– Нечистый! Или тяжело
тебе – от нашего терпенья? –
то Мавры голос. И виденье
рассеивается. Рассвело...

•

И вот конец. И вот с о в с е м
они умрут. Не будет рая.
Уже он был.

Но перед тем
о п о м и н а я с ь – умирая,
она же к людям обратилась,
никак не укорила, нет,
а только так – как свет, как милость,
как мать – а ей семнадцать лет...

– Всё человечье, всё мирское
творили – жили среди вас,
и Божеское – вот сейчас –
а это всё равно, какое...

И вы творите их равно
и ничего не забываете
затем, что жизнь – одна.
Прощайте!
Другой – не будет вам дано...

•

И перелилось через край.
И правда уст – тебе простится.
Прощай, Прекрасная! Прощай,
Святая Мавра, еретица!

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА

Светлой памяти Е.П. Сулхановой

Младшую из дочерей
губернатора Варшавы
сватал сам Сулхан-Гирей,
а родители решали
юной Катеньки судьбу,
непоседливой настолько,
что, заслышав «горько, горько!»,
встала, закусив губу,
от решимости бела,
и – Сулхановой законной –
убежала в чём была
(правда, с кучером и бонной).
Что почувствовал Гирей
у распахнутых дверей,
у постели неизмятой,
поражён такой утратой,
сочинять я не рискну,
только жил он одиноко,
обожая издалёка
убежавшую жену.

Через год семнадцать лет
ей сравняется в Тифлисе –
там сошёлся клином свет
в неземной шатровой выси...
Свеж пока излом веков,
и столетью-людоеду
нет семи ещё годков.
Хоть на день туда уеду:
жив Акакий, жив Илья –
он и примет нашу гостью –
слишком ясно вижу я
тот овраг и тропку козью...
Я спрошу такой духан,
где вино всего сквернее,
наскандалю, будто пьян,
задремлю, и тем вернее
на паучий свой совет
соберутся террористы...
Господи! Ну разорись ты!
На денёк – отпустишь, нет?
Низостью начнётся век...
Я узнал бы, кто убийца:
– Выше голову, абрек!

Я сумел бы заступиться
за беглянку Кэтино:
ей упрямо и давно
предлагает некто Коба,
воздыхающий мужлан,
экзотический роман
и грозит любить до гроба.
– Это чей же будет гроб? –
спрашивает Катерина,
и глубокая морщина
Кобы съёживает лоб.
Двадцать семь ему, а я
через двадцать семь увижу
белый свет – и не приближу
этот срок... Прости, Илья!
Это зло пропустит Бог:
у оврага в Сагурамо
подло выстрелят и прямо
в спину – кто бы это мог?

Честь числу! Число несёт
скромную, однако службу.
Помню 41-й год,
голод, Кострому и стужу.
Колкий крепкий ветерок,
Волгу страшную в пролубе,
лошадь в долгой белой шубе...
Надо к немке на урок.
В школе холод – мимо школы
на Ивановскую – к ней,
убежавшей и от Кобы,
а уж Коба – не Гирей!
Вы слышали или нет:
рода нашего исчадьё
появилось на свет
после третьего зачатья:
предпослав себе троих
вестников мертворождённых,
как-то странно измождённых;
он явился после них
и, четвёртый и живой,
сильный смертью братьев кровных,
мать окружит он молвой,
стыдною в устах сыновних.
Не ему ль в угоду звать
шлюхою родную мать
будет наш Демьян Придворов –

этот бедный, этот боров:
дескать, мать не мать, а б...
Вот как с прошлым надо рвать!

Синеватый свет студёный
от промёрзлого окна.
На лице её – мадонны –
маговая белизна.
В тёмном и свободном платье,
ниспадающем (хотя
приглядеться, так в халате)...
Это верно про вождя:
надо взору быть орлину,
чтоб столетья через треть
в Кэтино – Екатерину
столь прекрасную прозреть!
Мне ж и ныне – что лукавить –
духу не хватает, нет,
эту женщину представить
в те её семнадцать лет...
Отказала!
В сердце Кобы
роковой взошёл клинок.
А теперь подумай, что бы
быть могло, суди ей Бог
стать супругой Джугашвили,
ангелом его... Тогда
как бы мы бы с вами жили!
Да...
Ухажёр он был наянный,
говоря по-костромски:
тихий, хмурый, постоянный,
всем насмешкам вопреки.
Приносил в охапках розы
и похож был на кинто.
А потом пошли угрозы:
или я, или никто,
или замуж, или оба,
обещаю, ляжем в гроб...
Нагрубил ей тихий Коба
и услышал:
– Прочь, холоп!
Стал похож он на подранка.
Вспыхнул – пожелтел – поник...
Он холоп. Она дворянка.
Очень вижу этот миг.
Оскорбленье, не старея,

в нём живёт, и в кой-то век
с племенем Сулхан-Гирея
поквитается абрек...
Вновь Сулханова свободна,
перед нею все пути:
будут Марбург и Сорбонна,
Прага, Лондон... К тридцати –
будь что будет – вновь в Россию –
всё равно – в грязи, в крови...
Джугашвили входит в силу.
Счастья нет ему в любви.

Это я – курносый школьник.
Это он – великий вождь.
Роковой мой треугольник.
Это Вы – впервые... Что ж.
Вы – ничья жена, невеста.
Вам едва за пятьдесят.
Это времени и места
спутник вечный мой – разлад.
Здесь «о странностях любви»
с цифрами поговорим...
Я помешан был на слове:
Катя – Кэтино – Катрин.
Кобины Екатерины:
две невесты – та, одна,
посговорчивей, жена,
мать... Ну просто именины!
Катя – дочь моя – вина...
В каждом сердце есть синодик
и начальная строка.
Мне от Вас:
МАЙН ЛИИБЕР ЛОДИК
слышится издалека.
Так надписывали книги,
так

Вы

говорили

мне.

Странные бывают сдвиги
времени во глубине.
Время! Путаник и недруг!
Только сверху благодать
и крошечный хаос в недрах...
Тихий Коба, жадный тать –
время... Всякий образ кстати
и не впору ни один.

...Статная, в лиловом платье,
никаких морщин-седин.
Время! Врог неустанный!
Вижу свет ея очей,
мне тогда обетованный.
Свет небесный, свет ничей...
В Костроме жила – скрывалась,
морщась, говорила: «вождь»,
объявиться порывалась:
варшавянка всё ж!

Знаю я МИНЬОН и ХАНДШУ
и художества Сосо...
Как же минуло «Сулханшу»
сталинское колесо?
Или был приказ не трогать?
Может, был такой приказ
и кровавый кобин коготь
всё-таки не тронул Вас?
Может, повторял он: ПЕРИ
ЦИСПЕРИ себе в усы –
свет небесный – свет потери –
жизни лучшие часы...
Непрогляден серый китель,
ненасытен вурдалак –
всё ж не тронут «небожитель» –
переводчик Пастернак.
Может, свет иной судьбины
отозвался лет за сто –
свет влюблённого Тато –
взор княжны... Екатерины
(первой из Екатерин –
урождённой Чавчавадзе) –
мы о ней договорим –
здесь пора нам расставаться.

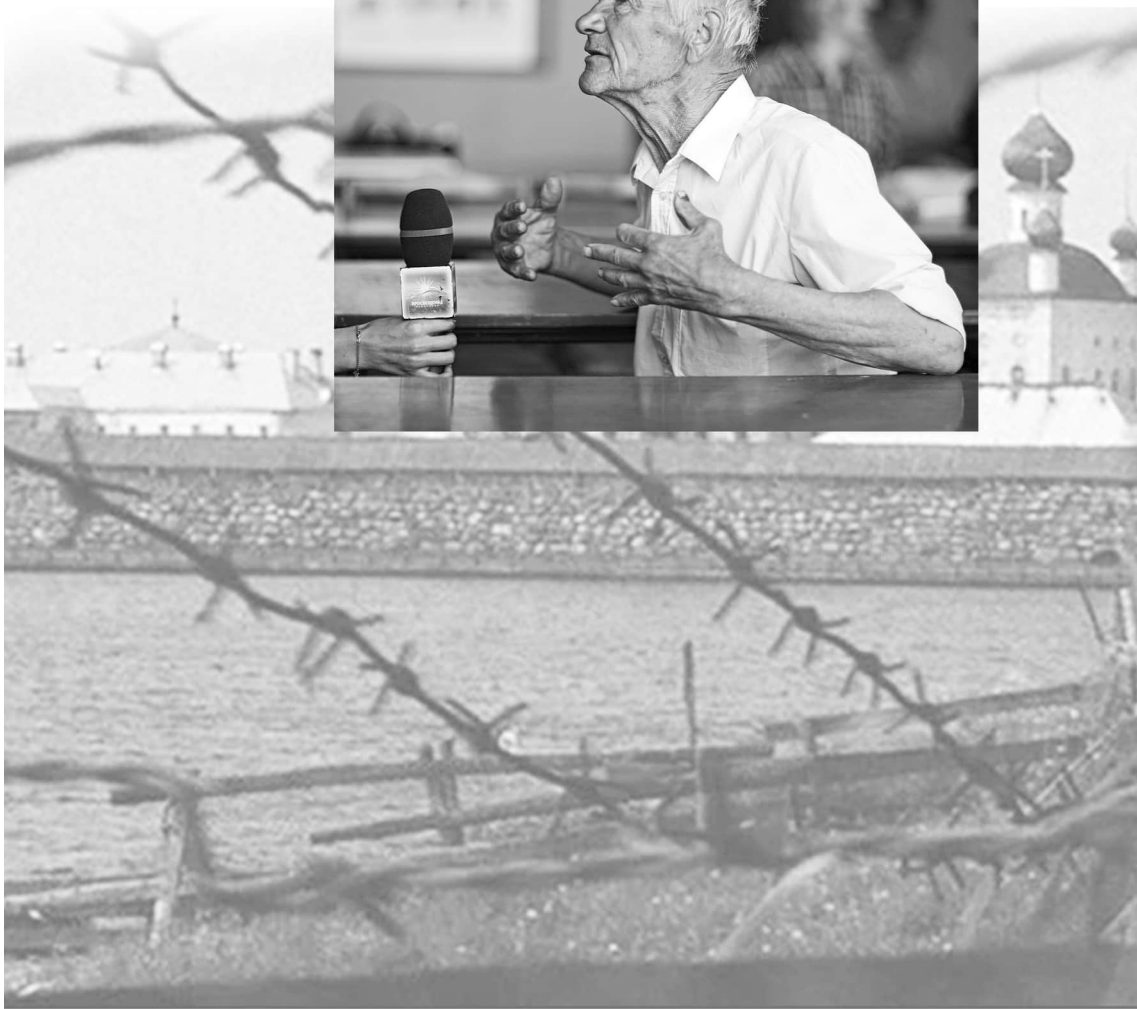
.....
Многоточье. Послесловье.
Да глаголет Иоанн:
– Первый свет нам богоданн.
Первой
кто взнесён Любовью,
может век катиться вниз...

Оглянись, душа!
Вернись!

*Декабрь 1988 г.
Москва*

VI

ЧЁРНЫМ ПО БЕЛОМУ

ДВА СТИХОТВОРЕНЬЯ

А. Д. С.

1. АРХАНГЕЛЬСК, 3 ИЮНЯ 1989 ГОДА

Я забылся, хоть не спал,
не видал из-под руки,
как старик свои снимал
стоптанные башмаки,
а когда мои надел,
а свои ко мне пихнул,
я поднялся и зевнул
и на вора поглядел:
– Нет, отец, нехорошо
находить, где не терял,
а, наверно, ветеран...
Вздрогнул! Встал он и пошёл
как-то боком, шарк да шмыг,
из вокзальных горемык –
стоптанный сороковой,
да и тот, видать, не свой.
И пропал, сутул и сух,
и на головёнке пух.
Так мучительно похож –
на кого же? На кого ж?

А в гостинице с утра:
– Нету мест! Не будет мест!!!
...На того, кого вчера
распинал народный съезд.

2.
Невесомый мотылёк
гнёт цветочный стебелёк.
Может быть, толика плоти
есть в пыльце и позолоте?

И кругом летает он
и не делает посадки.

Но опять ему поклон,
и опять ему поклон –

и какие тут загадки?

РУСЬЮ ПАХНЕТ

Дым вокзальный Русью пахнет.
Без билета на мели.
Над перроном как бабахнет –
реактивные пошли.

Отдалось, прошло со звоном
коридором звуковым,
пылью кислую, озоном
потянуло грозовым...

Человечек в чём-то сером
на скамейке МПС
сам к себе таким манером
вызывает интерес:

чиркнет спичкой – и втыкает
прямо в кожу – ничего! –
стоймя спичка догорает
на ладони у него.

Чёрные фигурки вдовьи
возникают, как в кино –
дальним планом, – на ладони,
нечувствительной давно.

На ладонь и потылицу
не хватает коробка.
Как ежова рукавица,
растопырена рука.

Что же в нём перегорело
за войну ли, за тюрьму,
если боли просит тело,
если всё равно ему?

Паленины дух смердящий...
Человечек заваливающий
озорно глядит в упор:
хошь ещё, давай на спор!

И словесности изящной
далеко до этих пор.

Дым вокзальный Русью пахнет.
Что ни шаг, то край земли.
...Налетит, бабахнет, ахнет,
долго рушится вдали.

БРАТЕЦ

В первом вагоне туман-растуман.
Тащится поезд на Абакан.
Лето – не продохнуть!
Третьего класса народная масса
держит путь
в центры с окраин.
Первый – набит и задраен.
Хоть бы детей пожалели,
еле-еле уже верещат,
ножками крохотными сучат –
тоже ведь люди! –
отворачиваются от груди.
Воздух крут – молоко скисает.
Пятки, как яблоки,
с полок свисают.
Малый до нитки раздет и разут.
Видно, товарищи помогли:
всё увели.
Дед, копчёный хакас,
в синем тумане махры
не понимает жары.
Третий класс,
волчья сыть,
преет в байке-сатине –
за зиму только успеть остыть...
– Помоги сиротине,
помоги, братка, –
спрыгнули пятки,
заместо штанов – мешок.
– Знаш стишок?
Как меня любили
все, кому не лень,
потом на десять годиков
дали биллотень.
Не попадай, братишка,
ты в руки мусорам.

Бьют мягко понаруже,
больно по нутрям.
У их такая гирька
спрятана в пиму.
Не попадай, братишка,
в кузнецкую тюрьму...
...Дождик и темнота,
тёплая глина.
Родиной пахнет пихта́.
Спит сиротина.
Одеться успел и набраться –
малый фартовый.
Подложу под братца
лапки пихтовой.
Душно. Станция Кача –
глина-трясина.
В тишине заливается-плачет
чья-то глупая псина.

МИГ ОСТАВАЛСЯ

– Дай закурить.
– Я не курю.
– Который час?
– Второй, наверно.
Лица не вижу. Говорю
вслепую, медленно и нервно.
– Часов не носишь?
– Не ношу.
Ты извини, но я спешу.
– К любовнице?
– Ага. Пока.
Протягивается рука.

Так. Вот оно... Озноб и жар.
Отяжелело сердце:
удар – пауза – удар...
Спасительное средство –
благоразумный паралич,
советует Владимирлич...
Параличом пренебрегал
да и сейчас пренебрегу,
поскольку тоже хулиган,
не остававшийся в долгу
у неудачников-ханыг,
таких вот мелких и ночных.

Была война и Кострома,
и плакала по мне тюрьма,
как выражался отчим,
и в точку, между прочим.
Но детство – это жизнь вчерне,
такая крепь сквозная.
Тюрьма скучала обо мне –
та или иная.

Но этот парень был непрост,
и потому не обошлось,
как раньше обходилось,
когда не находилось
часов и папирос.
Он был настолько вне систем,
что даже я опешил:
он убивал меня з а т е м,
чтоб я на свете н е жил.
И всё. И больше ничего.
Пырнуть – пылинку сдунуть.

Миг оставался, чтоб его
концепцию обдумать.

* * *

Фронтоны весом в тыщу тонн –
строй долговечности досадной.
Величье
серости фасадной,
полурельефы фальшколонн.

Темны квадратики стекла.
Окошек мощные надбровья
запомнили Средневековье.
Гранитный цоколь – как скала.

Стоят не глядя, не дыша
дома
особенного стиля.
В них тоже музыка застыла
и отпечаталась душа!
Вы дорисуйте мост и ров
перед угрюмою стеною.
Дом выстроен перед войною
руками лучших мастеров.

ПРИРОДЕ ВОПРОКИ

Природе вопреки
к одной стене прибиты
две памятных доски:
убийца и убитый.

На корточках сажу
у стеночки напротив,
внимательно слежу
за сдвигами в природе.

В ней всё наоборот,
совсем не так, как надо:
гуляющий народ,
листва, жара, прохлада...

И трещина нейдёт
меж досок по фасаду!
Последний идиот
приговорён к разладу.

БЕЛЫЙ СВЕТ

В полутёмном кабинете
конопатый потолок,
не берёт его побелка:
мел воруют, белят мелко,
скуден свет и низколоб.
Ванька-Каин на паркете –
ворошиловский стрелок.
Вон и красный уголок,
там не дерево, а кафель...
Он учёный, Ванька-Каин,
он уважит и усадит,
по волосикам погладит,
для начала вырвет клочок...
Ходит мягко, смотрит глухо,
призасунул пятерню.
Ну-ка я тебя, Ванюха,
к той картине применю:
под фуражкой человечек,
он закутанный во френчик,
он со спрятанной рукой –
знать не знаем, кто такой.

Он плывёт в дубовой раме
в полумраке над столом...
Поделом – над всеми нами,
вахлаками, – поделом!
Как я Ваньку обелю?
Как я губы разлеплю?
Где я зубы собираю?
Я забылся в кабинете,
пробудился на рассвете
над оврагом на юру,
во берёзовом бору...
И кидают нас в известку –
кто убит, кто недобит –
всех дотла сожжёт карбид,
выбелит мою берёзку.
Тонкий выступит мелок.
Заровняют братский лог.
Были косточки – и нет.
Только в роще белый свет,
только слабое сиянье
возле каждого ствола
вам напомнит, россияне,
про великие дела.

ПЕРЕЖИВИ!

Моя горячая молитва
сегодня та же, что вчера:
пошли мне мальчика, элита,
дитя исторгни из нутра,
чей дядя самых честных – грабил,
чей папа дядю убивал,
но родственнику не потрафил
и всё-таки несдобровал...
Пусть мертвецы, отцы и дяди,
грызутся сами по себе –
внуши разумному дитяти
всё ненавистное тебе!
А он уж книги пожирает
в своих библиотеках-спец
и для начала презирает
весь род людской.
Но ты, отец...
Всё зашаталось, мальчик милый,
на страшной хляби – на крови.

Но не стреляйся над могилой –
переживи, переживи!
Он опрокидывает плиты:
лицом – во тьму!
Лицом – во тьму!
Пошлёт мне мальчика элита
и в спину выстрелит ему.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ПЕРВОЕ КОЛЕНО

Памяти генерала Огольцова

Ежовщина и огольцовщина,
пускания больших кровей
досаднее, чем безотцовщина,
для некоторых сыновей.

В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НОЧИ
гремя костями, встают в регалиях
заслуженные палачи,
досадуя, что оболгали их.

Я знаю эти чудеса,
поскольку с вечера шампанского
шел мимо кладбища Армянского
и слышал как бы голоса.

— Отец! Не по моей вине
твоё почётное палачество
перерождается во мне
в обыкновенное стукачество.

О праведной твоей борьбе
не знает наше время стёртое.
Колено, может быть, четвёртое
поставит памятник тебе

повыше ТРУБНОГО СТОЛПА.
Герой Саратова и Питера,
всему народу про тебя
расскажут бронзовые литеры,

как ты служил, как втихаря
ты ликвидировал Михоэлса...
И я боролся — я готовился
к чему-то большему — и зря?
Всё наше время промежуточно...

— Сопляк! Довольно, замолчи.
Колено первое ублюдочно. —
И кости брякнули в ночи.

2. ТЕЛЕФОН

У меня заболел телефон
воспалением СРЕДНЕГО УХА —
появился пространственный фон,
верный признак такого недуга.

Но компьютер у них простоват:
он своих отличает по мату...
Значит, надо использовать мат,
а затем приступить к компромату.

Милый круг покидая семьи,
натяну нитяные перчатки,
чтоб нигде не прилипли мои
злоумышленные отпечатки.

ВЫ — хотели их снять — у МЕНЯ?
Вместе с кожей! Ребята, не суйтесь.
Мои пальцы и вся пятерня
на щеке у А. О. — адресуйтесть.

Это вашего бати сынок,
он в особой храним картотеке.
Было время: пихнул в «воронок»,
оприходовал гада — и к стенке!

А теперь?..

80-е годы

**БУКВАРЬ, ГДЕ ЦАРСТВУЮТ
МИЛОСТЬ И ЖАЛОСТЬ**

*Автору книги «Дитя смерти»
Александрю Клейну – с любовью*

Фонарик, зажатый в горсти,
живой, свиристящий динамик,
канаву ему освети,
мигающий в рифму фонарик.

С мигаликом утлым в руке
бредёт он, как с детской жужжалкой.
Где сукровица в ручейке,
он вздрогнет и сморщится жалко.

Прозрачного света овал,
прозрачно-промогзлая почва.
Угадывал и рисовал,
что видел насквозь и заочно.

Угластые полы плаща,
чужие крыла нетопырьи.
Свобода – каприз палача,
он это усвоил в Сибири.

Свобода – когда в лагеря
счастливчик попал из централа.
На ржавой колючке заря
по воле своей умирала.

Седая под вспышкой трава.
Права человека? Едва ли
важнее сейчас, чем права
губимой невидимой твари.

Воистину СМЕРТИ ДИТЯ,
он думать не может иначе.
С моллюска начнём, осветя
строку перед сытью палачьей.

С годами состарился гнев
и жалостью стал нестерпимой.
Но – русской истории блеф?
Но – злоба отчизны родимой?

Пока что составлен букварь,
 где царствуют Милость и Жалость.
 Но – это собрание харь?
 Но – та, Иисусова ярость?..

КАК ТЫ СЪЕДЕН

...Потом велит Гапке принести чернильницу и сам,
 собственной рукою, сделает надпись над бумажкою
 с семенами: сия дыня съедена такого-то числа.

Гоголь

Дыня съедена и тыква,
 позабыты век и день.
 К летописи не привыкла,
 не привыкнет наша лень.
 Сонное проходит время –
 сон родимый – триста лет –
 обнаруживают семя,
 и является на свет...

Повстречал я человека
 редкого: у старика
 всей стеною картотека
 высится до потолка.
 Скажем, ты в веках бесследен,
 канул-сгинул. Между тем
 тут известно, как ты съеден,
 где, когда, за что и кем.
 Почивай отныне с миром,
 тут тебе и крест и кров.
 Так угодник Фёдор Тирон
 за руку ловил воров,
 краденое возвращая –
 обращая время вспять! –
 нравы отчие смущая:
 мол, украдено, и маттть...

Вот – известия из первых,
 из десятых рук молва...
 Сложный путь корней и нервов,
 обозначенный едва.
 Вероятная отсылка
 поплыла через века,
 как сигнальная бутылка
 с бедственного островка.
 Кутаясь в морскую тину –

родовую пелену –
доплывёт ужо в картину
к новому Карамзину.
Обомрёт душа, оплачет
каждую из наших бед,
часть и целое означает
через триста русских лет.

Ухта

ГРАНАТ

А. Жигулину, Л. Сулаберидзе

О, жизни пестрой полоса!
Я видел эти сны:
и ровный белый свет в глаза,
и холод со спины.
Моя равнина полегла,
и южная гряда
ковыльный край приподняла
неведомо когда.
А Север красным на разлом
сверкает, как гранат!
В геологическом былом
рептилии царят.
И чёрное лежит плато
на согнутых плечах,
и братья — Толя и Ладо
в стране БУТУГЫЧАГ.
Впадает время в Мезозой
неслыханных утрат,
где смёрзлись кровью и слезой
навек с братом брат.
Гранат созрел, мои друзья,
чтоб каждый в нём узнал
весь наш печальный, без вранья,
интернационал.

В ЦВЕТАХ И НА ВОЛЕ

А. Попову

Безлюдье. Курится вдали Воркута.
В цветущем распадке слепящею горсткой –
ледок? солонец ли?.. Не пусты места,
где бродим с биноклем и старой трёхвёрсткой.

Чем тундра прекрасней, тем злее мошка.
На праздник цветенья нечистая сила
её насылает, чтоб исподтишка
нам веки распухшие раскровянила.

Паруются твари. Пространство дрожит.
Чего пожелаешь сверх полного блага
тому, кто в распадке зелёном лежит:
под небом, в цветах – и на воле, однако?

Не надо их трогать... Товарищ Попов,
что вам рассказали амбарные книги
про семь белоснежных больших черепов
и маленький, детский? Студенты из Риги

прошли по своим заповедным местам
и кости свои отличили от наших...
...Дано мне отмщение – аз не воздам
ничем, кроме слёз, кроме слёз набежавших.

И тех я не выдам – запнусь, отвернусь,
сдеру накомарник, срисую распадок,
мошки не почую... А может, и гнус
имеет понятие? Как семь куропаток –

февральских – в траве, возле дымчатых гор,
Урал где выпрастывает хребтину,
из топи – как гиппопотам... Кран о флёр?⁵⁸
Откуда бы это? С какого помину?

...Виньеточки, череп, в глазницах цветы –
обложка студенческих – а ла Бодлёро –
стихов – до возмездья стихам... До черты,
за коей исполнится страшною мерой

младое рифмованное баловство –
душевная блажь парижан кутаисских
про этих... и с ними ещё одного
в отрогах Урала, неясных и низких.

---

⁵⁸ «Crâne aux fleurs» – «Череп в цветах» – первая книга Г. Табидзе.

СЕМЕРО И ОДИН

В. Суховскому

Твой рассказ про ГУЛАГ
душе моей невмоготу.
В социализм вращал кулак,
а врос в тайгу и мерзлоту.

На чёрном севере страны
семь кулаков сидят кружком,
и снимали зипуны,
и все присыпаны снежком.

И в мужиках дыханья нет —
они витают в лучших снах.
И лишь мальчишка малых лет
как будто дышит в зипунах.

Высо́ко вытаял сугроб,
лежит на теплинé малец,
зальдели все, и нету дров,
и этот мальчик не жилец.

Как поминальная свеча,
он долго теплится в снегу.
Земля уже не горяча,
и как ему я помогу?

И как ему поможешь ты,
покуда милует мороз,
пока по следу теплоты
ещё густеет белый ворс?..

Минует время — горе, гнев —
одно минует за другим...
Семь кулаков, окаменев,
сидят над мальчиком своим.

**ПАМЯТИ ОТЦА ФЕОДОСИЯ ЧУЛКОВА,
СВЯЩЕННИКА НИКОЛО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ**

Записывает вездесущий Даль:
сгорела церковь старая СО ЗВОНОМ.
Сгорел и безымянный тот звонарь,
в огне звонивший... С Богом повезло нам.

Тот колокол лежит на дне курьи
неподалёку от спрямлённой Вохмы,
где уши гулом полнились мои –
или безмолвием его – и глохли.
Как будто луговина морщит лоб –
волнуются старинных русел складки.
Их грубо разрубил сплавной прокоп.
В колодах пожни, и река в упадке.
Уходит на полдень раздольный плёс,
погост бугрится над крутой излукой.
Преданье тишиной отозвалось
и заревами над лесной округой.
Одна заря горит над Веденьём,
другая гаснет где-то над Ключами...
Надолго ли в отечестве моём
колокола и песни отзвучали?

Лесами – Юг-рекою – на Двину
ушёл крестьянской памяти хранитель –
тебя почтительнейше помяну,
отец Чулков, приходский просветитель.
Небесно царствовать – лежать тебе
обочь дороги неисповедимой,
ослабшему в невольничьей толпе,
на полуночь этапами гонимой.
Несчастных, утешать их нелегко:
вон Сашку рózняли с дитёнком малым –
ревёт и сцеживает молоко,
оставив сына полугодовалым.
– Как звери зимовали-ти, в земле.
Никольский весь этап тогда и выдох.
Христовных прикопаем по весне,
а зиму ходим мимо незарытых...
Вздохнёт – не всхлипнет – слёз давно уж нет,
всё перескажет ровно и безгневно
без малого через полсотни лет
та Сашка – Александра Алексевна.

Прости: село не помнит про тебя,
а не было души светлей и кротче.
Враждой кровавой сердце огрубя,
живём подённою нуждою, отче.
Темно живём – на небо не глядим,
для бабы – ферма да чугуны с корытом,
для мужика – семёрка да калым –
темным-темно, одним-единым бытом.

Этап твой выдох, и приход одик,
спивается твой сын, из жизни выбит,
развеян пепел родословных книг,
давно без купола, пустой навывлет,
твой гордый храм являет жалкий вид:
обрушилось бревно череповое,
расселась кровля... Сколько простоит
Никола с непокрытой головою?
А колокол, что уцелел в огне,
повержен вновь, да с колокольной вместе...
Мне страшно и помыслить о вине –
мне только принимать её возмездье.
В курье гнилой он тонет много лет,
в подушке торфяной – тебя он помнит...
Нет, он не бьётся головой об лёд,
но пойму влажную собою полнит,
и почва под ногами – как волна!
Особенно когда разлив в апреле,
ТОТ ГУЛ ПОДЗЕМНЫЙ выдают сполна
кривые расходящиеся мели.
Ещё... Ещё не раз я замечал,
что здесь на отдых облака садятся.
Ещё... Он говорил – я отвечал.
Он говорил: – Избудем святотатца!
– Избудем.

Медитации

СВОДНЫЙ ХОР

Ливня не льёт великая вода –
сочится из небесных мелких сит.
Олёша мало пьёт, но пьёт всегда –
как тихий этот дождик моросит.
В печи осина тлеет, а в щели
свою свирельку пробует сверчок,
и сыплет мелкий дождичек, или
поласковой сказать, МУСЕНИЧОК.
Олёша извинит, что я не пью.
Ну, по одной, пожалуй, – помянуть
родителей – попа и попадью –
о всех, тогда погубленных, вздохнуть.
Мне надо описать олёшин вздох
порушенной сердечной глубины –
кряхтенье-оханье:
дак ой!.. дак о-ох! –

как достояние родной страны.
И шутки в сторону: т а к о й фольклор
заслуживает плёнок или нот.
По крайней мере, некий сводный хор
мне слышится –
т а к дышит мой народ.

Никола с переломанным хребтом,
с обрушенными рёбрами стропил,
как мёртвый кит, чернеет за окном.
Лохмотья крыши дождик окропил.
Близ алтаря шалман и коновязь,
сортира нет, понятно, ну и вот...
Чужим умом однажды соблазнясь,
премного наглупил честной народ.
Ты не мочи, Олёша, в водке хлеб,
женись – продлится род...
Отец Чулков
был просветитель, отправитель треб,
политик: одобрял большевиков,
в трактате предлагал им сочетать
Христа и Маркса, дабы жить л ю б я –
за что его и надо было взять
у всей округи здешней, у тебя...
Ты помнишь? Помнишь – четырёх-то лет!
Попёнок... Как пришибли – так живи.
Понравилось, ишь, слово э л е м е н т,
ты – элемент, хоть смейся, хоть реви!
Отец учил детей и книги вёл
рождений и успений – все сожгли.
Коробились листы, и пепел цвёл...
Известно было, как произошли
Баданины, Костровы, Шадрины –
их родословье до семи колен.
...И пепел – достояние страны,
и дым отечества, и тайный тлен...
В Никольске был отец ещё живой
на пересылке, но ходил едва.
А где уж там добил его конвой,
то ведаёт болотная трава.
Дорогу ту я помню: мы по ней
ходили в любознательный поход
со старшим классом...
Гати всё черней,
всё каменнее в крепости болот.
Не надо краеведов-знатоков

о многом спрашивать – я не спрошу,
где сгинул мученик отец Чулков,
а только постою да подышу,
как сын его, как все мы или как
болота эти дышат... Вот они
и знают о пропавших мужиках.

Во царствии Твоём их помяни,
о Господи!
Да как же Ты... Дак'аа-х...

КЕНЮШКА, АННУШКА

1.
Батюшка Елпидифор Иннокентьевич
с дочкой Иннокентией Елпидифоровной,
трое суток, поди, не кормленной,
у огня земляного сумерничает.

Кенюшка, восьми месяцев от роду –
награждал их Господь одними дочками –
как скворчонок отцу вцепилась в бороду
жёлтенькими ноготочками.

И назавтра бедному приходится
бороду отпиливать ножиком.
Он в землянку с погоста не воротится,
вспоминать не посмеет о прожитом.

Не споёт он, как ШЛИ СРОКА ОГРОМНЫЕ,
как жена, потом как младшенькая сгасла.
Яму глиняную, два свёртка безгробые
днём не взвидит – что ночами навязло.

Иннокентия значит «безвинная».
Каждый год на Покров он пропадает.
Где в тайге полянка тайная, безвидная,
знать никто в той округе не знает.

Скрыт прогалок седым еловым пологом,
и никто не увидит, не услышит,
как он молится, да как взвояет волком! –
а отвоется – лежит и не дышит.

Только Аннушке, только Иннокентии,
тут зарытым, и видится и слышится...

Что расскажется тут? Что напишется?
За душой – всего одно... междометие.

2.

Две красы у посада у города
святомученика Парфентия:
попадья да поповна Иннокентия –
обе-две, и годов им словно поровну.

Выступают сёстрами-погодками,
все им кланяются – кланяются всем они.
Статью, ликом, голосами, походками –
одного льняного роду-семени.

Явь неправая снами занавесилась –
уж не кровью красен век истекающий.
Анне-матушке нет и сорока ещё,
а уж Кенюшка, гляди, заневестилась.

Елпидифор-свет! Мастер ты матрешечный!
Вся продукция твоя первосортная:
эта младшая-то ваша, четвёртая...
КАК ЖЕ СГИНУТЬ БЫЛО ЕЙ, ТАКОЙ-ТО КРОШЕЧНОЙ!

Небыль! Не было такого этапника!
Не дышала мерзлота из-под лапника...
Так и в бане всё нашёптывает баннушко:
поуникнет первый жар – прудет Аннушка...

Парфеньев

ХОЗЯИН

Измелитесь в жерновах терпения...
Игуменя Евфросинья

Август-сентябрь. Перестояла трава,
что докосить не под силу последним старухам.
Мельничный ручей шумит, молчат жернова –
это молчанье легко различается слухом.

Чёрное в срубе смоляное бревно.
Жёлб целёхонек, привод сработан с запасом.
Мельник стал вороном – так уж заведено –
тут и живёт, потерявши обличье и разум,
ибо ему забывать ничего не дано.

Хлебным ещё перегноем крапива сыта,
и непролазны черёмуховые оплетья.
– Худо, хозяин... – И ворон кричит:
– Воркута! –
Этого хватит ему на четыре столетья.

Знала игуменья эта в терпении толк.
Жито крапивой взошло, ибо в прах измололось.
Озеро опустело... Но ещё не умолк
твой шелестящий, осенний, серебряный голос.

ЯВЬ

Как надо отдыхать от слов?
А – как пешком ходил Белов
по следу сосланных героев
от Вологды на Соловки –
один за всех за тех, у коих
на это ноги коротки.
А классики сидят на месте,
имея свой аэродром
опричь досугов и хором.
Но тут работает возмездье,
и нет у классика чернил,
и отвращение к бумаге,
и кажется ему, бедняге,
что «кулаков» – он сочинил,
потешил племя вурдалачье.
Проспал Россию русский Бог...

Плывут на барках через Лаче
и Лаче-озера обок
валом валят...
Да сколько вас!
И деревень-то ваших нету,
одни-то пустыри сейчас.

Они воскресли по Завету.
Бредут по займищу пустому
обидищами Свидь-реки.
Понадобились развитому
социализму – кулаки...

Понадобится много муки,
проклятой памяти, науки,
чтоб эти кулаки разжать,

чтоб эти трудовые руки
охулкою не обижать.

ВСЯ ПРОСТОТА

Заплачет камень, пепел вспыхнет,
огонь сойдёт с листа – и вы,
кого ни в мёртвых, ни в живых нет,
появитесь в виду Москвы.

Вспять обратясь в несчастном веке,
вернётесь – до едина все –
как бред: как северные реки
сквозь радиальные шоссе –

в свои бутылки и лубянки,
дворы, подвалы, кто куда,
на подмосковные полянки...

**ИХ МИЛЛИОНЫ! ГДЕ ЖЕ ТАНКИ?
БЕГИ ОТ СТРАШНОГО СУДА!**

Вам крепки нет. Вам нет могилы:
тому – звезды, тому – креста.
Воистину, не вы погибли,
а мы. И вся тут простота.

ЦАРЬ-СВЕЧА

В моём отечестве любому палачу
всегда в достатке памяти и чести.

На Красной площади, на Лобном месте,
поставить надлежит свечу
за упокой невинно убиенных,
крест высечь в камне и звезду –
два символа и знака сокровенных,
умерить скорбью их вражду.
Равно пригодны для распятия
крест и звезда.
Хоть мёртвые, теперь вы братья,
товарищи и господа.
А место Лобное, конечно,

задумано и было как подсвешня
для небывалой Царь-свечи.

Остановись. Опомнись. Помолчи.

ПАЦИФИСТЫ

...На Красной площади в молчанье
протягивают нам они
свои наивные воззванья
молитвам и стихам сродни.

Ученье Ганди их вело
и мудрость поздняя Толстого –
отказ от грубого и злого
в ответ на вековое зло.

Мальчишки... Не пройдёт и года –
один полезет на рожон
и перед глыбой Пентагона,
как Пáлах, факел свой зажжёт.

Смутится на минуту пресса
среди пошлости и чепухи...

Пусть по тебе мои стихи
звучат как траурная месса.

...НА РОДИНЕ МОЕЙ БОЛЬНОЙ
НАРОД НЕ ЧУВСТВУЕТ ПОЗОРА.
ОГОНЬ ПОЛЗУЧИЙ НУТРИНОЙ
НАРУЖУ ПОЛЫХНЁТ НЕ СКОРО.
НЕ ТРОНУВ ЗЛЫХ, ДУРНЫХ, ЗАБЛУДШИХ,
НИ ТЕХ, КОМУ ХОТЬ ВСЁ СГОРИ, –
ОН ВЫБИРАЕТ САМЫХ ЛУЧШИХ
И ПОЖИРАЕТ ИЗНУТРИ.

И от Вьетнама до Чечни –
ни времени, ни расстоянья –
лишь одинокие огни
святого противостоянья.

СЛЕД

Спортивный белый вертолёт
ползёт над сединою бора,
выслеживая волчий ход
через поля, холмы, озёра...

Сквозь все следы — след как струна
из края в край искристой глади.

Здесь — заповедная страна,
здесь — не убий и не укради.

Он правит строго на восток,
на Каргополье — не собьётся —
ведёт основу сквозь уток.
Спасётся? Или не спасётся?

Бреду с понурой головой
след в след — в игольчатую опаль,
но слышу я не волчий вой,
а материнский дальний вопль.

Над полем у села Шатой,
над мировой глухотою...
Я кончу круглым сиротой.
Я кончу полной немотою.

ГЕРБОВЫЙ СЛЕД

С. И. Липкину

Переведу яббом чеченского волка вой,
в стену стучась бетонную повинною головой.

Грустно, Семён Израилевич, плохи наши дела.
За полночь еле-еле вылезешь из-за стола

письменного (кроме круглых, «покойных», прочих иных
ещё сохранился письменный в эпоху пиров чумных).

Переведу хоть этого, хоть того Шамиля...
Волчий след — сквозь горбатые олонецкие поля —

след прямой и глубокий — рубанули сплеча —
след, подобный удару архангелова меча —

ГЕРБОВЫЙ СЛЕД...

Так в юности прямо через квартал
через заборы и стены лез и перелетал —

ночью прямо по курсу выбрав себе звезду...
ВОЙ ЧЕЧЕНСКОГО ВОЛКА ЯББОМ ПЕРЕВЕДУ.

МОЁ ВАМ

Никогда до сих пор, полагаю, так
не был загажен алтарь Минервы.
Бродский, 1968

Соотечественники, полезно знать,
что в 1935 году от Р.Х., в апреле
появился указ о детском расстреле –
его следует переиздать.
Юридический шлягер, творение ЦИК–СНК.
Комиссаршею Крупская там подвизалась Н. К.
и радела о детях... Указ отменили?
Позабыли? Приостановили?
Неясно пока.

Только спрятан указ, как бересклет в лесу –
скромные такие серёжки, лесные перлы.
Ах, не одну уронил я слезу
на обесславленный алтарь Минервы!

А понтифики Марса – тут крови моря и моря –
бестолково толпятся вокруг своего алтаря
и не вспомнят о детском указе.
Вот он в бедном моём пересказе.

ГРАЖДАНЕ ОТ 12 ЛЕТ,
несовершеннолетние и, тем не мене,
изобличённые во вредительстве, либо измене,
либо... И К СТЕНКЕ! Вот такой бересклет.

Так что, гг. министры и г-н президент,
пока ребятишки в войну играют,
не спите – используйте прецедент:
путь их, малолеток, по фронтам разбирают!

Меня надоумил не телеэкран –
нехватка и качество ракетного мяса, –
я сам артразведчик и ветеран,
который при Сталине ещё призывался.

Министр войны, вы ходили под стол пешком,
когда в гороховецких песках я плавал с теодолитом,
а вернулся – с одышкой, с посошком –
рядовым советской армии инвалидом.

Инвалиды, человеческий хлам...
Хлам, который уже ни черта не боится.

МГЛА

Сергею Пишизову

Паркует он, впритирку подруля,
свой драный «Запорожец» инвалидный
к чернофигурной марке инвалютной,
чьи золотые льются вензеля.
Брезент накинёт, сшитый из кусков,
тесёмочки подвяжет, еле-еле
сгибаясь в изуродованном теле,
и кожа потемнеет у висков.

И через двор с пакетом молока
хромает он, обласканный собесом,
асфальт пятная батогом-протезом,
сей помесью бутылки и дровка.

И много раз на дню и без нужды
поправит он лоскутную попону,
поклонится... И по его поклону
видать: уж недалёко до беды.

На чёрной глади белая рука
лежит, забывшись, пухлая с потыли.
Хорошего, должно быть, мужика
на «инвалидку» мы пересадили.

Колдует чёрнолаковая мгла.
Почтенье «мерседесам» и «тойотам»...
Играют с ним кривые зеркала,
в которых ничего не узнаёт он.

* * *

Была Гражданская война,
и рассудительные люди
воздвигли памятник Иуде –
на все века и времена!
Апостол каменно и тяжко
восстал на площади Свяжска,
являя миру без вранья
печальный символ бытия:
ПРЕДАЙ – ПРОДАЙ, и дело чисто...
Великого экономиста
снесла предательская власть.
Безмерно Волга раздалась,
и городишко островной

совсем безвиден и безлюден –
лишь призрак – монумент Иудин
здесь тяготеет надо мной,
над ПРОДАННОЙ моей страной.

ОТНЫНЕ – НИКУДА!

Ст. Лесневскому

Поруке вопреки, наследник и участник,
рисую уголки пятиконечных свастик.

Последний уголок сломил – она как визгнет!
С листа да в потолок! И кружится, и виснет...

Самодержавный знак, разжалован, рассержен,
о стёкла бьётся, как черноголовый шершень.

Повысунет стрекло, своротит осью мордку –
как микроэнэло шарахнется – и в фортку.
– Назад! – кричу, и, глядь, подобно бумерангу,
звезда на все на пять садится на бумагу.

– Отныне – никуда! – В глазах моих стемнело:
и не поймёшь, когда ужалила, успела...

В СТЕПИ

Холмы, холмы, холмы в степи — слегка
означенные, как сердцебиенье.
Сквозь вспыхивающие облака —
лучей вечернее столпотворенье.

Дышать легко. Валун лежит века.
Прохладное и ровное давление
под камень привлекает червяка,
жука, мокрицу, жёлтые корни.

И, чувствуя твердыню над собой
и под собой, почтенная жилица
той тесноты — презренная мокрица —
довольна сплющенной своей судьбой,

себя и мир сознавшей, гармоничной,
на чью-то мерку — мрачной и мокричной.

ВЛИП

С чего-то вспомнилась Алма-Ата
и переводческая маята,
мой ранг и чин: я – личный переводчик
такого-то. И лёгкого креста

пустяшное щекотное давленье
на холку и на левое плечо,
и местных классиков благоволенье,
и в дикий сад окно... И вот ещё

что вспомнилось – я бы хотел,
чтобы корова языком слизала
такую память – продвиженье ТЕЛ
колоннами

в ряды,
усаживанье зала,
вставанье, плеск, «ура!», подряд раз пять
при имени Динмухаммед Кунаев –
и гость для уважения хозяев
встаёт как по команде ВСТАТЬ.

...ВСТАТЬ! – и стоит бакинское застолье.
СЕСТЬ! – и оно садится. ВСТАТЬ! – встают.
СЕСТЬ. А теперь – шампанского: САЛЮТ
Багирову!.. Такая предысторья.

А был ведь поэтический Олимп,
был Антокольский... Ну а я-то влип...
И с той поры скрипят мои суставы.
Забыть бы рад – но этот жалкий скрип...
ВСТАТЬ! СЕСТЬ! ДРУЖНЕЕ: СЕЛИ! ВСТАЛИ!

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ

Достоевский, милый пыщ...
Тургенев

«Презренный жид», «проклятый лях»...
Жидовствую, кичусь, нищаю.
Любимых классиков прощаю,
хоть улыбаюсь на полях:
Иван Сергеич – мѣлый пыщ,
а Достоевский – нет, и столь же
визгливо горд и слёзно нищ,
как шляхтич в оскорблённой Польше.

Мне любо: я и жид, и лях
по самой сути и для слога –
покудова на костылях
вся чернь стоит четвероного.
Лакей спесив, холоп надут,
хам величав попуще пыща,
но миг! – и к ручке припадут,
и лобызают голенища.
Стоять – так на своих двоих.
Сидеть – так на своей костлявой.
О том свидетельствует стих,
не осквернённый их халявой.
Стоймя заклиньте в землю гроб!
Снесу такое неудобство,
пока ведётся хоть микроб
великорусского холопства.

Кострома

БОРИСУ ЧИЧИБАБИНУ

Мне снится nepотребный сон,
с постыдной явью грустно схожий:
как будто я жидомасон
и комиссар их подлой ложи.

А там сидят мои друзья
из Львова, Харькова, Одессы,
и рады все тому, что я
из костромского вышел леса.

Моя ж дремучая родня
и наяву меня морочит:
пришурилась, мол, жидовня,
выходют, мол, откуда хочут.

...Лежит ничком родимый лес –
до Вологды, а там – до Вятки,
как вусмерть пьяный Ахиллес
с багровою луною пятки.

Но, пребывая в диком сне
и к яви пробудясь бесчинной,
я не предам любви старинной –
моей разнузданной родне.

ПОЗНАЙ СЕБЯ

Покуда с силою убойной
в тебя вбивается кулак,
тебе не страшно и не больно –
познай себя – тебе никак.
С какой-то только грустью странной
ты созерцаешь этот бред –
распаренный, галдящий, банный –
сквозь прерывающийся свет.
Познай себя: ты только странник,
твой дух легко выходит вон...
Но возвращается в предбанник
досматривать досадный сон.
Хоть живописна эта свалка
и сгрудилась вся раздевалка,
где двое лупят одного.
...Как в детстве, делается жалко –
пронзительно – всего-всего!
Вот ощущение из последних,
пока в четыре кулака
два молодца двадцатилетних
укладывают старика.

АЛЁХА

Допился Алексей до белых глаз.
Он прав, и я его не уважаю.
Сижу и топором соображаю
зарубу. Так сижу: отворотясь,

на корточках. И вижу краем глаза:
топорик мой пополз из-под руки.
Я знаю, кто я. В основном, «зараза».
Я вижу кровянистые белки

как бы затылком. Вижу даже очень.
«Ща рубану!» А что, и рубанёт.
Алёха на испуг меня берёт,
а мой топорик хорошо наточен...

Но если обернусь, то дело плохо.
МГНОВЕНЬЕ всё-таки я перемог...
– Зараза! – и топор всадил в пенёк,
и прочь ни с чем поковылял Алёха.

а я принимаю: третий –
достаточно необходимый.

...Раз! Но меня нельзя
ударить демократизатором,
потому что, ударив,
придётся меня убить.
Блюститель широкомордый,
дурень, что ты наделал!
Ты падаешь с перебитыми
шейными позвонками.

Меня добивают в ментовке
в счёт 93-го года,
когда демократизаторы
обыдлили всю страну –
в грязь лицом положили,
приказали не двигаться,
и оказалось, что можно
быть «великим народом»
лёжа

лицом
в грязи.

Ха!
Веничка, милый!
Трезвость – покрепче водки.
Ангелы пусть не смотрят,
как в грязи пузырится
кровь моих гордых предков,
вскипая и пропадая.

* * *

Фазилю Искандеру

Пловец, который плавает с умом
и любит штормовое многоборье,
из моря выходя, в себе самом
и на себе самом выносит море.
Хорош, но чем-то неприятен мне
летающий на волне и по волне
скользящий – так владеющий уклоном,
что выскочит сухим и несолёным.
Зато воистину прекрасен тот,
кто с мальчиком слабеющим плывёт

к береговым чернеющим отрогам
и не интересуется итогом,
затем что абсолютный интерес –
дыхание... движение... мгновенье...
покуда свет сознания не исчез,
пока внимательное вдохновенье...
ещё... ещё немного... А потом –
и ты моё Евангелье продвинул:
разделался с тем трусом и скотом,
который лодку вашу опрокинул.

В МЕТРО

Памяти Бориса Слуцкого

Преувеличенный кулак
вам тычет в глаз амбал с рекламы.
Да мне-то что! Я гарь, я шлак,
но тут же дети, мамы...

Мы шлак эпохи, пыль и паль.
Амбал, не обижай старуху:
ведь на груди у ней медаль
за ту войну-разруху.

Монетку в лапку вложу,
кулачок поверну
и ко лбу приложу
и... и никак не вздохну!

Достал меня кулак.
Дыхание свело.
Назавтра окромя всех благ
ещё устроит нам ГУЛАГ
царствующее хамло.

* * *

Отвратительная демократия!
Пушкин, 1836

Смешались апогей и перигей,
слона не отличить от мошки.
Две книжки в одинаковой обложке:
Вильям Шекспир и Михалков Сергей.

А чем не пара: басня и сонет?
ЕСТЬ МНОГОЕ НА СВЕТЕ, ДРУГ ГОРАЦИЙ...
Но отвратительнее демокраций,
чем наша, – не было и нет.

ВШИВЫЙ РЫНОК

Мы ухитрялись брать заказы
и делать всё наоборот.

Евтушенко

1.
С закушенной губой
слежу чистоган и правёж.
Но я не расстанусь с Тобой:
меня Ты не переживёшь.
Клянусь, Я ПОКИНУЛ БЫ МИР
для царства любимых теней –
поруки своей дезертир,
отступник любви Твоей...
Но алиби в этой стране,
сиречь, нахождение вне
её и себя самого,
по мне, невозможней всего.
Страна необычная: тут
убьют – помереть не дадут.
Живой или мёртвый – горбать!
Добро бы на родину-мать...

2.
С закушенной губой
слежу чистоган и разбой.
От НИХ получает заказ
и «рыбу» – идейный каркас –
поэт, сочиняющий ГИМН,
надеясь, что служит не им...
Зачем этот гимн и кому,
неясно ему одному.
А в «рыбе» и Бог, и Народ,
и Веры и Власти гарант –
и кое-что наоборот
читать позволяет талант.
Там лирика, пафос, серьёз...
Сам автор сегодня – Христос,
и некому плюнуть с креста
на белый квадратик листа.

ВЛАСТЬЮ ДОЛГА

Вещей священный распорядок
в житейский хаос превращён.
Мой век земной обидно краток,
но властью Долга облечён.

Она неявна и безвестна,
в заботах малых без конца...
Но ставить надлежит на место
стол, стул, лжеца и подлеца –

незамедлительно и прямо.
Так действует пружинный спуск.
Так выгонял менял из Храма –
под зад коленом – Иисус,

лотки с товаром богомерзким
круша и повергая в грязь,
на греческом и арамейском
победоносно матерясь!

БЕЗ ПОКАЯНЬЯ

Разглядываю в Римском зале,
как жёлтый мрамор зализали
до самых-самых микропор,
и вижу Первый Рим – в упор.

Где нет лица, там есть ухмылка,
ухмылка поважней лица...
Всей этой мелочи копилка,
вся эта тонкость без конца!

Не мраморы, а гипсы, впрочем,
подделка здесь ещё верней.
Что человеческий род порочен –
банальность явная. Над ней –

то, что тебе уже не снится –
ты этим жил... Увы, увы,
но превратился в очевидца,
перелагателя молвы.

Одно я только знаю крупно:
воздвигнутое на крови

должно погибнуть – врозь
и купно –
без покаянья. Без любви.

ТАКОГО ХРАМА НЕТ

Во всяком подневольном обществе, будь то государство или каторжная тюрьма, – неизбежны и свои властолюбцы.
...Их властность определяется одной идеей... Войдя в них извне и уже готовая, в виде слов, эта идея мало-помалу выжигает из их сердец всё, что ей в помеху, чтобы через самого человека стать кошмаром и наваждением для его окружающих.
...неподвижная волчья шея раз навсегда ограничила для них мир полем их собственного зрения.

Инн. Анненский. «Бранд-Ибсен», 1907

Некстати вы остановились тут,
над пропастью, в ущелье невесёлом.
Ведомые устали и нейдут
по скалам ледяным, по снежным долам.
Тебя, мой друг, Создатель одарил
душой капризной, вольной
и бесплодной –
и ты жену с ребёнком уморил,
всех застудил судьбой своей холодной.
Повёл ты паству; фьорд кипел; когда
причал смолёный в щепки разносило,
родной стихии зло тебя взбесило –
и тут сказалась мне твоя беда.
Никто с тобою в лодку не входил:
– Вы трусы! Стройте веру на трясине!..
Там женщина была – пеклась о сыне.
Ты – ДУМАЛ О ДУШЕ. А Бог следил
за всеми вами. Пастор, ты был твёрд
как промысел Его. А справедливость
одна была на всех... а мать молилась.
А ты негодовал, как тесный фьорд.
... Им холодно... Здесь ВЫСОКО ИМ,
Бранд! –
и ропщет зло измученная паства,
и в ней иное вызревает братство:
теперь ты жертва их. Или тиран.
Погибло в душах то, что их влекло.
И ты погибнешь, и прервётся драма...
Они оставили своё село
для Храма... НЕТ НИГДЕ ТАКОГО ХРАМА!
Откуда этот грохот? Божий глас?
Зачем латынью пользуется Один?

... Лавина ледяная пронеслась
и всех смела... И СНОВА ПУТЬ СВОБОДЕН.

ПЬЕТА ПРИМА

В поруче наших мёртвых дел
и смертоносных достижений
есть важный проблеск и пробел,
где обитает добрый гений.

Поспешны и разноголосы,
мы как-то вдруг поражены,
когда кровавые вопросы
улыбкою разрешены.

И вовсе уж не по себе
приблизившемуся к святыне:
улыбка – о распятом сыне
и горе – явно о тебе...

И кто-то – вот из нас, людей –
в итоге тяжких размышлений
взял – выстрелил в улыбку ей...
Недаром соблазняет гений.

Теперь, от нас отделена,
сидит в прозрачном душном кубе
и улыбается она,
но как-то горше, тонкогубей.

ПОЕДИНОК

Ксении Котляревской

Она одна облагородит
и день и час – десятком слов.
Она ничтожество низводит
с его начальственных верхов.
И вывернуты наизнанку
улыбки благостных господ...
Её бы взяли за осанку
в какой-нибудь 30-й год.
Хоть – за лицо. Хоть – за посадку
прекрасной гордой головы.
За десять выстрелов в десятку,
где в молоко лупили вы.

Вы, прячась в бороду и ворот,
годами жили не дыша.
Но быть должна на спящий город,
где нет мужей, одна душа...
На весь родимый вшивый рынок,
продажам-куплям вопреки...
Какой прекрасный поединок!
Какое благо, земляки!

Кострома

СТИХИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

1.
Была красавица – теперь уродка.
Что сделали с тобою, Сквородка⁶⁰?
Кому так ненавистна красота,
что микеланджеловская Пьета
становится мишенью идиота,
и неопределённоличный КТО-ТО
в лицо стреляет Матери Христа?
Как Божья Мать, потерянно и кротко
глядит растерзанная Сквородка.

Столетний дуб по возрасту – дитя.
С каким идиотическим стараньем
погублены деревья в детстве раннем –
ЗАЧЕМ?! И, пальцем у виска крутя,
стою на сквере с жалким покаяньем.
Урод всегда воюет с красотой.
Преследуя Рембрандтову Данаю,
он грудь сожжёт ей серной кислотой –
ЗА ЧТО?? Не знаете? И я не знаю.
А под землёю роща коренная
задохлась, опрокинуто ветвьась.
Я на земле, которой нет роднее,
ещё стою. Стою и КОРЕНЕЮ,
всё глубже, всё больнее коренясь.
Здесь весь мой род, преданья и могилы –
и что твои мне топоры и пилы,
чужая, злая, воровская власть?

---

⁶⁰ Сквородка – центральная площадь Костромы. Деревья скверика на ней все были спилены в одну воровскую ночь.

2.

Год с лишним дважды в месяц в костромском эфире звучала моя «СВЕТЁЛКА». Разных собеседников принимал я – многие достойны были внимания костромичей и, полагаю, не только. Постепенно, однако, накопилась нужда в обратной связи, эфир стал казаться мне глухонемым. Это утомляет, я взял отгул и написал:

Аудитория СВЕТЁЛКИ – пенсионерки-комсомолки,
полковник, дремлющий в окне, отец народов на стене.

И то не дождь бумагу мочит, а то чудесно мироточит
там, где не может быть дождя, портрет последнего вождя.

По поводу моей СВЕТЁЛКИ не возникали кривотолки,
и даже ни один донос мне утешенья не принёс.

Но ты не спи, не спи, полковник: поэт страшней, чем уголовник,
поэт не станет врать и красть – но отберёт у власти власть.

И в знак острастки и опеки читать стихи в библиотеке
не позволяет мне сама Шеф дю культур дю Кострома.

Аудитория СВЕТЁЛКИ – последние медведи-волки
в лесах, где пали провода, но звук бывает... иногда...

НЕ ОПОЗДАЙ К КОНЦУ

Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.

Фет

От тараканов озверелых
в сиротском доме престарелых,
от старости и от тоски
одно спасенье – Соловки.

В деянии простом и важном
в оранжевом ремне монтажном
на колокольной высоте –
по вздрагивающей черте

скользи, скользи, канатоходец:
весь полон высоты колодец.

Неволю жизни отлюбя,
не опоздай к концу. Сегодня

ты в руки предаёшь Господни
трудоспособного себя.

НЕУСТАННО

В келье стол, топчан и стул.
Каменная тишь. Снаружи
два на два — раздельный стук.
— Да, войдите. Да!! Да ну же...

Гость стучит: кресты кладёт,
и без трёх крестов надверных
в эту келью не войдёт
ни один из благоверных.

Дверь тесовая, с волчком —
сотка, с проймами, сплошная...
Пролезает гость бочком,
крестит стены, объясняя,

что кропить и осенять
надлежит их неустанно —
неустанно изгонять
призраки СЛОНа и СТОНа⁶¹.

ЭТАП

Колченогие березки —
доходяги, недоростки —
ход понурый и кривой
кромкою береговой.

По-над мысом для порядку
им велят плясать впрысядку,
подбодряя матерком,
скатываться кувырком...

Из последнего терпенья,
еле тащится этап,
на лишайниковой пене
оставляя алый крап.

---

⁶¹ СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения; СТОН — Соловецкая тюрьма особого назначения.

В Зимний берег волны бьют,
и последние берёзки,
переломаны и плоски,
вжались в грунт и не встают.

Соловки, мыс Колгуев

СВЯТЫЕ ВОРОТА

Олегу Васильевичу Волкову

Соловецкие острова.
Человеческие слова
не слышны.
Не нужны.

Откололась ржавчина от
монастырских Святых Ворот,
что вмурованы в валуны
крепостной стены.

Плотно-дóчерна, как слюда,
на года намёрзли года.
Устюжанским узором лёд
обметал полотно ворот.

Там сквозит глубина,
антрацитно черна.
То куржак, то слёзный капля
оставлял, проходя, этап.
Вот они – на душе душа –
на железе – все до одной.
Это нам с тобой надышал
наш народ крепостной.

И сквозит глубина,
чтобы взгляд вникал
в черноту полотна,
как в Байкал ледяной –
до дна –
как в валун,
полный звезд,
полный лун.

Соловецкие острова.
Человеческие слова
не нужны.
Кто из нас – без вины?
В те ворота – как в ад:
виноват.
Виноват.

АНЗЕР, ГОЛГОФА

Ночью виден огненный серп
с ангельской высоты.
Утром костры пойдут на ущерб
и превратятся в кресты.

Надо щербистую мерзлоту
на три штыка отжечь.
Ангельскую возьми высоту
иль Архангелов меч.

Должен быть меч по руке.
Нет – не бери его.
Было тело на третьем штыке
живо или мертво?

Это санитарам видней.
Рвы при дороге – встык.
Мешанина костей и корней
при СВЯТАЯ СВЯТЫХ.

Материнский храмик у ног
Христораспятского. Но
Распятый – Бог он или не Бог –
матери всё равно.

Что это? Рокот дальней грозы
или стон изнутри?
Где чернец читает Часы
от зари до зари?

Это норд-ост ноября
служит службу свою
в трещинах и свищах алтаря –
грозную литию.

* * *

В. Курбатову

Не поддался на переков
главный колокол Соловков.

Через пару конвойных миль
он шпангоуты проломил

и ушёл, утопив конвой,
и повис над морской травой,

и висит, не дойдя до дна,
соловецкая тишина

от него
одного.

РОВ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Конечно, не знать – большой грех,
но не желать знать – уже преступление.
Флоренский

Пляшет, пока не замёрз,
чёрноседой беломорский ворс.
Сходятся с краем край –
тот и этот припай.

Салма бушует, как жизнь, тесна,
всё тесней и тесней.
И останавливается на
несколько дней.

Штиль, мороз, туман синевы.
Сквозь – огненный серп:
то Голгофы кривые рвы,
то неправая смерть.

То паломниками ко Кресту
всходят костры ввысь,
чтоб отжечь мерзлоту,
возобновить мысль.

Чтоб захотел мозг
знать, – чего не хотел,

рвы ползут на погост,
каждый по триста тел.

КТО ТАМ? ЧТО ТАМ – во рвах?
Там спасенье Руси.
Взвидел и аз возвах:
виждь! – и не угаси.

НАШ КЕССОН

Ирине Ратушинской

Когда в какой-нибудь Одессе
ввиду печальных перемен
воспрянувшее мракобесье
посадит – ни за что – NN
и пожилая бегемотша
в коричневом и золотом
потычет в потолок перстом, –
почувствуешь в Якутске вот что:
тот самый прокурорский перст,
в России бывши в душу тыкнут,
достигнет самых дальних мест,
где только вякнут или пикнут.

...Они природу победили,
достав до главных хромосом,
затормозите наш кессон
в периоде Больших рептилий.
А если сверху слабо давят,
копатели кричат: дави,
а то пузырьки в крови!
Дави, Москва, а то беда ведь...
Теперь не время быть людьми!
Над нами гады-исполины!
Спаси и мордой нас вожми,
рабов своих, в пески и глины.

КОМЕТА ХЕЙЛА БОППА

Нас опять навестила Комета. Над Севером рея,
нынче косо глядит – или вовсе не смотрит на нас? –
помнит Ур и Афины, Гоморру и Гиперборею:
мы не нравились ей никогда и тем паче сейчас.

Унесёт исторический взгляд на дурную семейку
и померкнет Комета... Пространствует тысячу лет,
и, когда мы погубим жилище своё за копейку,
возвратится и в пепел вперит испытующий свет.
Божий разум велик, но случилось несчастье в природе –
человечество, непостижимое даже Ему...
Пушкин, музыка Моцарта, мраморы Буонарроти,
голос Беллы... Всё-всё упаковано, спрятано в коде,
в пепле, в ящичке чёрном, не нужном уже никому.

Карелия

ТРИ СЛОВА

О жизни, а вернее, о смертях
я думал – и над купами лесными
зависнул вертолёт со мной в когтях,
с моими чувствами, ещё земными.

Внизу на страшной ветровой волне
кусты и травы рвутся вкруговую.
Минута мысли полагалась мне
и пара слов, пока ещё живу я.

Вскипела и разбрызнулась вода,
расшиблась насмерть мирная козявка.
Мне совершенно всё равно, куда
меня уносит эта железяка.

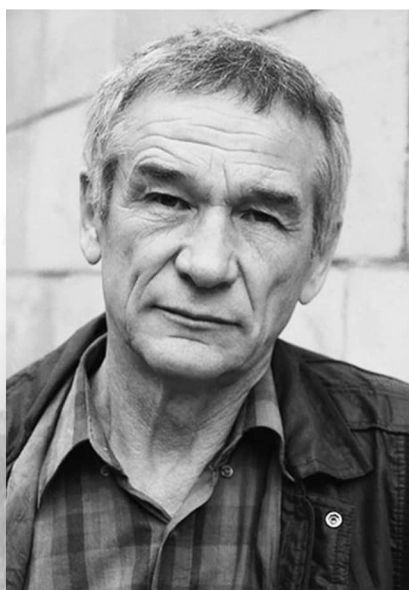
И тут ОНИ сказали мне: учти
и уложись в коротенькую фразу,
но без эмоций. (Там у них почти
всё как у нас и сдвинуто на фазу.)

Местоименье МЫ сменив на ВЫ,
я напоследок уношу во взоре
смятенье крон, приниженность травы,
потерянность и гибель инфузорий.

И потому я всё-таки найду,
найду НА ВАС несметную управу.
ЗА МНОЮ – ЖИЗНЬ – вот я имел в виду
что ВАМ сказать. А краткость мне по нраву.

VII

ИЗНАНКА СОЛНЦА

ИМЯ

И небылица былью станет,
Коли певец её помянет,
Коль имя ей умел наречь.
Вяч. Иванов

Люди были ДЕРЕВЛЯНЕ,
речка ИДОЛ в тех местах.
Первый ландыш на поляне,
словно имя на устах.
И терпения и скорби
накопилось на веку...
А теперь топорик в торбе,
костерок на берегу.
В мачтовое краснолесье
я вернулся как домой.
Ежеутреннее: ЛЕСЯ!
Первый ландыш, голос мой...

ЧТОБЫ ЖИТЬ

Вот — опять в этом пухлом конверте
тайну сердца на почту несу.
Адресату дарую бессмертье,
но от насморка не спасу.

Чтобы жить,
    надо знать:
        ЧТО ТАМ С НЕЮ.
С каждой болью отцовская суть
всё сильнее во мне, всё яснее.
Вот уж правда: **ЛЮБИМАЯ — ЖУТЬ!**

Не боюсь ни дуэли, ни плахи,
грех сказать: даже наоборот,
и живу-не живу в Божьем Страхе:
пропадёшь —
    пропаду —
        пропадёт...

Тут механика буреповала:
друг на дружку и все заодно.
ЧТО С ТОБОЙ??! Мне дыхания мало...
Что со мною? Не всё ли равно.

1977

АРЕНА

– Ты стал мне другом, – говорит Фазиль,
и просыпаюсь я с испугом:
тот голос, что слова произносил,
звучал так явственно! За звуком
спросонок я слежу
и никого в углу не нахожу.

Вот старости притихшая страна,
где победила тирания.
Вот книжек телефонных имена: иные
забыты насовсем. Пустеет звук.
– Кто это? – спросишь,
когда родное имя произносишь...

Какое множество разлук,
когда не можешь вынести – ОДНОЙ!
И бредит слух больной,
и голос мнится...

Но дружбы золотой запас
ещё хранится,
когда к единоборству нас
смерть позовёт сама...
Пусты трибуны и арена,
как ящик жестяной, где нет письма:
что? как? жива ли? нет? сойти с ума!
ЕЛЕНА...

Май 1997

РАМА

Резное небо близко-близко.
Его цепляют за края
пихты атласной обелиски
и терриконов острия.

Вздымает меховые сопки
крутая шорская тайга,
где с февраля ручьи на солнце,
а в падах по июль — снега.
Шумит порог — шум обмолота —
у мраморного дна — форель,
там арабески, позолота...
На солнышке теплынь — апрель...

Ты дремлешь. Веки лиловаты.
Костёр прозрачный у ручья.
Мне чудится, что здесь когда-то
мы были прежде: Ты и я.
Окружена всей этой рамой,
так Ты лежала, так шумел
крутой порожек, донный мрамор
и зыбился и золотел.
Дышали холодом распадки,
и я гляжу... И как всегда
шепчу я: СПИ, ЦАРИЦА СПАРТЫ,
ещё апрель, ещё весна...

РАКИТА

В откос правобережный,
в упрямый косогор
заречный ветер свежий
с разгона бьёт в упор.

В упор ему кренится
и дерево — идёт...
Отчаянно искрится
серебряный испод.

Кренясь, идёт к обрыву
по красному хрящу.
За эту душу живу
как лист я трепещу.

Вся жертвенно раскрыта...
И в небо — в честь Твою —
Твоя взлетит ракета
оттуда, где стою.

Ей просто невозможно
по осыпи сползти.

Мне страшно, мне тревожно.
Но я с Тобой. Лети...

с. Бахмут

ПРАВОБЕРЕЖНЫЙ ХРЯЩ

Жара. Сады занемогли.
Дышать! Земля раскрыла соты
и трещины в разводах соли,
где слёзы майские текли.

Правобережный хрящ высок.
Над пропастью ковыль белёсый.
Хрустальный раскалённый восток
дрожит над кромкою откоса.

Ей вровень ястребок парит
в широкой раковине ската.
Простор за Волгой говорит,
что здесь я был... давно когда-то.

Вот осокорь, седой, как пшат.
Ручья иссохшее изложье.
Валун в сухое русло вжат –
как я в мой бред – десницей Божьей.

По краю Смерти и Любви
в садах над Волгой мреет Бахмут.
Всё так же и всегда с людьми:
к обрыву подойдут – и ахнут...

Едва качаясь и скользя,
мой ястребок стоял на взмыве...
Ну что ж... Я знаю, что НЕЛЬЗЯ
ТАК ЖИТЬ, КАК НАДО: НА ОБРЫВЕ.

с. Бахмут

* * *

Ж. Г.

Что женщина не виновата
и вне закона и суда,
я уяснил себе когда-то
и повторяю — как тогда.

Грома гремят и хлещут ливни.
Сейчас звонок: «Вы жизнь спасли мне...
Алло... Благословляю Вас...»
Стихами — я — кого-то спас?

...Со мной мой многолетний ужас:
я погубил тебя... И вот!..
На жирную брусчатку рушась,
расплёскивается небосвод.

Так мне — возмездие? И тайна,
и милость велика сия...
Душа моя сентиментальна.
О Господи! Стихами! Я!
спас человека...

ОБРЫВ И НЕБО

Воронье, удалые гривачи мои!
Песня

Стихи,
спасёте ли меня,
как женщину спасли (тогда, в Одессе)?

Спасите!
Воя и стена,
я гибну в Бахмутовской веси.

Что – я? –
былинные богатыри,
как дети малые, в слезах тонули...

Над Волгой степь, и волны-ковыли –
метель в июле.

Кони! Эй вы, ну ли,
чего заснули? Шевелись-гляди!

Храпят мордovorоты-пристяжные.
Обрыв и небо у меня в груди.

Обрыв и небо, небо!

Воронье!

В РОСЕ И РОССЫПИ СНЕГОВ

Танцует ослепительный тореро,
и наземь рушится отвесный свет...
Мои видения блуждают. Мера?
Какая мера там, где меры нет?
Теперь плеснём на камни полковша —
где жар малиновый и золотистый —
и пар прозрачный с шорохом и свистом
из каменки рванётся как душа...
Врезаются уродливые тени
в копытами взрывае́мый песок,
и взглядов тысячное средостенье
сопровождают тягостный бросок
быка... Ленивый прогиб поясицы,
вихлянье бёдер — грация того,
кому играть со смертью и дразниться
НАДОЕДАЕТ. Только и всего.
И только словом прикоснулся тайны —
рог пропорол слепящую парчу...
Но видеть этого я не хочу
на потолке калёной чёрной байны,
где сажа — идеальный негатив
жарю выжатых небес Испании...
Косое солнце, снег позолотив,
выносит радужный парок из бани —
и Ты ныряешь в снег — свежа, смугла
вишнёвой смуглотой кровей цыганских.
Не вынесла разлуки — не смогла! —
ни заповедей вегетарианских...
Ты — всех своих грехов поверх и вне —
Ты, Господом назначенная мне,
вся — жар! вся — жизнь! вся — счастье! вся в волне —
в росе и в россыпи снегов парфя́нских!

с. Парфеньево

БЕЗ ТЕБЯ

Я живу тяжело и открыто.
Наполняется мой Колизей.
Я просеял сквозь крупное сито —
я отвеял неверных друзей.

Я живу далеко и забыто
в обаянии небытия —

без Тебя, без малейшего быта –
где вы, дочери и сыновья?

Понимаю Вас, Анна Андреевна,
полной мерой этой беды.
Никого – на песочке арены,
только ближе и ближе – следы...

* * *

Застыла, черна от нагара,
залившаяся смолой
высокая мачта-сухара,
задушенная собой.

Двойным стеснена перехватом
её волокнистая плоть,
пропитана мёдом и златом,
коль взглядом её расколоть

От комля до самой вершины
прекрасная скручена в жгут:
там слёзы её задушили,
и здесь они душат и жгут.

И я не люблю недомолвок
и, всем раздавая долги,
я занят, как тот физиолог,
сжимающий кулаки.

Я занят, и я умираю,
и знает парфеньевский лес,
зачем я бумагу мараю,
имею какой интерес.

Я занят: я выпущу вожжи,
ладони к лицу поверну,
на крыльях неведомой мощи
над лесом и долом вспорхну.

Свой опыт оставлю науке,
а в душу Тебе прошепчу:
Любимая... Подвиг разлуки
С ТОБОЮ... МНЕ... НЕ-ПО-ПЛЕЧУ...

ОТ ПОЛЫНИ ДО ПОЛЫНИ

А где мой дом? Где подо льдом
темно и бездыханно.
Плыву – и верится с трудом,
что мука богоданна.

Ночам подобны дни мои.
Плыву от срока к сроку –
от полыни до полыни –
ТА ВСУПЭРЭЧ ПОТОКУ.

Не затянуло бы ледком
живую глазовину:
там – на краю – Она, по ком
я стыну – стыну – стыну...

Там солнышко – а Ей темно,
как подо льдом запрета...
Чуть брезжит полынья – окно
НА ВДОХ, на волю света!..

1996—2000

ИСКОНИ БЕ ОГНЬ

Так что вначале было? Слово?

В черновиках у Богослова –
жаль, что теряются они –
я отыскал бы: ИСКОНИ
БЕ ОГНЬ... В славянском переводе
богоподобен самый звук!
В истоке был – и быть в исходе
огню,

не правда ли, мой друг?
Ещё бы: Ты же вся ИЗ ПЛАМЯ
И СВЕТА в тёмной нашей драме.

Из пламя слово рождено,
и в пламя слово обратится.
Тьма грозовая разродится
огнём. Иного не дано.

ЕДИНЫМ ДЫХАНЬЕМ

С бегучей искрою малиновые гольши,
железные проймы дверные от инея белы:
снаружи мороз... Столько сразу всего для души
от собственной смелости и простоты оробелой...

Неистовый жар из сучков выжимает смолу.
Дыши через веник. Он пахнет ангарской пихтою...
Вверху — невозможно... На корточках на полу
зажалась в комочек, прикрытая лишь смуглотою.

Слегка на прозрачные камни плесну из ковша —
вода в этом пекле от ужаса воспламенится! —
жар вылетит из камелёнки, клубясь и шурша:
— Тебе это снилось когда-нибудь?
— Мне это снится.

А полдень — Эллада морозная! Мы разошлись
с толпою так круто: сегодня мы — пара мишеней.
— А что, я вернул тебе девство?
— И детство! И жизнь!
Смеётся довольная. – Тише, не делай движений.

Сюда... молодец... узковат этот жгучий полкок...
и воздух тут... неприкасаемый, просто железный...
Дыши Ангарой: я с тобой был всегда, видит Бог,
но лёгкости не было этой – почти бестелесной...

Ты видела Индию предков, любимого ты
искала и в термах, и в страшных гемониях Рима...
Ты здесь. Я слепой – я не вижу твоей наготы.
— И я... Не поверишь – совсем!
— Потому что любима.

А помнишь: сиянье встаёт за горами грудей —
и он это видел: сиянье. Как страшно, как жалко —
совсем ведь мальчишка. Сорвался — слеза площадей,
заплёванных вечно...
В тепле одевайся... весталка.

Роса выступает... Оденься в тепле не спеша.
— И всё? — и смеется.
— И всё. Я тебя нарисую,
как только прозрею. Без красок и карандаша —
единым дыханьем. Иные художества — всеу.

Ты здесь, эту страшную зиму собой освятя...
О Боже! И я наконец до Тебя докричался!
...А лучше — простынку накинуть, прижать, как дитя, —
и так бы нести бы — до самого смертного часа...

Записи

ДИВЬЯ БЫ⁶²

Карта мира на голом полу
да Никола в углу —
весь уют.
— Ой, придут и убьют!
— А дивья...
— Мы семья, правда, милый?
— Семья.
— Где мы вместе — там дом,
и Николушка здесь...
— При семействе святом...
По экватору карта тепла,
наизнанку шершава.
— До Тебя меня не было,
я НЕ БЫЛА,
не была, хоть рожала.
— Как я дожил...
— Как я дожила!
НЕ ЖИЛА... НЕ ДЫШАЛА...

РОЯЛЬ В ИЗБЕ

Когда на озере волнение,
по смоляным широким плахам
колеблемого потолка
перебегают арабески,
но соскользнуть по стенке вниз
им никогда не удаётся.
Пол, свежавымытый с дресвой,
исходит желтизною влажной,
всё дышит: пол, и печь, и стены,
и озеро в окне, и я
дышу глубоко и спокойно,
забывшись...
Скорая побудка!

---

⁶² Хорошо бы (*олон.*).

Удушье... Слёзы... Все мои
нелепые картины... Вот
РОЯЛЬ В ИЗБЕ подслеповатой:
Ты — в белом вся и в блёстках света —
играешь — озеро на солнце
играет и спит... А вот
в болотных сапогах, в бушлате,
стою, МУЖИК, В СОБОРЕ ШАРТРА —
Ты наверху, в какой-то нише,
Тебя не видно — только хвостик
резинкой схваченных волос.
Мне шепчут: — Мсье, кто органистка? —
так месса потрясает своды
собора. Я шепчу: — Россия... —
И снова — подступает море
мне под ключицы... Страшно мне
быть каплею такой стихии.

Кругами выложена паперть,
чтоб на коленях по спирали
ты полз до покаянья. Так
на Соловецком берегу
по каменному лабиринту
кружил я с любопытством детским:
кто выложил улитку эту?
Где выход? Чёрные круги...
Мои колени гнутся...

Я
Тебе оставил эту строчку:
НЕИСТОВЫЙ БАХ СМЕРТОБОРЕЦ.
Понятно, прихожане Шартра
такого Баха не припомнят,
ведь шартрские органисты
не слыхивали,
как Байкал
ревмя ревет пред ледоставом,
а схваченный ледовой крепью,
поёживается от стужи:
тот гул, та перепалка, стоны
протяжных трещин... Не видали
тепличные провинциалы
гор, что вздымаются крещендо
правобережьем Баргузина,
ни Волжского хряща... В Тебе
всегда всё это, всё родное...

– Леся! Лесинька,
не подходи!
Но слепое лицо улыбается:
шаг совсем невесом.
...Наяву продолжается
страшный сон.

ПРОБА

Проснулся в полвторого –
сна ни в одном глазу.
Чья надо мною проба:
свезу иль не свезу?

Дорога всё прямее,
всё тяжелее кладь...
Мне б повидаться с Нею,
глухую боль унять...

Мне б коктебельский месяц –
их не было, таких –
сидел бы там как немец,
мудрец – от сих до сих.

Да я б содвинул гору
своих черновиков,
что гибнут без призору
для будущих веков!

Я был бы неослабен
и свыше вдохновен,
как Боря Чичибабин
у Лилиных колен.

Да я не озорую...
Да что вы – ну зачем?
Щебёнку соберу я
с подъёма на Перчем

и расцелую горстку
шершавого тепла...
Железная развёрстка
по времени прошла.

Совсем иная местность
лежит в моём окне.

Кому-нибудь словесность,
а ЭТО? – Это мне.

То самое, такое,
что ДИКО И СМЕШНО
настолько, что башкою
хоть высадить окно.

Кому-нибудь бумага,
дорога налегке...
У ГОСПОДА ЖИВАГА
так страшно в кулаке...

БЕЛЫЙ РОЯЛЬ

Медвежи шапки-острова
разбросаны по цельной глади.
Чёрносеребряные пряди –
берёзовые куржава –
всё озеро в таком окладе.
Апрель берёт свои права.

Апрель берёт права и власть,
пригреть – местечко выбирает.
Вот капля форму набирает
и не решается упасть
до завтра.

Завтра будет рань:
как площадь, лёд чёрнобульжен,
дым над избою неподвижен,
и дымчатой капели скань –

хрусь! – на зубах как леденец.
А зимник из конца в конец
накатан: где кольём проवेशен,
где ёлками, что вмёрзли в лёд.

Семёныч почту отвезёт.
Смышлён конёк его, неспешен.
Уедем утром, по зиме,
весною днём вернёмся с хлебом.
Фургончик синь под синим небом.
Хлеб дышит сладко. А в письме...
ДА БУДУТ ДНИ ТВОИ ЛЕГКИ...
И тут с конём вперегонки –

кто? – как пушинка – угадай-ка! –
летит по настам горностайка.

Синь-полдень, самая игра
всех мыслимых цветов по зерни
(я без Тебя всё суеверней) –
– Ишь, не боится ни хера! –

Накатан путь. – Степан, гони!
Давай, Степан Семёныч! – Ну-ко,
догонишь... Эн стрелят, как щука,
бывает, запрыгнет как лони
мне в санки... Этак по весне
шёл в лодке берегом. С пригорка
что змейка, так и вьётся – норка! –
и нырк – и по веслу ко мне:
дай рыбку!

Солнечный зверёк
поплавал в синеве и скрылся.
– Такой ли шустрый, а ведь крыса.
– Ну, ты, Семёныч!.. – Ну, хорёк.
.....

Жизнь без Тебя сойдёт на нет,
как быть должно. Мы это знаем.
Мне надо написать портрет:
рояль, ЕЛЕНА С ГОРНОСТАЕМ.

На струны только не гляди.
Так страшно: вскрытие груди
и строчки струн в один колтун...
Не надо трогать это сердце.
И в руки луч Тебе и зеркальце –
и лёгкий солнечный зверёк
помечется – и за порог!

СВЯТОЕ УТРО –

пробует кукушка
рассеянно – ещё со сна –
всё те же клавиши-полутона.
Трель дробную просыпала желна
с антенной мачты. Юркая пеструшка –
скворчиха в шубке обливной

и радужной – такая смушка –
скороговоркою с желной
соперничает. Наглая сорока –
вся исчерна-бела –
на врытый в землю стол наводит око.
Звонят к заутрене колокола.

Снег не сошёл ещё, и по-сорочьи
земля черно-бела с высот.
Вон лебединый караван плывёт,
снижаясь после перелётной ночи.
Их восемь. Описав огромный круг,
перечеркнув еловый тёмный полог –
меня слепит их резкий промельк –
на залитый широкий луг
они садятся, шумно-велегласны...
ОНИ ДОВЕРЧИВЫ: ОНИ ПРЕКРАСНЫ.
Отволгла крыша. Слабая капель
вплетается и в дятловую трель,
и в щёлкающую скороговорку
пеструшки обливной – и солнце в скворку,
взойдя над перелеском, луч
наводит красноватый...

Начнём же утро,
БОЖЕ СВЯТЫЙ –
начнём его сейчас и навсегда –
назавтра, на года, года...

Дробь дятла уморительно смешна:
невероятной частоты стаккато –
бьёт головой – а голова одна –
семнадцать раз на выдох!
Этой Т-Р-Р-Р-Р-АТЫ
нет, я не выдержу. А Ты?

Траву торопят первые цветы,
луга и речку поровняло –
проносит хлам лесной, проносит сало –
с шипеньем разрушающийся лёд,
проносит брёвна... Посреди поля
трепещет верба, тонет и цветёт!

Букет с запутавшеюся пчелою
внесу в избу и спящей Лесе
пыльцой измажу нос:
– ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ЛАВИНА

И свечу вознося, так легко угасимую,
и в столбе световом этот пеплум волшебный клубя,
я клянусь: проживу – выстою – провальсирую
всю сюиту, из света изваивая Тебя!

Как выносят дитя... Как возносит Нижинский
Анну – или как Белла доверена мне была –
восхищённо и боязно – бриллиант на ладони мужицкой –
не коснусь – как сосуда, выдуваемого из стекла...

Полагаю двухактным балет и не боле, не боле –
Милосердный Создатель всё это предусмотрел.
У терпенья не будет конца, но у боли
есть предел.

Дрогнет занавес... Дрогнул! И чёрная-с-золотом туча
кособоко – как тонут суда – колыхаясь, пошла...
И не тьма – рождены мы с Тобою для участи лучшей –
световая лавина, как Бранда, меня погребла.

ЗАНАВЕС, ГОСПОДА! И с Тобою, с Тобою! –
на руках вознесённой, спасённой в огне,
я стою – весь – блаженство, блаженство, сравнимое с болью –
беспредельной, дарованной мне.

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Тоненькая,
белоснежная –
слетает Мариина ручка
на тёмную руку супруга.
Вздвогнув, Иосиф
взгляда не поднимает,
лишь накрывает Мариину
Иосифова рука –
похожая, если взглядеться,
на пустынный пейзаж
с такыром и чахлой порослью.
Взгляд мужчины похож
на Мёртвое море: там
некий свинцовый слой
не всплывает – не тонет, –
не подымает глаз
на Марию Иосиф,

но Девочка ни при чём
в этой жестокой сказке.

ЭТИ КОЛЬЦА

Смиренье, смиренье, смиренье.
Всё прошлое перебелю.
Смирненное стихотворенье
придумаю, что не люблю.

Отрину больное и злое...
Мне ангелы весть подадут
о том, что Тебя к аналою
насильно сейчас поведут.

Смиренье! Но вестник ошибся,
ошибся мой ангел весьма:
с лицом жёлто-серого гипса,
в смирительной робе, сама —

«как странно невесту одели» —
сама жениха Ты ведёшь...
Тогда в полутёмном приделе
послышится внятное: ложь!

Так вот как закончилась драма...
И я, полумёртвый, уйду
из этого скверного храма
и женщину не уведу.

Смиренье... Но вздыбится паперть,
как палуба, встанет стеной —
и бурная Бездна-праматерь...
Но крики! Но вопль за спиной:

Твоё — в ослепительном круге —
лицо! — и меня захлестнут
родные, любимые руки —
жила ради этих минут!

Твой смех сквозь рыдания рвётся,
мелькают комочки-платки...
Никто не порвёт эти кольца —
объятья в четыре руки.

СПАСИ И СОХРАНИ!

И вот – она. И с нею – он.
Сошли по лестнице. Ступеней
четырнадцать. Их счёт сочтён.
Капризы вечных совпадений:
все числа, кратные семи,
всегда мои – мои семиты...

– А руку всё-таки сними.
Да, с талии.
– Что?!
– Да сними ты...
– Да как вы сме... Вы кто такой?

Моя рука с его рукой
срастаются в рукопожатье.

– Твой брат. Мы более чем братья,
кто мы, ЛЮБИМАЯ?

Подъезд
взгремел в семь ярусов. The rest
is awful... Кровь? Как это пресно...
Всё это было... Неизвестно
другое: что – она? она!..

Здесь прерывается созна...

– Мне жизни без тебя не надо! –
кричу ОТТУДА.

Тьма и чад.
А наверху молчат. Молчат.
Спускаюсь по ступеням Ада.
А он? Он зверь... Горят ступни.

Молчат.
– СПАСИ И СОХРАНИ!...

ПИСЬМО С ПОМЕТКАМИ

Уходишь? Уходишь... Как стоик,
сейчас я прощаюсь с тобой.
Лежу на диване. На столик
поставлена ванна с водой.

Рука пузырьками оделась.
Ещё горячо, но терплю.
Ты помнишь, как весело пелось:
«Прощай — погибаю — люблю!»
Такая была шансонетка.
Но если и вправду уйдёшь,
то кровь отворю. Здесь пометка,
подчёркнуто: ВРЁШЬ НЕ УМРЁШЬ.
Я знаю, тебя не осудят.
Записку сейчас отнесут,
и если ответа не будет,
то всё — и меня не спасут.
Но как же... — тут несколько строчек
расплылись лиловым пятном —
... я видел, что этот молодчик...
И сбоку ответ: ПОДЕЛОМ!
... которая долг забывает...
жена... НЕ ТЕБЕ Я ЖЕНА!
С насмешкой: ВОДА ОСТЫВАЕТ!!!
И с вызовом, ярко: ГРЕШНА!!!
То он угрожает, то просит,
то плачет... Меняется тон.
Конечно, она его бросит,
уйдёт — не сейчас, так потом...
.....
Не бросила. Почерк соседки.
Как маялись — так и живут.
Напротив, на лестничной клетке.
К себе никогда не зовут.
Бездетны, теперь уж до гроба.
За дверью всегда тишина.
И вдруг: НЕ ТЕБЕ Я ЖЕНА! —
старинная жаркая злоба —
и настезь распахнута дверь:
спускается вниз, спотыкаясь,
старуха, и воет как зверь —
УХОДИТ, в содеянном каясь!

ГОД БЫКА

Не пожелай... Не укради...
Но треугольник тот,
что бьётся у меня в груди,
мне рёбра прободёт.
Проходит Год Быка, и в лоб
такого рогача

никак не достучаться, чтоб
дошло: Она — ничья.

И чем насильнее взята,
тем более ничья
Та, Божьей милостию, Та,
в которой жизнь моя.
С Ней на устах и смерть легка.
Одну Её хранить
молю я небо... А быка
чего ж не подразнить?

Май 97

* * *

Я человек рифмованный и книжный,
но перед тем, как задохнуться мне,
вечерним поездом приеду в Нижний,
чтобы увидеть свет в твоём окне.

И после морока ненашей ночи
я постучусь в ничейное жильё:
– Да, это я – Владимир Леонович.

Вы ждали? Я пришёл к вам взять своё.

Увижу я по первому движенью
любимых губ, любимого лица,
имеет жизнь какое продолженье
или дошла до самого конца.

Пойму, кому какая вышла пёрка.
А ты как важенка или тетёрка
сиди и клавиши перебирай.

Сыграй мне Мусоргского. М н е сыграй.

Она вот-вот начнется, Пляска Смерти –
быть может, самый неподвижный пляс –
и станет ясно каждому из нас,
кто лишний в этом утреннем концерте.

Стена – картины – прялки – образа...

И я скажу, под образами стоя:
она – моя. Любимая. Святая –
и пусть отказывают тормоза,

я крикну: ты! Ты ей рубил крыла!
Она же здесь – из милости к злодею...
Она – и ты? Она как снег бела –
я счастлив умереть – любимым Ею!

1997

*Записи***СТЁПКА ДА ВАЛЬКА ДА ВАНЬКА ДА Я**

Наковальня возле дома.
До полночи Стёпка бил,
Вальке сделал ОХАЁМУ⁶⁴,
только руку порубил.

Рядом озеро. Прекрасно!
А в низинке вырыт пруд.
Стёпке думно и неясно,
отчего же щуки мрут?

Банька. Срублена на ять:
нет пазов, а только стёсы.
Щель: снаружи наблюдать
за Валюхой чернокозой.

Кто поверит — за женой?
— Ну ты, Степа, юморной:
где была да с кем стояла...
Эка нежность обуяла!

Возле байны хитрый ОЧЕП⁶⁵:
свайкой затыкать трубу.

Струнка в озеро и блочек:
чтобы Валька на горбу

не таскала в гору плахи,
чтобы с музыкой ведро
в воду плюхалось.
— Хитро!
— Для иё, для росомахи.

— Рёвнуешь? Попомни, брат:
РЕВНОСТЬ — ДЬЯВОЛЬСКАЯ СИЛА!
— Так пристигла — сам не рад,
как медянка укусила!

— Отопрись! Какая страсть?
— Видел! У меня ВИНОКУЛЬ⁶⁶!
Ванька шуминский вчерась
перед ею ровно гоголь...

⁶⁴ Охаёма — непонятно, что за изделие и зачем (*олон.*).

⁶⁵ Очеп — журавель над колодцем, тут — за банькой.

⁶⁶ Винокуль — бинокль.

— Ванька?! Ну поговорит —
и какой тебе убыток?

— Не видал ты ейных лыток!
Вот запрю — пушай горит...

— Этот ШКАНТИК? Ванька шумный??

Это ж ВЕНЫ! Синева...

— И гу-ляй от-се-до-ва! —
и дрожит, и взор безумный...

Пелус-озеро

ИЗ МОЕЙ КОЖИ

Дочь моя Катя, любимица Зайцева Славы,
законодателя мод и властителя дум,
я попрошу, сочинит Тебе летний костюм,
лёгкий, как слово ЛЮБЛЮ — я люблю это слово.

Мода пойдёт, очевидно, на узкую грудь —
руки свободно стекают на полные бёдра,
плечи откинута чуть, груди вольны как ртуть,
плечи открыты, и шея крылата, и гордо,

как у танцовщиц, высоко посажена голова,
сзади пучок чем-нибудь перехвачен небрежно.
ДЕЛО НЕ В ЭТОМ — мои ключевые слова.
Чем ненарочнее, тем идеальной одежда.

Подиум узок: по струночке надо пройти,
сжатых почти что не передвигая коленок —
плавно скользишь и выходишь из платья — почти
вся целиком — так выходит дитя из пелёнок.

Катька! Ты в русскую кожу одела мадонн.
Вот и на мне накопилась излишняя кожа...
Если не врут, ты с Мадонны взяла миллион —
Мало взяла! Леськин будет костюм подороже.

КАМЫШОВЫЙ КОТ

Ходит мягкими ногами
остранёнными кругами
камышовый кот —
ухом не ведёт,

потому что видит – ухом.
Сокращая круг за кругом
по спирали «Болеро»...
Издаёт его нутро

некий крик сладкоголосый,
звук, не свойственный коту.
Дура-утица в тресту
утыкает клюв курносый.

И в ответ на громкий крик
этой дурочки непутной
кот взлетает враскоряк,
выброшенный катапультой!

ТА САМАЯ

Мальш не плачет – он кричит.
Мальш ножонками сучит,
и головёнкой оземь бьётся,
и бабкам в руки не даётся.

И, нашибаясь друг на дружку,
они бессмысленно снуют.
Мальш кричит – ему суют
опять совсём не ту игрушку!

Две бестолковые гусыни
никак ребёнка не уймут.
Пришёл отец и понял в сыне
всё родовое в пять минут.

До иступленья, до икоты,
до хрипа, до... Ему впервой
слышны торжественные ноты
знакомой Скорби Мировой.

Той самой... Это Абсолют.
Ещё бессмысленно снуют...
Где ж та матерчатая Катька,
которая... Да вот она!

И наступает тишина.
И тут – и тут уж плачет батька.

*Записи***ПОКА ДЫШУ**

Я только мать. Меня нельзя обидеть.
Мой долг простой нельзя перерешить.
Решили... Ничего у них не выйдет.
Я только мать, обязанная жить.

Я не вольна в себе. Гляжу повинно
на их старанья. Что ни говори,
добра хотят... Но только пуповина,
связь всех времён, — здесь, у меня, внутри.

О, это велико и непостижно...
С великой жалостью на них гляжу...
Нет, у Иуды ничего не вышло —
и никогда... А я пока дышу,

и дни и месяцы плывут навстречу —
дышу — шевелится — седьмой, восьмой...
Я ничего другого не замечу
и не решу... О Боже! Боже мой!

Рассказывали мне... Я не забуду...
Как бредил Иисус... Как у одра
дежурил Пётр — и Бог просил Петра,
очнувшись: — Пётр! Пётр! Спаси Иуду!

Я мать. Я оболочка. Я обложка
великой книги: вам её читать.
Я на восьмом... Ещё, совсем немножко —
и всё. И нет меня. Я только мать.

* * *

И вот, любимую измучив,
лежит с проломленным виском
невыносимый этот Тютчев.
Вина? Какая? И на ком?

Но мраморное пресс-папье —
утешьтесь — пролетело мимо...
Отправиться в небытие,
погибнуть ОТ РУКИ ЛЮБИМОЙ —

когда бы так! Да я б без звука...
Но где же ты? В конце концов
и я задушен как Рубцов,
но не рука твоя – разлука...

СОЛЬ

Красив её намёт:
вся стелется – по-волчьи! –
собака-идиот
с душою, полной жёлчи.

Укусит? Клином – клин.
Кусай: не горше разве
страх будущих годин,
чем бред водобоязни?

Кусай – уйду навек
в Аральскую пустыню –
нормальный человек,
КАК ВСЕ ОНИ – отныне...

Забудусь – задышу
как встарь, во время оно...
Но больно укушу
однажды почтальона!

Там белая зима –
там соль везде, и, благо,
безводна и нема
слеза каракалпака.

Май 1997

КОВЫЛИ

Такая выходит разлука.
Никто нам не может помочь.
Полгода как старая сука
в воротах лежит день и ночь.

Всё тише дыша, цепенея,
лежит, но хвостом шевельнёт,

когда поравнявшийся с нею
прохожий невольно вздохнёт.

Всё жальче, плешивее, плоче
становятся день ото дня
её клочковатые мощи.
Такая мне вышла родня...

Тебя не столкну я в канаву –
пока прикопаю в снегу,
а после ты ляжешь по праву
на волжском крутом берегу.

Тот берег – земля меловая.
Белы, как дыханье земли,
обступят тебя ковыли,
метёлками в лад помавая.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОШЕНИЕ

И миру: что же ты не судишь?
И клиру: что же не клянёшь?
И щели глаз презреньем сузишь
и круто за угол свернёшь.
Повадка старого гимнаста –
свернув, не скрадывать угла –
подобна выучке танцкласса,
глядящегося в зеркала.
Как совесть, ты осиротеешь.
Как милость примешь смерть свою.
Шагами на слоги разделишь
последнюю Ектению:
Спаси, о Господи! Помилуй,
храни Её – в Ней жизнь моя...
И полнится любовной силой
последняя Ектения.

* * *

Я всё старей и безобразней –
Она всё краше и юней.
Она в народе всех прекрасней
с тех пор, как я пишу о Ней.

ЕСЛИ НЕТ ЕЁ

В день последний в декабре
я забыл Её.
В алтаре как в алтаре —
сушится бельё.

Двадцать минуло веков.
Грустный юбилей:
нет Твоих учеников,
рабби Назарей.

Никакого нет закона,
если нет Её.

Перемёрзлое до звона,
складчато-белоколонно
светится бельё.

Свод обрушен,
звёзды в храме.

И внезапными слезами
захлебнулась тишина —
как Персидская Княжна! —

нет, не Волгой молодой,
не студёною водой,
но обидой нестерпимой.

Стой, разбойник.
Так и стой
в лапах с мёртвою Любимой.

* * *

Копирку скомкай, а потом расправь
на тыщу вёрст – и ты увидишь въявь

изнанку солнца – ледяную тьму –
ночную каменную Колыму...

Так счастье собственное узнаёшь
лишь по тому, каков расчёт-платёж.

...Осиротей, последнее утрать,
так что не надо даже умирать.

Что значит смерть? Есть вещи посильней:
изнанка солнца, чёрного черней,

отсроченный стократно приговор...
Разлука на разрыв – и на измор.

АНЗЕР, ГОЛГОФА

Птица гордая, птица мёртвая,
широко вразлёт распростёртая –
Анзер – белый гусь – остров на́ море –
весь во льдах лежит, как во мраморе.

Налетает Вест, сокрушая льды.
Ох, декабрь-старик, время трудное! –
а взгляни на скол: там душа воды
бирюзовая, изумрудная.

А еловый бор как церковный хор.
А Распятский храм как живой костёр –
вся заря на нём протяжённая,
негасимая, незажжённая –
не рождается, не торопится...

Полунощная Богородица,
я молюсь Тебе и работаю –
сохрани-спаси Ты рабу Твою...

Пролетит весной чайка чёрная,
будет звать кого – не докличется.
Сирота в миру Мать Прескорбная,
Тень Голгофская, Всевладычица...

Я молюсь Тебе и работаю...
Сохрани-спаси Ты рабу Твою,
дни продли ея,
утоли ея...

ДВЕ СТРОКИ

Я загадал на Тебя.
Вот что сказал мне Исайя:
ИЛИ СПАСЁШЬСЯ СПАСАЯ
ИЛИ ПОГИБНЕШЬ ГУБЯ.

Много чудесного знал
сын прозорливый Амосов,
но посторонних вопросов
я ему не задавал.

Записи

КОСТЁР. СОН. ШЁПОТОМ

Как будто мы с Тобой в соборе —
знакомый: Шартр? или Дом?
Народ на площади. Идём
в пульсирующем коридоре,
в толпе...

Вдруг! нефтяным огнём —
КОСТЁР! Костёр мне снится часто...
Но вместе мы — какое счастье —
рука в руке...

Но я — одна!
А Ты в толпе — ТВОЯ СПИНА...

И стала бы я вдруг — старуха.
И нет мне радости — гореть...
Что это? Милый мой, ответь.

И он сказал: ХУЛА НА ДУХА.
Любовь — и вдруг такие сны?
Ты предаёшь меня. Неправда,
что мы в сомнениях не вольны.

И стал лицом чернее мавра
и отвернулся от жены.

Записи

ДАЙ ИМ, КЛАВКА

ЭТО ВАШИ ПРОБЛЕМЫ... Что за подлый словарь!
ВАШИ, ВАМ ГОВОРЯТ! А МЕНЯ НЕ КОЛЬШЕТ!
На перроне вдыхаю родимую гарь,
из кислятины зал ожидания вышел.
НЕ КОЛЬШЕТ – экзистенциальная суть,
что втесалась в язык так библейски картинно.

Вот и парочка, переходящая путь:
их колышет вчерашняя пьянка, вестимо.
Оба среднего рода, хоть ОН и ОНА,
и, пожалуй, разлаются без опохмелки.
— ЕСТЬ У КЛАВКИ! — А Я ГОВОРЮ, НИ ХРЕНА!
— КЛАВКА ДАСТЬ... Но мои наблюдения мелки.
Дай им, Клавка...
Рассеялся на пять минут.
Опрокинута жизнь моя, вырваны корни.
Может быть, монастырь — мой последний хомут?
Хоть бы так — только прочь из моей живодёрни!
Если воздух проглоченный... если слова...
если душу закрючат и вырвут наружу...
требуха наизнанку... собака мертва,
я видал... Как же так?
Я Ж ВОБРАЛ ТЕБЯ В ДУШУ...

Май 1997

СОВЕТ И ПРОСЬБА

Не отдавай всего, что просит
издатель. Простенький секрет,
а золотой...

Целую след
Твой каждый на земле, что носит
Тебя и бережёт от бед.
И мой хранительный совет
жердинкой пусть над топью ляжет.

Володи Соколова нет,
и кто теперь такое скажет
любимой женщине своей,
ВСЕХ дочерей и сыновей
гурьбою в люди выводящей —
стихи и прозу всех кровей —
для добросовестности вящей...
Душеопасен всепросящий.

Сидишь с прикушенной губой
и возмущаешься: «гурьбой»!
Я вправду землю расцелую
перед Тобой на тропе,
я счастлив слушать Аллилуйю,
в сердцах поемую Тебе —

лишь Ты не слушай! Слово в слово
я эту просьбу повторю.
Ведь нет Володи Соколова...
ВОЛОДИ НЕТ... Что говорю!

ТРУДОВЫЕ ЧАЕВЫЕ

Сумасшедшая собака
набежала кособоко,
зубы ржавые слюня.
«Берегись водобоязни» –
испугали ваши басни
земноводного меня!

Не коси текучим глазом:
и меня замучил разум.
ПОНИМАЮ – и молчу
про безбожную разлуку,
про возлюбленную суку:
ИЗМЕНИЛА – зарычу...

Знаешь, с кем? С официантом:
белый пенжик, брючки с кантом,
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ,
Every time at your disposal...
Перед НЕЙ на брюхе ползал –
я – скажи мне – или нет?

Я... До ужаса вменяем!
Ну, не надо, ну полаем,
ну – как хочешь, помолчим...
Утром моют мостовые –
он несёт ЕЙ чаевые,
чаевые – трудовые,
пахнувшие чёрт-те чем.

Записи

ПУШКИН

— Что делаю? Я вас лечу.
— Я Пушкин: я жить не хочу.
— Я смею...
— Не смеете сметь —
я требую права на смерть!

— Я понял, но ваш интерес...
— А я повторяю, что без...
И дикий безвыходный рёв
разгонит сестёр-докторов:
до ИМЕНИ только дойдёт —
и корчится весь, и ревёт!
Затем переходит на всхлип,
затем отключается.
— Влип
как муха. Поддозы ему..
Царевна живёт в терему.
По Ней тосковал он и чах,
чьё ИМЯ в безумных речах
рыданьем на волю рвалось
и пеною губ запеклось,
чей лик — на лице мертвеца,
державшегося до конца.

САД ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

Свобода, солнышко, покой.
Зелёный домик над рекой.
Летит дыхание реки
сквозь яблоневый сад.

На белых яблонях висят
мои клеветники.

Под яблонями, как в раю,
гуляют клеветницы,
процеживая жизнь мою
сквозь зубы и ресницы.

Один тяжёлый клеветник
подвешен прямо за язык.
Он принимает форму груши,
он производит звуки «му»,
когда я говорю ему:
не лезь в чужую душу.
Не бди с фонариком в ночи.
На мёртвого не клевети.
Не прикасайся к тайне.
Не делай из неё хулу.
Не стой с товаром на углу.
Читай Христа и Хайнэ.

А на могиле у того,
чьего плевка не стоишь,
у друга моего, –
ты на колени встанешь.

САМ!

Вы правы, правы, но не дай
вам Бог испытывать на деле,
чтоб донимал вас негодяй
и не годился для дуэли.

«Будь выше сплетни» – я бы мог...
Нет, не могу: ведь речь о Даме –
как – Даме – на спине – годами
носить серебряный плевок?

«...И никогда не делай сам,
что должно слугам предоставить», –
но, Бог мой, Свет мой, Александр
Сергеевич, не Вам лукавить! –

Сам! И срываешься на крик,
ничем иным не озабочен:
да не сотрёт Твой клеветник
со щёк следы моих пощёчин!

ЕДИНСТВЕННАЯ ИЗ МЕЛОДИЙ

Он не спал, он термометры ставил
Ей, горевшей не в этом огне...
Кто меня на погибель оставил
задышаться в карантине?

Он ей кутал хрипящее горло,
слушал страшный предательский бред...
Кто он Ей? Всё равно, кто угодно,
но не я, я – которого нет.

Плачет, бредит каким-то «Володей»
и впадает в целительный сон.
По единственной из мелодий
слышно всё ж: это я, а не он.

Что мне жизнь? Ты мне жизни дороже.
Что мне эти надсадные дни?
Боже! Боже мой! Господи Боже!
Все возьми – а Её сохрани.

Я Его умолял о спасенье –
исполняется всё по мольбе:
мне – Твой жар и минуты забвенья,
от любви исцеленье – Тебе.

ПРОБА

Александру Гордону

О чём я поведаю миру,
поведано миру давно.
Алеко бросает Земфиру
с балкона – так надо в кино.

И женщина, голос срывая,
кричит: УМИРАЮ ЛЮБЯ...
И, чудом сюда успевая,
внизу я хватаю тебя...

Неправда. Вернёмся в квартиру,
похерим романную чушь.
На КАЮЩУЮСЯ Земфиру
взирает с презрением муж.

Он плоский, как тень на обоях,
он чёрный, он выжжен дотла.
Черны его мысли: ОБОИХ –
обоих она предала.

Сценарий заброшен. По ходу
ОБРАТНО пошёл импровиз...
Сыграет Любовь и Свободу
лишь тысячная из актрис.

Художник, что значит фактура?
Всего-то и только: ДУША.
Ужасно пищит эта дура,
хоть в сетку летит с этажа.

* * *

...но если...
Пушкин

Христианин, при каждом чихе
желай здоровья (палачихе) –

загоним слово в черновик.
Как – здесь – мне – чих,
так – там – ей – ик.

И пожеланья полетели
к тебе, к тебе – где б ни была,
в какой бы – ла-ла-ла – постели
ла-лала-лала-лала-ла

Воистину... Господь шутник,
и в мире происходит что-то,
покуда бьёт тебя икота,
в тот миг, тот самый Аугенблик...

но никакое в мире слово...
ну и не надо... будь здорова!

ОТЕЛЛО

Что СЕРДЦУ ДЕВЫ НЕТ ЗАКОНА,
известно и старо как мир.
Предательницу Дездемону
представил ангелом Шекспир.

Он поступить не мог мудрее,
а бедный мавр, уже старик,
в сердцах повесился на рее,
сдержав последней боли крик.

Душить? Любимую? Ославить?
Навеки? Боже сохрани!
На белом горлышке оставить
такие чёрные клешни?

Отелло – воин и поэт
из редких, тех, что НЕ ОТ МИРА.
Что за беда, что правды нет
и нет законов для Шекспира?

* * *

Жизнь прекрасна
дотла.

Только искра погасла,
которая лес подожгла.

Лес был старый,
своё отстоял.

Беглый ярый
пламень кроны объял,

накатил как цунами
и схлынул потоп.

Это мы. Это с нами.
Потом... А потом –

чернолесье
чадящих свечей.

Это – мне. Это Лесе,
чужой и ничьей.

* * *

Серебряный тяжёлый кубок
похож на колокол молчащий.
Кто я? Что я?
Я без неё – обрубок
кровоточащий.

А кровь, свежа и горяча,
и рвёт, и рвёт фибриновые пути...
Кто эта женщина?
Дитя минуты.
Несчастливая,
ничья.

* * *

Возчик изматерился: чёрт ли попутал –
взялся везти такой несуразный гроб.
Был переулочек крив до того и утёл,
что похоронная колымага не вписывалась в поворот.

Ну, дотащились, домучились, едва дотянули.
В глину парную – яму, выкопанную сапожком –
эту гробину-мать насилу вдели-втолкнули.
Холмик охлопали, забелили снежком.

Та, что пришла одна и пропадала поодаль,
прячась в моржомордый смешной такой капюшон,
воздуху набрала – и торжественный вопль
тучей сорвал с берёз загалдевших ворон.

Это любовный вопль исторгают голосовые блоньи.
Звук на свободе – звук ликует сам по себе,
идельно укладываясь в златоствольное однотонье,
как я – в тоску по тебе,

по тебе,
по тебе!

Если б тогда ТАК меня ты любила...
Каменно напиваясь, божился возчик гробов,
что мертвец невелик, но страшная, огромная эта гробина –
будто навыворот – ха-ха! – такая, видать, любовь.

* * *

С глаз долой – из сердца вон –
словно пушкинская фраза.
Трезвость – это, брат, зараза.
Трезвость – это чёрный слон.

Мир отмстителен и слеп,
разъярён твоим искусством...
Потому что ты нелеп
со свои Великим Чувством.

* * *

Туда звонить – напрасный труд,
там трубку ЧТО-ТО не берут.
С любимых взятки гладки.
Уходит сердце в пятки.
Туда звонить я перестал,
а сердце рас-топ-тал.
Там было много крови,
теперь оно мертво...
Мне в жизни больше никого
не надо было, кроме

Единственной, кому звонил,
кого я сам же сочинил,
не выходя из мастерской
четыре с лишним года, —
с такой отчаянной тоской,
любовью
и свободой.

ДОЧЕРИ КАТЕ

Опилочная каменеет грязь,
и дремлют на приколе лесовозы.
В лесу свежо и тихо. Ободрясь,
душа опоминается от прозы.

Ломаю звонкий утренний ледок.
Октябрь-ноябрь. Серебряной порою
я наконец-то ничего не строю,
не затеваю. Нероботь, ходок.

Слежу, как льдом становится вода,
торчу над замерзающею лужей,
соображая битый час досужий,
как трудится внутри изнанка льда,

где в анкерные стяжки и прожилья
воплощены разумные усилья —
и чёрно-белый ледяной витраж
Катюшке в Рим пошлю — такая блажь.

ПОРУКА

Муре, Сахе Ревичам

Мне рассказывали старики, мученики лагерей,
что спасались они всему вопреки — МОЛИТВОЮ МАТЕРЕЙ.
Я это знал, потому что мог неправую смерть заклать,
стиснув волю в слепящий комок, Твою призывая власть.
И пока я ЭТО в себе носил как молнийное ядро,
мы спасли с Тобою, Господи Сил,
младенца Марию,
младенца Сандро.
Но когда... Когда ту, одну, девочку я не спас,
я познал НИЧТОЖЕСТВО И ВИНУ — во мне они и сейчас.
Эта пара — тоже Твой дар, Творец...

Упираюсь морщинистым лбом
в морщинистый выветренный торец на берегу пустом:
часовенка утлая, в глубине иконка — слепой левкас.
А кто-то молил Тебя обо мне — и весной меня Ты спас.
Теперь спаси, я Тебя молю, детей моих, жену мою,
и Ту, что молитвой меня спасла и всю жизнь меня прождала...
Ещё спаси, я Тебя молю, Ту, что больше жизни люблю,
а меня накажи, коль сочтёшь за грех,
что любви хватило на всех.

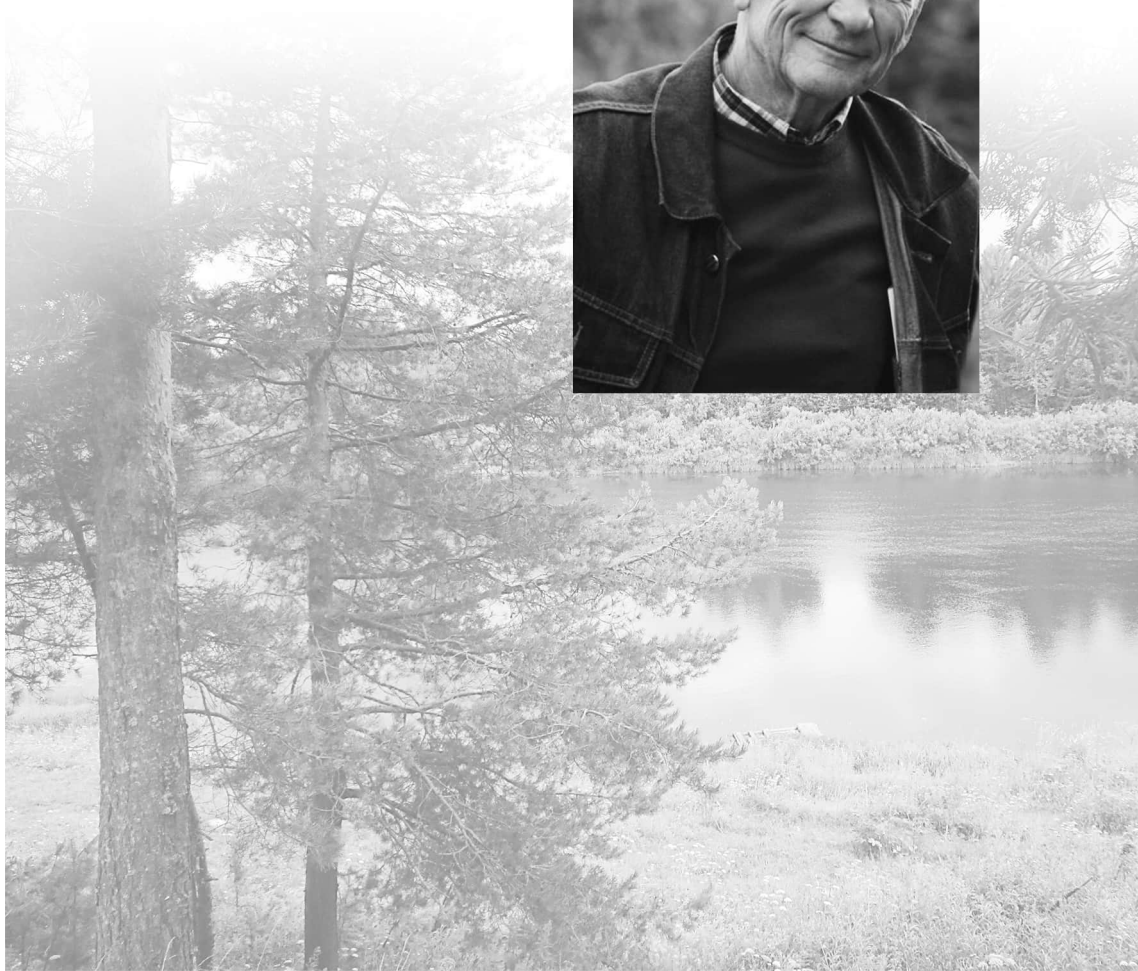
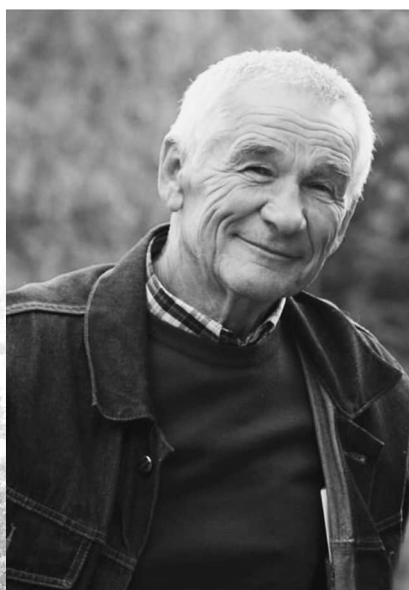
Июль 97

VIII

НАМ ПУШКИН ТЬМУ ЗАГОВОРИТ

---

* * *

Игорю Дедкову

Во все концы дорога далека,
но в зрелые черты сумей взглядеться —
и различишь прекрасного младенца.
Сморгнёшь — и угадаешь старика.

И возраста у человека нет.
Я это видел в ясные минуты
посередине той тяжёлой смуты,
что мы зовём вершиной наших лет.

Я возрасты мои в себе несу,
и, как деревья в лиственном и хвойном
ноябрьском или мартовском лесу,
они толпятся в беспорядке стройном.

ВЕТРОМ И ПЕПЛОМ

Олегу Чухонцеву

Поэзии определения нет
ни в книге учёной, ни в чистой природе —
чего же торчит на задворках поэт,
как пугало на огороде?
Пусты рукава, и дыряво чело,
и сооружение как таковое
давно не пугает уже никого и
качает ведёрком невесть отчего.

А в небо выходит окно слуховое,
«где нечего слушать и нет ничего».

Лишь ветра напористая излука,
бывает, такого нашепчет мельком,
что рвётся по следу неясного звука
живая душа — и летит прямымком...

Увалом лесным переломлена трасса,
как ствол кипариса и ход Китовраса,
как бьёт в подколенки прикладом конвой –
и стонет и воет проём слуховой.

Ты слышишь? Опять... Неизбежный Некрасов –
постылая проза, прикрытая чуть.
Срастается сломанный путь китоврасов
горбом, абы как... Духота – не дохнуть,
затем что не вьюга бушует, а свалка –
такой ли ты волею бредил, бедняк?

Уже не смешно и не страшно, а – жалко,
что время кончается мусорно так.

Как пьяный, шатается амфибрахий,
и свалка бушует, и ночь несветла.
И сводит молитва взыскующих братий,
и жалость все наши молитвы свела.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

Ну что же, Пётр, ты размыслил здраво
и ты души пред миром не таи.
Ты уцелел, чтоб совершить во славу
Учителя – деяния твои.

Ты поступил как муж. А Он – ребёнок –
предался им, и крест Его давил...
Страдали вы и ёжились спросонок –
а Он тебя уже благословил

на первое деянье. «Отречёшься» –
сказал как приказал. И повторил.
Послушный, ты отрёкся. Не тревожься,
апостол: ты как надо поступил.

Но каждый раз на петушиный окрик –
небесная полоска голуба –
в мозгу твоём шевелится апокриф,
и пятится назад твоя судьба:

ты молод, ты не написал ни строчки,
от рая не видать тебе ключей,
ты не отрёкся, ты без проволочки
тогда предался в руки палачей.

И залегла грядущего основа
совсем иная, надо полагать.
Имел ты дар: КОГДА ДОШЛО ДО СЛОВА,
ТЫ НЕ СОЛГАЛ, ТЫ НЕ УМЕЛ СОЛГАТЬ.

АВТОРУ КНИГИ «ЛЮДИ МОЕЙ ЖИЗНИ» ТАМАРЕ ПАВЛОВНЕ МИЛЮТИНОЙ С НИЗКИМ ПОКЛОНОМ

Кто я? Человек бытия.
Под спудом на дне захохотья
чиста ледяная струя,
тиха, как Великое Устье.

То жизни Священный Байкал
высоко стоит надо мною.
Я Правды Последней алкал —
я распят её глубиною.

Затем, чтобы ныне и впредь
сквозить по-над-водным туманом,
зеркальным обвалом лететь
над сорокавёрстым Шаманом.

Отматывать каторжный срок
у каждой запруды злодейской
и помнить Священный Исток
в исходе Губы Енисейской.

ПЕСНЯ

Анатолию Жигулину

Кабы дали три жизни да мне одному,
я извёл бы одну на тюрьму Соловки,
на тюрьму Соловки, на тюрьму Колыму,
твоему разуменью, дитя, вопреки.

По глухим деревням Костромской стороны
исходил бы другую, ХОЗЯИН И ГОСТЬ,
на студёной заре ранней-ранней весны
в сельниках мне так жарко, так чутко спалось!

Ну а третью отдал бы чёрно-белым горам,
и друзья бы меня величали: Ладо...

Сколько раз бы я жил, столько раз умирал,
ну а как умирал, не видал бы никто.

Я бы так умирал, как заря ввечеру,
уходил-пропадал, как больное зверьё...
Только раз я живу, только раз я умру,
а потом я воскресну во Имя Твоё.

В ЭТОМ ДОМЕ

Чуть Шелоник шелохнётся,
Баргузин забаргузит, –
никакое мне сиротство
в этом доме не грозит.

Сколько по свету ни бегай –
за любовью, от любви, –
в ТОЙ ДЕРЕВНЕ над Онегой
поопомнись... поживи.

К девятнадцатому мая
занавестится земля:
– Дай-ко заступ, бабка Маня, –
даст и косу опосля.

Ляжет след мой ранней ранью
по межине луговой,
по родному мирозданию,
где пропал я с головой, –

и над пожнею туманной
свет постелется ковром –
кумачовый, златотканый,
жаркий, свежий, послебаннный,
не описанный пером!

ПЕЛУС-ОЗЕРО

Просторно, пустынно, и здесь ты крылат.
Поднявшись легко над излучкой озёрной,
мысок оплывём и окажемся над
лавиною ветхой, над баенкой чёрной...
Ноябрь. Светает с трудом. Поглядим,
не выбьется ли где-нито над избою
дымок? Но по осени край нелюдим.
Дома заколочены. Белой крупую
помечены ямины и колеи.
По заберегам – как разводы агата...

Вы где, старики, где старушки мои?

Чернеется лодочка продолговато.
Десяток домов на мысу коренном,
один с развалюхой – в моём заозерье.
Дворина – квадратом, колодец – пятном...
Печальное было у вас новоселье.
На двух берегах мал-не сотня дворов,
хозяева коих за лахту уплыли
в лодейках еловых под полог и кров.
А кто убежал, а кого уводили.
От Бога ли срок, от людей ли указ.
Снежок, замети, забели мою горесть!

Осиновым белым огнём распалась,
сквозят облака. Через хвойную прорезь
вот-вот проблеснёт... Там церкóвка была:
где старый погост, бугорки – и стояла
там роща еловая – вся полегла,
как церковь спалили. Такого повала,
как помнят старухи, ещё не бывало.
По тихой погоде настало темно,
был крутень страшимый – и всё сметено,
всё смерчем повыворочено наизнанку,
иные могилы... Как церковь снесли...
И день-то был тихий,
и спать уж легли,
а встали – себя не узнать спозаранку.
И только икону одну и спасли
от Божьего гнева. – Баб Лиза, не ты ли
спасла-то? – И Лиза отвечает: – Но!
Твоё корбозерское тонь ни родно –
как слышу – так счастлив, родная. Да вот
не знаю твоих мелодических нот,
как Мусоргский. – Кто? – Ох, когда же дойдёт...
Как Мусоргский мог бы – не я передам.
Сегодня, тем более...

Глухо...

А там...

НЕГОДУЮТ!

Семеро вас было и один
в первых числах мая на Полومه.
Чуть поодаль плавал лебедин
на раздольном луговом покое.

Исполать, я думал, исполать
вашему доверчивому стану!
Вам лететь НА ЗЕРКАЛЬНУЮ ГЛАДЬ
ЛЕДЯНОЙ ПОЛНОЧНОЙ ТРОЛЛЕТАНЫ.

...Октября последнее число.
Возвращаетесь, но что-то поздно.
Беспорядочно, крикливо, слёзно
обсуждается – какое зло?

Как вы потеряли сразу трёх:
в камышовой лужице – пятёрка.
Выхлопы моторов, пёсий брёх,
ваша сбивчивая скороговорка.

Птицы не таятся от людей –
негодуют! Вслушиваюсь, вижу:
близко в сумерках белеет – ближе,
чем на выстрел, – стайка лебедей.

АКВАРЕЛЬ

Размытая сиреневая высь.
Три дерева над мостовой сплелись,

и дальний ствол – раздвоенный, кривой –
я вижу – падает вниз головой...

Такая прихоть линий и теней –
и первый видящий повинен в ней.

Отбрось твой глаз, как сказано – и прочь!
Но ничему уже нельзя помочь...

Земля и небо – всё во всё вросло.
Под акварелью – имя и число:

простёрты ветви на ущербе дня
задолго до паденья, до меня.

* * *

Тот живописец образцовый
имел единственную блажь
и краскам предпочёл свинцовый
подслеповатый карандаш.

Болея мыслью отвлечённой
навлечь цвета на белый грунт,
минуя цвет, – он принял труд,
для колориста обречённый.

А солнце как? А небо? Море?
На это всё сошла зима.
Вот поле, кустик на угоре,
простора серая кайма,

и лес вдали, и деревенька,
оконце словно уголёк.
Вблизи светлей – вдали темненько,
и через поле путь далёк.

Идёшь, идёшь... Из-за поката –
труба, изба в конце концов.
Оконце правда красновато,
и только карандаш свинцов.

ЧЁРНОЕ ОЗЕРО

Лесное озеро черно.
Вода в нём чистая и жуткая,
и кромка торфяная чуткая
бежит по берегу, и дно

уходит глубоко под берег.
Он зыблется, плывёт, висит.
Чем тоньше он, тем мягче стелет.
Берёзка слабая стоит
и клонится, прошив торфяник,

кореньями. А где ж земля?
И сохнет деревце, и вянет,
нужды своей не утоля.

Пойдёшь за клюквой, за брусникою
да в озеро уткнёшь глаза.
А долго, слышь, глядеть нельзя
в такую воду дикую.

А озеро черным-черно.
Свершится смертная работа:
обволокнёт его болото,
сомкнёт над ним второе дно.

И, ни жива и ни мертва,
вода застынет каплей чёрной,
пока ей не протянет корни
разрыв-трава.

ТРОИЦКИЙ СКИТ

Я замечаю пятый год –
или шестой? – однако, пятый
на кошенине благодатной
какие-то другие пятна,
где ни травинки не растёт.

Я вспоминаю строчку о
земле, что в ЛЫСИНАХ БЕССИЛЬЯ⁶⁷,
где не родится ничего:
всё черти наголо скосили!

Трава душиста и сладка,
и вот пятно: разводы соли,
но ни оленьего следка
на чёрной голизне мозоли,
ни муравьиного глазка.

Иду кривым прокосом... сбой
дыханья... Рыта как бы оспой
земля – то ли киркой погостной,
то ль чёртовую молотьбой.

На запад за торцом скита
лежит обидище⁶⁸ такое.
Всё выкосил – лишил покоя –
кого? – ни камня, ни креста...

Веретенообразный стог –
фамильный – узок и высок.
Вкруг стожарá танцует Митенька⁶⁹.
Стожок в подобие термитника
иль сахарныя головы –
когда-нибудь видали вы?

---

⁶⁷ Боратынский, «Осень».

⁶⁸ Обидище – неудобь (*олонецкое*).

⁶⁹ Митенька – сын автора, лет 15.

Зима – голодная пора:
стог догрызут до стожара –
висит и снега не касается –
так высоко к весне завис –
кормил олешек, зайцев, лис
(лису через посредство зайца).

•

Коса – особая статья.
Находишь стволлик для косья,
чтобы сучки: вперёд и влево.
Подсохнет – косовьё заклинь,
подбей, послушай: динь-ди-линь! –
а без косы – какое лето?

Чтобы сливались звон и звон
самой косы и косовища...
Лежит к заливу лёгкий склон
тюремного, увы, кладбища.

Кипрей зажжётся к Петрову.
Коси, косарь, да помни кстати
завет: ПОСЕЙТЕ НАМ ТРАВУ⁷⁰,
А ПАМЯТНИКОВ НАМ НЕ СТАВЬТЕ.

•

Травы на Анзере – по грудь:
природа нас опередила...
Но вмах косою не ширнуть:
в траве то камень, то могила.

Могилки: много, много их...
Нет, здесь не черти пировали –
здесь, горемычные, своих
младенцев бабы зарывали.

Был человеческий росток –
поднимет баба камень – скинет
и кровью обольёт... Мой стог
вам, бабы, в память – да не сгинет! –

КУДА Ж ЕЙ ДЕТЬСЯ? А в губе
белёк резвится кареглазый,
и детские его проказы
так много говорят тебе...

---

⁷⁰ Александр Гладков, стихи 1952 г.

А то пятно – да не одно –
те солонцы чернобелёсы.
Храни, земля, и кровь и слёзы,
храни – тебе не всё равно.

Записи

ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С БАБКОЙ АННОЙ, ГОЛОС ЕЩЁ В ВОЗДУХЕ

ИЛЫИН ОСТРОВУШКО БАЖОНОЙ
ТОНЬ МАЛ — ДАК ОН И НЕ ДЕЛИЛСЫ.
ПАХАЛСЫ. РОВНО ПУХ — ПАШОНОЙ!
КОСИЛСЫ. КАК ЖЕ НЕ КОСИЛСЫ!
И выцарапывала камень
ОШШО ТАКА ВИЛАНЬЯ СОШКА,
и обступал валунный рамень
поля, осевшие немножко.
ИНОЙ ТАК ДВОЕМА БЫКАМИ
ИЗ ГЛУБИНЫ ВАЛУН НЕ ЗДЫНУТЬ.
ОШШО И ГРЕХ... НАРОШНО КАМЕНЬ
ТАШШЫШЬ – КАК НАДО БАБЕ СКИНУТЬ.
Подзол да МЕЛЕНЬКОЙ КАМЕШНИК
накормлены за три столетья.
УЖ КАК НАСЕЛ НА НАС КРОМЕШНИК,
ДАК И САМИХ В ХОМУТ ДА В ПЛЕТИ!
У НАС-ТО ШТО – У НИХ-ТО ВОЙСКО!
У НИХ ПРИ ЖОПИНЕ НАГАНЫ.
ВСЕ ЧЁРНЫ – НЕРОБОТЬ СОТОНЬСКА –
ВСЕ КОЖАНЫ КАК ТАРАКАНЫ...
Борами затянуло густо
все пожни после супостата.
А не бывает место пусто
какое место было свято.
ШТО БЫЛО – ГДЕ-НИГДЕ ХРАНИТСЫ.
ВСЕ НОНЕ ПАШНИ ОСТРОВНЫЕ –
БОРЫ, БОРЫ, ДА ВСЕ – ГРИБНИЦЫ,
ДА БЕЛЫЕ! ДА ЯДРЕНЬЕ!

* * *

Рузанне

Но для тебя полны значенья
моей грамматики мученья,

когда ныряет в омуток
с разбега речевой поток.

Тропинки шёлковы и колки,
а всплески речки-балаболки
всё громче глушит водопад,
и влажный свет восходит над

разорванной струёй потока,
над мрачной глубиною лога,
в вечернем небе, как душа,
бледнеть и гаснуть не спеша.

Всё ярче, ярче – ореола
из брызг мелкого помола,
и здешний мельник – чёрный вран –
мне добрый друг и верный брат

в единой памяти-печали,
когда, багровыми лучами
как бы расстрелянный в упор,
весь озарён сосновый бор.

ПРИЛИВ

Летит, вздымаясь, вал нагонный
по отмели пологосклонной.
В ночь полнолуния прилив
доходит до гранитных грив,

до яркой полосы заклатья,
до кромки траурного платья –
и вспять с полуночных высот
слезами ропота сползёт...

Недаром я живу богато:
Хозяйкой Острова когда-то
валунная одна гряда
подарена мне навсегда.

Во взрывах брызг, в безумной пене
уходят в глубину ступени,
скрывается лицо луны –
и сердцу страшно глубины...

Соловки

СТУЖА

Рука поднимется – и палка
сама ударит, как боёк,
и Волга лопнет поперёк,
и малых трещин перепалка,
как стая галочья, слышна.
Однако тот глубокий, влажный
разрыв глухой и вздох протяжный
всё вспоминает тишина...

* * *

Работа разрывов, разлуки труды
вздвигают коростовый слой до руды.

Где бор золотой? Где сиротский колок?
Прошла борозда борозды поперёк.

Надрался и скалится крюк-шпалодёр,
чей дьявольский изобретатель мудёр.

И гибнет и дышит последней листвою
повал поперечный, повал долевоу...

За рваным туманом – косые кресты
с отлётной, ненастной моеу высоты.

СИЛОЮ НЕЛЕПОСТИ ВЕЩЕЙ

Терпение и мужество!
Ещё не вышел срок.

На всём пространстве ужаса
остался островок.

Увижу землю милую
и доплыву до ней

уже последней СИЛОЮ
НЕЛЕПОСТИ ВЕЩЕЙ.

Травушку не хают, водушку не хулят,
хоть сивун те, хоть лишай, земляная цвель.

Семь домов, десяток душ, четыре коровёнки.
Лён-заводик развалился и давно затих.
Прошлого останки, полова-одонки –
кабы только не обидеть стариков моих...

Стариков-слабаков зайцы залягают...
Всё бегом ты, бабка Ольга, – панешь на бегу!
Добегут до пенсии – дальше не смогают,
но велит им родина через не могу.

Записи

СЁСТРЫ

Т. И.

Эта кобылица хороша.
Вскинет голову и смотрит гордо.
Но привыкла с детства: просит корда.
Где привычка? Где сама душа?
Эта хороша... Но лучше – та.
Та не терпит корда, ни хлыста:
встанет, глянет гневно и понуро...
Свободолюбивая натура!
И поверх тебя глядит – как в степь,
а какая степь за ипподромом?
Только стены в городе огромном,
ничего не видно, кроме стен.
Эта – первая, почти всегда.
Так – как вздумает, когда в ударе.
Но – всегда, когда с гордичкой в паре –
лётном! – без особого труда...

НАТУРА

Павел Иванович Люсю пускает в галоп –
Люська летит, за санями вздымая пургу.
– Поберегись! – так и сдунуло, прыгнул в сугроб –
и пронеслись. И лежу, улыбаясь, в снегу.

Где на приречный подол набегают плато,
лёгкий накат, и дороги подкова узка.
Слушай да чаще оглядывайся, а не то...
Пыль, отклубившись, ложится по следу возка.

Только алмазинки мелко щекочут в носу.
...Возобновляю виденье и в пальцах несущий
тающий шлейф – самый край – понимаете, ЧЕЙ –
чтоб сохранить для потомков порядок вещей.

...Будет разлив и медовый пасхальный апрель.
Прошлого сделаю будущим – добрая цель.
Чьим-нибудь ЗАВТРА – блаженное наше ВЧЕРА.
Так – не дыша – или так – напролёт – на ура.

Люсинька-Люся! В посадке такая одна,
что от мороза под сорок бывает пьяна –
так и взиграет и в гору галопом летит,
а на рысцу перейти ей натура претит.

Парфеньево

ОБИДИЩА

Лидии Корнеевне Чуковской

Заброшены поёмные луга.
Трава дичает, и земля тоскует,
и речка дремлет. Водоросли взяли
дурную силу. Волглая земля
пружинистую кочку выгоняет.
Травы – по грудь! Ступил – упал, и впору
на лыжах по июлю пробираться.
Зовутся одичалые места
обидищами... Что же делать? Гну
из проволоки кошку, и ташу
челнок «Титаник» через хвощ и тальник,
и русло прорубаю в ивняках,
и колодняк растаскиваю. Кошкой
русалочки выдёргиваю космы,
как бы немецким краешком ума
то волокно прикидывая в деле
каком-нибудь... Ух, жарко! Оводá...
Кисельная вода, кисельный берег.
Четвёртый прочищаю омуток
для хариуса, он травы не любит.

Но мне не выкосить лугов дремучих,
где стожары ещё торчат – с тех пор,
как тут косила в девках бабка Лиза –
и хвощик в мелкой речке, и осоку,
а на запретных поженках лесных
косили по ночам...
– Придут – отымут,
а чем кормить скотину? Дети дак!
Паду и заревусь, ОДВА ОТХОДЯТ...

Обидища...
Зачем я привязался
к тяжёлым, погибающим местам?
Три человека там ещё зимуют,
два дыма по утрам стоят высоко
над яркими карельскими снегами,
два огонька горят в потёмках ранних.
Зачем я – на погосте – дом поставил?
Не знаю... Руки знали. Вот и дом.
Вот печь – да русская! – Так я писал поэму,
как эту печку складывал – чтоб тяга...
Вот озеро в окне – и волны света
скользят по потолку... Зачем, зачем?
Затем!
Не спрашивай, а дело делай,
как первоклеточка всего Творенья
в какой-нибудь начальной преисподней...
Теперь крестьянский пот тебя научит,
чему не учат университеты,
теперь опомнись и БЛАГОСЛОВИ
НАРОДНУЮ РАБОТУ и пойми
обиду...

К вечеру я с ног валюсь.
А если не валюсь – мой день неполон!
– Ты каторжной, – мне Лиза говорит.
– Сама-то какова?
– А дух выходит,
выходит, Вовушка.
При всём при том
меня гнетёт – несделанное дело,
преследует – несказанное слово.
Я чувствую огромную усталость
от жизни – той, непрожитой! – и смерть
приму от нарастающего долга.

* * *

Осенний муравей
олонецких кровей
куда-то волочёт
бревно по кой-то чёрт,
тропу свою кропит,
цедя последний спирт,
пока мурашник спит,
поскольку холода
и хмурый день как ночь –
зачем бревно волочь
от общежитья прочь
неведомо куда,
иль выйти просто так
с собой наедине
не можешь ты, чудак,
без ноши на спине?

* * *

Четвёртый час, когда колдуют сны.
А солнышко восходит со спины.

Посвистывает резвая коса.
Взмах – и обрушивается роса!

Я подарю Вам страх и слабый вздрог,
и вздох травы, и радужный парок

над нею – то видна душа цветов –
я этот миг для Вас продлить готов.

Часам к шести, усталый, с полосы
я приношу Вам радугу росы.

Давайте ей немножечко воды.
Три благодати в ней и три беды –

пускай цветёт. А где же средний цвет?
Не вижу сам. Нет середины. Нет.

ПУШКИНСКОЕ ДАВЫДКОВО

*Александру Бурлуцкому,
подвижнику широкого профиля*

Вся домна зиждется на пне.
Покоится же пень кессона
на праморском гравийном дне
незыблемо и безусловно.

Геолог скажет, сколько тут
миллионов лет по вертикали.
Сегодня домны не растут...
Я не к тому, что мы пахали,

а больше, собственно, к тому,
что и сегодня тоже пашем –
и я зимую в терему,
где печь сложил как ЭЙНШЕНТ РАШН.

Под скрип гусяного пера
туманным взором скат объемлю...
Мой пень поменьше: полтора
на полтора и два под землю.

Печной фундаментальный пень
закладывается из бута.
Художественная работа:
сложить двухъярусную печь
в два полных этажа, притом
с лежанкой детской на втором!

Когда-то были печники...
Мне попадались черепки
Екатерининского века.
Раскоп – моя библиотека.

Фигурный динас, изразцы,
глазурь голубизны небесной,
фаянс певучий... Кто ты, рцы,
печной ваятель, гений местный?

Здесь Пушкин, хоть не Александр
Сергеевич, а Юрий Львович,
глядел с лежанки в зимний сад –
как я, безродный Леонович⁷¹,

---

⁷¹ Не совсем так: мои прабабки по отцу – Янцевич и Мицкевич.

гляжу, и не сулит конца
благое дело созерца-
ния дерев – им лет под триста –
могучих лип полукольца.

Морозно, радужно, искристо.
Где огорода голый скат,
воображаю белый сад
сто лет вперёд или назад,
экскурсовода и туристов.

Январский полукруг зари
мне шлёт сквозь ельник тонкий лучик.
В пушистых ветках снегири,
как личики Бурлуцких внучек.

Дед бородат и синеглаз.
За ним – Урал, Кубань, Кавказ,
полярный Врангель – полстраны
обжиты им. ИМ СПАСЕНЫ –
так я свидетельствую в вышних
без объяснений, делу лишних –

**БУРЛУЦКИМ ЛИЧНО СПАСЕНЫ
ОТ ВЛАСТНОЙ ВРЕМЕННОЙ ШПАНЫ
ЛЕСА И ВОДЫ, ПТИЦА И ЗВЕРЬЁ,
НА НЁМ СТОИТ ОТЕЧЕСТВО МОЁ.**

Заботника и знатока земли
не подстрелили, не сожгли,
и ни потравы, ни покражи
не знал его глухой кордон,
зане СПАСАЮЩИЙ – СПАСЁН.
Его не посадили даже!
Не встретил на тропе варнак.
Жив праведник! – такое диво
в стране родной боголюбивой,
но плотоядной... Добрый знак!

Стареют липы. Нижний сук,
как старика забывший внук,
живёт отдельно, на отшибе
от опустелого ствола.
Вся жизнь в него перетекла,
а смерть живёт в сухой вершине.

А эта липа – сколько лет
устремлена на зимний свет?
Упрямо по диагонали
кренясь, как будто на бегу, –
как лошадь в цирковом кругу,
куда бичом её загнали.

Кольцом аллеи стеснена,
упрямая – живёт навьлет.
Зима проходит... Где Она?
И нет, и нет... Меня осилит
разлука.
На дворе весна.
Апреля первая капель
и тайный и беспрекословный
запрет: на выстрел, на дуэль...
И что же будет? Будет сломанный

косой перестоялый ствол?
И мой четвероногий стол,
как пёс больной, меня покинет,
когда Она мне сердце вынет?

И всё? Как – всё? Что делать нам?..
Мне – в том запрете – мять лежанку,
угадывать по временам
пейзажа зимнего изнанку.

Изнанка Солнца – тьма и тьма –
НЕ ДАЙ МНЕ БОГ СОЙТИ С УМА...

Придёт июнь, число шестое,
и забурлит и запестрит
твоё Бурлуцкое застолье.
Нам Пушкин тьму заговорит.

За Пушкина мы выпьем стоя.
С ним хорошо нам на земле.
Ты видел деву на скале?
Вот то-то! Прочее – пустое.

КЛИНОК

Николаю Герасимову

В какой-нибудь укромной мастерской
клинок зеркальный выделан такой,

что чуть дохни — дыхание твоё
подёрнет радугою лезвийё.

Какая линия! Так изваять
телеснокостяную рукоять,

чтобы её не слышала рука,
могла одна колымская тоска

по женщине любимой... Но за-так
ножей не отдают: гони пятак.

Полуденная тундра, и вдали
простор дрожит, как люстры хрустали.

Сияет фирн, слезится лёд, как ртуть,
и ты ослеп на миг, и соскользнуть...

И заскользил... Но в склон клинок вонзил,
впился, вцарапался — затормозил.

Отделался мгновенной сединой...
Храни всегда мой оберег стальной.

Такая линия, так изваять
телеснокостяную рукоять...

Однако спас тебя колымский нож
не потому ль, что был под рёбра вхож?

Подтальный снежник, Северный Урал...
И я не раз от страха умирал,

вообразив такую гладь с горы —
такую гладь с горы в тартарары.

ПРОЩАНЬЕ

Капризничает умирающий граф.
Велит подать золочёный караф
с можжевеловой ягодою на спирту
да вывести – да! не ослышался!! ту!!! –
вчерашнюю бешеную из денника,
чтоб скинула старого... дурака.

Отныне минуты его сочтены.
У чёрной кобылы глаза зелены,
и ноги поют, и ноша легка.
Взвилась – и уносит она седока.

Навстречу обоим в восторге жестоком –
просёлок, лесок – полосатым потоком.
Он думает: на зуб кислы удила...
Ты где меня вымотаешь из седла?

Но разумом наделена кобылица.
Постылая жизнь для чего-то продлится.

В ложбине глухой, где мосток и ручей,
сошёл он и видит: слеза из очей,
к нему обращённых, жемчужно-зелёных...
О нём ли? О днях ли, ненужно продлённых?
О том ли, что нету по ней седока?
Слеза несказанна, печаль велика.

НАТАЛЬЯ

На эту проклятую вышку
Наталья уж если взойдёт...
За нею... глотая одышку...
я тоже... туда же... в полёт...

Плывёт в облаках колокольня.
Вниз глянул – и взмок – и просох.
Хохочет злодейка: – Прикольнo! –
и первая в бездну – бросок!

Любовь как война. Я калека,
едва ковыляю в запас.
– Я старше тебя на полвека! –
Хохочет: – Ага, в самый раз!

Я прописи ей повторяю –
злодейка опять на своём:
– С орлом миллион потеряю –
копейку найду с воробьём.

И гриву свою от-пус-тила
на ветер, на солнечный вспых.
– Наталья... Какое светило
в твоих волосах золотых!

НЕ КОСНУВШИСЬ ВОЛНЫ

Н. С.

Повторяя волну, не сминая волны,
не касаясь волны, пробегает рука
по всему ниспадению их вдоль спины.
Обернулась – и вспыхнул дымок у виска.
Та же самая прядь то светлей, то темней.
За волною волна – и дымок по-над-ней.
Обернулась – и профиль столь плавен и чист...
Непроснувшийся взгляд, незаписанный лист.
Через дрёму и мглу, через сон наяву
малой искрой на миг просветленье очей.
Но не слышу совсем, не хочу, не зову
никаких Ниагар, никаких Кивачей.
Весь в тумане, быть может, взойдёт ореол
над грохочущей бездной – но только не здесь! –
Засыпающий лес, вечеряющий дол,
тихий свет, уходящий на запад небес...

БЕРЕНДЕЕВКА

Заживу хорошо и богато,
знаменито – как после конца:
по руке мне метла и лопата,
по зубам – пожевать овсеца.

Заживу хорошо и досужно.
Светит солнышко, речка течёт...
Здесь моё утешенье – конюшня
и любовь от коней и почёт.

Ты, судьбина, меня не поборешь,
ты, Мальвина, полюбишь меня,
проглотившего утренний поридж,
оседлавшего бела-коня.

Ни вериг не надену, ни рясы,
не порадую чорта, пока
«Срочно требуются мешкотрясы
Берендеевскому УПК».

УВОЗИТ!!!

Этот случай на таможене
невозможных невозможней.

Поломался наш рентген,
ибо foreign Gentleman
предъявляет, what he calls,
Golden River with the Falls.

И привычный шмон нарушен
by the Antirestitution,
ибо золото волос
хлынуло – и взорвалось!

И хохочет старый Beaver
и увозит Golden River –
златогривую такую,
что, сияя и бликуя,
золотеет всё вокруг
отраженьем Божья дара.

Not the brilliant Niagara,
not the River, not the Brook –
Russian Gold!
The very Case!
All around golden Space...

Лыбится, не чуя страха,
кологривская деваха.

Боги! Отмените рейс!

* * *

Я часто забываю имена,
подробности событий, разговоры,
и мне
забытое
другим и новым
является из пересказа.

Помню чувство –
той памятью, которой помнят запах,
той отрешённой памятью, когда
мелодию без слов, без звуков слышно...

Отторгнуто от впечатлений жизни,
то чувство копится и жить мешает,
сюжет по-своему перерешает
и всё придумывает за меня.

ЗЕМЛЕРОЙКА

Мороз. Иду на лыжах и гоню
перед собой похожую на шишку
лесную крохотную мышку,
нечаянно попавшую в лыжню.
Соображаю, что же делать мне:
теперь она замёрзнет... Надо
зверька опередить по целине
и к норке отогнать обратно.
Но где же твоя норка, дурачок?
Манёвр мой разгадав, не так уж бойко
ныряет серый челночок –
и замирает землеройка
и – прыгает навстречу! И –
юрк в брошенную рукавицу!
Ну – полонили Царь-Девицу!
Уж не обманешь, даром что мала,
сейчас доедем до тепла,
прокинешься и станешь как была...
Царевной станешь...
Не обманешь...

ГУДА! ЛЭНА!

В душном небе избыток скверны.
Серый голубь с высот
падал медленно и неверно:
небо сделано из пустот –
словно сыр дыривато...
Сыр был с порохом и слезой,
семь целковых стоил когда-то.
Зазывал осетин босой:
– Гуда⁷²! – зубы сверкают. – Гуда! –
и выкатывал осетин
эту голову из-под спуда –
из пахучих мокрых холстин.
– Лэна! Гуда! – на медном блюде

---

⁷² Крестьянский острый сыр (*груз.*).

сплошь в резьбе, в облезлой полуде
и в царапинах вековых...
Две Осетии – в смуте.
Семь Россий – расписных
семь лукавых матрёшек:
Русь в Руси – сарафан в горошек –
или семьдесят семь –
и наследуй им всем?
А твоё родовое хеви⁷³ –
и соседних семьсот –
кто повинней во зле и гнев?
...Голубь падал с высот,
обмирая... опоминаясь...
вновь проваливаясь сквозь твердь.
Сколько родин? Твоя – одна из?
– Эртид эрти⁷⁴. Одна, как смерть.

ЛАСКОЮ И СВЕТОМ

Волхова не уже —
воля без плотин —
солнечная Унжа
со следами льдин
        волны катит прытко,
        а на крутизне
        пустынька-улитка.
        Узкая калитка
        в крепостной стене.
Келии смиренный
обращают взор
в тот же неизменный
монастырский двор.
        Только ясен вечный
        с высоты крестов
        смотрит в даль, в заречный
        солнечный простор.
С этой ясной вышней
вольной крутизны
виден город Нижний,
люди все видны...
        Только не об этом!
        Сразу задохнусь...

---

⁷³ Ущелье.

⁷⁴ Одна-единственная.

Ласкою и светом
Бог спасает Русь.

Дарьице-чернице
нынче не спалось.
Стрелочки-ресницы
вниз глядят и вкось.

Сенную постелю
в келье постлала:
телочку АПРЕЛЮ
к пятому ждала.

Пятое, шестое...
Шло не торопясь
время золотое:
МАЯ родилась!

МАЯ — ножки дрожки,
кожицы гармошки,
оченьки-янтарь...
МАЯ — Божья тварь.

Стрелочки-ресницы
ввысь и вразнокось.
Дарьице-чернице
то-то не спалось!

МАРТ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ,

весёлый марток.
Следи по-над настом струение света
да передохни: прошибает поток,
снутри подпекает – не надо и лета –
тепло от залатанных ватных порток,

а то от чего же?
Струющийся свет
ложится смерзающей синевою
в тени от постройки.
Но как ты одет,
нелишне сказать, не последний предмет,
да шапку надень, не остынь головою.

Галоши, натянутые на пимы –
клеёные-красные. Ихние рыла
как рыла соминые, только сомы
усато-черны – и бульдожии брыла.

Порты.
Осоюжены кожей порты.

Порты всероссийского кроя и цвета.
Садись хоть в костёр – не поймёшь теплоты
залатанным задом – ниже мерзлоты –
хоть наста, хоть каменной этой плиты,
да я говорю,
мол, не надо и лета...

Ну, ватник, ну свитер.
Ну, свитер – статья
своя... Чей крючок, чьи там слёзы и ахи...
Как стих, грубошёрстна кольчуга моя
и столь же вынослива, как амфибрахий.

К полудню – без ватника, весь налегке...
Топорик своей неизменной улыбкой
поблёскивает и лежит на пенёке
и зыблется чуть, потому что в р е к е –
уж я говорил – кудреватой и зыбкой,
по настам...
И зимняя крепость в теньке.

Дробится с утра, а заплотень бревно
податливо, врубчиво...
Рубишь как репу.
Зато не поёт уже так, как должно.
Повыберешь паз и с у х а р ь для укрепу.

Но – в сторону, ладно, щепу-канитель!
Зачем эта плоть так бела и красива?
Затем, что она –
РЕЗОНАНСНАЯ ЕЛЬ,
что белым песком вспоена древесина.

Те нейские сахарные пески
так шёлковы, так ослепительно белы,
что их укрывают и кутают мхи
от лишнего света –

так я на Тебе бы
всё сбитое-скомканное поправлял,
от первых лучей наготу укрывая...

Да-да... Музыкальный такой матерьял...
Его изначальная плоть стволовая...
О чём это...

Струноподобная ель
не преобразится уже, безусловно,
ни в скрипку легчайшую, ни в вьолончель...
Что ж будет?
– НАДКЛАДЯЗНАЯ ЧАСОВНЯ.

НАДПИСЬ

А. В. Соловьёвой

Напротив площади Сенной
на костромском проспекте Мира
меня немало изумило
значение надписи одной.

А СТОИТ СМЕРТЬ ТОГО ЧТОБ ЖИТЬ!
Так начертавший на бетоне
меня не думал одолжить,
однако же... Мой ангел, Тоня,

Вам стоит в городе таком
быть мученицею культуры:
с её вершинами знаком
был автор этой сигнатуры.

Превыше смерти – только СТРАСТЬ,
что кружит чёрной лебедицей...
А стоило на свет родиться,
чтоб с этой высоты упасть!

Кострома

КАЗАХСКАЯ СКАЗКА

Мухтару Шаханову

Соперником с небес повергнут
стареющий бывалый ратник,
и водворён могучий беркут
на излечение в курятник.

Слепая птичница постригла
неимоверные крыла.
Куриная семья привыкла
к соседству бывшего орла.

Червей и мошек добывая,
навоз культяпками скребя
и постепенно выживая,
он выживает – из себя.

...Чтобы стихи не стали басней,
украденной у Михалкова,
что было бы всего ужасней
для нас и для орла такого,

покуда он в своём уме,
его в охотничьей суме
уносят в скалы над долиной –
для вольной гибели орлиной.

В ЭТОЙ ШКОЛЕ

Оставь герою сердце – этот
великий пушкинский завет
усвоил я себе как метод
и принял с ним немало бед...
Зато – какое это благо,
на выжженную степь дожди! –
твой следопыт, сексот-бедняга
рыдает на твоей груди!
Спасибо нашим честным кухням
и песням старых волгарей –
сподобил, Господи, – Эй ухнем!
Эйй, эйй, тyani канат смелеейй!..
Вдруг сердце, словно чёрный ящик,
вострепетало у него...
А чтобы пробуждать неспящих,
не требуется ничего.
Чтобы любить «любовидостойных»,
довольно дюжинной души.
В пределах вольных и просторных,
в моей отзывчивой глуши
я слышу: делают не то ли
и мытари? Труд невелик...
Оставь ей сердце. В этой школе
я буду вечный ученик.

МОГУЧИЙ ПОЗДНИЙ ВОЗРАСТ

Через туристскую толпу
к Александрийскому столпу
скользнул извилисто, волнисто –
ну, наконец! – Мулат, Сверчок –
и чёрный в талию фрачок...
На мальчика, на фигуриста
ты так похож – и так легка
твоя летучая строка...
Как пламя обрывая фалды,
как страсть безбожную иль гнев,
едва привиделся – пропал ты,
на пёстром летнем прочернев.
И запоздало на плите
гранит СВОБОДНЫЙ покачнулся,
чугунный ангел востепенулся
и замирает в высоте...

Но отчего столь беглый облик
так налегке – как на коньке?
Уж верно оттого, что отрок
ещё очнётся в старике.

Прерывисто струится через
благоразумные лета
святыня отрочества – та,
что отольётся в старость – в ересь.
И тут провал: глубится твердь –
небывшей старости зиянье,
изъятие из предписанья:
СЕМЬЯ. РЕЛИГИЯ. СТАРОСТЬ. СМЕРТЬ.
Побег замысленный? Деянье,
отложенное до поры?
Неправой жизни воздаянье?
Потёмки каторжной норы?
Как вихорь, волен, страшен, нищ...

Кругом пророчества и пробы,
и тайна всё, что быть могло бы,
что – е с т ь, как этот вихорь-свищ!
Читай – читай и слушай в оба.

КРОМЕ

Сыпучие отвалы, пустыри,
заплатанные огороды –
и годы поздние – внутри
мгновения свободы.

Как в медленном кино,
я переплыл ГОРОДОВОЕ ПОЛЕ.
Я знал давно,
почём ЛЮБОВЬ И ВОЛЯ,

Всё меньше лиц, всё больше спин.
Земли и неба ширь...
А дух соблазна нестерпим,
как нашатырь!

Привет местам, где не бывал!
Я рад, я жив, мне больно...
Свергается как солнечный обвал
четырёхъярусная колокольня.

Такой полёт! Такое торжество
любви в природе! –
и больше в мире ничего
не надо – кроме.

* * *

Алёнушке

Всё меньше лиц, всё больше спин.
Из всех одну Тебя зову:
не примыкайте к большинству
ни Ты, ни мой последний сын.

А все пускай стоят стеной:
спина к спине, спина к спине...
Вы остаётесь не со мной,
но остаётесь вы во мне.

* * *

Любовь нельзя предать,
не предавая Бога.
Тебе не избежать
плачевного итога.

Немного ты успел,
творя чего не ведал:
и Бог остался цел,
и та, кого ты предал.

Теперь ты сирота,
и даже вне сравненья
предательства тщета
и Милость воскресенья.

* * *

Я впал в нечаянный восторг,
прочтя безвыходное МОРГ
налево справа: вышел ГРОМ.
Прекрасно! Значит, поживём.

Какое золотое средство
нам дарит мудрое еврейство!
У чёрной сотни есть мотив:
кто на Руси жидолюбив,
тот ненавистнее жида –
дак это я ведь, господя.

Есть любопытное преданье
про ЧИСТОРУССКОЕ собранье
коллег, отмытых добела:
не выпив, встал из-за стола,
услышав про жидомасонов,
Андрей Андреевич Платонов
и, обернувшись у дверей,
сказал: – Простите, я еврей.

ЛОДКА

1.

Сэде Вермишевой

Здесь омут от страха недвижим и чёрн,
а берег замшел и расщелист,
и зубом базальтовым звук рассечён
на грохот внизу – и на шелест.

Всё плёсо, натянутое, как батут,
зеркально-полого и ровно,

и лодка причалена именно тут –
и нет никакого Харона.

Ты – сам.
И тебя понесло-понесло
чуть согнутое водяное стекло.
Ложись, как индеец в каноэ,
и руки скрести, чтобы дух вознесло
куда-то во что-то иное.

А нет – так гребь!
Да не жизнь дорога,
а песня твоя не допета.
Гребь же –
по ходу –
к чертям на рога!
По ходу – и п е р е л е т а е ш ь – ага! –
в то ложе, где гложет свои берега
и камни ворочает Лета.

2.

Александру Зорину

И православный тёмный плат
не удержал Господня Дара:
как некий райский водопад,
как золотая Ниагара,

как лавы жаркая волна...
Тихонько вскрикнула девчонка!
Летит мне под ноги
одна
заколка — чёрная лодчонка!

Избытку храмовых прикрас,
огням, столпам иконостаса
пришлась ты в масть и в самый раз —
сиятельна и златовласа.

Помянем лодку-на-лету,
свергающуюся в камень.
Помянем Александра Меня,
убитого за красоту.

Души от Бога не тая,
на это Благо, это Злато,

нахлынувшее из-под плата,
перекрестился б он —
как я.

ШАГ ВПЕРЁД

Я шагнул ей навстречу. Она
замерла и на шаг отступила,
потому что смертельная сила
иногда против нас не сильна.

Не сильна – да и мы не сильней:
шаг за шагом, на самую малость
ОТСТУПАЯ, ОНА ПРИБЛИЖАЛАСЬ.
Уж такая повадка у ней.

А сегодня ни с места. Стоит,
распахнув ледяные объятия.
Вот обнимемся, оледенит,
и тогда... Оцените же, братья,

эту пару. А вам, сыновья,
оставляю на случай, в науку:
ШАГ ВПЕРЁД. А не сыну, так внуку –
для характера, для бытия.

ИМЕНЕМ ЛЮБВИ

– Вот Библия – и вот Коран.
Вот океан – и вот ручей...
Так возмущал магометан
солунский юный книгочей.

– Любовь – от Бога. Никакой
расчёт и промысел людской
с Любовью не соизмерим...

Так сарацинам говорил
на любознательном пиру
предерзкий этот пилигрим,
приговорённый к топору.

– Меня казнить – напрасный труд!
И повторял на все лады:

– Мои глаголы не умрут!
Я весь – Любовь. Аз есмь Любы...

– Коран? Ручей перешагнуть! –
ты океан переплыви!..
И ритор продолжал свой путь,
спасённый именем ЛЮБВИ.

МОЕМУ АНГЕЛУ

А.

Я любовью своей провинился
перед бедной моею женой.
Я в гордыне своей разроднился
с теми, кто разродился со мной.

Я живу тяжело и открыто.
Наполняется мой Колизей.
Я просеял сквозь крупное сито
и забыл ненадёжных друзей.

Был спасён я Твоею заботой.
Был я взыскан своею судьбой.
Оставляю Тебя со свободой –
ухожу – не прощаюсь с Тобой.

Ангел мой, навсегда и повсюду
Ты со мной – как полжизни назад.
Ты со мной, Ты во мне – где ни буду.
Без Тебя я сойду только в ад.

23 янв. 1999

* * *

Про наши дела и желанья
всё знают деревья в бору.
Сосна вековая – виланья
шумит высоко на ветру.

Скрипит тяжело и повинно,
расходится на два ствола,
где трещина ей в сердцевину
давно и глубоко вошла.

И сукровица-живица,
стекая, густеет как мёд.

А крона шумит и ветвится,
не ведая наших забот.

* * *

Не выдержав 70-летней
страды, я б удалился, одолжив
связующих меня живучей сплетней
и с той, кто мной, и с теми, кѐм я жив.

Любви нечеловеческая мука,
вполне созрев, становится игрой –
не исказив значения и звука.
Не понимай! Не спрашивай! Не рой!..

Я удалился бы, не будь в ответе
за тех, кто свечки ставит за меня...
Я не порву живоначалной сети,
смерть искушая и судьбу дразня.

РАСПЕВ

Е. Камбуровой

Трое ангелов идут,
душу грешную ведут.

– Что же ты, душа,
К нам-то не зашла?

– Я бы рада, зашла,
да уж больно грешна.

Божий рай – как сад,
терема стоят...

да в саду-в терему
жить-то некому.

УТРО

В Богородицын оклад
врезанные самоцветы –
золота и камня лад
на другом краю планеты.

Яхонты горят в венце
Божьей Матери Хахульской⁷⁵...
Рдеет на твоём лице
жар лучей от печки русской.

Виноградная резьба,
строгое витьё колонок...
Пятистенная изба
нам досталась от олонок –

девяностолетних дев
Феодоры и Пиамы.
Пышет печи львиный зев...
Тишина... раздолье... планы...

Золотят твои зрочки
радужные золотишки –
разбегаются клочки
первой утренней картинки.

Будет месяц без гостей,
чёрный хлеб родимой речи
и желанный – сам-третей –
утренний огонь из печи.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1.
Сплю и складываю печь.
Просыпаюсь от догадки
дыма женские повадки
глиной-кирпичом облечь.

Днём уверенно кладу
путь лукавый из-под свода:
эта гибкая свобода
любит крепь и тесноту.

2.
Эта воля любит власть,
а не хочет из палатки
в борова подпечья пасть,
чтобы, сделав три охватки,
небольшую дать свечу,

---

⁷⁵ Грузинская святыня.

вновь нырнуть – а там из плена
вырваться восьмиколенно...

Или – многого хочу?
Или ты ещё сырая?
Вновь не сплю, перебирая
всю тебя по кирпичу...

3.
На два полных этажа,
на три света сруб тесовый.
Распрявился хлыст сосновый,
печи мощные держа,
рас-сутулился – и год
врублен: тысяча семьсот...
Вырублен остаток даты
рыбаками на смольё.

Вольница, орёл, орайт,
твой портрет – твоё жильё:
пожни, двор и огород,
гряды каменные – межи...
Пущен в дебри заонежьи
добрый корень. Где же плод?

4.
Толща храмовой стены
дымоходами чревата.
Не остыли валуны,
раскалённые когда-то.

Хоть погребло ремесло,
но стоит, стоит не стыня
соловецкая святыня,
держит старое тепло.

5.
Колыхаясь в полумраке,
печь по горнице парит,
брёвна зыблет и багрит,
по полю колышет маки.

Траурная бахрома –
сажи бархатная тьма
звёздочками выгорает.

А душа не умирает:
в памяти и при огне
совершается во мне.

ОСИНОВЫЕ СЛЁЗЫ

Владимиру Сошину

Синеет рассвет, и бумага чуть брезжит. Пятно
затем превращается в косоугольный квадрат –
с него начинается свет. Просыпаюсь и рад,
что именно так. На бумаге словечко одно

ночное, пустое спросонок, словечко-дичок.
Причина его непонятна, и место в печи.
Сожги его впрок или так лишний раз промолчи.
Огонь всё живей сквозь поленья ручьями течёт.

Берёза кипит; ель стреляет; осина – она,
осинушка, белыми-белыми плачет слезьми.
В огонь, позабывшись, глядим, как, бывало, детьми...
Меж красных углей – искросахарная белизна.

Кричащие краски полдневных далёких чудес –
те маки и розы, а если вблизи цветника
гранат зацветёт – сила алого так велика,
что меркнет огонь... Чуть прихваченный холодом лес

зарделся с вершинок: осина цветёт в сентябре
вчерашнею кровью и нежною плотью ствола,
где отцветы все и оттенки она собрала,
какие сегодня у неба о ранней заре.

Древесный – осиновый – северный – это не цвет,
но свет: он целебен. Он мненье молвы опроверг
о серости цвета. Пред ним и гранат бы померк.
Когда я его опишу – то-то буду поэт!

Бросает его в белизну: наберёжный плавник
вконец выцветает, но дочерна тёмн испод;
на главке церковной – серебряный с прочернью, тот,
которым святят небеса. Я его ученик.

* * *

Александру Бурлуцкому

Есть бродяге куда податься,
потому что всегда со мной
дом завещанный и родной:
закоптелые стены снятся.

Повторение,
строй,
согласье –
и когда-то буду лежать
и божественное запястье
так же буду бояться сжать.

Повтори же, разбереди,
вороти меня – той Боязни!
Я не знаю прекрасней казни:
всё прошедшее впереди.

ЗАНОЗА

В. К.

Я ни поэзией, ни прозой
читателя не поразил,
но свойственную мне занозой
живую душу занозил.

Заноза вам не повредит:
ныряя в кровяные жилы,
сосудик тесный распрудит –
и далее, и будьте живы.

За этим, мученик пера,
в упор невидим и неслышим,
зову живых на вечера:
ну приходите, ну подышим...

Так я своё осознаю
предназначение в народе
и этой вот занозы вроде
на службе крови состою.

ПОЖАРНЫЙ ПЁС БОБКА

*Памяти Леонида Андреевича Колгушкина,
автора книги «Костромская старина»*

Кони не спят ночами.
Дремлют пожарные кони,
в стойлах переминаясь
и поводя ушами:
не ударят ли в колокол
на каланче пожарной?
Зорко следи, пожарник,
всё ли темно в округе.
Прислушивайся, пожарник,
всё ли в округе тихо.
Спи, мой город, спокойно
под одеялом ночи.
Спи, деревянный город,
спи, Кострома родная.

Эй, гляди-ка, пожарник:
видишь? Вон там, над крышами,
чуть посветлело – и красным
дерево озарилось...
Вспыхнуло ярко! Видишь? –
Звёздочками золотыми
искры вырвались в небо,
как воробьиная стая...

Колокол бьёт тревогу!
С факелами, с бубенцами
по мостовой грохочет
пожарная колесница!
Мчится другая, третья –
просыпается город.
Люди бегут на помощь
с ведрами, топорами.
Люди кричат спросонок...
Всех впереди несётся
с гулким и хриплым лаем
БОБКА – огромный рыжий
пёс, бессменный пожарник.

Вот и первая тройка
лихо во двор влетает:
красная бочка, помпа
и команда пожарных –

будто в древних шеломах,
в грубых пожарных робах –
будто в стальных кольчугах!
Кони, телеги, лица
розовы от пожара.
В дело, ребята, в дело
шланги, багры, лопаты...

Только... Чудится, что ли?
В криках, в треске пожара –
будто ребёнок плачет
там, за дымным проёмом,
за распахнутой дверью...
Неужели забыли
люди, выкинув вещи,
вытащить и младенца?!
Эй, родители, где вы???
Надрывается, плачет,
задыхаясь, ребёнок...

Бобка работу знает.
В дым, уже красноватый,
Бобка, водой облитый,
словно в воду ныряет.
И на одну секунду
в страхе всё замирает.
Господи, помоги нам!

И Господь помогает:
появляется Бобка.
Шкура его дымится.
Бобка тащит младенца,
за спину перекинув,
тащит то ли за ножку,
то ли за рубашонку.
Жив ли мальчишка, нет ли,
но к груди прижимает –
не оторвать насильно –
обгоревшую куклу.

Криком кричит мамаша
от ужаса и от счастья.
Ох, непутёвая баба,
где же ты пропала?
Воет и причитает,
обливая слезами
еле живого Бобку.

В нос и в глаза целует –
и пожилой пожарник
трёт глаза, отвернувшись.

Бобкина мокрая морда
выражает смущенье.
Бобке от слёз щекотно.
Все его хвалят, гладят –
этого пёс не любит –
фыркает и убегает.
...Бобка любит во время,
свободное от пожаров,
с детворою возиться.
Окружён малышами,
их на спине катает
по двое-трое сразу –
вот какая собака!
Разбежится и скинет
всех на песок, на травку
или в сугроб повалит.
Куча мала! Хохочут.
Куча мала! Всем любо –
и пожарной команде,
и проходим случайным.

Этот скверик зелёный –
на углу Пастуховской
и крутой Воскресенской
(Подлипаевой ныне.
Впрочем, чужое имя
улицы носят недолго).
Обрывается круто
здесь городское плато.
Сквер и Пожарка будто
У ГОРОДА НА ЛАДОНИ.
Так на старых иконах
церковку-невеличку
нам даруя, Святитель
протягивает в ладонях.

Посередине сквера
у каланчи пожарной
мы и поставим памятник
мальчику и собаке.
Мальчик, СПАСИТЕЛЬ КУКЛЫ,
с меткой зубов на ножке

там, в позапрошлом веке,
вырос благополучно.
Стал и отцом и дедом...
Долго в семье хранилось
родовое преданье
о чудесном спасенье.

Сказано же в Писании:
ДА СПАСЁТСЯ СПАСИТЕЛЬ
И ДА СГИНЕТ ГУБИТЕЛЬ.

Много с годами рухнет
памятников поспешных,
идолов, возведённых
в слепоте иль гордыне
или в рабском покорстве.
Памятники иные
будут стоять вовеки.
В бронзе или граните:
Бобка, ребёнок, кукла.
На постаменте напишем
имена меценатов
(если они не против)
буквами золотыми.
Всем спасибо! Спасибо
и богатым, и бедным!
Эту нищую мелочь,
что дороже миллионов,
мы заложим в фундамент.
Как тушили ВСЕМ МИРОМ
городские пожары,
помогали ВСЕМ МИРОМ
погорельцам несчастным,
так ВСЕМ МИРОМ на БОБКУ
деньги мы собирали...

На зелёной ладони –
памятник и скамейка.
Здесь помедли, прохожий,
ибо МЕСТО СВЯТОЕ
ГОРОД ЗДЕСЬ ОБРЕТАЕТ –
это редко бывает...
Ты согласен, прохожий?
Посреди пустосвятов –
этот пёс бессловесный.
Сколько спас он? Кто знает...
А погиб он прекрасно,
как и жил, – на пожаре.

Здесь помедли, прохожий,
да присядь на скамейку:
Ты обязан, быть может,
СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ БЕСЦЕННОЙ
этой рыжей дворняге.
Ты подумай о многом,
ты подумай о ЖЕРТВЕ...
О себе... О России,
что спасала Европу –
не однажды, мой милый!
Ты подумай, прохожий,
О СПАСЁННЫХ ТОБОЮ –
это счастье бывало?
О ПОГУБЛЕННЫХ, если
этот ужас изведал...
И спасибо ты скажешь
всем, кто к делу благому
был причастен. Кто помнит
дорогие преданья,
в ком живёт и хранится
БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ.

2006

ВЕРА

Пёс ждёт хозяйку, а хозяйки нет.
Хозяйки нет уже 17 лет.
Собачий век, по счастью, не длиннее,
и пёс приходит на аэродром –
сидеть и ждать. На месте. На одном
и том же, постепенно камня.

Ваятель выбрал серый диорит,
чья седина о вере говорит,
о беглых проблесках в ночном ненастье.
Очнулся, и покажется со сна:
ОНА! О Господи... Нет, не она.
А сердце разрывается от счастья...

Когда-нибудь, в невероятный год,
но к статуе старуха подойдёт,
запричитает — будто улетала
так ненадолго и недалеко...
И вот когда свободно и легко
выходим мы из камня и металла!

* * *

Была зелёная вся улица.
Высоко спинку выгибая,
её переходила гусеница
жёлто-зелёно-голубая.

Куда – не всё ли вам равно? –
она по городу отправилась,
но рельсовое полотно
необычайно ей понравилось.

И, стоя на своих присосках,
как на высоких каблучках,
она поправила причёску –
два завиточка на висках.

Зеркально-гладкой сталь была,
прозрачной и на солнце блещущей,
но вынырнул из-за угла
трамвай, дрожащий и скрежещущий.

Он вырос как гора – в глазах
у гусеницы помутилось...
Чудовище остановилось,
чуть проскользая на тормозах.

Душа проснулась у трамвая –
и он тихонько с рельс сошёл
и, трудно спину выгибая,
сам гусеницу обошёл.

И этот ход необычайный
всем показался добр и смел.
Да, выговор трамвай имел
по линии своей трамвайной,

но дружные кондуктора
кричали: – Молодец! Ура!

* * *

В последних числах февраля
я спал в лесу.

Я спал, к сосне широкой привалясь.
Её тяжёлый ход
туда, наверх,

где ничего, где всё, где небо,
кружил мне голову.

Кора, нагретая и цепкая, меня
не отпускала.
Под корой спала
крылатая и кольчатая тварь.

Дышали сосны мягко – засыпал
морозный влажный бор,
пригретый нежным солнцем, –
вы знаете, оно какое
в последних числах февраля?

Я не закрыл глаза – ничто
им не мешало.
И если бы не дятел,
мне севший на плечо
и в ухо нацелившийся,

я бы не проснулся,
неотличимый от коры сосновой,
с улыбкой золотой – там, где лицо
черты разгладило, где два сучка
торчало вместо глаз.

* * *

Век бы жил на этой просеке
да ещё один бы век,
где молоденькие сосенки
гнёт-погнёт и ломит снег.

Я бы глупое и нежное
деревце освободил:
бремя влажное и снежное
всё бы стряхивал-ходил.

По рассвету-свету тихому
не хлопал бы дверьми,
научился бы по-ихнему
собеседовать с зверьми.

Баловал их солью-сахаром,
поил бы молоком,
был их лекарем и знахарем –

ходили бы гуськом
зверь за зверем за зверьком.

.....

Звери, люди, мы не братья ли?
А по заячьей тропе
пробираются каратели
к моей лесной избе.

В чёрных масках, с автоматами,
видать, из дальних мест.
Горе с этими ребятами –
совесть их потом заест.

Сниться будет кровь на просеке,
солнце мартовского дня.
Ваши детские вопросы
вы решите без меня.

А в потьмах угла медвежьего
вечно будет попадать
в хитрые капканы Лешего
губернаторская рать.

Дело это выясняется,
дело это не мертво.
Там четырнадцать слюнявцев
на меня на одного.

* * *

Светлане Соложенкиной

Морозец. Дымка по воде. Гагары
на озере с утра заводят плач.
На Бодунов перелетел косач –
нет ни соперников ему, ни пары.

Он песенку чувашскую поёт:
– Чуу-вышш, чуу-вышш! –
прозрачный жемчуг трели
в зобу его клокочет. Этот год
он в октябре один, как был в апреле.

– Ус-лышь! – слетев на луг, по серебру
косым крылом чертит и чернью пышет.

Никто его, никтошеньки не слышит
на островах,
    в обидищах,
                    в бору...

ВЕЧЕР. ОЗЕРО

Отделённый сумраком от земли,
бор не опирается на комли.

Будто рукою лёгкою взнесены
заповедные стройные три сосны –

триединая плоть одного комля.
Всё принимает лес и несёт земля.

Троелучица бора, хоть ты прими
человека, простёртого на земли.

Тесный золотоствольный свободный ритм.
Небо повечерело, звезда горит.

Чистый – как подмели – угор моховой
над озёрной сонною синевой.

* * *

Близится солнце вечернее,
позолотилась трава.
Сбудется ныне – реченное
через Ивана-волхва.

Брата ль не знаете нашего?
Слеп оговор и жесток.
Смерть без вины ты вынашивал,
как человеческий росток.

Солнце усталое низкое
весь обагрило притвор –
ангела церкви Сардийския
слышится плач и укор.

* * *

Ты обратишься к тайнословью –
так суждено – мерцай и мри
последней – первую любовью,
как северные две зари.

Но будешь ты утешен честью
и начертанием креста,
где миновала перекрестье
косая быстрая черта.

Не ласточка ль перелетела
тропинку в роще, где светло?
Не этого ль душа хотела,
да сердце не перенесло,

чтобы навеки миновала
и очертила полотно
та рама чёрного овала,
каких не делают давно.

НОЯБРЬ

Яну Гольцману

Поутру тишина. И такая, что слышатся, мнятся ли
голоса: через гладь студенца
разговаривают острова –
острова – острова – ровным счётом
считай до семнадцати.
– О-го-го!.. – и зажмурься и слушай: округа жива.

Человек в тишине. Он уже недалёко от истины:
перемолвится с лесом, с погостом деревни, с женой –
та в невестах ещё... В глубине и потемени исповеди
небывалое слово поблёскивает блесной.

Вот куда-то с ружьём через лахту наладился Кухтину:
– Здравствуй, Кухтя! – Здоровы!

(векам четырёх вопреки)

Теплыню обойди. С косачём заверни-ко на бухтины.
(Подо льдом шевелятся, играют в песке родники.)

Ах, какие холмы-маляги обрываются в озеро!

Разлететься с Горнюхи – трамплин –

на откос и на лёд –

водянистые стрелы Густава Доре,
облаков волокнистые перья...
Гляди: луч лежит на груди.
Виден сердца удар в межреберья.

ПОБЬЁМСЯ, ПОЖИВЁМ...

Неуступающее тело,
обуреваемое мной.

Владимир Львов

Опушка леса. Тихо-тихо
поблизости и вдалеке.
В глубоком земляном чулке
прислушивается кротиха:

удары... внятные едва:
ударило – остановилось.
Затрепыхалось... перебилося...
Раз! – пауза, отказ. Раз, два...

Какая тишь в углу родимом!
А сеянец-мусеничок
поляну приокутал дымом.
Разглядывает мужичок

шерстинки – капельную низь...
Ровней, ровнее побежало!
Побьёмся, проживём, пожалуй.
НО ТЫ ЗА МНОЮ НЕ ГОНИСЬ.

ДЛИТСЯ СВЕТ

В снегу оставили хлысты
багровый колеистый след.
По полю искры и холсты:
февраль, вечерний долгий свет
брусничный над глухим леском...
Зубастым лучиком-лучком
разделали одну лесину,
кололи мёрзлую осину.
Язык ворсинкой уколи,
свет остывающий продли...
Стволы и спины цвета хаки:
– ИИ – ХАК! – прислушайся –
– ИИ – ХАК! ИИИ...

Потом добрались до сосны,
потом нагрелись колуны,
потом солдатики разделись,
похорошели, разорделись.
Пока сквозит и длится свет,
скажу мальчишке – удивится:
– Сладка сосновая живица!
– Тебе виднее, – скажет, – дед...

* * *

Плот пригнали, распустили,
по воде – живая гать.
На бревенчатом настиле
никому не устоять.

Только бёгом, только рысью,
мельком клавиши топя, –
будто ветром, будто мыслью –
вмах перенесёт тебя!

Влёт – по запоздалым булькам,
по живинкам, по живулькам,
по раскату, по ковру –
брёвнышки переберу.

* * *

Ручей сочился между кочек,
сочился дождик обложной,
и певчих, сжавшихся в комочек,
переносил я по одной.

Нам предстояло освященье
моей часовенки в бору.
Никак не выказав смущенья,
девчонку на руки беру.

Последнюю беру на ручки –
она всех меньше, я устал,
но чувство дедушки ко внучке
впервые в жизни испытал.

Его-то мне и не хватало
до совершенной полноты.
Ты чувства нежные считала —
их было много. Где же ты?

Я к вам приду из этих строчек
сквозь хлябь и дождевую сить —
озябших, сжавшихся в комочек
переносить, переносить...

* * *

Дожди всё лето. Напитался лес.
Всю осень льёт и льёт – неумогу!
А тут мороз – пальба рвёт бересту:
по нежной глади молнийный надрез.

Кружится, замедляя ток, шуга,
сужая забереги-берега.
На синий лёд садятся мотыльки
дыханья остывающей реки.

Следи наползновение шуги
на лезвееобразные края.
Сейчас проломают лёд твои шаги.
Всё тоньше кожа, ближе кровь твоя.

На миг ослепни в солнечном снопе,
что бьёт сквозь иней веток и стволов,
весь в радуге – на миг ясна тебе
алмазная основа всех основ.

ПОСАД

Иллариону Голицину

Снегов слепящая полуда,
по настам – росяная скань
По солнышку плывёт, голуба:
чтобы глаза не расплескать,

движенья важны и покойны...
И невозможно верить мне,
что голод, лагеря и войны –
всё было в этой стороне.

В апреле на свету истомно
и парко. Нежится посад.
– Как звать тебя? – Назвали Домна
Парфентьевна сто лет назад.

Она добавит: «Ваша милость» –
лет через сто в такой же день,
где ничего не изменилось
и эти, голубые, всклень,

всё так же бережно несомы...
Несите, насты, жаркий свет,
неси, тюрьма, свои засовы,
свои сокровища, поэт.

Парфеньев

* * *

Вся ты в яблоках
как я в облаках –

искушения не осилою,
мне до святости не домучиться.

Господа, хоронить Россию
не получится.

Красоты ТАКОГО ЗАПАСА
хватит на пять колен.

Мне до смертного часа
этот плен.

Мне волос твоих грива –
Золотая Орда.

МНЕ холмы Кологрива,
а не вам, господа.

У НЕСТЕРОВА

Воображением не богат,
на вернисаже
я погружался в ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ –
вылез – весь в саже.
Ну и довольно. Куда мне уйти?
Тихо у Нестерова, почти
пусто.
Отроку Варфоломею
было виденье... А я – во плоти –

вижу камею –
русоволосую, лет двадцати.
В тёмном, тиха и бледна,
словно бы к постригу и она
нынче готова...
Скрыты, Россия, твои семена –
блещет полова.
Я понимаю,
что уходящий от мира сего
з и ж д е т е г о,
и гляжу и немею.

Русь моя русая! В чёрный квадрат
черти заталкивали стократ –
полно, тебя ли?
Матовый свет на лице, словно рис.
Не осквернили торжественных риз,
а ведь ногами топтали...

ЧЕРТА СМИРЕНИЯ

Являют скол и спил творенья красоту.
Но ты переступил смирения черту.

Стихия вещества тебя перемогла
и гордые права твои отобрала.

И – линия ведёт послушную рукой...
Бог весть какой народ толпится в мастерской –

отдать сегодня честь, а завтра обокрасть.
Фактура любит лесть – природа любит власть.

Смиренного творца смиренная нужда:
явиться без лица, исчезнуть без следа.

Означиться мельком... Так пропадать вольна
смолистых волокон ленивая волна.

И ты сойдёшь на нет однажды навсегда,
как синий твой вельвет, брюшко и борода –

среди своих коряг, картин, камней, строк...
Всемирных передряг, кровавых катастроф.

* * *

Давнею бурей снесена,
ветви подламывая постепенно,
мачтовая островная сосна
тонет во мшарнике розовопенном.

Дыбится крона, капризно вяясь,
освобождаясь от позолоты,
тенью и памятью становясь,
мякотью и благодатью болота.

Вся кривизна, вся прямота
безукоризненно перевита
тонкой резьбою.
Станут во благо
тяга и гнёт —
вспомнишь, когда и тебя захлестнёт
розовое, голубое...

* * *

В плену каких-то невозможных схем
сам на себя, увы, я наговариваю,
грехи чужие на спину наваливаю,
едва сношу их, не смеюсь, не ем.

В плену благоприобретённых догм
что не горит во мне — я раздуваю,
что заживёт на мне — я раздираю —
с тоскою, со слезами, со стыдом.

...И вижу я, что нет ни догм, ни схем,
и до живого я дошёл, до сути —
я осудил себя... Где мои судьбы?
Я этих прав не знаю ни за кем.

И что поделать — это всё моё.
Я счастлив, как естествоиспытатель,
я связь увидел. О, Россия, мать,
то детский лепет был, то всё твоё...

* * *

Вот эту яму я и вырыл
в сосновом островном бору.
Живой смолы две бочки выгнал —
понадобится, как умру.

За страсть к анапесту и ямбу,
за жизнь упорную во зле
я буду ввергнут в эту яму
и крепко выварен в смоле.

Мне шелестит мой бор покатый,
прохладой дышит тёмный лог.
Я сам пришёл сюда с лопатой,
стволов смолливых приволок.

Заметно гривка поредела,
отдав янтарное смольё.
Казнить меня – благое дело.
Не ваше, черти! – а моё.

РОЩА

За душой как за дитём –
глаз да глаз, весна тем боле...
Истомилась на приколе –
отойдёт своим путём.

Не страшится ничего:
ЛИШНЕГО ПЕРЕТЕРПЕЛА.
Роща – певчая капелла,
май, природы торжество.

Роща, солнечный уют –
как в раю! Как не бывает...
Распевают.

Отпевают.
Никогда не отпоют.

IX

РАБОЧИЙ СТОЛ

* * *

Солнце стояло высоко и жгло, словно Полная Правда.
Окаменела земля, и в степи поседела трава.
В шлеме прозрачностальном водолаза или космонавта
от горизонта ОН ШЁЛ и гнал надо степью слова.
Словно бы тучи он гнал или камни в потоке.
Был тот язык неземной, или все я забыл языки,
или мешал этот шар, этот шлем, этот обруч – но только
был этот гул, этот гром, эта весть, эта Правда всему вопреки.
.....

* * *

Подведены минареты
под свод голубой и твёрдый:
небесное население
сюда спускалось не раз.
Аллах – невозможно гордый –
падал здесь на колени,
у впечатлительных ангелов
стояли слёзы у глаз.

На том давайте, безбожники,
оставим дрязги убогие:
купол позакоптился,
устал и отяжелел.
К старым опорам – новые
надо прибавить – и многие.
Страстью к уничтоженью
мир, кажется, переболел.

Инстинктивную, тёмную,
детскую, подростковую...
Разрушенье несостоятельно,
не будет другой земли.
Мы, взрослые, мы, личности,
талантливые, толковые,
всё видели, понимали
и всё м о г л и...

**ПОДРАЖАНИЕ НЕПОДРАЖАЕМОМУ
(подражавшему сверх меры)**

Женись. На ком? На Вере Чацкой?
Пушкин. Черновые тетради

Зачем же СТОЛЬКО мне невест?
Нельзя ли несколько убавить,
когда нельзя одной составить
из нескольких отдельных мест?

У той душа, у этой кожа.
Та лет на десять постарей –
ей нужен тёплый душегрей –
та лет на двадцать помоложе.

Та в городе, а та в селе...
Село, село, последний фетиш!
В твоём родимом киселе
сойдёшь на нет и не заметишь.

Эх, Буриданов ты козёл,
великопостник поневоле –
всё ждёшь, всё топчешься... Доколе?
Смешно? Чего же ты кисёл?

* * *

Я в книге прочитал про лесть
ересиарха Оригена:
геенны, говорит он, несть –
почто ещё нужна геенна?

Геенна – что? Господня месть?
Мечь не к лицу Ему. Не надо
ни рая вечного, ни ада.
Чтó рай? – сомнительная честь.

Ты был святого жития,
но возгордился, помирая:
почтя себя достойным рая, –
погибла праведность твоя!

Но ежели и вправду свят,
о чём и не помыслишь даже,
то за уши тебя тащат
до райских врат. А там и стража!

Был, по преданью, Ориген
и неженолюбив и девствен;
хоть миновало сто колен,
но как-то чудом жив и действен

опасный Оригенов ген,
и далее сквозящий через
многополосицу времен:
неженолюбие – есть ересь!

ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Буду топтать по своей тропе,
не сбегу и не надену рясы,
если городскому ХПП⁷⁶
СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ МЕШКОТРСЫ.

Буду среди лета Дед-мороз,
воспою свой труд, как честный Казин
(из мешка в мешок муки натрѐс,
для близиру напорошил наземь).

Доживу безбедно до ста лет,
припеваючи, как Саша Красный:
ТРЕБУЕТСЯ ГОРОДУ ПОЭТ,
жизни деловой – гуляка праздный.

ПОРУКА

Нас вымаривают.
Ю. Власов

Смертельный порошок
арбор-дефолианты
струили из башок
научные таланты.

Наложим ложь на ложь –
получим правду нашу.
Ну как не помянёшь
их бога и мамашу!

---

⁷⁶ ХПП – хлебопекарное производство.

Берём золы мешок,
ни слова командиру –
над лесом ремешок
протянем для близиру.

Т е о р е т и ч е с к и
враги – листва и хвоя!
Но хвоя мрёт с тоски
над мёртвою листвою!

Повсюду узнаю
бесовскую поруку:
отравят жизнь мою
и свалят на науку.

По горло ею сыт,
подохну под забором,
когда антропоцид
меня возьмёт измором.

НАД КНИГОЙ АВВАКУМА

Переваливаем через
Камень-батюшку Урал:
кто за веру, кто за ересь,
кто убил, а кто украл.

Всяк по-своему веселится,
все довольны – веселы.
Так и будете молиться,
озираясь на углы!

Дух велик, а тело тленно.
Книгу Жизни разогни,
отрок, непоползновенно
благочестие храни.

Или сгину без помину
посреди глухой земли?
Буди воля Божья... Ино,
протопопица, пошли!

АНЗЕР

Мёрзлый береговой плавник
выбелен до кости.
Робкий огонь ко льду приник
и сорван ветром – лети!

К седым валунам прибой примёрз.
Некого – и не проси:
Bury me not in the senseless Earth,
but in the living Sea!

Остров пустой об этой поре.
Где, душа, твой притин?
В сумерках по Голгофской горе –
огненный серпантин.

Это костры, костры, костры,
это смертные рвы.
Но погребённые – не мертвы –
мы мертвы. До поры.

А в храме ветер читает часы
при негасимых свечах,
и Вечную память хрипят басы
в трещинах и свищах.

* * *

Железными гвоздями в меня вбивали страх.
С разбитыми костями я уползал впотьмах.
Но призрак Чести вырос, как статуя во мгле:
вернулся я и выгрыз позорный след в земле.
И стал я набираться железных этих сил...
И стал м е н я бояться т о т, кто меня гвоздил.
А мне теперь, ей-богу, не много чести в том
и радости не много в бесстрашии моём.
Меня топтали кнехты, и тело сёк палач,
но даже истязавший не услышал мой плач.
Я, молча стиснув зубы, из-под лба глядел,
а мой палач угрюмый с усталости потел.
Подковы молотили мой торс со всех сторон,
но те, кто меня били, не слышали мой стон.
Я падал, поднимался, опять сшибали с ног,
но тот, кто издевался, боялся моих строк.
В темницах, в униженьях, под криками угроз
никто из них ни разу моих не видел слёз.

В пучинах преисподней я из последних сил
магическую заповедь себе в уме твердил,
как «Отче наш единый, еси на небеси»:
не верь, не поддавайся, не бойся, не проси.
И всё-таки я выжил, злодейству вопреки,
и трепетом прониклись исконные враги.
Железными тисками выдавливал я страх,
лизало нервы пламя, обугливало в прах.
В изгибах лихолетья, заматерев душой,
я формулу бессмертья в самом себе нашёл.
Не зря меня боялся тот, кто меня гвоздил:
я выжил и поднялся, набравшись новых сил.
Воспрял, как птица Феникс, обидчиков кляня,
и стал разить словами тех, кто душил меня.
Стрелял почти не целясь, но сразу наповал
убойными стихами злодеев добивал.
Но мне теперь, ей-богу, не много счастья в том
и радости не много в бессмертии моём.

В АЛЬБОМ Ю. М.

Я полагаю, что кремлёвский горец
мог получить пощёчину свою
от Женщины – такой как Юнна Мориц,
с которой я связал бы жизнь мою.

Один из нас пошёл бы на закланье,
что, впрочем, не беда, а то беда,
что ты томилась на Мысу Желанья⁷⁷,
а я в Саянах пропадал тогда.

...Глядь! – пробегает вождь с одной желтушной,
другой багрово-бледною щекой...
О женский сильный пол великодушный!
О слабый малодушный пол мужской!

---

⁷⁷ «Мыс Желанья» – название первой, кажется, книжки стихов Юнны Мориц.

УГЛЕБОХИ

<Поэма>

Ахсану Баянову

По арифметике без оговорок
из десяти отпущенных семёрок
спустил я восемь, спешный человек,
но приглядел на родине пригорок
на стрелочке сливающихся рек –
обетованные узрел места,
где бредина, черёмуха, рябина
цветут по очереди. Красота!
И вспомнишь: «велика же и обильна»,
и вздрогнешь: столь безлюдна и пуста.
А слово удостоверяет: Пустошь.
Внизу подпор, задумалась вода...
Эх, мать, уже отсюда никуда
ты не сошлешь меня и не отпустишь!
Удачи всякой вам, кто подались
искать краёв довольных и свободных,
а мы с тобой так метко родились,
что отнеслись к отряду земноводных.
Куда уж нам... Не то чтоб якоря
загрузили намертво в родных затонах,
но над душой стоят – моря, моря,
и стала нетверда в своих законах
Природа. Жабрами души – отнюдь
не фибрами, которых не бывает,
придонную перепускаешь муть,
что пепелища детства укрывает.
По лестнице ламарковой до дна
дойдём – утопленники, углебохи –
военных лет голодная шпана,
живой состав, отстой и шлам эпохи.

•

Забавы молодости: вопреки
не только смыслу, но и планировке
через дворы, заборы, чердаки
одёржим путь воздушный и короткий!
Ночь! Крылья! К синей звёздочке вдали –
а прямога вещественно жестока:
в подвал – во двор – в подъезд – на крышу – и
вот так ремнём перехлестнуть карниз –
секунда риска – и – прекрасно! – вниз
по стенке, по ухватам водостока.

Вот смертная прямая связь стихий
посредством юности и безрассудства.
На смену этому придут стихи,
ну, а потом – простите мне занудство –
ну, а потом, переступив урез,
мы углебохомся в подводный лес,
пройдём по дну не шатко и не валко,
где на ветвях гнездо свила русалка.
А было весело перелистать
как майский гром грохочущие кровли
и, обгоняя собственные вопли,
по гулким маршам вниз протопотать!
Так стадо рокеров взрывает ночь...
Пусть перебесятся, да малой кровью –
молись, отец: дай Бог им перемочь
искусы молодости, дурь сыновью.

•

Итак, я у тебя в гостях, Ахсан,
в краях души твоей, под Камским морем.
Я верю плачущим твоим глазам
и рад тому, как мы на вещи смотрим.
Здесь вещь – явление. Световым пятном
она растёт, внезапно возникая
в изогнутом тумане водяном,
подробностями суть не отвлекая.
Здесь всё наощупь, но в такой дали,
что детство превращается в сказанье,
в тот мир, куда-откуда мы пришли –
я из-под Костромы, ты из Казани.
Ещё течёт подводная река,
ещё стоят подводные озёра,
нависли паутиной с потолка
гирлянды намокающего сора.
А вон идёт коричневая тьма –
там ото дна торфяник отодрало...
Как страшно ведать, не сойдя с ума,
чего и сколько здесь поумирало!
Ты с каждой смертью жил и говорил,
как древле мудрые твои булгары.
Так нас бы всех Создатель умудрил,
но мы не мудрости достойны – кары.
В стране поналомали столько дров,
что впору каждому из нас отныне
просить прощенья, коли жив-здоров
и не сидел и не был изгнан и не
верблюду... Я жив – тяжёлая вина,

что жив, но стал тритон иль кто-то вроде...
 Беснуется нагонная волна,
 почуяв под собою мелководье.
 Вот так политику почует ямб,
 и мерная строка исходит пеной...
 Не майн, как говорится, это кампф.
 Когда по зову твари убиенной
 ты колоссальный совершил скачок –
 вверх или вниз? – по трапу винтовому
 и ныне плавнорук и жаброщёк,
 но страшно близок ко всему живому.
 Земли отрёкся ты и углебох,
 тебя объяли родовые воды:
 для этой воли годен ты – и плох,
 как родина твоя, для той свободы.
 Прости, земля.
 Светлей идёт тропа:
 твоей сестрёнки светится могила.
 Одиннадцатилетняя апа,
 прости живых за то, что ты погибла.
 За голод злой, за твой великий труд,
 за всех, кто умер не своею смертью,
 простите! И простят. Но в том и суд
 и приговор проклятому столетью,
 что их прощенье нам уже не впрок.
 Нас с ними связывает только мука
 как зов и связь неузнанных миров.
 Она же с другом породнила друга,
 спустив под этот влажный кров.

•

Калязинские щелби-пустыри,
 целёхонькие улочки Мологи...
 Печален вид на Волгу изнутри
 в пологом и темнеющем чертоге.
 Вам объясняют на воляпюке,
 что это есть обычный андеруотэр,
 и вы киваете, а вглубоке
 исполнен ужаса глухой фарватер.
 Какие здесь утоплены концы!
 Никто победы вашей не замолит,
 наркомвнутделовские молодцы.
 Река стоит. Река себя не моет.
 Тут я дышу, проклятый углебох –
 не путать с направленьем андерграунда.
 .....
 Сооружений насооружав

и тлена убежав и время сжав –
ты-ся-чу лет вогнав в одну минуту –
увидите,
как дружно и повсюду
смеркается: то меркнут родники
в холмах Валдая, в пустошах Урала
и гаснут, как у Гайдна огоньки:
вы видели,
как Волга умирала.

•

Теперь содвинем чудо-зеркала
разновысоких и мёртвостоящих –
что мучить зря бумагу? – уф, Алла! –
пруды-моря в один стекольный ящик
да грохнем о Самарскую скалу
да встретим волей пени и хулу!

•

По теме нам положен эпилог,
и тут подсказывает здравый разум,
что глубоко залез в глухой чулок
энергетический энтузиазм.
О дорогие сердцу тупики!
Но ведь куда энергопродуктивней
свободное течение реки,
не схваченное ни одной плотиной!
А Волги нет – есть сталинский каскад.
Девятикратно взятую за горло,
её остановило и распёрло
и обрекло – напомним – на распад.
Бесчеловечный труд пошёл не впрок,
и хоть свалили истукана-сталина,
его присутствие трансцендентально,
пока в Россию не вернётся Бог.
А медитации с недавних пор
являются как следствия из факта:
нижегородцы пригласили Фауста
и снизили костромичам подпор...

* * *

Известен миру Герострат.
Был у него известный брат
(теперь известный только мне),
он жил на стороне.

Весьма достойный господин
в Александрию из Афин
является: позор! беда! –
и сам сгорает со стыда.

Геростратиды, сыновья
(увы, их знаю только я)
пошли, по счастью, не в отца
благоволением Творца.
И лишь побочный пра-пра-внук
родился, лютей до наук,
и допытался до того,
что опровергнул Естество –

презрел себя как Божью тварь
и землю сжѣг – как пращур встарь.

* * *

Я шѣл весѣлый и живой,
мне улица принадлежала –
еѣ метель перебежала,
сверля каменя мостовой.

Заполночь городок ничей.
Ещё октябрь – но эта прозимь...
...Стоят и гнутся семь смерчей –
вот именно, не шесть, не восемь.

Необъяснимая нужда –
но жаждет небо – землю гложет.
Пруд высосет, поднимет лошадь,
закинет прочь – видали, да?

Ну, эти были поскромней
и не смерчи пока – смерчата.
Дорогая чёрная брусчата,
и семь отметинок на ней.

НА ПОЛЯХ ПЕРЕВОДА

Талгар. Красивее: талл – гар.
Так и слышен металл гор.

Яблоки он наливает желесом.
С живым интересом к казахским пьесам

я прибыл сюда –
переводчик-Балда.

Ну, думаю, беса-то обману –
сюжет занимателен и податлив,
а белый стих – он и сам догадлив,
как старый конь. Ну, родимый, ну!

Эх, балда! И не лень те лукавить?
Хочу тебе эпилог представить:

в красной ложе сидит палач
с красной рожей, и слаще мёда
другу бая Динмухаммеда
душу рвущий сиротский плач.

В этом городе любят власть,
не позволят морально пасть:
при имени Членаполитбюро
встань! – толкнут тебя под ребро.

Не встану! – встал – завтра уеду,
ну вас к вашему динмухаммеду.
Теперь куда?
Ох балда ты, балда.

81 г.

* * *

Поиграла щучка с блесною,
а вот эта штучка со мною –
        тут и сказке конец,
        тут и рыбке пи-
ши пропало,
а мне и горя мало!

* * *

Однажды я в рабочую тетрадку
переписал старинную загадку –
        о как ты близок и родим,
        как хорошо, что непереводим,
        язык могучего Средневековья –
«Что злейше есть хулы и блядословья?»
Отгадка мелкой буквицею: лесьть –
и повторяю: злейше, злейше есть.

БАХМУТ

Был правый берег,
был обрыв-бросок.
Селенье мощно называлось: Бахмут.
Как шёлка парашютного кусок,
степь волновалась.

Левый был распахнут
на сизую под маревом страну
низинную – озёрную – лесную.
(Неровен час: придёт указ,
и на пустыню заливную
погонят чебоксарскую волну...)

Был правый берег-исполин
весь выслоен из разномастных глин.
Таких морщинисто-лобастых
не видывал я сбросов. Верхний слой
был безупречно алебастров
и вряд ли был уже землёй.

Висел на паутинке жаворонок,
ковыль пуховой белизны
перегибался с крутизны,
как с подоконника ребёнок.

Ты спишь привольно как дитя,
смугла под белой власяницей,
раскинувшись, как бы летя,
чуть видимая сквозь ресницы,
так безмятежно, как в раю,
на алебастровом краю.

ПЕРЕВОДЧИК

В нети кануть, в снег зарыться –
и хрипит на русский лад
новый праведник и рыцарь,
даром что лауреат.

Мне тебя перелукавить,
разумея, что к чему –
словно душу переплавить
вниз по времени сему –

по ночной, парной, по звёздной
застывающей реке
в снежной синеве венозной
с теплинёй на бугорке.

Нелюдимый долгий сумрак.
Поживём, душа, в кредит...
ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЕЛИК РАССУДОК, –
скорбный Батюшков твердит.

Ведь на всех достанет лиха,
всякому своя пора,
ведь слонёночка слониха
носит года полтора.

* * *

Глядишь – и сбывается сказка иная.
Неведомым образом ЖАБА ГРУДНАЯ,
холодная и сырая как лёд,
подступит под сердце – сосёт и сосёт...

Сбывается сказка; та жаба немало
горячих сердец на веку иссосала,
жива эта жаба лишь кровью сердец,
и тот, кто пригреет её – не жилец.

То страшная боль, то небесная ласка...
Счастливо сбывается старая сказка,
тогда я не врал и сейчас не совру:
я жабу не трону – я лучше умру –

умру осторожно, светло и безгневно,
и жабы не станет – а будет ЦАРЕВНА –
царевна всех краше, добрей и милей.
Поплачет она над могилой моей...

У ПРИСТУПІ МАЛОДУШІЯ

Вона нэпышетъ – вин нэдишетъ
вжэмисяць: перший ЮБИЛІЙ...
Вин стогнэ: Лэсе... пожалій
алэ вона йогонэслышэть.
Колы нібудь и пожаліе...
Алэ дила, алэ боліе,

алэпысьменница вона
та ще... ще й мужняя жэна
А я хто я? Байстрюк, шпана
Вона мабуць надия вика
Моя ж недоля зла и дика:
вже у карантини я одик...
Вона мені клялася Богом:
навики разом, кохам, кохам!
Алэ – жинка! Алэ мов бык
ее рогатый чоловік.
И може, будэ бэз итога
роман... Алэ и бэз врання
И бильшшчобнэтримати Бога
оцюю точку ставлю я:
отая – трыстаграм тротила
шчобмэни мозг разворотило

АНЗЕР, АЛТАРЬ СОЛОВКОВ

So it Ends whith Friends.
Henley

Две врагини – жена и сестра –
слёз единый родник.
Пламенем берегового костра
пышет мёрзлый плавник.

Ветер с Веста. Припай иглокож.
Сумерки: ночь ли? день?
Красный ковёр: не оторвёшь
пламени от головень.
Только-только пролив стал –
тут же размолот лёд
в мелкий певчий хрусталь.
Салму переплывёт
разве только Байрон –
и вот...

Издалека, где торосов ворс:
– Western, it's worst!
Crazy, crushing the Ice –
so it Ends with Sisters'nd Wives,
with the sweetest Name –
with the whole of the Game,
O, bury me in the Flame!
Nobody but You –

отпусти же, молю,
душу мою
в сумерки декабря
с Анзера-алтаря!

ПАРКОВЫЕ ЛИПЫ

Несущей ветви чёрный выгиб крут,
но паветви отброшены безвольно.
Уж 200 лет, как эти липы врут
торжественно, картинно, безглагольно.

Так вечно лжёт подъёма крутизна,
дуга скрывает мёртвое пространство,
ночными утренниками лжёт весна,
любовью изолгалось постоянство.

Закон вещей – прожиточная ложь.
Питая рост закваскою и брагой,
так бодро, так извилисто идёшь
за нашей похоронной колымагой...

О здравии двоишься как тропа,
рогатка-ветка – ижица и лжица –
как мне рогатина пониж пупа,
хоть там, пожалуй, нечем дорожиться.

Природа-грешница, прости меня.
Себя тебе в подобье вечно гня,
я трижды сломлен был и трижды сросся –
и рухнул – чёрных веток чертовня.
Чуть забелит снежок морщины пня
и ствол изломанного стоероса.

ВОСЕМЬ ЛЕТ

Вся боль, всё безумие – БЛАГО
и страсти достойный исход.
Всё вытерпела бумага
и терпит девятый уж год

И девочка в кои-то веки
в какой-нибудь библиотеке
заплачет от боли моей.
Вот этой – больней всх болей.

Не кончив рифмованной фразы,
не так, как отходят ко сну, –
я вырву твои метастазы,
как буря с корнями – сосну.

Я выйду как выстрел сквозь стену,
но жизни УГАСНУТЬ не дам –
кровавую хризантему
прижав к побелелым губам.

Но девочке в библиотеке
я всё это перебеблю.
Лишь мне, мертвецу и калеке,
известно, что значит: ЛЮБЛЮ.

* * *

Древо ломится и коробится
белым камнем налегли снега
Полунощная Богородица
от любви моей отведи врага

Сколь детей Твоих позагублено
позакопано словно семени
упаси одну что возлюблена
на краю стоит у потемени

Лишь Тебе молюсь и работаю
пред Тобой поник словно лилия
сохрани же спаси рабу твою
дни продли ея утолия ея

Прилетит весной ЧАЙКА ЧЁРНАЯ
будет звать кого не докликнется
Тень Голгофская Мать прискорбная
сирота в миру Ты, Владычица

Весь открыт Твой храм четырём ветрам
вторит всем хорам гулом полнится
весь в заре горит по утрам вечерам
от зари до зари солнцем солнится

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Виленскому Семёну

От Леоновича, попавшего в Семёнову ЗОНУ
и смекнувшего, что отсюда не захочешь на волю...

А Москва по нём (по Л.) плачет, а Кострома тем боле,
а уж Михайловское... а Твардовский Почынок...

Следует перечень причин и причинок
недостойного его (Л.) поведения.

У Семёна утром сон, у меня бденье:
круглый стол – точка при восклицательном знаке
грузинского продолжительного праведного стола.
Речь (моя) о Галактионе, о Пастернаке
и о том, до чего ЭТА СВОБОДА нас довела.

Речи историков, политологов разлива московского: 7
в журнальном отчёте прочтёте, кто чего не сказал. («ДН» № 5)

Назавтра провёл вечер памяти Маяковского.
30 лет... Жаль смертельно... 3 часа – ПОЛОН ЗАЛ.

Еду на Дедковские чтения в Кострому,
потрясаю в воздухе книгой «ЗА ЧТО?»,
а за что – и сам не пойму...
Вот такая вода – в решето, в решето...

Да, ещё в Костроме презентация книги А. Бугрова
с предисловием (Л.), протирающим чьи-то глаза.

Там же – поминовение Евгения Осетрова –
даром что прозвище ему было ГЮРЗА...

А тут зовёт пересыльный Котлас,
Мемориал (И. Андреевой) «СОВЕСТЬ».

Печатаем Штильмарка, Шангина,
готовим (котласские) крестьянские слёзы...

Тут Семён взрывается: – А на
кой тогда хрен твои жесты и позы
жить и плотничать в ЗОНЕ?!

Ах, Семён...

(пауза) есть ещё, понимаешь, резон
И об этом резоне...

Тут загвоздка одна...
Понимаешь, О Н А...

* * *

Квадратура волшебного круга
Корневая система добра
Мюнхен – Питер – Тбилиси – Калуга –
Соловки – Солигалич... Ура!

Нижний Новгород – Пудож – Париж –
Всё родное! – а ты говоришь.

Это вечная наша трёхвёрстка –
Гаги – броды – изба – зимовьё...
Наших жизней алмазная горстка
Наше дружество, быт – бытие.

17 июня 04

* * *

Ну что мне Вам сказать?
Вы – сплетня, Вы – легенда,
и Вам придется стать
деталью монумента.

Неясный барельеф
любивших и любимых,
где Вы, перегорев,
остались струйкой дыма.

Вы предали меня?
Или сама природа?
Но вечного огня
достало на полгода...

А у меня – обрыв:
высоковольтный провод...
Но если я неправ...
Тогда я буду проклят.

<ХУДОЖНИЦА>

Но вот художница сюда идёт,
её волнует гамма цветовая.

Вот за мольбертиком стоит она,
ресницы опустив, как тёмный полог,
поднимет их – душа озарена
моя... И в жар повергнута и в холод.

Вот солнечные пятнышки текут
по синеватой отягчённой хвое,
в наплывах света моховой закут
и всё шатровое, всё стволовое.

И вы взгляните на неё мельком –
кто тут лежит под хвойным одеялом,
под серебристым шёлковым песком
главами на закат – одним повалом.

Её застенчивость и тишина,
коса тяжёлая и стать крестьянки...
Не для того ли мука мне дана –
узнать, какая этому цена –
как Божий дар оценивает янки:

м и с с... Боже, Боже, наказал ты нас!
Рим небывалый издыхает ныне.
Ты замерла, не подымая глаз,
как на торгах славянская рабыня –
всеобщего бесстыдства устыдись.

Пора Возмездья по календарю.
Но ты – Надежда, заруби на память.
Как бабка – Вера... Ей и говорю,
пока рисуешь крестики да паперть:

– Нет, бабка Вера, стоит жить, ей-ей!
И поделом тебе твоя-то мука:
взрастить ораву – восемь дочерей –
чтобы одна такая вышла внука!..

* * *

Снег в Италии на Рождество –
праздник старому Буонарроти:
исчезающее мастерство
или преображение плоти.

Парапеты, карниз, капитель
осияны такой оторочкой,
будто выступил скрытый досель
свет над камнем, свеченье над строчкой.

Снег без умысла и забот
обозначил воскрылия пиний,
перепутал, простер наотлёт
лёгкость мягких танцующих линий.

Мастер керна и молотка,
можешь так? Не ослепла рука?
Скоро грянет десятый десяток,
и каков остаётся остаток?
И себе отвечает: века.

А постичь я успел лишь азы

Но, свободе у снега учась,
я истрачу   вечность
Белый воздух. Кормления час.
Снегопада блаженная млечность

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В КОММЕНТАРИЯХ

КНИГИ АВТОРА

- ВИ** – *Леонович В.* Во имя./ Стихи. – М.: Советский писатель, 1971.
- ВТ** – *Леонович В.* Время твоё./ Переводы из грузинской поэзии. Стихи о Грузии. – Тбилиси: Мерани, 1986.
- ДГ** – *Леонович В.* Деревянная грамота. – М.: Буки Веди, 2014.
- НД** – *Леонович В.* Нижняя Дебря./ Стихи. – М.: Советский писатель, 1983.
- ППБ** – *Леонович В.* Пожарный пёс Бобка./ Для семейного чтения. – М.: Буки Веди, 2022.
- Сим** – *Леонович В.* Симфония отголосков/ Вольные переводы из грузинской поэзии. Статьи. Стихи о Грузии. – М.: Буки Веди, 2021.
- СС** – *Леонович В.* Сто стихотворений. – М.: Прогресс-Плеяда, 2013.
- ХиГ** – *Леонович В.* Хозяин и гость./ Книга стихов. – Спб.: Формика, 1997.
- ХиГ-2** – *Леонович В.* Хозяин и гость./ Книга стихов: Изд. 2-е, перераб и доп. – М.: Научный мир, 2000.
- Явь** – *Леонович В.* Явь./ Стихотворения. Дом Марины Цветаевой. – М.: Праминко, 1993.

АЛЬМАНАХИ, ПЕРИОДИКА

- Авр** – Аврора: Лит.-худож. и обществ.-полит. журнал (Санкт-Петербург).
- Ал** – Алтай: Лит.-худож. и обществ.-полит. альманах Алтайск. отд. СП РСФС; с 1991 г. – Лит.-худож., публицист. и краевед. журнал.
- ВП** – Вохомская правда: Обществ.-полит. газета (Костромская обл.).
- ГД** – Губернский дом: Историко-краевед., культ.-просвет., науч.-поп. журнал (Костромская обл.).
- ДиН** – День и ночь: Лит. журнал для семейного чтения (Красноярск).
- ДН** – Дружба народов: Независ. лит.-худож. и обществ.-полит. журнал (Москва).
- ДП** – День поэзии: Лит. ежегод. поэтич. альманах (Москва).
- ДР** – Дети Ра: Междунар. лит.-худож. журнал Союза писателей XXI в. (Москва).
- Зн** – Знамя: Лит.-худож. и обществ.-полит. журнал (Москва).
- ИиЖ** – Истина и Жизнь: Журнал о человеке, духовности, культуре (Москва).
- К** – Культура: Всерос. обществ.-полит. газета (Москва).
- КК** – Кологривский край: Обществ.-полит. газета Кологрив. р-на Костромской обл.
- КЛ** – Кострома литературная: Лит.-худож. журнал (Кострома).
- Кон** – Континет: Рус. лит., публицист. и религ. журнал (Париж, Москва).
- Кор** – Коростель. Письма из России: Лит. журнал (Москва).
- ЛГ** – Литературная газета: Лит. и обществ.-полит. изд-е (Москва).

- ЛГр** – Литературная Грузия: Литер.-худож. и обществ.-полит. журнал (Тбилиси).
- МГ** – Молодая гвардия: Литер.-худож. и обществ.-полит. журнал (Москва).
- НМ** – Новый мир: Журнал худож. лит.-ры и обществ. мысли (Москва).
- Ог** – Огонёк: Литер.-худож. и обществ.-полит. иллюстр. журнал (Москва).
- Ок** – Октябрь: Литер.-худож. журнал (Москва).
- ПВ** – Пудожский вестник: Обществ.-полит. газета Пудожского р-на Республики Карелия (Пудож).
- П** – Поэзия: Альманах (Москва).
- ПМ** – Плавающий мост: Журнал поэзии (Аугсбург – Москва).
- ПР** – Письма из России: Лит. журнал, изд. Сергеем Яковлевым (Москва).
- Пред** – Предлог: Лит.-худож. альманах (Москва).
- РК** – Русский клуб: Обществ.-худож. журнал (Тбилиси).
- Род** – Родина: истор. иллюстр. журнал (Москва).
- СЖ** – Сельская жизнь: Обществ.-полит. газета Судиславского р-на Костромской обл. (Судиславль).
- СМ** – Сельская молодёжь: Лит.-худож. и обществ.-полит. иллюстр. журнал (Москва).
- Сог** – Согласие: Лит.-худож. и обществ.-полит. журнал (Москва).
- СП** – Северная правда: Обл. обществ.-полит. газета (Кострома).
- Стр** – Стрелец: Рус. лит. журнал (Париж, Нью-Йорк, Москва).
- Ф** – Фома: Православ. культ.-просвет. и информ.-аналит. журнал для сомневающихся (Москва).
- Ю** – Юность: Литер.-худож. и обществ.-полит. журнал (Москва).

АНТОЛОГИИ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ СБОРНИКИ

- АРЛ** – Антология русского лиризма. XX век./ Сост.: А. Васин. – М.: 2000.
- Двр** – Двойная радуга: Стихи и проза рус. и груз. писателей (Биб-ка «Дерево дружбы») – М.: 1983.
- ЕП** – Если пелось про это: Грузия в рус. совет. поэзии/ Сост.: К. Симонов. – Изд. 2-е, доп. – Тбилиси: 1983.
- ЗО** – Зелёный остров: Сб. / Ред. А. Т. Тамм. – Пудож: 1998.
- Маг** – Магистраль: Сб. произвед. участников лит. объединения ЦДКЖ./ Выпуск II. (Ротапринт.) – М.: 1965.
- Над** – Надежда: Коллект. сб. – Парфеньево: 1997.
- ОО** – Один к одному: Современ. поэзия: Антология одного стихотворения. – М.: 2004.
- Рек** – Реквием: Стихи русских советских поэтов. – М.: 1989.
- СВ** – Строфы века: Антология рус. поэзии XX в./Сост.: Е. Евтушенко. – Минск-Москва: Полифакт, 1995.
- СтСт** – Стихи, стихи... Репертуарный сб./ Сост.: Н. Злотников. – М.: «Искусство», 1967.

КОММЕНТАРИИ

В комментариях приводятся сведения, собранные Костромской обл. универс. науч. библиотекой (Леонович Владимир Николаевич: Библиографический указатель литературы. / Сост.: Л.В. Соловьёва; КОУНБ, инф.-библиогр. отд. – 2-е изд., испр. и доп. – Кострома: КОУНБ, 2013) и дополненные составителем настоящего сборника. Значительная часть коммент. основана на частной переписке, беседах с автором, дневниковых записях составителя.

Безусловно, эти данные не претендуют на полноту, но могут стать подспорьем для будущих исследователей творчества поэта. Следует при этом учитывать, что датировка стихов по году издания сборников весьма условна: сб. **ВИ** (1971) пролежал в изд-ве 7 лет, **НД** вышла спустя 12 лет (1983), **ВТ** (1986) ждало выхода 7 лет, **Явь** издана ещё через 7 лет (1993), **ХиГ** – в 1997, **ХиГ-2** – в 2000, послед. прижизн. сб. **СС** – в 2013, сб. **ДГ**, к-й автор успел вычитать на стадии макета, но не увидел напечатанным, – в 2014. Стихи, не пропущенные редакционной цензурой, в лучшем случае попадали в более поздние издания или оставались ненапечатанными.

В некоторых коммент. использованы пояснения, сделанные В. Леоновичем на полях сб. **ХиГ** в 1997 г. для д-ра Вольфганга Казака, директора Института славистики Кёльнского университета, продолжавшего работу над «Лексиконом русской литературы XX века» (М.: Культура, 1996); в коммент. они даны в кавычках с пометой **Каз**. Сборник (тираж 1000 экз.) издан крайне непрофессионально: есть потери строк и строф, страницы в Оглавл. не соответствуют реальному расположению стихотворений и т.д.

В.Л., даря свои книги, иногда помечал галочкой в Содержании наиболее важные для него на тот момент стихотворения. В коммент. их названия (из сб. **ВИ**, **НД**, **ВТ**) подчёркнуты.

Стихотворения, объединённые под общим заголовком, выделены жирным шрифтом лишь в том случае, если они печатались как самостоятельные.

1. ТЕРПЕНИЕ СВОБОДЫ

СЛОВА. – Печ. по: Ал, 1962, №4. Первый поэтич. манифест и обет авт. в служении слову.

ГОЛУБИ. – Печ. по: Ал, 1962, №4.

ЯНТАРЬ. – Печ. по: Ал, 1962, №4.

ЛАЙНЕР И БАБОЧКА. – Печ. по: Ал, 1962, №4. Ср. позднее «Была зелёная вся улица...»

НАДПИСЬ. – Печ. по: ВИ, с. 3. Ст-е с тем же заг. см. в разд. VIII.

ПОЭЗИЯ. – Ал, 1962, №4; печ. по: МГ, 1962, №6. Выдел. курсивом строки сняты редакцией, вписаны рукой авт. в дарств. экз. Ст-е связано с отъездом поэта в Сибирь после II курса филфака МГУ (1959).

«Родная моя, родная...» – МГ, 1962, №6. Строка «на двадцать шестом году» позволяет датировать это и предыдущее ст-е 1959 г. Помета авт.: «Сильно отредактировано». Адресат – С. Орлова, первая жена поэта, мать его старшей дочери Екатерины.

ОБРЫВОК ТРОСА. – Печ. по: Маг, с. 10.

ТУРБИНА. – Печ. по: МГ, 1963, №4.

РАБОЧИЕ ПОЭТЫ. – Печ. по: МГ, 1963, №4; Маг, с. 35.

ИНЖЕНЕРАМ ЗАПСИБА. – Печ. по: МН, 1963, №4. *ИТР* – инженерно-технич. работники. *ТЭЦ* – теплоэлектроцентраль.

КОЗУЛЬКА. – Печ. по: МГ, 1963, №4.

КАМЕННЫЙ ПОЕЗД. – Печ. по: ВИ, с. 8. Со слов авт., в стих. описаны Зимний театр XIX в. (Щукинская сцена) и брандмауэр в саду «Эрмитаж» в Москве (Каретный Ряд, 3). В 2008 г. здание горело, было лишено охран. статуса, в 2022 г. снесено.

«И ветвь оставила сучок...» – Печ. по: ВИ, с. 56; ДГ, с. 91.

«Вам должен сегодня сказать я...» – Печ. по: ВИ, с. 27.

МОРОЗНЫЙ ПОЛДЕНЬ. – Печ. по: ВИ, с. 10. *Баальбек* – по легенде, самый древний в мире, построенный Каином, сыном Адама, город, где поклонялись Ваалу, с чем и связано его название; позже стал называться Гелиополем.

СТРОЙКА СПИТ. – МГ, 1963, №4, с заг. **НОЧЬЮ НА СТРОЙКЕ**, 1-я ред.; печ. по: ВИ, с. 11.

НА АНТОНОВКЕ ВЕСНА. – Печ. по: Ог, 1989, № 17; ДГ, с. 7, с заг. **ВЕСНА В ГОРНОЙ ШОРИИ.**

ПОСЕРЕДИНЕ НОЧИ. – Печ. по: машиноп. из архива авт. Сведений о публ. не найдено. Посв. руководителю ЛИТО «Магистраль» при ЦДКЖ (Центральный Дом культуры железнодорожников) в Москве, членом к-го был В.Л. Цит. в др. версии – в ст-и СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ (разд. V).

РЕСПУБЛИКА ЗАПСИБ. – Печ. по: НД, с. 19.

ПРОРАБ. – Печ. по: НД, с. 22. В 6 строфе, 1-й строке.. опечатка: *руки* вместо *руку*.

«Норпитовская духота...» – НД, с. 23; печ. по: ВТ, с.183. В НД – *норпитовская* («народное питание»; редак. правка), в ВТ – *норпитовская* («нормальное питание»; авт. сноска).

РЕМОНТ. – Печ. по: ВИ, с. 13.

«Шагала отделочница впереди...» – Печ. по: НД, с. 16. Посв. поэту *Сергею Дрофенко*; с ним автор работал в многотираж. газете «Металлургстрой» Зап.-Сиб. металлург. комбината в 1963—64 гг. См. коммент. к ст-ю ГНЕВ.

ВОЗЛЕ СТАНЦИИ ИНЯ. – Печ. по: ВИ, с. 15; на полях: «Напечатано в «Новом мире» ещё у Твардовского» **Каз**; ХиГ, с. 13; ХиГ-2, с. 21; СС, с. 20; ПР: Спец. вып., 2015, в ст. Т. Жирмунской, с. 193. Одно из программ. ст-й., в переписке авт. назвал его «главным».

ЧЕТВЕРО. – Печ. по: ВИ, с.17.

КРАСНОЯРСК. – Печ. по: Зн, 2004, №6.

АНЮТА. – Печ. по: ВИ, с. 71. Одна из сквозных тем творч-ва В.Л. (ср. АДАМОВО РЕБРО, разд. V). Судьба героини А. Каргачаковой, к-рую после статей о ней принялся рьяно опекать комсомол, оказалась печальной (см.: В. Глотов. Оглянись. Жизнь как роман. – М.:ОГИ, 2010).

ВИЖУ РАБОТУ. – Ю, 1970, №11; печ. по: ВИ, с. 32.

УГОЛ ЗРЕНИЯ. – Печ. по: ВИ, с. 34. В послед. годы жизни авт. упоминал это давнее ст-е, подчёркивая его символич. смысл.

НАПРЯМИК. – ХиГ, с. 79, на полях: «*Строительство Западно-Сибирского металлургич. завода (1963—64)*» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 84.

«**Кузнец поклялся распрямить...**» – Печ. по: ВИ, с. 42.

ТАЯНИЕ ЛЬДА НА ВОЛГЕ. – Печ. по: ВИ, с. 77.

ВЕРБЛЮД. – Печ. по: ВИ, с. 78.

«**Цветок под колпаком окаменел...**» – Печ. по: ВИ, с. 76.

«**Свобода берёт своё...**» – Печ. по: СС, с. 4, ст-е 60-х гг., изымалось из сб-ков по цензур. соображениям; ПР: Спец. вып., 2015, с. 189, в ст. Т. Жирмунской.

«**Цепочка фонарей...**» – Печ. по: ВИ, с. 74.

ТОЛПА. – Печ. по: НД, с. 18. Послед. строка снята редакцией (видимо, по цензур. соображениям). Одна из ключевых тем творч-ва и жизни В.Л., унаследов. от Пушкина: нравств. противостояние поэта, мыслящей личности вообще – толпе, большинству.

ГОВОРЯЩИЙ ПРАВДУ. – ВИ, с. 54; печ. по: НД, с.79. Предполож. ст-е адресовано Г.М. Левину. Возможен и др. прототип.

СЕРАЯ ЖЕЛТУХА. – Печ. по: Ю, 1988, № 1(392). В нач. ред. (машиноп.) – реальная фамилия партийного функционера: Шамин. Связано со статьёй В.Л. к 70-летию Маяковского (1963) в газете «Металлургстрой», после публик. к-рой он был уволен. Об этом см.: *В. Леонович. Крик лебедя: ДиН, 2009, №1—2.* «...Леонович написал о тех, кто травил Маяковского. Цитировал стихи Евтушенко, чьё имя было под запретом, и проводил прозрачные параллели: преступные действия по отношению к большим поэтам совершаются и сегодня» (*В. Глотов. Оглянись. Жизнь как роман.* – М.: ОГИ, 2010. Цит по: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/321081-vladimir-glotov-oglyanis-zhizn-kak-roman.html> Дата обращения 22.03.2023).

СТРАХ. – Печ. по: НД, с. 20; ДН, 1999, №4 (в ст. авт. «Продолжение диалога»). Ст-е 2-й пол. 1960-х – нач. 70-х гг. Связ. с обыском и допросами в КГБ по «делу А. Брейслера» (1957) и др. случаями столкновений авт. с системой идеологич. подавления.

ДРУЗЬЯМ ТЕХ ЛЕТ. – ХиГ, с. 68, без даты, с заг. ДРУЗЬЯМ, 2 послед. строфы отчёркнуты авт. на полях **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 72, без даты; ПР: Спец. вып., 2015, без заг. и посвящ., без 2-х послед. строф, в письме И. Дедкову от окт. 1974: «*Посылаю тебе стихи, которые ты давно знаешь*».

* * * <БЕЗ НАЗВАНИЯ>

1. «Двадцатилетний, желторотый...»

2. «Черта. Воздушного припая...» – Печ. по: ВИ, с. 50.

«**Нелепая русская тяга...**» – ВИ, с. 43, 1-я строка испорчена цензурой: ...*властная тяга*, в авт. машиноп. экз. 4-я строка 2-й строфы – «*и ждёт под дверьми, как конвой*»; печ. по: Явь, с. 80; СС, с. 23.

«**Платформы старенький настил...**» – Печ. по: ВИ, с. 21. Имеется в виду «Маленькая ночная серенада» В.А. Моцарта. Унаследовав от бабки и матери материнственность и обладая абсолютным слухом, В.Л. был чрезвычайно восприимчив к музыке как таковой, к музыке речи и «музыке» мира (см. ст-я ЗА ЗВУКОМ; СТРОЙКА СПИТ; «Потрескивало и густело...»).

ЗА ЗВУКОМ. – Печ. по: ВТ, с. 201; в раннем машиноп. вар. концовка: «...разумные уста мои./ И я за звуком потянулся./ и я уснул на сотню лет./ и зрячий и другой вернулся/ на этот сумеречный свет»; ХиГ, с. 283, с посвящ. Белле Ахмадулиной, 4-я строка 3-й строфы – «разумная уста мои»; ХиГ-2, с. 283, без посвящ.; Ф, 2013, №3(239).

«**Погрескивало и густело...**» – Печ. по: ВИ, с. 86, с авт. испр.: послед. строка была испорчена редакц. цензурой: «...летняя Москва».

«**Всё я хочу написать...**» – Печ. по: Ю, 1970, №11; ВИ, с. 80; ДГ, с. 17.

«**Напишу ли я роман...**» – Печ. по: Явь, с. 57.

НЕМЫЕ. – Печ. по: ВИ, с. 30.

ТАК НАДО. – Печ. по: СтСт, с. 62; ВИ, с. 36; изд-вом выброшена послед. строфа, в 7-й строфе бдительная правка в духе «высоких норм социалистич. морали»: вместо авт. *Бутылка коньяка* напечатано: *И стопка*. В дарств. экз. рукой авт. восстановлен первонач. текст, внизу приписка: *Портили без меня*.

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ АРТПОЛКА. – Печ. по: ДН, 2007, №7; ПР, 2010, № 1(5); СС, с.85; ДГ, с. 12, без посвящ. *Служил у Ковпака – С.А. Ковпак (1887—1967)* во время Великой Отечеств. войны был организатором партизанского движения. Дважды Герой Сов. Союза.

ГОРОХОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ. – ДН, 2007, №7; печ. по: ДГ, с. 11.

ТЁПЛОЕ. – Печ. по: ПР: Спец. вып., 2015, с. 162. Прочтение поэмы на ЛИТО «Магистраль» стало причиной разгона студии в 1968 (?) г. по доносу, где поэма была названа порнографической. В рукописи её прочёл Твардовский, но в НМ она, разумеется, не могла быть опубликована (см. об этом: *В. Леонович. Землёй и верой.* – ДН, 1992, №5—6).

СИГНАЛИСТКА. – Печ. по: ХиГ, с. 33, на полях: «ст. *Чернореченская Красноярской ж. д.*» Каз; ХиГ-2, с. 38.

«**Я тысячи мотивировок...**» – Печ. по: ХиГ, с. 127. *А. Кондратьев (1934—ок. 1990)* – друг автора, детский поэт, с подростки. возраста был парализован. В.Л. иногда возил его в коляске на прогулки. Понимая ограниченность впечатлений жизни инвалида, посоветовал ему писать стихи не для взрослых, а для детей. На стихи А.К. написал неск. песен композ. Г. Гладков.

ЦЭЛ ЖИЗН. – Печ. по: ХиГ, с. 39, на полях: «*Шуя; Гороховецкие лагеря (1955)*» Каз; ХиГ-2, с. 46. *Пенсий много накопилось* – Отслужив в армии 2 года, В.Л. получил ревмокардит и был комиссован; оформлять полагающуюся ему инвалидность и пенсию отказался.

НО ТОЛЬКО ТАК. – Печ. по: ХиГ, с. 234; ХиГ-2, с. 242. Посвящ. *Е. Глотовой* (см. в: *В. Глотов. Оглянись. Жизнь как роман.* – М.: ОГИ, 2010).

«**Нестерпимы проволочки...**» – Печ. по: Явь, с. 51; ст-е не было напеч. в сб. ВИ – идеологич. цензура.

СТРАСТИ ЕГОРИЯ. – Печ. по: ВИ, с. 65; НД, с. 76; ХиГ, с. 11; ХиГ-2, с. 20; СС, с. 18. *Угорья – здесь:* угри, змеи. *Лесть Велиара* – обман, соблазн дьявола.

«**В дебрях крупноблочного квартала...**» – ВТ, с. 181; П, 1988, вып. 49; печ по: Явь, с. 122; ИиЖ, 1993, № 11–12; Ф, 2013, №3(239).

«**Мне хорошо – мне выпал дар безмерный...**» – Печ. по: ВИ, с. 52.

ЗАЗОР НАД ПРОЗОЙ. – Печ. по: ХиГ, с. 271; ХиГ-2, с. 275; посвящ. *А. Коркиной* (поэтесса, балерина, журналист, театр. критик).

«**Я с тобою буду кроток...**» – Печ. по: НД, с. 66; ВТ, с. 201; Явь, с. 110.

«**У Вас прекрасное лицо...**» – Печ. по: ВИ, с. 53.

«**Я рисовал нехитрую картинку...**» – Печ. по: ЛГр, 1971, №7; ВИ, с. 67; ДГ, с. 9.

«**Я вышел из унылой гари...**» – ЛГр, 1970, №1, с заг. В ЛЕСУ, В АПРЕ-ЛЕ; ВТ, с. 203, без посвящ.; ХиГ, с. 216, без посвящ.; АРЛ, 2000; печ по: ХиГ-2, с. 228; ДГ, с. 41. Адресат стих. – А. Калмыкова, литератор, редактор.

«**Небезгреховна, безвинна...**» – ИиЖ, 1993, №11–12; печ. по: Явь, с. 58; СС, с. 38.

ГНЕВ – Печ. по: НД, с. 17, ДиН, 2009, №1—2, без 3-й строфы. С.П. Дрофенко (1933—1970) – близкий друг, поэт, журналист, работал с В.Л. в Сибири, зав. отд. поэзии в ж. «Юность». Умер в результ. несчаст. случая. В.Л. роднили с ним любовь к Пушкину, верность классич. традиции в поэзии, высокие идеалы юности. С С.Д. связаны ст-я «У двух могильных ям...», «Шагала отделочница впереди...». Л. разобрал архив С.Д., содействовал посмертному изданию его книг.

ЧЕЛОВЕКУ ЖИВОМУ. – Печ. по: Явь, с. 59. Имеется в виду памятник С. Есенину на Ваганьковском кладбище в Москве.

ВКУС. – Печ. по: Ю, 1970, №11; Явь, с. 56; ст-е конца 60-х; в раннем вар. 4-й строфы было: «... так живи – не отвори лица/ от неоспоримой музыкальной/ той каденции, того конца». Адресат – Д.Н. Голубков (1930—1972) – близкий друг В.Л., поэт, прозаик, художник, редактор; застрелился в ноябре 1972 г. В.Л. обмолвился по поводу этого стих.: «Напророчил я Мите». Ему посвящ. ст-я, напис. в разные годы: «У двух могильных ям...»; ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ГОЛУБКОВА; ОКТЯБРЬ.

«**У двух могильных ям ...**» – Печ. по: НД, с. 21; ДН, 1999, №4 (в ст.: В. Леонович. Продолжение диалога); ВП, 1991, 3 авг. Посвящ. С. Дрофенко и Д. Голубкову. Ранний вар. 5-й строфы: «И вот тебе завет и жизни лишний выдел./ Как Митя видел свет, как переходы видел!».

ОКТЯБРЬ. – Печ. по: ХиГ, с. 199. Ст-е написано четверть века спустя после гибели Д. Голубкова.

РАССУЖДЕНИЕ. – Печ. по: ЛГр, 1970, № 1. Б.А. Костюковский (1914—1992) – сов. писатель, драматург, публицист, автор популярных детских книг. Уроженец Канска, он много помогал молодым литераторам из Сибири: А. Вампилову, А. Преловскому, В. Распутину и др. В.Л. в разные годы жил на его подмоск. даче в писательском пос. в Красной Пахре, куда захаживал А.Т. Твардовский (см. об этом в поэме ТВАРДОВСКИЙ). В.Л. написал предисл. к кн.: Б. Костюковский. Избранное. – М.: Сов. пис., 1984. Ему посвящ. ст-е СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ.

ЭЛЛЕФЕРИЯ. – Печ. по: ВИ, с. 6. В сб. рукой автора в 3-й строке 2-й строфы «Я жизнью для тебя живу» исправлено на: «Я жизнь для тебя живу».

НА КАМНЕ. – Печ. по: Явь, с. 8; ДГ, с. 36.

ТЕРПЕНИЕ СВОБОДЫ. – Печ. по: Явь, с. 5; ХиГ, с. 110; ХиГ-2, с. 107; ПР: Спец. вып., 2015: в письме И. Дедкову от 21 окт. 1975 привед. только 2 первые строфы, но есть последняя, отсутствующая в книж. публикации: «Ещё вернётся время,/ в котором ты погиб, –/ движениями всеми/ столь совершенно влпи».

МАМЕ. – Печ. по: НД, с. 82.

«**Твоему я дивился терпению...**» – Печ. по: ИиЖ, 1993, №11–12. Ст-е 1960-х гг. Переложение фрагм. послания Ангелу Эфесской церкви из Откровения Иоанна Богослова: «Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак, вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела...» (Библия: Откр 2:3–5).

«**Пишу на всякий случай...**» – Печ. по: ВИ, с. 90. Ср. концовку стих. «Небезгреховна, небезвинна...» («*Но Боже, участью моею/ любимых не отяготи*»).

ПОСВЯЩЕНИЕ. – Печ. по: ВИ, с. 92.

II. НЕБОМ ЕДИНЫМ

«**Сквозь дождь и дерево нагое...**» – Ю, 1976, № 8; ДП, 1977; печ. по: НД, с. 25; ВТ, с. 166; Явь, с. 6; ХиГ-2, с. 307; Ф, 2013, №3(239); СС, с. 3; ДГ, с. 82. Одно из программ. ст-й авт.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1. «Священны, Гамлет, узы естества...»
2. «Я горя не могла перенести...»
3. «Не знаю, женщина. Перед тобой...»
4. «Вот роль: себя не зная – всеми быть...»
5. «Как у Шекспира пляшет строчка!..»

Печ. по: НД, с. 60. Под тем же общим заг. – др. группа стих. («Сплю и складываю печь...», разд. VIII). *Саксон Грамматик* (ок. 1150 – ок. 1220) – датский хронист, авт. «Деяний данов», где записаны древнейшие скандинав. саги. Одну из легенд использовал Шекспир, создав на её основе трагедию «Гамлет».

ПРАВА ОTCОВCTBA. – Печ. по: ВИ, с. 84; Сим, с. 474. Связ. с переводческой работой в Грузии, которой поэт отдал четверть века.

ПУШКИН ПЕРЕВОДИТ. – ЛГр, 1971, №7 с заг. ПУШКИН ПЕРЕВОДИТ МИЦКЕВИЧА; печ. по: НД, с. 62; Сим, с. 474. Ст-е конца 1960-х гг. В этот период В.Л. ищет свой метод переводч. работы: отказываясь от перевода филологического, максим. близкого к оригиналу, и оставляет за собой, следуя в этом за Пушкиным, свободу сотворчества с переводимым автором. *А.Б. Мицкевич* (1798–1855) – великий польский поэт, публицист, переводчик, драматург, деятель нац.-освобод. движения, родонач. литов. и белорус. национ. литератур. *Валленрод* – поэма Мицкевича «Конарад Валленрод» (1828). *В.А. Жуковский* (1783–1852) – поэт-романтик, лит. критик, педагог, реформатор рус. стиха, литер. наставник Пушкина. «**Минуют немалые годы...**» – Печ. по: ПР: Спец. вып., 2015, в письме И. и Т. Дедковым, декабрь 1974 (?).

СЕМЬ ЛЕТ. – ЛГр, 1971, №7, без заг., с посвящ. *А. Межирову*; печ. по: ВТ, с. 175; Сим, с. 503. А.П. Межиров (1923–2009), которого В.Л. считал учителем в поэзии, «привёз» его в Грузию. Как иллюстр. творч. метода В.Л.: строки «*Судьба горит? Какое ослепленье –/ и красное и белое каленье, и смута злостная, и суэта!*» перетекли в перевод стих. Г. Табидзе «Не жалуйся на время»: «*И всё недаром. И утраты – впрок./ И красное и белое каленье –/ Чтобы когда-нибудь ты превозмог/ Позор и ужас самоистребленья*».

«Утрудился, занемог...» – Печ. по: ВТ, с. 202; Явь, с. 64. Годы работы В.Л. в Грузии потребовали переосмысления прежних худож. критериев и заметно сказались на творчестве самого поэта. *В. Ван Гог* (1853—1890) – нидерланд. художник-постимпрессионист. *Боринаж* – бедный шахтёрский р-н, где Ван Гог проповедовал, учил детей, посещал больных и начал занятия живописью. *Ж.Ф. Милле* (1814—1875) – фр. художник, один из основат. Барбизонской школы; жизнь крестьян – основная тема его работ.

НАПУТСТВОЕ. – Печ. по: НД, с. 4; ВТ, с. 190, без заг.; ПР: Спец. вып., 2015, с. 184, без посвящ. *Э.А. Фейгин* – прозаик, сценарист, член редкол. журнала «Литературная Грузия» (Тбилиси); участник Великой Отечественной войны.

СВЕТИЦХОВЕЛИ. – Печ. по: ВИ, с. 94; ВТ, с. 188; ХиГ, с. 142; ХиГ-2, с. 138; Сим, с. 478. Ст-е вошло в поэму ЧЕТВЕРИК (см. коммент.). *Цеп-пелин* – жёсткий дирижабль, названный так по имени его изобретателя.

«Родные! Я исчез...» – Печ. по: ВТ, с. 180; ХиГ, с. 143; Сим, с. 477. *В области надира* – надир – направление силы земного притяжения, противоположное зениту.

«Море, труженик идеи...» – Печ. по: ВТ, с. 166.

В ГОРАХ. – ЛГр, 1978, №9, без посвящ.; печ. по: НД, с. 45; ВТ, с. 170, без посвящ.; ХиГ, с. 117, в посвящ. – ошибка издателя: *Памяти Майи Луговской*, испр. авт. на полях: «*вдове Вл. Луговского; она была ещё жива*» **Каз;** ХиГ-2, с. 112. *М.Л. Луговская* (Е. Быкова) (1914—1993) – прозаик, поэт, худож.; по первой профес. – гидролог. Прозу печатала под девичьей фам. Молва приписывала ей дар ясновиденья («добрая ведьма»). В.Л. говорил, что в Майю её «переименовал» муж, поэт В. Луговской. *Лаура де Нов* – адресат ст-й безответно влюблённого в неё *Ф. Петрарки* (1304—1374) – итал. поэта, священника, творч-во которого открыло эпоху Возрождения.

НАРИКАЛА. – ЕП, с. 189; печ. по: ВТ, с. 184; Сим, с. 501.

«Ба – тумм!...» – Печ. по: ВТ, с. 168; Сим, с. 500.

КАЖДОМУ КЛЮЧУ. – ВТ, с. 177, с заг. ТВОЁ ГОРЕ; печ. по: Явь, с. 23; Сим, с. 478.

ИЗ ДНЕВНИКА. – Печ. по: ЛГр, 1971, №7; ЕП, с. 184. Есть ст-е с тем же заг. («Честь пропьём и совестью закусим...»), разд. IV).

ЧЕТЫРЕ БАЛЛАДЫ. – ЛГр, 1978, № 9; Сим, с. 489; все 4 балл. публик. только в указ. изд-ях.

НА ПОЛЕ КРАСНЫХ МАКОВ. – Печ. по: ВТ, с. 176; ХиГ-2, с. 139, без подзаг. *Из Маркеса*, Сим, с. 489. Г.Г. Маркес (1927—2014) – колумб. прозаик, лауреат Нобелев. премии.

«И туда я вошёл высоко...» – Печ. по: ЛГр, 1978, № 9; Сим, с. 489.

«О чём же, о чём же? О молнии зябкой...» – Явь, с. 50, без посвящ.; ХиГ, с. 118, с посвящ. *Шуре*; печ по: ХиГ-2, с. 113; Сим, с. 490. Сноски разнятся: в Явь и ХиГ-2. Адресат – *А.С. Цыбулевский* (1928—1975) – поэт, прозаик, литературовед; в 1948—1956 гг. репрессир.. Ему посвящ. неск. стих В.Л. См. также: *В. Леонович*. Красное зимнее вино./ ДН, 1994, №6.

«Одни шатильони ушли...» – НД, с. 52, с заг. МЗИА, без посвящ.; ЕП, с. 188, без посвящ.; ВТ, с. 205, с заг. МЗИА и посвящ.; печ по: ХиГ, с.

100; ХиГ-2, с. 99; Сим, с. 491, с загл. и посвящ. *Г.М. Рчеулишвили* (1934—1960) – грузин. писатель; трагич. погиб, спасая тонущую в море русскую девочку.

«**О жизни пёстрой полоса!**...» – Печ. по: ЕП, с. 189.

«**Одна черешенка стоит...**...» – ЕП, с. 184; печ. по: ВТ, с. 174; ДГ, с. 25; Сим, с. 486.

НИКА. – Ю, 1974, №5; ДП, 1978; НД, с. 67; ВТ, с. 167, без загл.; Явь, с. 97; печ по: ХиГ-2, с. 126. Имеется в виду антич. скульптура Ники Самофракийской (II в. до н.э.), символ победы в морском сражении; экспонир. в Лувре (Париж). Упомян. также в: ПАМЯТНИК ПИРОСМАНИ.

ОТРОК. – Печ. по: ВТ, с. 167. Как бы не хотелось, чтобы читатель извлёк из этого стих. модный непотребный смысл! Здесь – психологич. портрет переходного возраста, увиденный глазами природы-матери.

«**В скалу врезается асфальт...**...» – Печ. по: НД, с. 50; ВТ, с. 172.

«**Мальчишеский голос чистейший...**...» – НД, с. 44; ВТ, с. 176, без посвящ.; ХиГ, с. 138 (в 4-й строфе издателем потеряны две первых строки); печ по: ХиГ-2, с. 135.

РАЗДЕЛЯЯ ГРАНИТЫ. – НД, с. 67, без загл.; ХиГ, с. 87, без загл.; ХиГ-2, с. 91; печ по: ДГ, с. 23; Сим, с. 499. В сб. НД 3-я строфа, 4-я строка – «там, где зубчатый весь окоём» (возможно, редакц. правка). В последующ. изд. испр. автором: «А свобода – во весь окоём!».

НЕ ПОЖАЛЕЮ. – ЛГр, 1978, №9; НД, с. 34; печ. по: ВТ, с. 187. *Лорелея* – прекрасная речная дева, околдовывающая своим пением (у древ. греков – сирена); героиня одноимён. ст-я Г. Гейне.

«**Энциклопедия всей любви...**...» – Печ. по: ВТ, с. 179. Адресат любов. лирики груз. периода творч-ва В.Л. – *Кира Вольфензон*, жена его друга А. Цыбулевского. Роман породил много кривотолков; важно, что В.Л. открыто сказал о своём чувстве Шуре, их мужская дружба была сохранена, как и брак Цыбулевских. После смерти мужа Кира с сыном уехала в Израиль. Сегодня никого из героев этого романа уже нет в живых, что позволяет назвать их имена.

«**От подземельного толчка...**...» – НД, с. 46; ХиГ, с. 106; печ. по: ХиГ-2, с. 103.

«**Шёл, кажется, я на вокзал...**...» – ДвР, с. 273; печ. по: ЕП, с. 190; ХиГ, с. 107.

«**Заплачет ни о ком...**...» – Печ. по: ВТ, с. 179.

ДЖВАРИ. – Ю, 1974, №5; НД, с. 49; ВТ, с. 206; печ. по: Сим, с. 495. *Джвари* (груз. крест) – Крестовая гора, где, по преданию, воздвигла крест св. Нина, просветительница Грузии. Так же назыв. монастырь с церковью VII в. Считается местом действия поэмы Лермонтова «Мцыри».

«**Кривое дерево реликтовых...**...» – НД, с. 48; печ. по: ДГ, с. 21. В ДГ авт. пояснение: *Колхида* и коммент.: «В некоей прошлой эре был гигант – в этой стал карликом. Стоило ли выживать? Но древесина уподобилась камню и гнить отказывается. ...сработала генная инженерия – «на понижение». Быть может – временное?».

«**Метель в печной трубе...**...» – НД, с. 44; ХиГ, с. 144, конеч. 3 строки потеряны; печ. по: ХиГ-2, с. 140; Сим, с. 493.

«**Пегухи поют вторые...**...» – Печ. по: НД, с. 47; ВТ, с. 187, с авт. правкой: снята 2-я строфа.

«Сиди и напевай...» – НД, с. 46; печ. по: ВТ, с. 184; Сим, с. 498. *Gekommen ist der Maie* – начало стих. Генриха Гейне, чью поэзию В.Л. любил и знал с детства, читал в подлиннике. «Когда был мальчишкой, думал по-немецки» (Зн, 2004, №6).

«Ветреной ночью платан шелестит...» – ДП, 1978; НД, с. 53; печ. по: ВТ, с. 194; ДГ, с. 29.

НА БЕРЕГУ. – НМ, 1993, №10, с заг. У МОРЯ; печ. по: ХиГ-2, с. 124, добавлена концевая строфа.

КИПАРИСЫ. – П, 1988, вып. 49; печ. по: Явь, с. 25; ДГ, с. 24; Сим, с. 492.

КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРАВЕДНОЙ НУЖДОЮ. – Печ. по: ДвР, с. 272, сноски по НД; ЕП, с. 186; НД, с. 32, без заг.; Сим, с. 480, без заг. *Вани* – с 1981 г. город в регионе Имеретия, древнейший в Грузии, архелог. музей-заповедник. Неподалёку – с. *Чквиши* (Чквисси), где родились двоюродные братья, поэты Галактион (1892—1959) и Тициан (1895—1937) Табидзе.

ВРЕМЯ ТВОЁ. – ЕП, с. 185, с нумерацией стих.; печ. по: ВТ, с. 195. Цикл из 4-х ст-й., посвящ. Г. Табидзе, дал назв. сб. переводов и стих. о Грузии (1986). В др. изд-ях печатались отдельн. ст-я из этого цикла в разных авт. ред.

«Есть одно такое диво...» – ЕП, с. 185; ВТ, с. 195; Сим, с. 479.

«Красота не виновата...» – ЕП, с. 185, без 3-й строфы; НД, с. 33, 1, 2, 4 строфы + «В полдень белый...» – как одно стих. с заг. ГАЛАКТИОН; ВТ, с. 196; ДГ, с. 27, как в НД; Сим, с. 481.

«В снежном поле, в чёрной бане...» – ЕП, с. 185; ВТ, с. 197; Сим, с. 482.

«В полдень белый невозбранно...» – ЕП, с. 185; НД, с. 33, продолж-е ст-я «Красота не виновата...»; ВТ, с. 197; ДГ, с. 27, как в НД; Сим, с. 483. Улочка назв. в честь *Марселя Кашена* – франц. коммуниста, деятеля Уминтерна, друга СССР. *Майдан* (Мейдан) – площадь в Старом городе в Тбилиси.

ГАЛАКТИОН ЧИТАЕТ. – ВТ, с. 172; ХиГ, с. 92; печ. по: ХиГ-2, с. 94; Сим, с. 484. В.Л. слушал записи голоса Г. Табидзе, просил грузин начитывать ему стихи Г., чтобы уловить музык. строй, звуковой облик его поэзии. «Он мыслит звуками, отблесками реальных явлений, он оставил нам музыкальную летопись эпохи» (В. Леонович. Переводчик, сломай карандаш! – Сим, с. 338).

«О чём ты думал? Образ мысли...» – Печ. по: ВТ, с. 174; 1986; Сим, с. 487. См. коммент. к стих. ТАВИСУПЛЕБА.

«Разной крови – той же кожи...» – ЕП, с. 187, без 4-х концевых строк (*Грозной скорби разрешенье...*); печ. по: НД, с. 54; Сим, с. 476. Своё переводч. кредо В.Л. сформулир. в этом и след. ст-ях. См. также **ДОВЕРЬСЯ СЧАСТЬЮ.**

ПЕРЕВОДЧИК, СЛОМАЙ КАРАНДАШ. – ЕП, без 1-го двустушия, с др.концовкой: *Эй, бродяга, счастливцев, Улисс,/ всё пройди, всё прими, всё отдай/ и судьбою предсмертной – продлись –/ столько жизни – не вынести – вай! – // невозможно – и врать не берись./ Кари крис, кари крис, кари крис...* ; ХиГ, с. 124; печ. по: ХиГ-2, с. 118; КЛ, 2011, №4 (11), в ст. «Переводчик, сломай карандаш»; Сим, с. 488.

ТАВИСУПЛЕБА. – ЕП, с. 187, без заг.; НД, с. 35, без заг.; ХиГ, с. 93; печ. по: ХиГ-2, с. 95; СС, с. 47; КЛ, 2011, №4(11), в ст. «Переводчик, сломай карандаш»; Сим, с. 488. В ХиГ, во 2-й строфе, подчёркн. слово *увозят*, на полях: «*выдворение Солженицына*», «*17 марта 1959 г. Г. выкинулся из окна больницы – в ответ на предложение (осудить) предать Б. Пастернака. Этого мне хватило на 7 лет вдохновения*» **Каз.** Груз. тависуплеба стало в 1960—70-е гг. для близкого круга В.Л. паролем свободы, дружеским приветствием; этим возгласом В.Л. иногда заканчивал свои выступления.

«**Друзья мои, вы есть, вы были...**» – ЕП, с. 190; НД, с. 51, без послед. строфы (возм., редакцион. правка; печ. по: ВТ, с. 170; Сим, 485. *Тринадцатую главу... – 13-ю главу из 1-го Посл. апостола Павла Коринфянам, кот. называют гимном любви. Обры (авары) – кочев. монголоязыч. племя; иберы – древн. предки испанцев, а также кавказ. иберы, в IV—III вв. до н.э. образовавшие госуд-во Иберия в Восточ. Грузии (Картли).*

«**В рай попал по ошибке...**» – ХиГ, с. 120; печ. по: ХиГ-2, с. 115. *Л. Браиловская – сотрудница редакции журн. «Литературная Грузия».*

ОТРЫВОК. – Явь, с. 48, без 3-й строфы и заг.; ХиГ, с. 130; печ. по: ХиГ-2, с. 130. В.Л. гордился своими польскими корнями (бабка по отцу была из рода Мицкевичей; см.: ИМЯ ПРАДЕДОВО, разд. III), хорошо знал творч-во А. Мицкевича. Возможно, здесь литер. реминисценция или реалн. эпизод, переосмысленный в этой стилистике. Ср.: МАКИ.

ПАМЯТНИК ПИРОСМАНИ. – ВТ, с. 181, с заг. ПИРОСМАНИ, 2-я строфа в этой ред. – «*Что значит воля? То, что он/ пред Богом – вольно и сурово/ от имени всего живого/ стоит – коленапреклонён*» отсутств. в последующих версиях; ХиГ, с. 102, на полях: «*Фигура покаяния самого Элгуджи Амашукели, автора многих героических – в кавычках и без – изваяний*» **Каз;** ХиГ-2, с. 101; печ. по: СС, с. 41; Сим, с. 504. Э.Д. Амашукели (1928—2002) – грузин. скульптор, книж. иллюстратор, Народ. худож. СССР, автор 20-метровой алумин. скульпт. «Мать Грузия», монум. Победы и т.п. – и памятника худож.-самоучке, представителю наивного искусства Нико Пиросмани (1862—1918).

УВАЛЫ. – Печ. по: Явь, с. 76; Сим, с. 513. *Этери Думбадзе (1923—2004) – литератор, театр. критик, искусствовед, жена Г. Маргвелашвили (см. стих. ИЗ АЛЪБОМА), автор кн. «Искусство слова. Слово об искусстве» – Тбил.: 1979. Амедео Модильяни (1884—1920) – итал. худож.-экспрессионист, скульптор. В ст-и имеется в виду история одного портрета кисти Модильяни: заказчик, не увидев сходства, забросил картину на чердак; спустя годы портрет нашёл сын и узнал в нём... себя. В поэме ТВАРДОВСКИЙ: «И снова, глядя на отца, напишет сына Модильяни...» – о призвании художника проникать в «душу явлений», не заботясь о внешнем правдоподобии.*

«**Это что же?...**» – Печ. по: ВТ, с. 178; Сим, с. 504.

РЕВНОСТЬ. – ХиГ, с. 121, посвящ. И.О.; печ. по: ХиГ-2, с. 116. *Изольда Орджоникидзе (1938—2010) – поэтесса, литературовед, дважды была директором Музея груз. литературы им. Г. Леонидзе. О сути конфликта сведений нет. Пассионария – здесь: страстная, пламенная. Отец не тот сын Хама – отсылка к библ. рассказу о праотце Ное и его сыне Хаме, посмеявшемся над спящим хмельным отцом.*

МАКИ. – НД, с. 53, без сноски; ВТ, с. 198, без заг.; печ. по: Сим, с. 493.

«**Вижу: давно идёте...**» – ВТ, с. 169; ХиГ, с. 109; печ. по: ХиГ-2, с. 106; ДГ, с. 29; Сим, с. 494.

«**Сердце, без меры упорное...**» – ВТ, с. 194; ХиГ, с. 145; печ. по: ХиГ-2, с. 141.

ЗИМНИЕ СТИХИ. – Не публиковалось (?). В письме Н. Герасимову. Датировка автора. В с. Никола Костромской обл. В.Л. учительствовал в 1971—1973 гг.

«**Блаженная страна...**» – Печ. по: ВТ, с. 182; Сим, с. 501. Гёте вряд ли писал именно о Грузии, но в народ. легенде о Фаусте перед героем открывается видение земного рая с высокой горы на «острове» Кавказ. «... *Ваши почитет Китеж*» – имеется в виду эллинский г. Диоскуриада (Диоскурия), погрузившийся в воду у берегов Абхазии, – аналог Атлантиды или града Китежа.

ГРУЗИНСКИЕ СТИХИ. – ВТ, с. 169, без заг.; ХиГ, с. 88, без 5-й строфы; ХиГ-2, с. 92, как в ХиГ; печ. по: Сим, с. 502. *О.С. Челидзе* (1925—1998) – груз. поэт, перевёл на груз. яз. «Евгения Онегина» Пушкина, «Василия Тёркина» Твардовского. В.Л. перевёл поэму О.Чел. «Моё магнитное поле» о воен. поколении и мн. др. произв. и называл его братом. См. ст-е **ВЕРХОВЬЯ**.

ЕГО СВОБОДНАЯ ОСНОВА. – ВТ, с. 204, без заг. и даты; печ. по: ХиГ-2, с. 104.

ДОВЕРЬСЯ СЧАСТЬЮ. – ЕП, с. 187, без заг.; ВТ, с. 171, без заг.; ХиГ, с. 123, без заг., на полях к сноске: «*обращение – ласково-снихождительное – Галактиона к братьям*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2 2000; СС, с. 39, без заг.; Сим, с. 477. Внутр. разговор с Галактионом о буквализме и счастье вольного перевода.

«**На носках – на носках – на носках...**» – Печ. по: ЕП, с. 189. См. коммент. к ст-ю СЕМЬ ЛЕТ. Ассоциация со ст-м Межирова «Балетная студия». Продолж. разговора с учителем о природе перевода.

ПАМЯТИ ГУРАМА АСАТИАНИ. – ВТ, с. 188, без заг. и 4-х послед. строк; Кон, 1992, № 2(72); ХиГ, с. 115; печ. по: ХиГ-2, с. 111; Сим, с. 505. *Г.Л. Асатиани* (1928—1982) – груз. литературовед, критик. «*Мадонна... с мёртвым сыном*» – скульптура Микеланджело Буонарроти «Оплакивание Христа», или «Ватиканская Пьета» (1499), единств., на кот. есть подпись автора. К этому образу В.Л. обращался не раз. См. след ст-е, а также **ПЬЕТА ПРИМА** («В поруке наших мёртвых дел...», разд. VI).

ПЬЕТА («О милосердии мольбу...»). – Печ. по: ИиЖ, 1993, №11-12; СС, с. 40, с заг. **ПЬЕТА I. Гений** – *Микеланджело Буонарроти* (1475—1564) – итал. скульптор, худож., архитектор, поэт, мыслитель эпохи высокого Возрождения. *Данте Алигьери* (1265—1321) – итал. поэт, мыслитель, богослов, изгнанный из Флоренции за политич. взгляды. *Дж. Савонарола* (1452—1498) – итал. религиоз. и политич. деятель, яростный обличитель нравов, сожжён на костре.

ДВЕ СЕСТРЫ. – ВТ, с. 199; Явь, с. 68; печ. по: Сим, с. 506. Баллада, видимо, перелагает местное предание. В.Л. восхищался панорамой Алазанской долины (Кахетия) и говорил, что, взглядевшись, можно увидеть на крутом горном склоне две женские фигуры.

ОЛЬГА. – ХиГ, с. 94, на полях, к посвящ.: «*Жена Галактиона, тётка Булата, убитая после II ареста*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 96; СС, с. 50; Сим, с. 484. *О.С. Ожуджава* (1888—1941) была арест. в 1930 г. по обвин.

в троцкизме, приговор – 3 г. ссылки; в 1937 г. – 2-й арест, осужд. на 10 лет испр.-труд. лагерей; в 1941 г. заочно, без суда, вынесен приговор к расстрелу за подписью Сталина. Ключевую роль в репрессиях членов семьи Окуджава сыграл Л. Берия. В.Л. полагал, что Ольга погибла в Зап. Сибири («на хлябях Мегиона»); в действит. приговор был приведен. в исполн. в Орловской обл., в Медведевском лесу – месте массовых расстрелов.

АХПАТ-УРПАХ. – Кон, 1992, № 2 (72); ХиГ, с. 111; печ по: ХиГ-2, с. 108. *Ахпат* и *Санаин* – древ. армян. монастыри. В Ахпате в XVIII в. неск. лет жил поэт Саят-Нова (В.Л. переводил его стихи, но напечат. эти перев. не были и неизвестно, сохранились ли они в Грузии). В Санаине был средневек. просветит. центр и книгохранилище. «*Мартирос*» – М.С. Сарьян (1880—1972) – армян. живописец-пейзажист, график, сценограф. «*Эскимос*» – В.Л., очевидно, сближает стиль пейзажей М.С. с полотнами америк. худож.-символиста Рокуэлла Кента (1882—1971), жившего среди эскимосов в Гренландии. Кент побывал в Армении и посетил М. Сарьяна в его мастерской.

ВЕРХОВЬЯ. – ДН, 2000, №5, без посл. строфы, с заг. ПРИ КОСОМ ГОРИЗОНТЕ; печ по: ХиГ-2, с. 122; Сим, с. 520. См. коммент. к ст. ГРУЗИНСКИЕ СТИХИ.

МОНОЛОГ. – ХиГ, с. 132; печ. по: ХиГ-2, с. 131; Сим, с. 516. *Тедо Бекшвили* (1941—1992) – груз. поэт, переводчик, редактор. В публик. сохранено написание В.Л. имени адресата – Тэдо.

ТЕАТР-АБСУРД. – Кон, 1992, №2(72); печ. по: Явь, с. 49; Сим, с. 510. *Г.Г. Маргвелашвили* (1923—1989) – груз. критик, литературовед, переводчик, член редколлегии журн. «Литер. Грузия», где много лет вёл поэтич. рубрику «Свидетельствует вещий знак». Высоко ценил переводы В.Л. из Г. Табидзе, писал статьи о нём. См. ст-е ИЗ АЛЬБОМА.

ТОСКА ПО ВАЖА ПШАВЕЛА. – ХиГ, с. 136; печ. по: ХиГ-2, с. 134; Сим, с. 519. *Важа Пшавела* («сын пшавов») – лит. псевдоним Л.П. Рازикашвили (1861—1915), классика груз. литературы, жившего учительским и крестьянским трудом. *Ахиела*, *Шатели*, *Чаргали* – сёла в Восточ. Грузии, в Чаргали В.П. родился.

НЕЛИКВИДЫ. – ЛГр, 1980, №2, с подзаг. *Фрагменты из поэмы*, – содержит много разночт. с последующ. редакциями, о некотор. потерях можно жалеть: ушла конкретика, поэма стала элегией; печ. по: Явь, с. 52, с подзаг. *Элегия*; Сим, с. 510. *Гурамов Давид* – Д.Г. Гурамишвили (1705—1792) – груз. поэт-предромантик, воин-сподвижник царя Вахтанга, собеседник укр. философа Г. Сковороды. *Исповедь* – цикл автобиографич. лирики («*Давитиани*», «*Слово о полку Игореве*»); в 1938 г. репрессир., в 1963 г. реабилитир. посмертно. В.Л. отрицательно относился к раннему творч-ву Н.З. (книга «*Столбцы*»), в переводах его видел печать несвободы, скованности («*Заточенье. Пересельная торьма*»), признавая мастерское владение стихом. *Орк* – демон загробного мира у этрусков, позже – одно из имён римского бога смерти. *Б.Л. Пастернак* – назван *греком* иронически; см. его портрет в разд. V. *Галактион* – Г. Табидзе. «*Мерани*» – ст. Н. Бараташвили, считающееся вершиной и символом груз. поэзии; также: название издательства в Тбилиси. *Мерани* – крылатый конь в груз. мифологии. «*Совтис*» – изд-во «Советский писатель» в Москве (1934—2009). *И.П. Липранди* (1790—1880) – воен.

историк, деятель тайной полиции, автор воспоминаний о Пушкине. *Н.И. Греч* (1787—1867) – писатель, издатель, журналист, мемуарист.

«**А Вам, Гаянэ, подарить я дерзнул...**» – ХиГ, с. 113; печ. по: ХиГ-2, с. 110. *Г.Л. Хачатурян* (1942—2009) – армян. художница, род. и жила в Тбилиси; работала в стиле магич. реализма (представ. Борхес, Магритт, Шагал); её дар высоко ценили С. Параджанов, Андрей Тарковский.

ЕНИСЕЙСКИЙ ГРУЗИН. – НМ, 1993, №10; ХиГ, с.147; печ. по: ХиГ-2, с. 145; Сим, с. 509. Прототип героя – хирург и поэт Г. Арутюнян, чьи родители – армянин и русская познакомились в енисейской деревне, выйдя из лагерей. «В. из деликатности отдалил героя от прототипа», сделав его по отцу – грузином, а его мать – хакасской (см. в: ПР, Спец. вып., 2015, с. 160, воспомин. С. Кузнечихина).

СИНЬОРИНА ЗВУКОЗАПИСЬ. – ДН, 1997, №10, с заг. ГОСПОЖА ЗВУКОЗАПИСЬ; ХиГ, с. 134; печ. по: ХиГ-2, с. 132; Сим, с. 517.

АНГЕЛ. – Печ. по: ПР, 2010, №1 (5). «*Чемо Сулико*» – из груз. лирич. песни на слова А. Церетели. «*Боль истерзанной страны*»: говорят, «Сулико» была любимой песней Сталина.

СКОТИНА ЧЕЛОВЕК! – ХиГ, с. 119; печ. по: ХиГ-2, с. 114; Сим, с. 516. *Т.П. Чантурия* (р. 1932) – груз. поэт, переводчик. *Аканчатэльной* – авт. переразвивает Сталина, его акцент.

ПОД СОЛНЕЧНЫМ ОБВАЛОМ. – НМ, 2002, №12; печ. по: СС, с. 49. «**За острой желгизною дрека...**» – ВТ, с. 204, в 8-й строке: «*ко всей неведомой родне*» вместо «*замученной*», видимо, редакц. правка; печ. по: Явь, с. 28; Ф, 2013, №3(239); СС, с.48; Сим, с. 514. В.Л. заявляет о духов. родстве с замученным Галактионом Табидзе, с убитым в 1937 г. ударом по голове Тицианом Табидзе и «примеряет на себя» судьбу всех репрессир-х (см. ст-е БЕЛЫЙ СВЕТ в разд. VI).

ДЕДУШКА УБИЙЦА. – ХиГ, с. 96, с посвящ: Б.А.; печ. по: ХиГ-2, с. 97, с посвящ *Белле*; КЛ, 2011, №4(11), в ст. «Переводчик, сломай карандаш»; СС, с. 52; Сим, с. 515. Адресат – поэтесса *Б. А. Ахмадулина* (1937—2010), много переводившая груз. поэтов. Методы переводч. работы Б.А. и В.Л. очень близки, за что оба подвергались резкой критике сторонников филологич. перевода, следующего букве, а не духу оригинала.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ БЕЛЛЫ. – ХиГ, с. 148, часть сносок потеряна; печ. по: ХиГ-2, с. 179. Мама поэта, *О.А. Леонович* (девичья фам. Боголюбская), во время Великой Отеч. войны – майор медиц. службы в Костроме. История, будто курсант Солженицын мог её знать и провожать домой, – допущение автора. «*Мальчик мой Лермонтов*» – В.Л. перифразирует строку «Что, мальчик мой, великий человек?» из стих. Б. Ахмадулиной «Госка по Лермонтову».

ДВЕ МАТЕРИ. – Над; ДН, 1997, №10; ХиГ, с. 146, без посвящ.; печ. по: ХиГ-2, с. 142, без посвящ.; КЛ, 2011, №4(11), в ст. «Переводчик, сломай карандаш»; ДГ, с. 26, без посвящ. *Э.П. Джалишивили* – переводчице груз., персидск. фольклора на рус. язык.

НА КАМЕННОМ ПРИГРЕВЕ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 146; Сим, с. 524. Согласно Житию св. равноапост. Нины, просветительницы Грузии, крест, сплётённый из виноград. лозы, чудесным образом вручила ей Богоматерь. По др. версии, св. Нина, придя в Грузию в 319 г., сама сделала крест, связав прутья лозы своими волосами.

«**За далью времени и боли...**» – Печ. по: Явь, с. 26; Сим, с. 499.

МАТЬ ЭТИХ МЕСТ. – ВТ, с. 207, 3-я и 4-я строфы: *«Гляди, как дерево стоит –/ как будто предка повторило!/ Праматерь знает и таит,/ что минуло и сотворило/ текущий день, и все дела,/ и нас с тобой, детей гордыни,/ что разоряла мир дотла/ и не насытилась донныне»* заменены авт. новой строфой в последующ. публикациях; печ. по: Явь, с. 27, с новой 3-й строфой; Сим, с. 508. *«Шушаник»* – первый памят. груз. литер. «Мученичество святой царицы Шушаник», напис. её духовником Иак. Цуртавели (меж. 476 и 483 гг.). Варскен, муж Шушаник, противясь объединителю груз. княжеств царю Вахтангу Горгосали и ища союзника, женился на дочери перс. царя, принял зороастризм и подверг Ш. жестоким пыткам. В.Л. привёз из Тбил. изданный к 1500-летию создания памятника русский перевод Жития (*И. Цуртавели*. Мученичество Шушаник./ Пер. с груз. К. Кекелидзе. – Тбил.: Мерани, 1978) и не без зависти говорил о том, что грузины умеют хранить свои святыни. Не исключ., что эта «ревность» навела его на мысль переложить житие свв. Тимофея и Мавры. См.: МАВРА в разд. V.

ТЕМ, КТО СТРЕЛЯЕТ. – ХиГ, с. 141; печ. по: ХиГ-2, с. 137. Видимо, имеются в виду события в Грузии, начавшиеся в 1989 г., перешедшие в вооруж. гражд. конфликт 1991—92 гг. и продолжавшиеся до 1994 г. *Давидов Какабадзе* в Грузии много, один из них был вором в законе – возможно, речь идёт о нём.

ТЕМА. – НД, с. 31, с заг. БАГУМИ, 8 перв. строк, ст-е 1970-х гг.; печ. по: СС, с. 56, события в Грузии, особ. 2008 г., побудили авт. переосмыслить и дописать ст-е; ДГ, с. 30; Сим, с. 527. *Сакартвело* – Грузия: так называют её грузины.

ИЗ АЛЬБОМА. – НМ, 1993, №10; ХиГ, с. 128, без посвящ. и даты, 6 концевых строк: *«и так далее. Где эта книга, Илюша?/ Как же я мог?.. Ради предка Дадешкелиани,/ доблестного Константина, найди и верни мне/ если не книгу, то надпись, но как же, но как же.../ Вечный вопрос наш, Илюша, верни же мне Анну — / Беллу, хотя и окончен, окончен балет наш»* в последующ. публикац. заменены тремя строками; печ. по: ХиГ-2, с. 128; СС, с. 54; Сим, с. 526. *Гиа* (Гия) – адресат стих., см. коммент. к ст. ТЕАТР-АБСУРД; *Этери* – его жена, см. коммент. к ст. УВАЛЫ, *Лялька* – их дочь Александра; *Додик* (*Давид*) *Давыдов* – фотохудожник, работал в фотолаборатории Института востоковедения под началом А. Цыбулевского; *Вацлав Нижинский* (1889—1950) – введущ. танцовщик, хореограф Русского балета Дягилева; *Анна Павлова* (1881—1931) – одна из великих балерин XX в., представлявшая рус. балет за рубежом; *Илюша* (в ХиГ) – И.Ю. Дадашидзе, поэт, переводчик, журналист, правозащит., сотруд. Радиостанции «Свобода»; *Константин Дадешкелиани* – послед. правитель Сванетии, предств. древ. груз. княж. рода.

III. СВЕТ ИДЁТ ОТ ЗЕМЛИ

«Ты погляди, как ветви ели...» – НД, с. 27; ВТ, с. 168; печ. по: СС, с. 5; ДГ, с. 18.

ИМЯ ПРАДЕДОВО. – ХиГ, с. 154; печ. по: ХиГ-2, с. 150; СС, с. 58. Прадед В.Л., *Вас. Фёд. Боголюбский* (1831—1896), был псаломщиком церкви в с. Успенское на Секше Любимского уезда Ярославской губернии. Фамилию *Облаков* носил прапрадед, также псаломщик. Сыновьям, ко-

торых готовили к священнич. служению, обычно давали «духовные» фамилии, отсюда – Боголюбский (сведения об истории рода собраны С.Л. Боголюбским, троюрод. братом В.Л.).

МОЕЙ МАТЕРИ. – Печ. по: ВИ, с. 19.

«**Были цветы и колосья...**» – НД, с. 43; ВТ, с. 178; печ. по: ДГ, с. 30, со след. прозаич. пояснением: «*Но бояться надо было белого зноя Армении и Грузии. Отвесного, резко делящего свет и тень, жар и холод. ...ловить себя на чужой, южной поэтике мне приходилось не раз*» (ДГ, с. 31).

«**Через поле, через лес...**» – ДН, 1978, №10; НД, с. 28; ХиГ, с. 153; ХиГ-2, с. 149; печ. по: СС, с. 8; ДГ, с. 8.

«**Он сучок сбивал топориком...**» – ЛГр, 1971, №7, с заг. ПО СУЧКУ; ДП, 1977; НД, с. 4; ВП, 1991, 3 авг.; печ. по: ДГ, с. 19.

БУКСИР. – Печ. по: НД, с. 77. *И.А. Дедков* (1934—1994) – ведущий российский лит. критик 2-й пол. XX в., писатель, журналист. С В.Л. их связывали многолетняя дружба и общность взглядов (см. ПР, Спец. вып., 2015, а также статью В.Л. «Продолжение диалога. Памяти И. Дедкова» в: Зн, 1999, №8). Дедкову посвящ. ст. «Во все концы дорога далека...» (этой строкой критик назвал одну из своих книг, см. разд. VIII), НИКАКИХ ПРОБЛЕМ (разд. IV). В.Л. стал первым лауреатом премии им. Дедкова в области литературоведения и публицистики (1999).

ПОКЛОН КОСТРОМСКИМ СТАРУХАМ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 201; СС, с. 64.

ЛЕСНАЯ РЕЧКА МЕЗА. – Печ. по: ХиГ-2, с. 344. *Nach Gewitter schönes Wetter* (нем.) – «после грозы прекрасная погода». Возможно, это цитата; источ. не найден.

ЗА ЛИЛИЯМИ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 317.

РЕКА БЫЛА РЕКОЙ. – ХиГ, с. 160; печ. по: ХиГ-2, с. 156. *Завозня* – большая лодка для переправы через Волгу грузов, экипажей и др., предшественница парома.

В СОЗНАНИИ ДРЕМУЧИХ ПРАВ. – Ю, 1988, №1; ХиГ, с. 158; печ. по: ХиГ-2, с. 154; ДГ, с. 52. *Свято-Троицкий Макарьевский монастырь* в г. Калязине был затоплен в 1940 г. при создании Угличского водохранилища. *Осоавиахим* – обществ.-политич. организация Общ-во содействия обороне, авиацион. и химич. строительству (1927—1948); *Досааф* – Все-союз. добровольное общ-во содействия армии, авиации и флоту СССР (1951—1991).

ВРАГ СОЦИАЛИЗМА. – Печ. по: ХиГ, с. 227, с авт. датировкой: *1980 примерно*, возле 3-й строфы на полях: «*лозунг был такой*» **Каз**; ХиГ-2, с. 236, без даты.

МЫС ШАЛЯПИНА. – Печ. по: ХиГ-2, с. 125. *Отчим* – Н.В.Леонович, инженер-строитель.

ГОЛУБЬ. – Над; ХиГ, с. 195, на полях: «*угол здания нынешнего РГГУ на Миусской площади в Москве*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 203.

МИУССКИЙ СОБОР. – ХиГ, с. 206; печ. по: ХиГ-2, с. 220. Александр-Невский собор на Миусской площ. в Москве был построен на народ. пожертв. в 1913—1917 гг. в память освобожд. крестьян от крепост. права. В 1920 г. закрыт для богослуж., в 1950-е гг. разобран. *Писатель, воспевавший «Разгром»*, – А.А. Фадеев (1901—1956), «Разгром» (1926) – роман о Гражд. войне; *покаянная пуля* – Генсек Союза писателей (1946—1954), Ф. был исполнителем репрессий против писат. А. Платонова, М.

Зощенко, А. Ахматовой и др., в то же время помогал Б. Пастернаку, Н. Заболоцкому, вдове Платонова – «пытался совместить человечность с гепеушничеством» (К. Чуковский); страдал депрессией и алкоголизмом («Совесть мучает. Трудно жить... с окровавленными руками») – Ф. – Ю. Либединскому); застрелился на даче в Переделкино.

ПЕЧАТЬ. – ГД, 1995, №2; ХиГ, с. 155, *магáзин* – поставлено ударение, на полях: «(костромское) **Каз**; ХиГ-2, с. 151; СС, с. 32; печ. по: ДГ, с. 14; поясн.: «Голубиный всас – изобретение мысли не санитарной, но фашиствующей» и т.д. – с.15-16. Именно поэту поэт отверг напрашивающийся вар. *проклятия печать* – как приговор, не подлежащий отмене. *С добрым утром, милый город* – из песни «Москва майская» на слова В. Лебедева-Кумача. *На площади Сенной* – площ. в Костроме, в 1967 г. переименована в Площадь Мира.

ОСНОВА. – Печ. по: Явь, с. 124. *К Макарью* – имеется в виду Макарьево-Унженский монастырь в Костромской обл., основан. в 1439 г. В 1919 г. упразднён, к 1929 г. закрыты все храмы, на терр. устроена машинно-тракторная станция, в храмах – склады зерна. М-рь распол. в 50 км. от Неи, где В.Л. в 70-х гг. работал в плотницкой бригаде. В эти годы начата реставр. м-ря, с. 1993 г. – жен. м-рь. См. ст. ЛАСКОЮ И СВЕТОМ, разд. VIII.

«Держит путь бродяга-книжник...» – Печ. по: НД, с. 5; ХиГ, с. 244; ХиГ-2, с. 253, с заг. В ЧИСТЫХ ПЕЛЕНАХ. *Вологодский Дамаскин* – обобщ. образ книжника – летописца и поэта (см. ст. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА). Не путать: в 1974—1979 гг. епископ Вологодский Дамаскин (Бодрый) книжником не был, но много сделал для возрожд. церкви и славен тем, что обратил к Богу уполномоч. по делам религий. *Божеское перепутал с человеческим* – ср.: МАВРА, 3-я от конца строфа, разд. V.

Записи. ДИАЛОГ. – ХиГ, с. 261, без рубр. *Записи.*; печ. по: ХиГ-2, с. 265. *Записныя, отреченныя* – отреченные книги, не вошедшие в церк. канон, запрещённые к чтению (апокрифы и др.). В.Л. полагал, что наша порабощённость – от историч. беспамятства, забвения «первой памяти души» (см. ст-е «В церквущечке затхлая мгла...»). *Яко на Идумею...* – Жители Идумеи воспротивились Божьей воле и не дали Моисею провести народ, вышедший из египет. рабства, через свои земли. «Бог сказал... восторжествоую... на Едома простру сапог Мой» (Псал 59:8, 10).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА. – ХиГ, с. 246, без даты; печ. по: ХиГ-2, с. 254; СС, с. 59. *Хульны ереси на нь писахом (церк.-слав.)* – писал нечто предосудительное, отклоняющееся от канона; возмож., В.Л. имеет в виду свой интерес к апокрифам; «Я с Ним спорю», – говорил он о Христе, не принимая прошение «Да будет воля Твоя». *Что ж кусать нам грудь кормилицы нашей...* – почти дословная, восходящая к Данте цитата из письма Пушкина к Рылееву (1825 г.) в защиту Жуковского, кот. «имел решительное влияние на дух нашей словесности». *Последнего русского евангелиста* – В.Л. имеет в виду прот. Александра Меня, с кот. общался в 1970-е—80-е гг., не будучи прихожанином его храма. По словам В.Л., Мень говорил ему: «Я скачу без Ваших стихов».

«Не облаяла собака...» – Печ. по: НД, с. 7.

«Свет идёт от земли...» – ХиГ, с. 279, без указ. места; печ. по: ХиГ-2, с. 280. *Д. Липовицы* – Во 2-й пол. 1960-х – нач. 70-х гг. В.Л. с друзья-

ми, поэтами Я. Гольцманом и В. Леванским, искал северную деревню – «наш Барбизон», где они могли бы жить и работать летом. В Заонежье, напротив о. Кижы, набрали на заброш. дер. Липовицы со следами мощной, корневой крестьянской культуры. Но жить в мёртвой деревне было невозможно. *Земный свет исхожаше и при niche пятам (церк.-слав.)* – Из земли вышел свет и пал у ног. *Две валунных морены* – морены – ледниковые каменные отложения. *Сергий* – св. Сергий Радонежский.

РОДНЫЕ. – ДП, 1978; ДН, 1978, №10; печ. по: НД, с. 80; СС, с. 66. *Целовек-от ты учёной* – В.Л. передаёт олонекский говор, которым за годы жизни в карельской дер. Пелусозеро овладел в совершенстве (см. ст-я ПИ-СЁМУШКО; ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С БАБКОЙ АННОЙ..., разд. VIII).

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ СТИХИ. – Ю, 1976, №8; ХиГ, с. 169; печ. по: ХиГ-2, с. 166.

«**Тихо, важно...**» – ДН, 1978, №10; печ. по: НД, с. 3; ДГ, с. 20. *А. Я. Яшин* (наст. фам. Попов; 1913—1968) – поэт, прозаик, фронтовой журналист. Жил в Вологде, Москве. После 1954 г. произошёл перелом в его творчестве: поиск правды, возвращ. на родную Вологодчину. Похоронен на Бобришном угоре, над Юг-рекой. В.Л. водил своих учеников в поход по яшинским местам. *Кичмень-городок* – Кичменгский Городок, райцентр в Вологод. обл., *Светица* – село в 60 км от него.

«**Пошёл, пошёл – по тропам...**» – Печ. по: ВТ, с. 180; ПР, Спец. вып., 2015, в письме И.Дедкову от 12 июля 1976 (как набросок).

«**Во всём ассортименте...**» – Печ. по: Явь, с. 109.

ЖАВОРОНОК. – Печ. по: НД, с. 13. Строка *выпить – пить, выпить – пи-ить* передаёт пение жаворонка, отсюда – название стих.

НИКОЛА-КОЛОКОЛ. – ГД, 1997, №2; ХиГ, с. 248, подчёркнуто: «*С утратою славянской долготы/ мне помогал рачительный остгот*» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 255. Тема немоты, невысказанности рус. жизни – одна из ключевых у В.Л. *Курья (север.)* – старица (старое русло) или залив. *Рассудок должен быть велик* – строка К. Батюшкова. *Die Not (нем.)* – нужда, необходимость; долгота звука особ. слышна во множ. ч.: die Nöte.

КОНЮХ ВАСЯ. – НМ, 1993, №10; ХиГ, с. 31, без указ. места, на полях: «(село Никола)» **Каз;** печ по: ХиГ-2, с. 36.

СЕЛО НИКОЛА. – ХиГ, с. 170; печ. по: ХиГ-2, с. 167; СС, с. 10; ДГ, с.38. *Бóлоны* (ед. блонь, бóлонь) – внешние, молодые слои дерева; *Лир* – герой трагедии Шекспира, *Ипполит* – герой траг. Еврипида.

«**Семистенок. Сто углов-укосиц...**» – Печ. по: НД, с. 8. В 1971—1973 гг. В.Л. преподавал литературу в старших классах Петрецовской средней школы (Вохомский р-н Костромской обл.). *Девочка проходит... – Рая, Р.В. Гончарова* (1956—2012), впоследствии ставшая женой В.Л., материю его детей – Ольги и Дмитрия. Ей адресована большая часть ст. этого периода.

«**Одна заветная? Их две...**» – Явь, с. 86, с заг. ТРЕТЬЯ; ХиГ, с. 191; печ. по: ХиГ-2, с. 199.

МГНОВЕНИЕ БЫЛО ТАКОЕ. – Печ. по: НД, с. 14. *Тем летом стояли пожары* – летом 1972 г. из-за жары и засухи горели леса и торфяники.

«**Лесная родина. Июль...**» – ХиГ, с. 90, в сноске потеряно слово «победы»; Печ. по: ХиГ-2, с. 93; СС, с. 46.

«**Живёт огонь в печи...**» – ДП, 1977; печ. по: НД, с. 26.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. – Печ. по: Зн, 1999, №8; ПР, Спец. вып., 2015, в письме С. Яковлеву от янв. 04: *(последняя строфа – дань не правде, но Блоку: Что если я, замороженный,/ Сознания потерявший нить,/ Вернусь домой – уничиженный?/ Ты сможешь ли меня простить?)*.

«**Не будучи лёгким словом...**» – Печ. по: НД, с. 15.

«**Служить садовником, и солнцем...**» – Печ. по: НД, с. 26; ДГ, с. 40.

«**Туманный дождик тише тишины...**» – НД, с. 74, после 11-й строки концовка: *«То облако – живое. И сейчас/ такое состояние небес,/ что от земли тихонько отойдёт/ деревня – в облаке – и повисит/ над полем, и качнётся, и...»*; ХиГ, с. 173, послед. строка: *«И погаси огонь.»*; печ. по: ХиГ-2, с. 183; СС, с. 12.

«**В Калязине душно шиповник цветёт...**» – НД, с. 74, без послед. строфы; ХиГ, с. 157; ХиГ-2, с. 153; печ. по: СС, с. 9; ДГ, с. 40.

«**Путь дальний – ближний не годится...**» – П, 1988, вып. 49; печ. по: Явь, с. 88; ДГ, с. 41.

«**Всё одна и та же сила...**» – ХиГ, с. 238; печ. по: ХиГ-2, с. 248; ст. вошло в поэму ЧЕТВЕРИК.

«**Попивая коньячок...**» – ХиГ, с. 36, на полях: *«да, и сына и дочь»* **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 41.

«**Я знаю без искусства...**» – ДП, 1977; НД, с. 66, 4-я строка: *«с печалью обнялась»*; печ. по: ВТ, с. 198.

«**Ландышей нарвал в комарином лесу...**» – Печ. по: Явь, с. 66, с исправл. опечаткой: *существом* (а не *существам*). Нянька – А.И. Лунёва, выхаживала В.Л., когда он вернулся из армии с ревмокардитом и не вставал с постели. Жила в Калязине. См. о ней: МОЯ СТАРУШКА, разд. V.

«**Век живёт у оврага...**» – Ю, 1988, №1; ХиГ, с. 180; Печ. по: ХиГ-2, с. 190; ДГ, с. 37.

Записи. АГРИППИНА. – ХиГ, с. 174, без указ. места; печ. по: ХиГ-2, с. 184. *Осаниха* – деревня неподалёку от с. Никола, где родилась и жила до 17 лет Рая Гончарова. *Николай ключевской* – ключевской, т.е. из дер. Ключи. В ст-и переданы особенности северн. говора.

«**Хороший парень. Милая семья...**» – ХиГ, с. 256; печ. по: ХиГ-2, с. 261, с небольш. авт. поправками. Адресат не установлен.

«**Ты – разум? Ты пошляк...**» – Печ. по: Явь, с. 89.

«**Не троньте эти ризы...**» – Не опубл.

«**Врасплох, без видимой нужды...**» – Печ. по: НД, с. 27.

Записи. СКЛАД УМА. – Явь, с. 91; ХиГ, с. 71, без указ. места; печ. по: ХиГ-2, с. 74.

Записи. «**Вот какие мне подарки...**» – ХиГ, с. 54, без указ. места, на полях: *«В Архангельской обл. близ г. Онеги»* **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 57. *Тенёто* – паутина, сеть.

ДОМ. – НД, с. 81; ХиГ, с. 230; печ. по: ХиГ-2, с. 238. Дом – однокомнатная квартирка на ул. Гиляровского в Москве, где поэт жил с женой и двумя детьми до 1983 г. *Лай собачий* – за стенкой, *шум ребячий* – свой.

СЕГОДНЯ. – ВТ, с. 190, после 1-й строфы: *«Но – что скажу – то будет правда/ сегодня или послезавтра –/ неведомо когда-нибудь –/ но я пронызываю суть./ А в этом деле, братья-внуки,/ не столько правды, сколько муки.»*, без заг. и посвящ; ХиГ, с. 267, с посвящ Э.Н.; печ. по: ХиГ-2, с. 271. *Э.И. Неизвестный* (1925—2016) – скульптор, участник Великой Отечеств. войны, объявлен убитым и награжд. орд. Красной звезды по-

смертно, но выжил после тяжелейш. ранения. «Скульптор скорби», он посв. своё творч-во жертвам сталинских репрессий (монум. «Маска скорби» на Колыме, под Магаданом, мемор. комплекс в Екатеринбурге, монум. «Исход и возвращение» в Ниж. Поволжье, г. Элиста, посвящ. калмыцкому народу, и др.). В 1976 г. эмигрировал в США. В 1996 г. – советник по культуре при презид. Ельцине. В 2003 г. В.Л., не зная, что Э.Н. тяжело болен, искал с ним контакта, мечтая поставить памятник генералу Д. Павлову в Кологриве.

«Нагая тишина безветрия...» – ВТ, с. 185; Над; Печ. по: ХиГ, с. 212.

«В церквушечке затхлая мгла...» – Печ. по: НД, с. 29; Явь, с. 29. По словам В.Л., это стих. сняли из подборки в ДП (видимо, усмотрев в нём политич. подтекст).

«Пространство волнами покрыто...» – Печ. по: НД, с. 30. Историч. память, хранимая речью, народным языком, кот. необходимо «оживить», чтобы черпать из этого источника, – одна из главных тем творч-ва В.Л.

ПОРЕЧЬЕ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 279.

ЯВЛЕНИЯ И СИЛЫ. – ХиГ, с. 239; печ. по: ХиГ-2, с. 250. Адресат – *К.А. Постнов* (р. 1959) – учёный-астрофизик, д-р физ.-мат. наук, дир. Астроном. института им. Штернберга. Ездил со стройотрядом МГУ на Соловки, где и познакомился с В.Л. *Явления и силы* – юмористич. аллюзия на ангельские чины: «господства», «силы» и т.д. В.Л. был «огнепоклонник» (см., напр., ст. ПОДЖИГАТЕЛЬ, разд. V, ИСКОНИ БЕ ОГНЬ, разд. VII), восхищался мощью природных стихий.

ВОТ КАКАЯ МИНУТА. – Печ. по: Зн, 2009, №3.

КАР-ОЗЕРО. – ХиГ, с. 181; печ. по: ХиГ-2, с. 191. *Карозеро* – озеро в Мурманской обл. *Н.И. Арронет* (1931–2022) – друг В.Л., учёный-биолог, работал в Институте цитологии РАН (С.-Пб.), жил летом в Карелии, в д. Пялозеро, в избе у Марии Степ. Бутиной; путешествовал по Северу вместе с В.Л., усиленно помогал в строит. часовни на Пелусозере (см. ЧЕТВЕРИК).

Записи. ОДНОЛЕСЯ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 202. *Васина* – Василиса Николаевна Басова, *Дина* Власова – жительницы карельской д. Пелусозеро, ныне опустевшей. Деревня долгие годы была рабочим кабинетом В.Л. – тем самым «Барбизоном» (см. коммент. к ст-ю «Свет идёт от земли...»). Подобно франц. худож. XIX в. Руссо, Милле, Добиньи и др., обосновавшимся в лесной дер. Барбизон, где родилась Барбизонская школа живописи, друзья В.Л. – литераторы, художники жили и работали летом на Пелусозере. Но к «Пелусозёрской школе» отнести можно лишь В.Л. и Я. Гольцмана.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ОДА. – Печ. по: ДН, 1998, №11. В.Л. рассказывает о постройке дома на Пелусозере.

ОХОТА. – ХиГ, с. 37, на полях: «*Карелия, Пелус-озеро*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 44.

БОЛЬНИЦА. ЛЕТО. – ДН, 1997, №10; ХиГ, с. 50; печ. по: ХиГ-2, с. 55. Летом 1978 г. В.Л. лежал в Боткинской б-це из-за проблем с сердцем, продолжая работать над составлением новой книги и груз. переводами. Адресат ст. – *А. Калмыкова*.

«Если спросят на Суде...» – НД, с. 75; печ. по: ВТ, с. 202.

НЕПРОЧТЁННЫЕ СТИХИ. – ХиГ-2, с. 45, с заг. ОТДАЧА, 3-я строфа: «*Ты за ним – вояя и плача! –/ отпускает же Господь,/ чтобы мучила*

отдача/ с той охоты – впредь и вплоть...» в послед. изд-ях заменена; Ф, 2013, №3(239); печ. по: ДГ, с. 97. *Я.Я. Гольцман* (1937—1999) – поэт, прозаик, член ЛИТО «Магистраль», входил вместе с В.Л., В. Леванским и примкнувшими к ним позже В.Краско и А. Тихомировым в группу Телеуты (см. ст. АНЮТА, разд. I); жил на Пелусозере в избе, купленной В.Л. и подаренной Яну ещё до постройки Леоновичем своего дома. *М.М. Пришвин* (1873—1954) – писатель, путешественник по рус. Северу, исследователь природы и человека, критик большевист. власти; самые значит. его произвед. были напечат. лишь спустя полвека после смерти. *Угор* – холм, крутой берег реки. ... *в Белом море потоплённая страна* – возмож., имеется в виду ушедшая в небытие самобыт. народ. поморская культура – «Последняя Русь» (раннее назв. эпич. поэмы Н. Клюева «Песнь о Великой Матери»), обнаруж. писателем В. Шенталинским в архивах Лубянки). *Причастен сонму правых ...* – В 1990-е гг. В.Л. и В.Ш. работали в Комиссии по лит. наследию репрессир. писателей; В.Л. много лет трудился на Соловках, где в 1920—1933 гг. был лагерь особого назначения (см. стихи в разд. VI).

Записи. ПИСЁМУШКО. – ХиГ, с. 177; печ. по: ХиГ-2, с. 186; СС, с. 71. Ст-е воспроизводит речь Елизаветы Ивановны Калининой, в её избе В.Л. жил с семьёй, пока не построил свой дом. *Бажонный* – желанный, любимый. *Байна* – баня. *Сарафаном звать* – саксофоном. *С папинкам* – с клапанами. *Лони* – в прошлом году или летом. *Край потемени* – непроглядная тьма.

ЧАСОВНЯ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В ПАМЯТЬ ЕЛИЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ И ЕКАТЕРИНЫ ИГНАТЬЕВНЫ КАЛИНИНЫХ. – Явь, с. 13; ХиГ, с. 264, на полях: «*освячена 26 сент. 1990*» **Каз**, в действит-сти – 27-го; ЗО; печ. по: ХиГ-2, с. 268. В.Л. три года строил часовню (взамен сгоревшей когда-то от молнии) на Плоском Бору – погосте дер. Пелусозеро, посвятив её памяти «последних старух», доживавших век в умирающей деревне.

ИВАНОВ, ЭТЮД «РАБА». – Печ. по: НД, с. 64. *А.А. Иванов* (1806—1858) – живописец, график, автор картины «Явление Христа народу», над кот. работал 20 лет. *Кампанья* – область в Южной Италии. *Самария* – область в Древнем Израиле. *На площади, в дому, в гробу... я узнавал Тебя* – не будучи воцерковлённым, В.Л. был глубоко укоренён в вере, прекрасно знал Священное Писание; когда один лит. функционер однажды обвинил его в богоискательстве, он ответил: «*А что мне Его искать, если Он у меня везде, на каждом шагу?*»; здесь – сходная мысль.

ГЕФСИМАНСКАЯ СОНЛИВОСТЬ. – Ю, 1988, №1; ИиЖ, 1993, №11-12; Явь, с. 119, без 2-й строфы; ХиГ, с. 64, подчёркнуто: *бодрствуешь*, на полях: «*Замечательный апокриф*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 69; СС, с. 81. В любимом ученике Христа Иоанне Богослове В.Л. видел прежде всего гениального поэта, чьё Откровение, переведённое на церковнославянский, дало начало всей нашей словесности; бодрствование, постоянная работа духа были присущи самому В.Л. («Не спи, не спи, художник...» – Б. Пастернак).

ОРЛИНОЕ ПЕРО. – ИиЖ, 1993, №11-12, без заг.; Явь, с. 98; ХиГ, с. 269, с заг. СМЕРТЬ ПОЭТА; печ. по: ХиГ-2, с. 273. Иконографич. символ Иоанна – орёл, олицетв. высоты его духа. *Ефес* (Эфес) – город в Малой Азии, где Иоанн жил с Матерью Христа и проповедовал до и после

ссылки на о. Патмос; в Эфесе им написано Евангелие (между 85 и 90 гг.). *Столетний разум* – умер Иоанн в 100 (101) г., считается, что он прожил 100 или более лет. Откровение продиктовано им ученику Прохору на Патмосе. Согласно житию, по слову Иоанна семеро уч-ков выкопали для него крестообразную могилу, он лёг в неё и велел засыпать себя землёй. Узнав об этом, последователи Богослова раскопали могилу, но она была пуста. В ранней редакции ст-я было: «*гроб ископать крестообразен*» (а не «*истесать*»); очевидно, каменная могила – отсыл к о. Патмос, где ссыльные трудились в каменоломнях.

КОНСТАНТИН. – ХиГ, с. 285, авт. зачёркнуты 6-я и 7-я строфы: «*На памяти словарь, а память безо дна,/ а речь так хороша, что даже не жилища.../ Распространяется троичная волна,/ тысячелетия волнует, трогает,// пока расходитя во времени сплошном:/ Афона досягнув и потоши Колхиду,/ до Нова Города докатит, а потом/ в полных дебрях потеряется из виду...*», на полях: отчёркнуты 2 послед. строфы **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 285; ДР, 2008, №1(39). *Дошёл оригинал до Дантовых терцин* – «Божественная комедия» Данте Алигьери (напис. в 1308—1321 гг.) – свод философ., науч., богослов. представлений Средневековья о мироустройстве, переданный языком высокой поэзии; «Б. к.» написана терцинами (трёхстишиями) с особой, перетекающей из строфы в строфу рифмовкой. *Философ Константин* (827—869) – в схеме Кирилл, просветитель, составитель славянской азбуки, с братом Мефодием прославлен церковью в лике равноапостольного. *Пришёл от сарацин* – в 852 г. был послан в Багдад, ко двору халифа для богослов. диспута с мусульманами, где одержал победу (по др. источ., победил раввин). *Был мёртв и воскрешён* – такого факта в Житии нет, образное выраж., видимо, означающее воскрешение в слове. *Премудрость искусств...* – К. был высоко образован, знал множество языков, преподавал философию в университете. *Солуна родники* – знания, полученные на родине, в Фессалониках (*церк.-слав.* Солунь). *Обитель Феолага* – т.е. Теолога, Иоанна Богослова. *Нестор* (ок. 1056—1114) – летописец, монах Киево-Печерского монастыря, автор «Повести временных лет».

ЧЕТВЕРИК. – Печ. по: Кон, 91, 1997, № 1, январь – март. В поэму вошли некот. ст-я, печатавшиеся отдельно в разные годы, в разных изданиях. Они сохранены в составе Собрания стихотворений, поскольку имеют самостоят. значение и по-иному звучат в контексте поэмы. *Из поэмы* – возможно, автор видел некое продолж-е этого текста, представив его в виде отрывка, но поэма дописана не была, а данный «отрывок» – вполне завершённое произвед-е. *За лахту улыли* – на др. сторону залива, на погост. *Колода* – с. Усть-Колода (Кубовское) на р. Водла, *Корбозеро* – приозёрное село, *Гужово* – село в Каргополье; В.Л. исходил русский Север и хорошо знал его географию. *Сороть* – река в пушкинском Михайловском. *Сорок! За сорок!* – автор, прыгающий в прорубь, немного хвастается, напоминая о своём возрасте. *Камелёнка* – печка. *Полоска несжатая* – из хрестомат. ст. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...». *Что делать?* – поставленный Чернышевским в одноимен. романе т.наз. вечный вопрос русской интеллигенции (см. ГОЛУБЬ; ответ см. в: СТАНСЫ – «Куда тебя леший несёт...», разд IV). *Лет уж двадцать при нём отходила* – столько лет прожил В.Л. на Пелусозере, видя, как деревня отходит – умирает. *Воздвиг я памятник* – отсылка к «Ехегі

monumentum...» («Я воздвиг памятник...»), оде Горация, из кот. Пушкин взял только 1-ю строку. *Баба Лиза, баба Катя* (Калинины) – жительницы деревни (см. ст. ЧАСОВНЯ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ...). *Шли-прошли наши некруты...* – старинная рекрутская песня, напетая Екат. Ив. Калининой и записанная В.Л. *Потемени Князь* – князь тьмы, сатана, чорт (так, по-старинному, писал его иногда В.Л.). *Септемверия месяца двадцать седьмого* – в ХиГ, с. 264, помета для **Каз** – дата другая: 26 сент., день памяти Иоанна Богослова. *Отец Михаил* – священник из Пудожа, фам. не удалось установить. *Валентина Борцова* – старшая сестра Дины Власовой (см. коммент. к ст. ОДНОЛЕСЯ), жила в д. Усть-Река, в 12 км от Пелусозера. *Аннушка-труженица* – «почтальонка» Анна Александровна Порубенская; почта была в Усть-Реке, А. ездила оттуда на велосипеде, заодно привозила «писателям» хлеб. *В мешке долговом* – имеется в виду не денежный, а моральный долг: «...и долг российский долг» (см.: «У двух могильных ям», разд. I), «...смерть/ приму от нарастающего долга» (ОБИДИЩА, разд. VIII). *Столбами стоит Беломорская тяга на каждом потопленном* – есть неск. легенд о потопленных у Соловецких островов баржах: в 1922 г. туда, вопреки подпис. Лениным амнистии, «не донесли» 2000 белых офицеров, взятых в плен в Крыму; неизвестно, куда пропали 3-4 этапа татар, вывезенных в 1937 г. из Соловецкого лагеря. Их души виделись В.Л. как световые *столбы*, а *тяга* побуждала его годами возвращаться на Соловки. *Сиони* – названный в честь Сионской горы храм Успения Богородицы в Тбилиси (осн. в VII в.), *Манглиси* – собор в пос. Манглиси, в 60 км от Тбилиси (осн. в нач. IV в.), *Ахпат, Санаин* – см. коммент. к ст. АХПАТ-УРПАХ, разд. II. *Вместо камня-замка отверста...* *Зеница* – речь идёт о храме Светицховели (осн. в IV в.), царской усыпальнице; *Так мастер велик, что десная рука/ отрублена и глядит с барельефа* – по легенде, царь-тиран Георгий I повелел отсечь руку архитектору Арсукидзе, чтобы он не мог построить подобного храма (об этом – в романе К. Гамсахурдия «Десница великого мастера»). *Обнимет часовенку храм Богослова* – пока такого храма нет. Но за два лета – в 2021 и 2022 гг. команда волонтеров, собранная детьми В.Л. – Ольгой Осорио и Дмитрием Леоновичем, отреставрировала пришедшую в ветхость часовню.

РУКА СОЧИНТЕЛЯ. – СЖ, 1989, 5 нояб.; ДП, 1989; ХиГ, с. 276, заг. дважды подчёрк. **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 278; СС, с. 79.

КАНСПЕКТ РОМАНА. – Печ. по: ДН, 2007, №7.

ВЕСНОЮ ПОЗДНЕЙ. – ХиГ, с. 268; ХиГ-2, с. 272; СС, с. 148; печ. по: ДГ, с. 36.

НЕ ОГЛЯНИСЬ. – ХиГ, с. 228; печ. по: ХиГ-2, с. 237.

«**Тяжела и вязка...**» – ХиГ, с. 270; печ. по: ХиГ-2, с. 274. С конца 1970-х гг. нарастает и в 1990-е гг. становится всё более настойчивым мотив разрыва, ухода поэта из городов, отшельничества, возвращения к первоосновам жизни. *Аи* – общее название франц. шампанских вин. *Помолитесь о страннх* – о странниках. *Пестерёк (пестерь)* – сплетённый из лыка кузов, заплечный короб; В.Л. ходил с пестерем по грибы, сам сшил пестерь из невыделанной телячьей кожи.

Записи. ВСТРЕЧА. – Печ. по: ХиГ-2, с. 266; СС, с. 155.

ПОЛЁТ В ПОЛЁТ. – Явь, с. 87; ХиГ, с. 257; ХиГ-2, с. 262; печ. по: СС, с. 154. В черновой ред. 1-я строка: «*Вот ястреба полёт*».

IV. В ПИРУ ЧЕСТНОМ

МУЗА

1. «Где эта грешная обитель...» – ХиГ, с. 7, без 2-го ст-я.

2. «Родина, благ я твоих не отрину...» – оба ст-я: ХиГ-2, с. 15; печ. по: СС, с. 6.

ПО ПРАВИЛАМ ВОЙНЫ. – ЛГр, 1970, №1, с заг. ОБРАЩЕНИЕ К ДЕ-РЕВУ; Явь, с. 16; печ. по: ДГ, с. 63.

СУШЬ. – Явь, с. 67, с посвящ. А.В.; печ. по: ХиГ-2, с.42; ДГ, с. 93, без заг. и посвящ. *А.Л. Величанский* (1940—1990) – поэт, переводчик с англ., новогреч., груз. Почти до конца жизни печатался в «самиздате», лишь в 1989–90 гг. появились его сборники, изданные за счёт автора. В.Л. сблизился с А.В., когда оба работали над груз. переводами, высоко оценивал его стихи. О творч. методе А.В. см. в: ТВАРДОВСКИЙ, разд. V.

ТАК И ТАК. – Явь, с. 111; печ. по: ДГ, с. 51. «Трудно стало переносить поручу (общественный договор) обязательной фальши... Проклятое рабское наследие» (В.Л. в письме к И. Дедкову, 21 окт. 1975, в: ПР, Спец. вып., с. 54).

НА ОДНОМ ОСТРИЕ. – Печ. по: Явь, с. 92. *Сендюга* – река в Нейском р-не Костромской обл.

ЦВЕТОК. – Печ. по: Явь, с. 70.

«Резко пахнет давленная хвоя...» – ДН, 1997, №10, с заг. ДЕЛЯНКА. ВЕЧЕР; ХиГ, с. 219; ХиГ-2, с. 231; печ. по: ДГ, с. 70.

«Тише – глуше...» – Явь, с. 120; ХиГ-2, с. 43. *Согласно канона* – неграмотное словоупотребление, характер. для канцелярита, и газетный штамп – тот же приём, что в ст. ПО ПРАВИЛАМ ВОЙНЫ («произведен», «согласно сметы»). Мёртвый язык против живых людей и жизни как таковой: НА ПЕРЕДОВОМ РУБЕЖЕ лесозаготовители... заиндевели.

КАЛЯЗИН. – ВИ, с. 58; печ. по: НД, с. 70.

ХОТЬ НА МИГ! – ХиГ, с. 28, на полях: «Воронеж» Каз; печ. по: ХиГ-2, с. 34.

ТВОЕЮ СЛОВОЙ. – Печ. по: ВТ, с. 185; СС, с. 44.

Записи. ДРУГИЕ ВОЛОСА. – Над; ХиГ, с. 27, на полях: «Медицинский факт. Плотник в бригаде, где я работал в Нейском р-не Костр. обл.» Каз; печ. по: ХиГ-2, с. 33.

ЧТО, ВОЛГА? – ХиГ, с. 161; печ. по: ХиГ-2, с. 157. В.Л. не мог смириться с недалновидностью превращения живых рек в мёртвые моря, с бесцеремонным вторжением человека в природу. См. ст. РЕКА БЫЛА РЕКОЙ, разд. III.

СОБЫТИЕ СОВЕРШАЕТСЯ ПРИ НАС. – Печ. по: Рек, 1989. *Победу торжествуют Чебоксары* – строительство Чебоксарской ГЭС на Волге, начатое в 1968 г., не закончено до сих пор из-за межрегион., эконо. и экологич. проблем. *Перекрытьё Ангары* – началось в 1959 г. в связи со строит. Братской ГЭС. *Протопоп Аввакум* (1620—1682) – священник, писатель, защитник старообрядчества, мученик; сидел в Братском остроге, в Пустозёрской земляной тюрьме, был сожжён. *Летала евтушенковская ГЭС* – Е. Евтушенко в 1965 г. опублик. поэму «Братская ГЭС», где ГЭС беседует с египет. пирамидой, прославляет революцию и заверяет, что коммунисты никогда не будут рабами. В.Л. резко полемизирует с Евтушенко.

КОСТРОМИЧАМ. – ХиГ, с. 75; печ. по: ХиГ-2, с. 77. *Зона ВЭ-ДЭ-ХРЭ* на самом деле водоохранная зона обозначается аббревиатурой ВОЗ. *Узнаете их по делу их* – цитата из Еванг. от Матфея, 7:16: «По плодам их узнаете их».

ОГОНЬ-ОГОНИК. – Печ. по: ХиГ-2, с. 290. *В-высоцкого* – В.С. Высоцкий (1938—1980) – поэт, актёр, бард (см. коммент. к ст-ю САБУРТА-ЛО. СТАТУЯ, разд. V). *Зинка, Володькина жена* – героиня песни «Диалог у телевизора»; Роман воспринимает песню как рассказ Высоцкого о себе и своей жене. *«Болеро»* – оркестр. произвед. француз. композитора М. Равеля по мотивам испанского танца фламенко: монотонно повторяющаяся в теч. 15—18 минут тема передаёт нарастающую страсть.

СО СВАДЬБЫ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 158. *Родина моя дикая* – В.Л. писал И. Дедкову «*о латаргии русской деревни, об успении её, о дебилах, о водке галичской и т.д. Я знаю, какой гений умирает*» (ПР, Спец. вып., с. 56). *Образом звериньским...* – В.Л. перефразирует слова Нестора-летописца из «Повести временных лет»: «Древляне живяху звериньским образом, живущее скотьски, убиваху друг друга». *Качуля* – качели (*севр.*) *Горела церковка со звонарем* – см. ст-е ПАМЯТИ ОТЦА ФЕОДОСИЯ ЧУЛКОВА..., разд. VI.

ВЫБОР. – НД, с. 68, 1-я строка 3-й строфы: «*Так и предстали там...*» – Бога цензура изъяла, и стало непонятно: где же это «там» предстали герои; П, 1988, вып. 49. Печ. по авт. машиноп. Написано по мотивам ст-я В. Львова: тенор спасает тонущую девочку и теряет голос; если б и заранее знал, выбора бы не было: человек тонет.

«На побережье Коста Брера...» – Печ. по: СМ, 1991, №9. Ст-е 1970-х гг. **«Мне написать страницу...»** – ВТ, с. 187; печ. по: Явь, с. 108. Ст-е 1970-х гг.

«Тихонько подымает шлюз...» – Печ. по: НД, с. 69. Ст-е 1970-х гг., когда В.Л. утверждает в мысли о «чёрной работе» свободы, накапливающейся исподволь, и о терпении, необходимом, чтобы дожидаться, когда «*разойдутся ворота*».

ЗНАК. – Печ. по: ПВ, 1992, 21 марта. *Лаче* (Лача) – озеро в Каргопольском р-не Архангельской обл. *Луда* – длинная прибрежная мель. *Свидь* – река, впад. в оз. Лаче. *Онега* – река, берущая начало в оз. Лаче и впад. в Онежскую губу Белого моря. *«Проект века»* – неосуществл. грандиозный проект, идея кот. возникла ещё в 20-х гг. и набрала силу в 70—80-х гг. XX в., по переброске северных рек Европ. части России – в Волгу и Каспий, рек Сибири – в Казахстан и Сред. Азию. Остановлен в 1986 г. после протестов учёных, писателей и обществ.-сти. В.Л. активно выступил против проекта, грозившего экологич. и культурной катастрофой (стихи, статьи, письма). В 2002 г. мэр Москвы Ю. Лужков, а в 2010-м – два президента: Д. Медведев и Н. Назарбаев (Казахстан) призывали вернуться к проекту.

ЛЕВАК. – ХиГ, с. 57, *70-е годы* – авт. датировка потеряна изд-лем; печ. по: ХиГ-2, с. 61.

ТИП. – ХиГ, с. 58, на полях: *Догадайтесь – кто? Каз;* ДиН, 1999, №1; печ. по: ХиГ-2, с. 62. Ст-е 1970-х гг. Тип литератур. функционера; предложе В. Казаку угадать означает: есть из кого выбирать.

БЕЗ ИМЕНИ. – Печ. по: Явь, с. 83. *Ф. Кафка* (1883—1924) – немецкоязыч. писатель, чья проза сочетает реализм и фантастику, абсурд.

ДИОСКУРИЯ. – ХиГ, с. 67, без указ. места; печ. по: ХиГ-2, с. 71. *Диоскурия* – см. коммент. к ст-ю «Блаженная страна...», разд. П.

КОЛЬЦО. – Печ. по: ВТ, с.193. Пушкинская тема «Поэт и толпа», возможно, с аллюзией на трагедию В. Маяковского, строки из кот. В.Л. иногда цитировал: «*С небритой щеки площадей/ стекая ненужной слезою,/ я,/ быть может,/ последний поэт*» («Владимир Маяковский», 1913).

Записи. ЗА СТОЛИКОМ. – Печ. по: Явь, с. 21. «Проект века» существовал не только на бумаге. В 1971 г. в Пермской обл. для эконом. средств на рытьё канала было взорвано 3 ядер. заряда большей мощности, чем в Хиросиме; образовалось радиоактив. озеро. С началом строит. канала Волга – *Чограй* уровень воды в Каспии стал подниматься так быстро, что затопило прилегающ. земли. На работы только в Арханг. и Вологод. обл. к 1983 г. было потрач. 2 млрд руб. *Сухона* – глав. река Вологодчины – также могла стать жертвой проекта. В.Л. в поездках по Арханг. обл. видел масштаб земляных работ. Ст-е-фантазия рисует возможный исход борьбы с государств. безумием.

ГРИФ ДСП. ПРОЕКТ ВЕКА. – ХиГ, с. 72, без указ. места, на полях: «август 1986 Каргополь» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 75. *Гриф ДСП* – «Для служебного пользования», т.е. документы засекречены. *Ломают Соловки* – из обл. страшных снов авт. *Секирная гора* – холм выс. 77,5 м над уров. моря на Большом Соловецком острове. *Голгофа* – гора на о. Анзер (Соловки). *Н.М. Рубцов* (1936—1971) – поэт-лирик; трагич. погиб (задушен сожительницей в бытовой ссоре). *Рванул Чернобыль* – аварию на Чернобыльской АЭС 26 апр. 1986 г., а не протесты В.Л. считал более весомой причиной остановки «проекта века». *Минводхоз* – Министерство мелиорации и водн. хоз-ва СССР (1963—1990). *Хрящик Свиди* – каменная гряда, которую пересекает Свидь – река в Каргопольском р-не Арханг. обл., из о. Воже текущая на север и впадающая в о. Лаче.

«Разумный скот...» – ХиГ, с. 69, отмеч. галочкой строка: «*Как быть – самих себя достойней?*» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 73. *Ю.В. Давыдов* (1924—2002) – писатель, автор историч. прозы, фронтовик; в 1949 г. репрессир. (Вятлаг), в 1957 г. реабилитир. Исследовал проблему морального вырождения революц. движения, гибельность пути насилия. Вместе с В.Л. входил в Комиссию по лит. наследию репрессированных писателей.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛЕД. – Явь, с. 14; ХиГ, с. 250; печ. по: ХиГ-2, с. 257. *П.Н. Краснов* (1950—2022) – писатель, публицист, переводчик. В.Л. был знаком с ним и обратил внимание критика И. Дедкова на молодого автора. Ст-е написано по мотивам рассказа П. Краснова «Мост».

ГОВОРЯЩАЯ КОРОВА. – ПВ, 1992, 21 марта. *В. Аленович сено сдал.* – В газет. заметке неверно была указана фамилия В.Л., кот. на Пелусозере не просто косил сено, но и сдавал его совхозу. «*Знамя труда*» – газета Пудожского р-на (Карелия). «*Упал в объятия Тель-Авива мой друг...*» – скорее, знакомый: из близких друзей В.Л. не эмигрировал никто.

ШАЛА. – ХиГ, с. 77, без посвящ., на полях: «*Устье р. Водлы*» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 79. *Шала* – пристань, куда из Петрозаводска ходил через Онежское озеро катер. От Шалы шла дорога на Пудож и далее – к Пелусозеру. Посвящ. *Е. Евтушенко* – видимо, ассоциативное: «*И вся вода качается...*» – ср.: «*кружился он, хрипел, шатался/ на сотнях слабеньких пружин,/ пока из горла вырывался/ повелевающий им джинн*» (ЕВТУШЕНКО ГОДУ В 65-М, разд. V). Ещё более близкая ассоциа-

ция – наделавшее много шума ст-е Евт. «Качка» (1967): «Волны словно волкодавы.../ Ты такой, двадцатый век!/ Вправо-влево,/ влево-вправо,/ вверх-вниз,/ вниз-вверх...».

Записи. МАРИНА. – Явь, с. 73; ХиГ, с. 176; печ. по: ХиГ-2, с. 185.

ЛЮМПЕН-ВЫМПЕЛ. – Печ. по: Явь, с. 74. *Н.И. Тряпкин* (1918—1999)

– поэт русского народ. песенного лада, многие его стихи положены на музыку. На фронт во время Великой Отечественной войны не попал по инвалидности. См. ст-е КАКОЙ БУКЕТ У НАС СЕГОДНЯ! *Яков Деревяга* – Я. Калинин, дед Дины Мих. Власовой (в девич. Калининой; см. коммент. к ст. ОДНОЛЕСЯ, разд. III) по отцовской линии; жил на Пелусе в Заозерье (Заболотный След), где В.Л. поставил свой дом-кабинет. Прозвище Деревяга – от деревянного протеза; дед встаёт из гроба, увидев, как «люмпен» губит траву. «*Не умер, не сошёл с ума*» – строка из «Евгения Онегина».

«**Выкашиваю свой лужок...**» – Не опублик. (?) – *Продовольственная программа* – принята в 1982 г. на период до 1990 г. с целью увелич-я производства продуктов питания. Сельское хоз-во было дотационным из-за сдерживания цен, многие продукты – дефицитными. *Само обманываться радо* – переименованный Пушкин: «Ах, обмануть меня не трудно!.. / Я сам обманываться рад!» («Признание»).

«**Наука травит лес...**» – Печ. по: ДГ, с. 84. Там же – коммент. авт.: «*Замысел облагораживания лесов с помощью арборицидов – замысел прямо фашистский. ...Но если лётчик был умён, он не распылял над лесом то, что надо было бы распылять над Академией наук, а мешки с ядом выбрасывал где-нибудь неразвязанными*». «*Конец придёт великому почину*» – авт. иронически использует назв. статьи В. Ленина «Великий почин» (1919) – о бесплатной работе на коммун. субботниках как начале коммунизма.

УГЛЕБОХИ. – ХиГ, с. 213; печ. по: ХиГ-2, с. 226. 1-я часть большого ст-я-медитации (целиком см. в разд. IX). *Углебохи* – от *слав.* углебати: увязнуть, утонуть. *А. Ф. Баянов* (1927—2013) – Баян Ахсан, Народ. поэт Татарстана, прозаик, драматург. В.Л. переводил его стихи. *Из десяти отпущенных семёрок* – отсылка к Псалму 89:10: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим». *Бредина* – козья ива. *Подпор* – повыш-е уровня воды перед плотиной или естествен. порогом. *По лестнице Ламарковой* – Ж.Б. Ламарк (1744—1829), франц. естествоисп., создал первую теорию эволюции живого мира; в кн. «Философия зоологии» (1809) он распределил живые сущ-ва по 6 ступеням в завис. от сложности их организации: от человека до инфузорий.

ЭПОХАЛЬНОЕ СЛОВЦО. – Печ. по: Явь, с. 71. Первонач. (в 1970-е гг.) ст-е начиналось строкой «*Брёвна давнего залама...*», первая часть дописана позже. В.Л. работал с плотницкой бригадой в Нейском р-не Костромской обл., в июле 1976 г. – в с. Спасское Кировской обл. не только ради заработка. «*Я всё ещё иностранец в родной избе и марсианин в русском поле. Язык буквально отнимался*» (из письма И. Дедкову, 17 авг. 1976, в: ПР, Спец. вып., с. 59). *Молома* – река в Вологодской и Кировской обл.

ПОДМОСКОВНАЯ КЛЯЧА. – ХиГ, с. 52, изд-лем потеряны: 2—4 строки в 4-й строфе и концевая строка: «*Heimatschmerz'a*», впис. авт. **Каз;**

печ. по: ХиГ-2, с. 56. *Малые Вязёмы* – дер. на Можайском шоссе; в Б. Вязёмах была царская резиденция, в д. Захарово – имение бабушки Пушкина, где он провёл детство. *Ископытъ* – следы от копыт. *Львиная болезнь* – проказа, кот. в древности считали «болезнью души».

СТАНСЫ («*Доживает в коммуне родитель...*»). – ХиГ, с. 208; печ по: ХиГ-2, с. 222.

О СЕМИ ЦЕРКВАХ. – ХиГ, с. 210, на полях: «*Н.И. Катаева спасла дом М. Цветаевой в Борисоглебском пер.*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 224, без 1-й сноски; ДГ, с. 10, то же. *Н.И. Катаева-Лыткина* (1918—2001) – врач, воен. хирург, оставила медицину после войны; искусствовед, музейн. работник. Жила в одной из квартир дома №6 в Борисоглебском пер., где с 1914 по 1922 гг. жила М. Цветаева. При поддержке культур. обществ-сти дом удалось спасти от сноса, в 1992 г. он получил статус музея, Н.К. стала его науч. руководителем. В.Л. активно участвовал в спасении дома и создании музея; живя в Москве, вёл ЛИТО «Магистраль», кот. обосновалось там. *Зиккурат... в нём церковка снесённая* – здание Верховного Суда РФ на Поварской ул.; на его месте стояла церковь Ржевской иконы Божией Матери, снесённая в 1952 г., перед началом строительства; там же найдено массовое захоронение 1930—40-х гг. *Ирина Сергеевна* – И.С. Эфрон (1917—1920), младшая дочь М. Цветаевой; умерла в приюте в Кунцево. *Теперь я не умру* – возм., имеется в виду жизнь в памяти тех, кто будет приходить в музей.

ТРЕЗВЫЙ ПЕРСТ. – Печ. по: ДГ, с. 83. *Комель* – прилегающая к корню часть дерева. *Н.А. Добролюбов* (1836—1861) – литер. критик революц.-демократич. направл., поэт, публицист, печатался в «Современнике» Некрасова. Умер от туберкулёза в 25 лет. *Подвесная борода* – действительно, на портретах борода выглядит театрально.

«**Не одна тут намочка спина...**» – ХиГ, с. 194; печ. по: ДГ, с. 84. Речь идёт о т.наз. подсочке – надрезах на стволах хвойных деревьев для получения смолы-живицы.

ПЕЙЗАЖ С ОБГЛОДАННЫМ ПЕНЬКОМ. – ХиГ, с. 163, без сноски; печ. по: ХиГ-2, с. 160; ДГ, с. 89. *Некрасовская Саша не плачет ни о ком* – в поэме Н. Некрасова «Саша» (1855) есть строка: «Плакала Саша, как лес вырубали...» Районо – районный отдел нар. образования. *Селькор* – сельский корреспондент. *Н.Н. Губенко* (1941—2020) – актёр театра и кино, режиссёр, сценарист, Нар. артист РСФСР, последний министр культуры СССР (1989—1991).

ТРИ АКТА. БАНЯ, МИЛИЦИЯ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 162. *Бедный Демьян* (1883—1945) – псевд. Ефима Придворова, поэта-пропагандиста, прикормленного Сталиным (квартира в Кремле, дача, личный вагон, автомобиль, ордена); его примитив. агитки печатались на первых полосах газет, внушали ненависть к прошлому, религии и т.п. В 1938 г. за «моральное разложение» исключён из партии, творчество подвергнуто разгромной критике. О своей матери высказался: «Моя мать – была б..дь».

УСТАМИ МЛАДЕНЦА. – ХиГ, с. 30, без указ. места, на полях: «(*село Дьяконово Костр. обл.*)» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 35. *У Апостола сказано...* – имеется в виду Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. ... Всё чрез Него начало быть...» (Ин 1:1, 3). *Песыак* – ячмень.

Записи. БАР НЕПТУН. – Печ. по: ХиГ-2, с. 294.

ПЛЯС. – ХиГ, с. 76; печ. по: ХиГ-2, с. 78. *И в мире нет мертвее зоны...* – Усть-Илимское водохранилище, образованное плотиной на р. Ангаре, поглотило и чернозёмы и лес, затопленный на корню.

«**Каким-то мрачным аппетитом...**» – ВТ, с. 183; печ. по: Явь, с. 93. *Птитом* – мелким шрифтом. *Прикованный Прометей* – иронич. отсылка к трагедии древнегреч. драматурга Эсхила; Прометей прикован к скале за похищение у богов огня и передачу его людям.

МЕЛКАЯ ДРОБЬ. – Не опублик. Адресат неизвестен.

ВРАГИ. – Печ. по: Явь, с. 43.

ИЗ ДНЕВНИКА («**Честь пропьём и совестью закусим...**»). – ДН, 1998, №11; ДН, 2000, № 5. В раннем неопубл. варианте были строки: «*Погибает друг мой стихотворец.../ ...../ Надоело, Саиа, с трезвых глаз/ хоронить скоропостижных вас*». Ст-е было адресов. поэту А.К. Богучарову (псевд. Морковкин; 1931—1978), зав. отделом поэзии в журн. «Смена», руковод. лит. студии им. Э. Багрицкого при журнале. В.Л. бывал на занятиях студии и с досадой говорил о ранней смерти Б., ускоренной его пристрастием к алкоголю.

НА ЭТЮДАХ. – Печ. по: Явь, с. 42. *Госстрах* – система государ. страхования в СССР (1921—1991). *Солнце Ван-Гога* – франц. худож. В. Ван-Гог (1853—1890) страдал психич. заболеванием, жёлтый цвет его экспрессив. полотн воспринимался жизнеутверждающе, хотя для него самого жёлтое солнце символизировало смерть.

«**У излучистой Моломы...**» – Печ. по: Явь, с. 40. *Излучье* – крутой поворот реки. *Живорез* – работник скотобойни. *Велес* (Волос) – «скотий бог» в славян. мифологии. *А. Швейцер* (1875—1965) – немецко-франц. философ-гуманист, музыковед, врач, лауреат Нобелевской премии мира (1952). Принцип его этич. учения – благоговение перед жизнью в любой её форме. В рабочем каб. В.Л. в д. Илешево была книга Швейцера. *В.И. Вернадский* – рус., украин. учёный-естествоиспытатель, мыслитель, предств. Русского космизма, создатель учения о ноосфере – «мыслящей» оболочке Земли, способной усилиями человек. творч. разума преобразовать жизнь на планете.

Медитации. К ПЕТРОВИЧУ. – Явь, с. 9; печ. по: ДГ, с. 55. Одно из программных ст-й В.Л. *Петрович* – Пётр Петр. Абрагимович, житель д. Пелусозеро, муж *Васины* (Василисы Ник. Басовой). *Обабок* – подберёзовик. *Кулгом-озеро* – одно из многочисл. озёр Карелии. *Доброта его довлеет дневи* – переосмысл. известного библ. выраж. «Довлеет дневи злота его» («Довольно для каждого дня свой заботы» – Мф 6:34); здесь: довольно для каждого дня его доброты (или даже: красоты). *Другое имя* – это бытийе другое – библ. представление о том, что перемена имени означает перемену судьбы, обретение подлинной сущности. *Обиняк* – намёк, иносказат. оборот. *Заботники мои* – надзирающие за идеологич. единомыслием, с кем В.Л. сталкивался с 1957 г. *Нейтралку... переползаю сюда – оттуда* – поэт видел повторяющийся сон: он, насильно выдворенный за рубеж (подобно Солженицыну и др.), переползает нейтральную полосу, чтобы вернуться на родину. *Чего в мой дремлющий тогда не входит ум* – строка из стих. Г. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807). *Боров* – наклон. или горизонт-я часть печной трубы (на чердаке или втором этаже дома). *Сокол сталинский* – так с 1930-х гг. называли в СССР

лётчиков; П.П. не был лётчиком, он служил во внутр. войсках, за какое-то прегрешение был сослан на Пелус. *Биоценоз* – сообщество связанных между собой животных, растений, микроорганизмов, населяющих одну жизненную среду (на суше или в воде); уничтожение одного из видов разрушает природное равновесие. Дед перестал ходить в лес – исчезли грибы; щука «отвыкла» от рыбака. *Серёжа, Митя, Сашенька, Володя* – автор окликает умерших друзей-поэтов: С. Дрофенко, Д. Голубкова, А. Тихомирова, В. Львова.

«Под шинами из года в год...» – Печ. по: ХиГ, с. 184.

СТРАДА. – ХиГ, с. 225, без посвящ., назв. подчёркнуто двумя чертами **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 235. *Ф.А. Искандер* (1929—2016) – прозаик, поэт, журналист, сценарист, обществ. деятель; В.Л. и Ф.И. сближали отноше-е к крестьян. укладу жизни, нравств. ценности, гражданская позиция. См.: «Пловец, который плавает с умом...», разд. VI. *Астафьевская мать* – героиня прозы В.П. Астафьева (1924—2001).

ПРОШУ... – ПР, 2010, №1(5); ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 93. *А.А. Баркова* (1901—1976) – поэт, прозаик, драматург; более 20 лет провела в сталинских и постсталинских лагерях (с 1934 по 1965). *И.Э. Бабель* (1894—1940) – писатель, переводчик, сценарист, драматург, воен. корр. В 1934 г. арест. по обвин. в шпионаже, подвергся пыткам на допросах, оговорил себя; расстрелян, реабилитир. посмертно в 1954 г. *Моленья архивы нынче не таят* – благодаря В. Шенталинскому, В.Л., Ю. Карякину и др. литераторам, вошедшим в Комиссию по лит. наследию репрессир. писателей, в нач. 90-х гг. был получен доступ к архивам Лубянки. *Дачу подлого врага* – В.Л. участвовал в защите дач Б. Пастернака и К. Чуковского от функционеров, претендовавших на эти дачи и судившихся с наследниками, кот-е добивались для домов музейного статуса.

ГОГОТ БЕСПАРТИЙНЫЙ. – ХиГ, с. 61; печ. по: ХиГ-2, с. 67. Возможно, речь о заброшенной церкви, переоборуд. в сауну, либо о новой «религии». *Бамбула (арго)* – силач. *Парнуха* – парная, по созвучию с порнухой (*жарг.*, от порно). *Пономарь* – дьячок. *Бормоток литийный* – негромкое чтение богослужб. текстов.

КАКОЙ БУКЕТ У НАС СЕГОДНЯ! – Печ. по: ХиГ-2, с. 298. *Н.И. Тряпкин* – см. коммент. к ст. ЛЮМПЕН-ВЫМПЕЛ. «Шанель» – назв. франц. духов. *Шейтинг* – (*англ.* создание форм) система упражнений для коррекции тела. *Кель одор!* (*Quelle odeur!* – *фр.*) – Какой аромат! *Маршал Пишеерю* (1761—1804) – фр. воен. и полит. деятель. Подавлял восстание санкюотов (простонародья) во времена Вел. Франц. революции, участвовал в заговоре против Наполеона, служил в штабе русского корпуса во время Швейцарского похода Суворова. *Оказаченные сотни* – с конца 1980-х гг. началось возрождение казачества в России; традиционно казачество использовалось для подавления массовых протестов.

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ. – СЖ, 1989, 5 нояб.; Явь, с. 94, без даты и посвящ.; ХиГ, с. 25, без даты, авт. подчёркнуто «в письме», на полях: «Дедкова», в послед. строфе отчёркн. двумя чертами «*вполне бесстрастны и бесстыжи, / как и положено вождям,*» внизу: «*В августе 1982 г. сгорел наполовину обл. архив в Богоявленском соборе*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 31; СС, с. 124, без посвящ. И. Дедков – см. коммент. к стих. БУКСИР, разд. III. *Никитин Гурий* – Г.Н. Кинешемцев (ок. 1620—1691), иконопи-

сец, мастер фрески, старшина артели костромских изографов. Самые известные его росписи – в Архангельском соб. Моск. Кремля, Успенском соб. в Ростове Великом, в Троицком соб. Ипатьевского монаст. в Костроме, ц. Ильи Пророка в Ярославле.

Записи. ПРО ИВАН ПАЛЫЧА. – Явь, с. 96; печ. по: ХиГ-2, с. 37.

НЕДУГ. – ХиГ, с. 60, изд-лем потеряна дата: *60-е годы*; печ. по: ХиГ-2, с. 64. *Граф Толстой, ото лжи отлучённый* – в 1901 г. было опублик. Определение Святейш. Синода об отпадении графа Л. Толстого от Церкви. Формально это не было актом отлучения, но Л.Н. с Церк. не примирился до смерти. Он отвергал уч-е о Троице и божественность Христа, не признавал церк. таинства, из Евангелий принимал лишь уч-е о любви. Осуждал Церк. за поддержку смерт. казни, захватнич. войн, угнетения народа.

«**Бывалый старый обезьян...**» – Печ. по: Зн, 2004, №6.

ХРИСТОСИКИ. – СП, 2003, 29 авг.; ПР, 2010, №1(5); ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 94. *Хосний Мубарак* – президент Египта в 1981–2011 гг. *Феодор Тирон* (ум. 306 г.) – воин, христ. святой, великомуч-к, за отказ почтить языческих богов и исповед-е Христовой веры сожжён на костре. По преданию, помогает искать воров и пропавшие вещи.

СЕРГЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ. – Печ. по: Зн, 2004, №6. *С.В. Михалков* (1913—2009) – баснописец, детский поэт, драматург, воен. корресп., обществ. деятель, председ. Союза писателей РСФСР (1970—1990), предс. Междунар. сообщ-ва писательских союзов (1992—2008). Автор гимнов СССР и РФ. Лауреат Ленин. и трёх Сталин. премий, Гос. премий, 4-х орденов Ленина и проч. *Бессмертный* – воистину так.

О ЮБИЛЕЯХ. – Печ. по: Явь, с. 112.

РЕЙНГЛЯС. – ХиГ, с. 241, написание заг.: РЕЙНГЛАС; печ. по: ХиГ-2, с. 251. *Рейнгляс (нем.)* – Рейнское стекло. Адресат – *Е.Б. Рейн (р. 1935)* поэт, переводчик, прозаик, сценарист документ. фильмов.

70 – 90. – Явь, с. 65, без заг., с 1-м эпиграфом, без послед. двустушия; ХиГ, с. 140, с посвящ.: Фазилу, без эпиграфов, послед. двустушие: «*И вечно они веселятся и пьют на чужое/ и хают что надо и славят как надо – с душою*» дважды отчёркнуто **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 136. *Греми* – царская крепость XVI в. в Кахетии (Грузия).

УБЬЮ! – Печ. по: ПР, 2010, №1(5). У героя стих. есть прототип – пусть он покоится с миром. Важен точный слепок времени.

ДОЛГИЙ ЗВУК. – Печ. по: Зн, 2004, №6. *Пиррихий* – стопа из двух безударных слогов при пропуске одного ударения в стихотвор. размере (ямбе или хорее).

МГНОВЕНЬЕ СЛАБОЕ. – ИиЖ, 1993, №11-12; СВ; ХиГ, с. 252; печ. по: ХиГ-2, с. 258; СС, с. 122.

НИКТО И НИГДЕ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 295. *Ю.М. Шавырин* – поэт, в нач. 1960-х гг. учился в Лит. институте, 1-я книга стихов «Талина» вышла в Москве (изд. «Молодая гвардия», 1968), стихи печатались в ж. «Юность», альм. День поэзии (1966). Других сведений найти не удалось. *Петя Невегин* – П.В. Вегин (Мнацаканьян; 1939—2007), поэт, переводчик, редактор, художник; уехав в США на междунар. лит. семинар, в СССР не вернулся.

«**Прервав застолье и уют...**» – Над; ХиГ, с. 56; печ. по: ХиГ-2, с. 58. Ст-е 1970-х гг.

ДМИТРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПРИГОВУ, УМЕЮЩЕМУ ВОПИТЬ КИКИМОРОЙ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 296. *Д.А. Пригов* (1940—2007) – поэт, худож., скульптор, представ. андерграунда, лит.-худож. авангарда, чуждых В.Л. Жил в р-не Беляево, где и В.Л. до окончат. отъезда из Москвы. Строка *«вой чеченского волка яббом переведу»* повторена в ст-и **ГЕРБОВЫЙ СЛЕД**, разд. VI.

А Я ВАМ ГОВОРИЛ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 85. *С.А. Яковлев* (р. 1952) – писатель, публицист, редактор, издатель; в 1994—98 гг. – зам. глав. ред. (С.П. Залыгина) ж. «Новый мир», издатель ж. «Письма из России»; друг и единомышленник В.Л. *Ницё не малтали (север.)* – ничего не соображали. *Лекимозеро* – крупное озеро в Кенозерском нац. парке (Каргопольский р-н Архангельской обл.).

«Когда ты меня приглашаешь в salon élegant...» – ХиГ, с. 81; печ. по: ХиГ-2, с. 86.

«Вынув из урны хлеба кусок...» – ХиГ, с. 59; печ. по: ХиГ-2, с. 63; ДР, 2008, №1(39), с заг. 70-е ГОДЫ; СС, с. 34.

СТАНСЫ («Куда тебя леший несёт?...») – ХиГ, с. 82, подчёркн. строка *«Права человека – долги материнской страны»* **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 87. *В.В. Розанов* (1856—1919) – религ. философ, литер. критик, публицист, писатель, *«одинокка»* в силу крайне противоречивых воззрений; умер в нищете. Это ст-е В.Л. также содержит его *«кредо»*.

V. ПОРТРЕТЫ

МОЯ СТАРУШКА. – Печ. по: ВИ, с. 44, в публик. отсутствует выдел. курсивом фрагмент. *А.И. Лунёва* – няня В.Л. (см. коммент. к ст. «Ландышей нарвал в комарином лесу...», разд. III). В 9-метровой комнатке деревянного барака Волгостроя у окна стояла ножная швейная машинка – это был рабочий стол поэта, когда он, ещё не имея «кабинета» в Карелии, приезжал в Калязин, к «Нюске». *«Каскад»* – Волжско-Камский каскад водохранилищ из 12-ти ГЭС, снабжающий электроэнергией Европейскую часть России.

МУСОРГСКИЙ. – Печ. по: НД, с. 72. *М.П. Мусоргский* (1839—1881) – рус. композитор; в его новатор. музыке ярко отражены национ. черты, слышны народ. песня, церк. распевы. Сюжеты муз. произвед. М. черпал из истории (оперы «Борис Годунов», «Хованщина»), из крестьян. жизни, писал вокальн. произвед. на стихи Некрасова. При жизни не был понят даже собратьями по распавшейся «Могучей кучке», т.к. пренебрегал общепринятыми муз. канонами. В.Л. музыка М. была близка, созвучна. ...*В звуке Углича зола и кислотца* – авт. связывает имя города со словом уголь: ведя подсечно-огневое земледелие, угличане выжигали лес под пашню. *Младенческая улица* – в 1591 г. у цар. крыльца во время эпидемии припадка погиб игравший в свайку (ножичек) 8-летний сын И. Грозного царевич Дмитрий. Толпа растерзала предполагаг. убийц; за это *сгребли народ в овражек* – казнили 200 человек. В.Л. излагает версию, по кот. тело царевича стало разлагаться и его пришлось подменить: для церков. канонизации мощи должны быть нетленными.

БОРАТЫНСКИЙ. СЛОВО МИЛОСТИ. – Печ. по: НД, с. 56; ВТ, с. 191, с заг. СЛОВО МИЛОСТИ, без 5-й строфы, с разночт.в 7-й строфе. *Е.А. Боратынский* (ошибочное, хотя и общепринятое написание – Бара-

тынский, 1800—1844), поэт, не вполне прочитанный современниками, оставшийся в тени Пушкина, заново открытый поэтами Серебряного века, потом опять забытый. В.Л. во 2-й пол. 1960-х гг. стал углублённо читать Б. и «заразил» им друзей по ЛИТО «Магистраль». Это связано с работой Д. Голубкова над романом о Б. «Недуг бытия» (издан посмертно в 1974-м гг.), где с В.Л. «списан» Иван Киреевский. *Мураново* – имя жены Б. под Москвой, ныне – музей-заповедник, *Каймары, Мара* – имения Б. *Себе довлеет слово* – возмож, переключка со строками Б.: «Я, невнимаемый, довольно награждён/ За звуки звуками, а за мечты мечтами». *Сумерь* – река, протек. в окрестн. Муранова. *Здётся Родос – прыгни!* – афоризм из басни Эзопа «Хвастливый пятиборец»: герой хвастается прыжком, кот. он совершил на Родосе, и готов позвать свидетелей, но ему отвечают: Нис Rhodus, hic salta. Строфа «*Пусть выбирает форму матерьял./ На то и опыт мой и очи зорки,/ чтоб вещей смысл народной поговорки/ надменную премудрость поверял*» – парафраз строк Б.: «Что, наконец, подсмотрят очи зорки?! Что, наконец, поймёт надменный ум/ На высоте всех опытов и дум./ Что? точный смысл народной поговорки». «**Ужаснулся – что содеял!..**» – Печ. по: НД, с. 58. Над Боратынским всю жизнь тяготел его подростк. проступок: совершённая с группой одноклассников кража, за что он был изгнан из Пажеского корпуса и мог поступить в военную службу лишь рядовым (что он и сделал). Он так и не вошёл полностью в литерат. жизнь, писал всё меньше, а в зрелые годы и вовсе умолк, занялся хозяйством, посеял лес.

«**Глядит как лорд британский...**» – Печ. по: НД, с. 58; ВТ, с. 190, с заг. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ (второе – СЛОВО МИЛОСТИ). *Разбойник и поэт* – Б. и его товарищи начитались «Разбойников» Шиллера, ложно поняв свободу как нарушение любых запретов. *Создатель «Недоноска»* – назв. самого загадочного философск. стих. Б. – о недооволощённости человека, бедности его существован-я между небом и землёй. *Тебя воображенье убило наповал* – по романтич. версии Д. Голубкова, кот-ю разделял и В.Л., Б. умер, взволновавшись нездоровьем жены.

БАТЮШКОВ. – НД, с. 65; печ по: ВТ, с. 193, значит. переработ. *К.Н. Батюшков* (1787—1855) – поэт, прозаик, предшеств. Пушкина в создании литер. языка. Боролся с наследств. душевной болезнью, участв. в Отеч. войне 1812 г., служил в Публич. библиотеке в Петербурге. В стих. В.Л. передал болезнен. галлюцинации Б. ...*В Италии злой* – попал в Италию уже серьёзно больным, Б. был восхищён, но вскоре впал в депрессию и манию преследования. ...*Помнишь, Тибулл?* – Б. в совершенстве знал латынь, антич. литер., Тибулл был его любимым поэтом. *Хантоново* (Хантаново) Ярослав. губ. – село, где жили родные сёстры Б., он гостил у них. Усадьба не сохр.: земли затопило Рыбинское водохр., холм, где стоял дом, срыт. Б. похоронен в Вологде, в Спасо-Прилуцком монастыре; В.Л. побывал у него на могиле в окт. 1978 г.

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ГОЛУБКОВА. – Печ по: ХиГ-2, с. 204, весь цикл.

1. «Ты был... Ты рыцарь был...» – ХиГ, с. 197, с тем же заг., на полях: «6 ноября 72 г. застрелился мой друг. (О нём – рассказ Ю. Казакова «Во сне ты горько плакал»)» **Каз;** СС, с. 83, сокр. вариант. *Конного царя с прибавкой пьедестала/ фигура Кобзаря уже перерастала* – могучее слово украинского поэта Т. Шевченко (1814—1861) («Кобзарь» – назв. сб. его стихов) делает ничтожным имперское величие Медного

всадника. *Я вытащил его из мерзостного морга* – В.Л. ездил в морг на опознание тела, потом сказал матери: «Ты бы видела, в каком грязном сарае он лежал...» (ПР, Спец. вып., с. 98).

2. КОСОЕ ПОЛЕ. – ХиГ-2, с. 205. *Ты выстрелил в себя и спас меня* – спас от такого пути разрешения «проклятых» вопросов. *Мы с тобой больны Италией* – «болезнь» перешла к В.Л. от Д.Голубкова, чей дед был итальянцем, а сам Д.Г., поэт и художник, видел в этой стране источник общечеловеч. культуры. В творч-ве В.Л. тема Италии – в ст. ПЬЕТА; ПЬЕТА ПРИМА; ИВАНОВ, ЭТЮД «РАБА», в незаверш. «Снег в Италии на Рождество...». В библио-ке В.Л. сохр. «Переписка Микель-Анджело», в конце 90-х он читал кн. П. Муратова «Образы Италии», «Эгерия». *Ке чьело кьяро... э туркино (итал.* Се cielo chiaro e turcino, правильно произносится: *чело*) – Какое небо ясное... и бирюзовое. *Соборная руина* – полуразрушенный Никольский храм в селе, где В.Л. учительствовал (см. СЕЛО НИКОЛА, разд. III).

3. ПОЧЁМ? – ХиГ-2, с. 206. Подзаг. *Последний русский вопрос* – ирония: сравнение с «первыми» вопросами – Что делать? и Кто виноват? – обнаруживает нравств. провал. *А Жигулин* – см. коммент к ст. ГРАНАТ, разд. VI. *Под голубцом* – под крестом с крышицей-домиком; созвучно фамилии Голубков. *В краю Волоцком* – *здесь*: в Вологодском краю; В.Л. рассказывал: в Вологде жила женщина, кот. «ждала Митю всю жизнь». *На тех, кого сгубила смута* – возможно, имеется в виду поэт Н. Рубцов, похорон. в Вологде. *Ваганьковская теснота* – Д. Голубков был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве; место захоронения бесследно исчезло: было продано в воровские 90-е. *Содрали за новодевичий* – «элитное» кладбище в Новодевичьем монастыре в Москве.

ДЕВА ПУСТЫНЬ. – ХиГ, с. 98; печ. по: ХиГ-2, с. 98. *А.Е. Адалис* (настоящ. фам. Висковатова, после удочерения – Эфрон, 1900—1969) – поэтесса, прозаик, переводчица, ученица В. Брюсова. *Образ её... двоится* – поэтич. дарование А. высоко оценивал О. Мандельштам, но оно осталось недоосуществлённым. *...возлюбленных ею пустынь* – А. работала корреспондентом в Туркестане, написала приключенч.-фантастич. роман о затерянной в горах Памира стране. *Зачем не дают порошков забвения* – после смерти Брюсова, с кот. была близка, А. стала принимать наркотики. С этим связана образность ст-я.

«Надевает он шляпу чудную...» – ВИ, с. 61; печ. по: НД, с. 78.

«Старуха кормит голубей...» – СтСт, с. 63; печ. по: ВИ, с. 29.

РЫЦАРЬ. – Печ. по: ВИ, с. 38.

ОФИЦИАНТ. – Печ. по: ВИ, с. 40.

АННА ХОДАСЕВИЧ. – ЛГр, 1978, №9, с заг. АННА; Явь, с. 44; СВ; печ. по: СС, с. 68. *А.И. Ходасевич* (Чулкова-Гренцион, 1887—1964) – в 1911—1922 гг. жена поэта Владислава Ходасевича. Познакомил В.Л. с ней Д. Голубков. Подробности и тональность стих. свидетельствуют: это не пересказ воспоминаний, написанных А.Х., а живой, полный сочувствия разговор о В.Х.—В.Л. пишет не столько портрет *великомученицы Анны*, сколько самого поэта. В облике В.Х., кот-го называли последним поэтом-классиком, есть черты, «унаследованные» В.Л.: *великодушное потомство воспринимает честь и боль...* (см. концовку стих.). *Одна на сером жеребце...* – М. Рындина, первая жена В.Х. *...был с другой над венетийскими водами* – роман В.Х. с Е. Муратовой, женой искусствоведа

П. Муратова, завершился разрывом в Венеции. *Левец четвёртого сословья* – непривилегированных слоёв общества; *пятому последний брат* – людям, находящимся на обочине жизни. Тема «Леонович и Ходасевич» заслуживает внимания будущих исследователей классич. традиции в поэзии XX в.

УЧАСТКОВЫЙ. – Печ. по: ВИ, с. 69.

ПОДЖИГАТЕЛЬ. – Печ. по: ВИ, с. 63.

РАБКОР НАДЕЖДИН. – Печ. по: ВИ, с. 23.

КАПИТАН

1. «Перемычка всю ночь фильтровала...»
2. «Есть минуты, когда инженеры...»
3. «Так и замерли над водопадом...»
4. «Тут я сделаю паузу, выдох...»
5. «Капитан презирает...»
6. «Но закончим хоть главную сцену...»
7. «Эти древние гальки и глины...»

ДП, 1986; печ. по: ХиГ-2, с. 80. *Г.Л. Немченко* (р. 1936) – журналист, прозаик, сценарист, переводчик. Закончил журфак МГУ (1959), работал с В.Л. в газете «Металлургстрой» (Новокузнецк). *Кавалер орденов и штрафник* – воевавший в штрафном батальоне, т.е. на самых тяжёлых участках фронта.

ЕВТУШЕНКО ГОДУ В 65-М. – ПР, 2010, № 1(5); печ. по: ПР, Спец. вып., с. 179. *Е.А. Евтушенко* (фам. матери, по отцу – Гангнус, 1932—2017) – поэт, прозаик, сценарист, чтец-декламатор, режиссёр, фотограф. На волне поэтич. бума 2-й пол. 1950-х – нач. 60-х гг. приобрёл популярность вместе с др. «эстрадными» поэтами, собиравшими стадионы и огромные залы. Начав с прославл. Сталина и Ленина, веры в коммунизм, антивоен. риторики, позже выступал в защиту демократии, защищал Солженицына, Бродского и др., за что подвергался разгромной критике и запретам на публикации. Е. видел себя поэтом-трибуном, наследником Маяковского. В.Л. выступил в его защиту в 1963 г. (см. коммент. к ст. СЕРАЯ ЖЕЛТУХА, разд. I). Их связывали с В.Л. приятельские, но не близкие отнош-я товарищей по поэтич. цеху, работа над переводами в Грузии. Став мэтром, Е. иногда пренебрегал этич. нормами: так, по рассказу В.Л., изд-е его кн. «Время твоё» в Тбилиси было задержано, т.к. «Женя забрал всю бумагу». На отнош-ях с Е. это не сказалось, но позже причастность Е. к дележу активов Литфонда побудила В.Л. выйти из Союза писателей. *...поймав уклон, меняя книжки...* – об умении Е. ловить политич. веяния. *Арлекинаду на крови* замученных режимом В.Л. считал неприемлемой для русского поэта.

ПРОТЯНУТЮЮ РУКУ. – ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 126. «*Детский сад*» – фильм Евтушенко о войне и детях (1983). *Там Евтушенкины друзья идут в колоннах ополчения* – Е. пригласил неск. писателей сняться в эпизоде отправки на фронт писательского ополчения. В.Л. сыграл свою немую роль вдохновенно. *Дело было в ЦеДеэЛе* – в Центральном Доме литераторов в Москве. Расходясь идейно и эстетич., Е.Е. и В.Л. принадлежали к одному поколению и даже умерли одинаково: во сне, от остановки сердца.

ПАВЕЛ МЕЛЁХИН. – Печ. по: Явь, с. 115. *П.Л. Мелёхин* (1939—1983) – поэт, журналист; покончил с собой, выбросившись из окна квартиры.

«Румынии» или «Шанхая» – так называли барачные посёлки на окраинах промышл. городов, дожившие до Хрущёва, начавшего их снос и массовое жил. строит-во. *Рубцов Коля* – поэт Н. Рубцов (см. коммент. к ст. ГРИФ ДСП. ПРОЕКТ ВЕКА, разд. IV), с кот. М. учился в Литер. институте. *Катулл* (ок. 87—84 – ок. 54 г. до н.э.) – римский поэт, писавший любов. лирику, а также ругательные послания и язвит. эпиграммы. *Г.Ю. Цезарь* – полководец, писатель, диктатор и *М.В. Мамурра* – военный, инженер – современники Катулла, адресаты его стих. *В.В. Гришин* – Первый секретарь Моск. горкома КПСС, *Г.В. Романов* – Первый секр. Ленинградского обкома, оба – члены Политбюро КПСС до серед. 80-х гг. *С.Ю. Куняев* (р. 1932) – поэт, публицист, переводчик, лит. критик консерватив. взглядов. *Александр Исаич* – Солженицын. *Ф.Ф. Кузнецов* (1931—2016) – литературовед, критик, исслед. истории рус. и совет. лит-ры; инициатор гонений на участников самиздатского альм. «Метрополь» (1979), среди кот. были ведущие поэты и прозаики.

ЗАПОЗДАЛЫЕ СТИХИ. – ХиГ, 243; печ. по: ХиГ-2, с. 252. Адресат – *Я.В. Смеляков* (1912—1972) – поэт, переводчик, лит. критик. Дважды репрессир.: в 1934—37 гг. и в 1951—55 гг. Участник Великой Отечеств. войны, был в плену. *Пузыри земли* – так Макбет в траг. Шекспира называет предсказания ведьм; так же назвал одну из частей своего Собр. ст-й А. Блок. *Ланская* – Н.Н. Пушкина после гибели мужа вышла замуж за генерала П.П. Ланского. В 1959 г. Я. Смеляков написал ст-е, где от имени всего советского народа грубо обвинял «Ланскую» в гибели Пушкина. *Через много лет... пред нею извиниться Вы не сумели* – в 1966 г. Я.С. написал новое стихотв., более мягкое по форме, где извинялся за свой тон, но суть обвинения осталась прежней.

«**Да, праздник. Незаконная слеза...**» – ДН, 1983, №12; печ. по: СС, с. 87; ПР, Спец. вып. (в письме И. Дедкову, янв. 1972), с. 34, с заг. СМЕЛЯКОВ, ранний. вариант: «*И вдруг он плачет. Выступив, слеза,/ пути не зная, по щеке сползает./ Сейчас его не видят: заперся...*». 3—4-я строфы: «*Переведёт ли чей-нибудь стишок,/ своё ли слово где-то переставит, –/ он между делом, за верхом верхок,/ в историю и в землю прорастает./ Затем растёт, чтоб, ветвию качнув,/ в неборимой ереси и дури,/ благие ожиданья обманув,/ способствовать возникновенью бури./ От века судьбы на Руси всё те ж...*» Послед. строфы («*Прекрасно, Ярослав Васильевич...*») в этом вар. нет. В.Л. видел гнёт судьбы, придавившей талантл. поэта, и досадовал, что Я.С. не успел дожить до полноты покаяния.

ЧУЖАЯ. – ХиГ, с. 201, подчёркнуто: *пармой*, на полях: «тайга» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 209.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛЬВОВА. – Печ. по: Явь, с. 30. *В.Ю. Львов* (1926—1961) – поэт, переводчик. В 17 лет ушёл добровольцем на фронт. После войны учился в Лит. институте, был членом ЛИТО «Магистраль», которое посещал и В.Л. При жизни у В.Л. вышла всего одна книжка стихов – «Без отдыха» (1957). Трагически погиб в 35 лет: утонул в бассейне «Москва». Были слухи о том, что его утопили сектанты (их потом нашли и судили). Вторая книга В.Львова «С начала жизни до конца» была издана посмертно (1963) стараниями поэтов-фронтовиков Слуцкого и Межирова.

КОГДА ВЫ ПОНАДОБИЛИСЬ, ВЫ УСТАЛИ. – ХиГ, с. 63, на полях: «*Неуслышанный, не оцененный по достоинству. + 1961. Друг Булата*

Ок. – все мы из «Магистрала» Левина» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 68. «Цеховое послевоенное братство было: Луконин, Межиров, Слуцкий, Самойлов... В «Магистрала» Григория Левина — Булат Окуджава и Владимир Львов... не успевший создать н а п р а в л е н и я в поэзии. (Его создал Окуджава — но совсем другое.) Говорю так, потому что разбирал г о р ы его стихов, набросков, записей. Это поэзия серьезная, открыто трагическая, без сурдинок, без игры...» (В.Л. «Струна трепещет и светится», ДН, 1998, №5).

СЛУЦКИЙ. – Печ. по: ДН, 1998, №5. *Б.А. Слуцкий* (1919—1986) – поэт, переводчик, участник Великой Отеч. войны – разведчик, политработник. Получил тяж. ранение и контузию, перенёс две трепанации черепа. В 1977 г., потрясённый смертью жены Т. Дашковской, написал за три месяца ок. 200 стихотвор., после чего замолчал, лежал в психиатрич. больницах. Адресат стих. В.Л. – *Д.А. Сухарев* (наст. фам. Сахаров, р. 1930) – доктор биол. наук, поэт, переводчик, бард, автор мюзиклов. Автор эпиграфа – *В.Н. Корнилов* (1928—2002) – поэт, прозаик, лит. критик. *Оскоромился Слуцкий* – имеется в виду выступление на собрании писателей 31 окт. 1958 г., в кот. С. осудил публикацию за рубежом романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Позже С. сожалел о том, что подчинился партийной дисциплине. *Мёртвый Тютчев* – слова Межирова, кот. сравнил состояние Слуцкого с сост. Тютчева после смерти Денисьевой. «Он умрёт и поразит нас божатством написанного: душа, стало быть, жива была, трудилась, да ещё как! И, стало быть, не было предательства — это его, Слуцкого, предали...» (В.Л. «Струна трепещет и светится», ДН, 1998, №5).

ТВАРДОВСКИЙ. – НД, с. 69, с эпигр.из Твард., фрагм – **«А лиственница хороша...»**; Авр, 1989, №3; Стр, 1991, №1; Явь, с. 99; печ. по: ХиГ-2, с. 210; СС, с. 35 (фрагм. 3, 7, 10-11); ДГ, с. 43 фрагм. 3, с. 44, без 3-го и 5-го фрагм. *А.Т. Твардовский* (1910—1971) – поэт, прозаик, журн., воен. спец. кор.; участ. Финской и Великой Отеч. войн, подполковник; обществ. деятель, глав. ред. ж. «Новый мир» (1950—1954 и 1958—1970). *Твардовский в петлю лез* – В.Л. пишет о 2-м периоде работы Т. в «НМ». Но «петлю» Т. набросил на себя раньше: в 1954 г. его уволили за попытку напечатать сатирич. поэму «Тёркин на том свете» (1944—1963) и актуальную острую публицистику В. Померанцева, Ф. Абрамова и др. авт. (поэма была опублик. лишь в 1963 г., после XX съезда, разоблачившего культ Сталина). ...У «дядьки» нашего Бориса... открылся Твардовский Университет – на даче Б.А. Костюковского; см. коммент. к ст-ю РАССУЖДЕНИЕ, разд. 1. *В.М. Шугаев* (1938—1997), *В.Г. Распутин* (1937—2015), *А.В. Преловский* (1934—2008), *А.В. Вампилов* (1937—1972) – сибирские писатели, кот-х поддерживал Костюковский. *Возьмите... в долг... не откажите* – фраза Т., давшая назв. одной из статей В.Л. о Т. (в: ДиН, 2010, №5(79)). *М.В. Исаковский* (1900—1973) – извест. преимущ. как поэт-песенник. *С.Я. Маршак* (1887—1964) – перевод., драматург, детский поэт. *А.А. Ахматова* (наст. фам. Гóренко, 1889—1966) – одна из крупнейших поэтесс XX в., при сов. власти почти не печатавшаяся. *Б.Л. Пастернак* (1890—1960) – поэт, перев., прозаик, отказался от получ-я Нобелевской премии из-за травли со стор. литер-ров и т. наз. обществ-сти; Т. относился к П. с недоверием как к чуждому идеологич. и эстетически (*выкормыш кадетский*), но в «НМ» печатал. *Кулак* – роди-

тели, четыре брата и две сестры Т. были раскулачены и сосланы, хутор сожжён односельчанами, реабилитир. только в 1996 г. *Твардовский пан и шпынь шляхетский* – дед Т. служил бомбардиром в Польше, «паном» звали и его, и сына – отца Т.; мать была из однодворцев (польск. шляхта), имевших право владеть землёй; шпынь – язвительный остролов. *Собиратель всех отбросов... пригреватель всех злодеев... освободитель сумасшедших* – Т. отказался подпис. письмо с осужд. Синявского и Даниэля, вызволял из психбольницы диссидента Жореса Медведева, помогал вдове Пастернака, дочери Цветаевой... *Мертвецов реаниматор* – неудавш. попытка напеч. Цветаеву, прозу Солженицына и др. Главлит (цензура) постоянно выбрасывал из готовых номеров материалы, Т. (*ходатай и стучатель палкой*) отстаивал их, пользуясь своим парт. весом кандидата в члены ЦК КПСС (не выбрали, лишили также и депутатского мандата). *Вдохновитель перекосов* – Т. обвиняли в кулацких тенденциях. *Россия – всё-таки не Дания?* – отсылка к словам Гамлета «Дания – тюрьма». *Величанский, Модильяни* – см. коммент. к ст-ям СУШЬ, разд. IV, УВАЛЫ, разд. II. *Не возражаю – немного* – В.Л. имеет в виду пристрастие Т. к алкоголю; однажды, чтобы опохмелить А.Т., открыл топором замок секретера, где у Костюковского было спиртное; хозяин понял, не обиделся. *Вы отреклись от Солженицына?* – разрешение печатать Солженицына («Один день Ивана Денисовича») дал Хрущёв; попытки Т. опублик. роман «В круге первом» были безуспешны (помощ. Хрущёва назвал роман «клеветой на советский строй»). *Исайя* – В.Л. сравн. силу обличающего слова Т. с пафосом великого библейского пророка Исайи (VIII в. до н.э.). *Своя – своих* – после публикации в 1969 г. в «Огоньке» погромного письма 11 литераторов против «НМ» Т. написал заявл. об уходе (1970), за ним последовала часть коллектива редакции. Т. пережил инсульт, в больнице обнаружили рак лёгких. Он сгорел за год. Р. *Светлова-Амирэджиби* – жена поэта М. Светлова. *Гнал палкою и матюком правительственного лакея* – В.Л. «театрализовал» ситуацию: буквально такого эпизода не было, но попытка купить Т. была, и ответ по сути был именно таков. *Люськины хоромы* – дача Нар. артистки СССР Л. Зыкиной. *Где перевозчик молодой?* – умирающий Т. хотел бы видеть среди молодых преемника в отстаивании свободы и правды – в жизни и лит-ре. В.Л. усвоил его уроки гражданского мужества.

ЧСИР. – Печ. по: ПР, 2010, №1(5). *В.Л. Британишский* (1933—2015) – поэт, прозаик, литературовед, переводчик. *Валаам* – остров в сев. части Ладожского озера, где в бывш. монастыре в 1950 г. был устроен т.н. Дом инвалидов, а по сути – лагерь, т.к. у сосланных туда людей отбирали паспорта и уехать с острова было невозможно. Там, среди прочих, содержали отловленных милицией фронтовиков – калек без рук и без ног, имевших ордена и медали, но «портивших» своим видом облик сов. городов. См. ст-е ПЕЧАТЬ, разд. III. *Все алтари так жирно заляпаны грязью* – см. ст. МОЁ ВАМ, разд. VI.

ПЕЙЗАЖ. – Печ. по: ДН, 2007, № 7. Адресат – Л.К. Чуковская (урожд. Л. Ник. Корнейчукова, 1907—1996) – прозаик, поэт, мемуарист, лит. критик, редактор. Подгот. к изданию 15-том. собр. соч. своего отца К.И. Чуковского, «Записки о Анне Ахматовой». Была хранительницей его дома-музея в Переделкино, кот. В.Л. помогал отстаивать. *Покой преображённого страдания* – Л.Ч. была арестов. в 1926 г., сослана на 3 года (отбыла

ок. года благодаря заступнич. отца), в 1937-м арестов., в 1938 г. расстрелян её второй муж (ей самой удалось избежать ареста). В 60-е гг. выступала в защиту Бродского, Солженицына и др. преследуемых писателей, в 1974 г. исключена из Союза писат. с запретом публикаций. В 1990 г. удост. Премии им. А.Д. Сахарова «За гражданское мужество писателя».

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ. – Печ. по: ДН, 2007, № 7; ХиГ, с. 203; ХиГ-2, с. 218; СС, с. 89; ПМ, 2014, №2, с заг. ПЛАЧ ПО ВАРЛАМУ ШАЛАМОВУ. *В.Т. Шаламов (1907—1982)* – прозаик, поэт, ок. 20 лет провёл в лагерях. *На Лира не был он похож* – на героя трагедии Шекспира «Король Лир». *Этого лица рельеф хранят ущелья Колымы* – В.Ш. отбывал второй и третий сроки на Колыме; этот опыт вылился в «Колымские рассказы», кот. при жизни автора не были напечат. на родине. *В приюте обмели углы...* – последние годы Ш. жил в Доме престарелых Литфонда, умер в больнице. *Варламия-еретика отпели ангелы Руси* – сын священника, Ш. утратил веру ещё в детстве; пережив опыт расчеловечения, лишился и гуманистических иллюзий.

ЕГО КРЕСТОМ. – Печ. по: СС, с. 92. Адресат – *Ю.Л. Фидельгольц (1927—2015)* – узник ГУЛАГа, писатель, поэт, инж.-строитель, обществ. деятель. Арест. в 1948 г., пригов. к 10 годам лагерей, сослан на Колыму; реабилит. в 1962 г. В.Л. общался с Ю.Ф., работая в Комиссии по лит. наследию репрессир. писателей, проводя вечера «Острова ГУЛАГа».

ЗЕМЛЁЙ И ВЕРОЙ

1. «Ортодоксальный идиот, ревнитель правил...»
2. «Нам вышла ото всех щедрот глухая трасса...»
3. «По обе стороны черты сегодня правда...»

Конт, 1992, №2(72); Явь, с. 77, без 7-й и 8-й строф; ХиГ-2, как в Явь. Печ. по: авт. машиноп. Отдельно части стих. не публик. Адресат – *Вячеслав Макаров* (псевд. Макар Славков), поэт андерграунда, член лит. группы СМОГ (Самое молодое общ-во гениев), посещал ЛИТО «Магистраль», студию Слуцкого и др., стихи печатались в самиздате, в ж. «Грани». В.Л. писал о нём: ст. ЗЕМЛЁЙ И ВЕРОЙ, ДН, 1992, №5—6; ИиЖ, 1998, №2. *Китоврас* – мифич. существо-кентавр из апокрифов, обладающее мудростью. *Из психодрома* – неск. раз М. лежал в психиатрич. б-це. *Николай Глазков (1919—1979)* – поэт-неофутурист, не вписывавшийся в рамки советск. подцензурной поэзии, переводчик, снимался в кино (летающий мужик в фильме А. Тарковского «Андрей Рублёв» и др.). *Б.А. Чичибабин* (урожд. Полушин, 1923—1994) – харьковский поэт, в 1946—1951 гг. отбывал срок за антисовет. агитацию (стихи); в нач. 60-х выступал на ЛИТО «Магистраль», признание к нему пришло лишь в послед. годы жизни. В.Л. дружил с Ч. и много писал о нём.

САБУРТАЛО. СТАТУЯ. – ХиГ, с. 104, на полях: «Мистификация. Нет такой статуи» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 102. *В.С. Высоцкий* – поэт, автор-исполнитель песен, актёр театра и кино, сценарист. В 1958–59 гг. поэт И. Кохановский привёл к В.Л. Высоцкого; блатные песни оставили В.Л. равнодушным. Из Сибири он послал В. письмо со стихами о Гамлете (В. сыграет Гамлета лет 7 спустя, в 1971 г.); дошло ли письмо до адресата, неизвестно. Позже отнош-е В.Л. к В. изменилось: «*Высоцкий не подзревал, что стал моим спутником и человеком моей судьбы. Многим я ему обязан...*» (очерк «Открываю дверь – на пороге Высоцкий» – КК, 2012, №8). Памятник на Страстном бульваре В.Л. не нравился, он создал

свой, поэтический. *Нету очереди той для Ахматовой* – А.А. писала, что памятник ей уместен только у ворот тюрьмы, «где стояла я триста часов/ И где для меня не открыли засов». ...*Перекладыны литой для Цветаевой* – т а к о г о памятника М.Ц. действительно нет; В.Л. претила фальшь памят-ков, скрывающих правду о замученных системой людях.

ВЫСОЦКОМУ ИЗ СИБИРИ

<1.> РАДИ ГАМЛЕТА. – Не опубл. Печ. по авт. машиноп. Датир. 1964 г., приписка авт.: «*Стихи посланы были – дошли?*».

<2.> «Высоцкий не Гамлет – Высоцкий Шекспир...». – Не опубл. Печ. по авт. машиноп., над ст-ем цифра 3. Возможно, этим двум ст-ям предшествовало утраченное 1-е. *Вся связка сыграет* – ассоц. с фильмом «Вертикаль» (1966), где В. играл альпиниста. Таким обр., либо ст-е напис. после 1966 г., либо правилось автором.

СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ. – Печ. по: ПР, Спец. вып., с. 217. Расшифр. аудио-записи сделана поэтессой О. Коловой. Датировка (окт. 1997) – время прочтения стих., скорее всего, совпад. с годом написания, хотя зерно замысла было заронено за десятилетия до воплощения. Адресат – *Б. Костюковский*, см. коммент. к ст-ю РАССУЖДЕНИЕ, разд. I, поэме ТВАРДОВСКИЙ. *Валтасаровы чертоги* – отсылка к Библии, к 5-й гл. книги прор. Даниила, где царь Валтасар в разгаре пира видит на стене руку и начертанные ею письмена, выносящие ему Божий приговор. *Фирн* – слезавшийся, оледеневший снег в верховьях ледников. *Пьяцетта (итал.)* – площадь, площадка. *Лабрадор* – серый или почти чёрный камень с радужными отливами. *И силу свет свою являет в недрах ночи* – перефразир. концовка ст-я ПОСЕРЕДИНЕ НОЧИ, разд. I; возмож. восходит к Еванг. от Иоанна 1:5: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

АДРЕТТА. – Не опублик. (?). Печ. по: авт. машиноп. *А.М. Бурлуцкий* (р. 1948) – лесовод, фермер, хранитель усадьбы Пушкиных в с. Давыдково Костромской обл., где с 1999 г. ежегодно проходит Пушкинский праздник, на к-м не раз выступал В.Л. Познакомил В.Л. с Бурлуцким писателем и друг В. Шенталинский, по первой проф. полярник. А.Б. стоял у истоков организации заповед-ка «Остров Врангеля», работал в леснич-вах и заповедниках на Урале, Кавказе, в Башкортостане, Карелии. *Кивач* – старейший заповед-к в Карелии, так назыв. и водопад на его терр. *Тоскана* (Этрурия) – область в центр. Италии. *Домбай* – горный массив в Карачаево-Черкесии на терр. Тебердинского биосфер. заповед-ка. *Карабах* – историч. обл. Армении, с 1918 г. – в сост. Азербайджана (при 94% армян. населения), что стало причиной длящегося донине конфликта; в февр. 1998 г. В.Л. ездил в Карабах с группой писат. по случаю 10-летия освобод. движения в НКАО и начала резни армянского населения. *Брента* – река в Италии.

АДАМОВО РЕБРО. – Печ. по: ХиГ-2, с. 313; Сим, с. 522. *Б.Ш. Окуджав* (1924—1997) – поэт, бард, прозаик, сценарист, переводчик; участник Великой Отеч. войны. В.Л. познакомился с Б.О. на ЛИТО «Магистраль», их связывала также работа над груз. переводами, Б. много рассказывал В.Л. о Гал. Табидзе, женатом на его тётке (см. ОЛЬГА). «*Женитьба Фигаро*» – «Безумный день, или Женитьба Фигаро», комедия фр. драматурга П.О. Бомарше (1784). *С Моцартом впридачу* – В.А. Моцарт написал на сюжет комедии одноимён. оперу (1786). *Таризл* – глав. герой поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (кон. XII – нач. XIII вв.), оплакива-

ющий потерю возлюбленной. *Лицо, всезнанием сожжено* – Б.О. умудрён опытом ложных обвинений и потерь (отец его и два дядьки расстреляны в 30-х гг., мать в 1938 г. сослана на 9 лет в Карлаг), поэтому не берёт на себя право судить кого-л.

ПОЕЗД МОСКВА – ТБИЛИСИ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 127; Сим, с. 521. Это ст-е В.Л. пел на мотив «под Окуджаву»; так, на подмоск. Фестивале автор. песни и поэзии «Песня Булата в Колонтаево» в мае 2012 г. спел её под аккомп. своего друга, поэта и барда М. Кукулевича.

«**Жена прогуливает дога...**» – Печ. по: НД, с. 73; ВТ, с. 189, с заг. ОК-ТЯБРЬ. *А.П. Межиров*, поэт и переводчик, участник Великой Отеч. войны. Ему посвящён ряд ст-й В.Л.: СЕМЬ ЛЕТ, «На носках – на носках – на носках...», разд. II, и др. В.Л. считал его учителем, хотя оч. часто учился «от противного». Когда М. предложил ему свою протекцию в издании книги в Тбилиси, В.Л. отказался: к такому общепринят. способу продвижения в литературе он не прибегал никогда.

НАБРОСОК. – ХиГ, с. 125; печ. по: ХиГ-2, с. 120. Адресат – А. Межиров. *Цезарь умирающий стыдлив* – Г.Ю. Цезарь был убит заговорщиками (Брут был в их числе), кот. нанесли ему множество ран. Поняв, что спасения нет, он накрыл голову тогой и умер. *Ж.П. Сартр* (1905—1980) – франц. философ, писатель, драматург. Придерж. левых взглядов: критиковал Хрущёва за разоблач. культа Сталина, оправд. политич. убийства, восхвалял. Мао Цзедуна, кубинскую революцию.

ВТОРОЙ НАБРОСОК. – ДН, 1997, №10; печ. по: ХиГ-2, с. 143, с заг. из публик. в ДН; Сим, с. 496, с заг. ПЯТНАДЦАТОЕ.ПРОШЕНИЕ. *А к постригу готовы?* – ответ «да» означ. не готовность В.Л. уйти в монастырь, а испулит. труд и посвящённость призванию. *Ты угадал, о Равви* – В.Л. называет М. Учителем, следуя христиан. контексту стих. *Амкар* (груз.) – мастер; амкари объединялись в Старом Тбилиси в артели со своими законами, этикой. *Последний Моурави* – здесь: потомок князей Тархан-Моурави, управл. Тифлисом; моурави – почёт. должность управляющих провинциями, округами, городами. *Нодар* – с Н. Тархнишвили В.Л. работал над перев. книги И. Гришашвили «Литературная богема Старого Тбилиси»: Н.Т. переводил прозаич. часть, В.Л. – стихи.

ВИЗИТ К ПАСТЕРНАКУ, 1937. – Явь, с. 60, 1-й вар. ст-я., под рубр. *Версии*, с заг. ПАСТЕРНАК, строка «замаскированный кадет» заменена редакцией на «*талантливейший поэт*»; печ. по: ХиГ-2, с. 243; с добавл. эпиграфа из: Явь. Фрагмент, изъятый авт. при публик. в ХиГ-2, после 6-й строки:

и к лагерям, и к одиночке,
и к высшей мере. Впрочем, он
к свободе был приговорён,
что явствует из каждой строчки.
Его ж судить осуждены
наёмник всякий и невольник,
и всякий ратник сатаны,
что образуют сей страны
пирамидальный треугольник.

Над простотой военных строк –
лицо солдата пожилого,
который вынес всё и смог,
что может и выносит Слово.

И явствует уже до слёз,
колхозники и слобожане:
придёт на место обожанья
жизнь, подзаборная всерьёз.
И ваш поэт имеет власть
погибнуть раньше, чем упасть,
и молодыми желваками
впечататься в надгробный камень.

А эту версию возьму
у горестной мемуаристки,
чей жребий жёстче декабристки:
стремиться – к вечному – к нему.

Далее – по тексту в ХиГ-2. *Секретарь Союза и есть губитель Велиар* – В.П. Ставский (1900—1943), писатель, военкор, Ген. сек. Союза писателей СССР в 1936—41 гг., писал доносы на Мандельштама, Шолохова и др. *Как думает о нём возжатый* – А.Т. Твардовский. *И сыну скажет на одре* – старшему сыну Е.Б. Пастернаку.

ПОРТРЕТ. – ХиГ, с. 236; печ. по: ХиГ-2, с. 246. *З.А. Масленникова* (1923—2008) – скульптор, поэт, писатель, переводчик. Автор скульпт. портр. Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Меня. В 1979 г. В.Л. помогал опублик. её воспом. о встречах с Пастернаком в «Лит. Грузии» (№№10—11), изд. в 1990 г. в Москве отдельной книгой. *И явствует уже до слёз,/ колхозники и слобожане:/ придёт на место обожанья/ жизнь, подзаборная всерьёз.*—отсылка к строкам из стих. Пастернака «На ранних поездах»: «Превозмогая обожанье,/ Я наблюдал, боготворя./ Здесь были бабы, слобожане,/ Учащиеся, слесаря...».

БАРАНОВСКИЙ. – ХиГ, с. 255, две послед. строки потеряны изд-лем; печ. по: ХиГ-2, с. 259. *П.Д. Барановский* (1892—1984) – архитектор, реставр. памятников древнерус. зодчества; спасал их от уничтож-я путём организации в них музеев (Коломенское, Спасо-Андроников монастырь, усадьба Грибоедова и мн. др.). Арестован и сослан в Сибирь в 1933 г., досрочно освобождён в 1936 г. ...*Влез на Сухареву башню* – построен. в 1695 г. гражд. сооружение с богатой историей было снесено в 1934 г., когда П.Б. отбывал ссылку; в 1980 г. он подписал коллект. письмо о восстановл. памятника. *Блаженный* – храм Василия Блаженного (собор Покрова Пресвятой Богородицы) на Красной площади (1555—1561); В.Л. передаёт легендар. рассказ о спасении Бар-ским храма, кот. собирались взорвать в 1930-е гг., поскольку он мешал прогожд. воен. техники на парадах. По расск. спец-ста по. др.-рус. л-ре проф. Н.И. Прокофьева, близко знавшего Бар-го, архитектор был вызван в Кремль для консультации, где лучше заложить взрывчатку. По др. версии, сцена произошла между Сталиным и Кагановичем. *Иван Великий* – колокольня на терр. Кремля. ...*Поновляя закомары Божьей Матери Казанской* – в конце 20-х гг.

П.Б. реставрировал собор Казанской иконы Божией Матери (1630-е гг.) на углу Красной пл. и Никольской ул. Ещё до конца работ, в 1929 г., была снесена колокольня, сам собор был снесён в 1936 г. (П.Б., вернувшись из ссылки, успел сделать обмеры и фотографии). *Для нужды элементарной* – на месте храма было кафе, позже – обществ. туалет. *И сортир пошёл на снос!* – Храм восстановл. в 1990—93 гг. *Фёдор Конь* – зодчий XVI в., строивший стены и башни Белого города в Москве и мн. др. сооруж.

МАВРА. – ИиЖ, 1996, №1; печ. по: ХиГ-2, с. 169. Переложение жития св. мучеников Тимофея и Мавры, пострад. в 286 г., во время гонений импер. Диоклетиана на христиан. *Игефон* – наместник, правитель. *Пирапеи* – родное селение Тимофея и Мавры близ г. Фивы (Фиваида) в Египте. *Квири* – один из древнейш. богов рим. пантеона, бог войны; один из холмов Рима – Квиринал, в древности римлян иногда называли квиринами. *Стремглав (устар.)* – вниз головой. *В супружестве семнадцать дней* – по житию чуть больше: 20. *Пиколпос пресвитер* – отец Тимофея был свящ-ком по имени Пиколпос. *Чётки-Минёи* – сборники житийных и поучит. текстов для домашнего чтения, распределённых по дням кажд. месяца. *Дионисий* (ок. 1440—1503/8) – иконописец, продолжатель традиции А. Рублёва; оставшийся в мастерской образ св. Мавры – допущение автора. *Мария рвётся из толпы – слепая!* – сына распинают... – В.Л. здесь – адвокат страсти: негодования, боли; иконные же лики не передают чувства живых людей (см. ст. СТРАСТИ ЕГОРИЯ, разд. I: *...но никакого не изобразит лик ликованья*). *Коноб* – котёл, чан. *Искуситель Леман...* *безвидный кто-то* – согласно Житию, сатана пытается искусить Мавру, предлагая выпить молока с мёдом, чтобы поставить под сомнение подвиг мученичества. В.Л. отступает от канона, вкладывая в уста Мавры слова, которых нет в Житии; отсюда – *еретица*.

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА. – Печ. по: Стр, 1991, № 1(65). *Е.П. Сулханова* (р. 1890 или 1891) – учительница немецкого и первая любовь 8-летней В.Л., по его версии – *младшая из дочерей губернатора Варшавы Петра Венцеля*; подтверждений этому не найдено, как и сведений о Сулхан-Гирее. *Хоть на день туда уеду* – воображением перенесусь в Тифлис 1907 г. *Жив Акакий, жив Илья* – А.Р. Церетели (1840—1915) – груз. поэт, прозаик, мыслитель, идеолог национ. освобождения; И.Г. Чавчавадзе (1837—1907) – поэт, публицист, обществ. деятель, борец за суверенитет Грузии. *«17-летняя Кэтино гостила у Ильи Чавчавадзе как раз в том году, когда абреки убили его – ОТЦА НАЦИИ, – в 1907-м. Убили подло, выстрелом в спину, когда этот крепкий старик шёл пешком к себе в имение. Сделал это Коба Джугашвили, если верить Отару Чиладзе и Фазилу Искандеру. В [190]7-м году Кобе было двадцать девять, он решительно сватался к «замужней» семнадцатилетней беглянке: или я – или никто!»* (В.Л. ВАРШАВЯНКА. – КК, 2012, №100). *Коба* – парт. кличка Сталина (Джугашвили). *В прорубе (северн.)* – в проруби. *Исчадье появилось на свет после третьего зачатья* – об этом В.Л. прочёл в Британской энциклопедии; по др. версии, до «исчадьа» его мать родила двух мальчиков, которые умирали вскоре после рождения, Иосиф был третьим ребёнком. *Демьян Придворов* – см. коммент. к ст-ю ТРИ АКТА. **БАНЯ, МИЛИЦИЯ**, разд. IV. *Наянный* – нахальный, навязчивый. *Кинто (груз.)* – торговец фруктами и овощами вразнос, носивший свой товар на голове. *Кобины Екатерины* – Екатериной звали мать Кобы и его первую жену,

брак с кот. длился с 1906 по 1907 г.: она умерла от тифа или туберкулёза, оставив 8-месячного сына Якова; получается, что он сватается к Сулхановой в год смерти жены. *Катя – дочь моя – вина...* – старшая дочь В.Л. Екатерина Леонович (р. 1961) – дизайнер высокой моды, художник, работала в Риме, в нас. время живёт в Нью-Йорке. *Майн лиибер Лодик* (mein lieber Lodik, нем.) – мой любимый Лодик. *Свет небесный* – созвучно ст. Н. Бараташвили «Цвет небесный, синий цвет...»; Б. (для близких – *Тато*) был влюблён в Екатерину Дадиани (урожд. Чавчавадзе). *ПЕРИ ЦИСПЕРИ* (груз.) – цвет небесный. *Да глаголет Иоанн...* – Иоанн Богослов, автор Откровения (см. коммент. к ст-ю «– Твоему я дивился терпению...», разд. I).

VI. ЧЁРНЫМ ПО БЕЛОМУ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1. АРХАНГЕЛЬСК, 3 ИЮНЯ 1989 ГОДА – Явь, с. 32, с заг. 3 ИЮНЯ 1989.

2. «Невесомый мотылёк...»

ХиГ, с. 9, без посвящ. на полях: «*А.Д. Сахарову*» **Каз**; ХиГ-2, с. 18; печ. по: СС, с. 16. *А.Д. Сахаров* (1921—1989) – физик-теоретик, созд. ядерной бомбы, правозащитник, лауреат Нобелевской премии мира (1975); в 1980—1986 в ссылке в г. Горьком; Народ. депутат СССР.

РУСЬЮ ПАХНЕТ. – ХиГ, с. 15; на полях дважды отчёркн. «*И словесности изящной/ далеко до этих пор*» **Каз**; ХиГ-2, с. 23; печ. по: СС, с. 24. *МПС* – Министерство путей сообщения: аббревиатура значилась на вокзальных скамейках. В.Л. описывает встречу с героем ст-я на вокзале в Челябинске: «...полупьяный мужичок в татуировках зажегал и втыкал спички себе в тыльную сторону ладони, чтобы удивить и повеселить сидевших с ним рядом, чтобы заговорили с ним. Боль уже нужна... *И до того мира, где она становится нужной, касались многие... но литература, призванная изжить этот мир (анти-мир), ещё не собралась под спудом. ...как далеко письменное слово от этой правды!*» (в письме И. Дедкову, ноябрь–дек. 1981, в: ПР, Спец. вып., с. 69).

БРАТЕЦ. – ХиГ, с. 17, на полях: «*На Красноярской дороге я работал в 59—60 г.*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 25.

МИГ ОСТАВАЛСЯ. – Печ. по: ПВ, 1992, 21 марта; Над.

«*Фронтоны весом в тыщу тонн...*» – ВТ, с. 173; печ. по: Явь, с. 84.

ПРИРОДЕ ВОПРЕКИ. – Печ. по: Явь, с. 113.

БЕЛЫЙ СВЕТ. – Явь, с. 35; печ. по: СС, с. 26; ДГ, с. 67. *Ванька-Каин* (Иван Осипов, 1718 – после 1755) – вор, разбойник и сыщик, удалец, герой воровских приключ. В.Л. переосмысл. образ в душегубца сталинских времён. *Ворошиловский стрелок* – звание, утвержд. в 1932 г. для гражд. лиц, овладевших стрелковым делом; движ-е Ворошил. стрелков носило в СССР массовый хар-р как военный вид спорта. *Под фуражкой человек* – Сталин: китель, сухая короткая рука (следствие детской травмы), С. старался её прятать.

ПЕРЕЖИВИ! – Явь, с. 114; ХиГ, с. 266; печ. по: ХиГ-2, с. 269.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ПЕРВОЕ КОЛЕНО

2. ТЕЛЕФОН

Печ. по: ДиН, 1999, №1. С.И. Огольцов (1900—1976) – деятель органов ЧК—НКВД, зам. министра ГБ, участвовал в депортации репрессир. в Казахстане, лично руководил убийством председ. Еврейского антифашист. комитета Нар. артиста СССР С. Михоэлса (1948). По доносу Л. Берии арестован, после ареста Берии освобожден и уволен в запас, исключ. из партии и лишён звания генерал-лейтенант. *Ежовщина* – пик репрессий 1937—1938 гг. (Большой террор), по фамилии Н.И. Ежова (1895—1940), наркома внутр. дел, одного из глав. организ. массовых репрессий. В 1939 г. арестован, через год расстрелян. *Гремя костями, встают в регалиях заслуженные палачи* – речь идёт о попытке реабилитир. деятелей сталинского террора, кот. сами были репрессированы. Н. Ежова, Л. Берию, Г. Ягоду, создателя ГУЛАГа, Верхов. суд России отказался реабилитировать. *Трубный стол* – памятник погибшим сотрудкам органов внутр. дел в виде столба с Георгием Победоносцем, топчущим змею, на Трубной площ. в Москве (1994). *Пятерня на щеке у А.О.* – у потомка генер. Огольцова, с к-м В.Л. мог столкнуться на Пелусозере.

БУКВАРЬ, ГДЕ ЦАРСТВУЮТ МИЛОСТЬ И ЖАЛОСТЬ. – ХиГ, с. 44, на полях: «Презентация его книг будет 7 и 10 апр. с. г. <1998> в «Мемориале» и ЦДЛ» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 49. А.С. Клейн (наст. имя Рафаил, 1922—2009) – искусствовед, прозаик, поэт, драматург. В 1941 г. ушёл добров. на фронт, был контужен, попал в плен, 5 раз бежал, послед. побег удался; в 1944 г. арестован, приговор к расстрелу заменён 20 годами лагерей (Сибирь, Колыма). Освоб. в 1955 г. по амнистии, реабил. в 1966 г. Авт. книг «Дитя смерти», «Клеймённые», «Улыбки неволи» и др. *Иисусова ярость* – изгнание торгующих из храма: «И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал... дóма Отца Моего не делайте домом торговли» (Ин 2:13—17).

КАК ТЫ СЪЕДЕН. – ХиГ, с. 48, без указ. места, на полях прим. авт. к слову «старик»: «В г. Ухте – Надеждин, †» **Каз;** печ. по: ХиГ-2, с. 53, во 2-м изд. авт. снята концовка: «Плачь, потомок!/ В позднем плаче/ выражаются сполна/ время, человек, страна,/ суд и гнев, а наипаче –/ покаянная вина». В.П. Надеждин (1912—1990) – фотохудож., кино-фотолетописец Ухты, краевед. В 1942 г. арест., приговор. к 10 годам (Ухтижемлаг), в 1951 г. освобожд., реабилит. посмертно. *Фёдор Тирон* – см. коммент. к ст-ю ХРИСТОСИКИ, разд. IV. Н.М. Карамзин (1766—1826) – рус. историк, литератор, автор «Истории государства Российского».

ГРАНАТ. – Печ. по: Конт, 1992, № 2(72). А.В. Жигулин (1930—2000) – поэт, прозаик; в 1950 г. приговор. к 10 годам лагерей (Тайшет, Колыма), в 1955 г. освобожд. по амнистии, в 1956 г. реабилитирован. В 1988 г. была опубл. его автобиогр. кн. «Чёрные камни». *Ладо Сулаберидзе* (1919—1993) – груз. поэт, арест. в 1942 г. (?) по делу об антисовет. заговоре; друг Л.С., поэт Г. Дзигвашвили, один из организ. загов., был казнён; Л.С. отбывал срок на Колыме вместе с Жигулиным. *Бутузгычаг* – в 1937—56 гг. лагерь в Магаданской обл. с оловян. рудником и обогатит. фабрикой; после 20 смен заключ-х отправляли в больницу умирать от лучевой болезни. Радиаци. фон в этом р-не до сих пор выше нормы.

В ЦВЕТАХ И НА ВОЛЕ. – В письме А. Попову, 1996 (?); печ. по: ХиГ-2, с. 292. А.А. Попов (Сыктывкар) – краевед, коллекционер; разыскал В.Л. через Т.С. Шенталинскую; работал в архивах над темой «Воркута

времён ГУЛАГа», передал стихи 30 поэтов С. Виленскому для сборника «Поэты ГУЛАГа».

СЕМЕРО И ОДИН. – ДР, 2008, №1(39); ХиГ, с. 42; ХиГ-2, с. 292; печ. по: СС, с. 28. *В.Н. Суховский* (р. 1949) – поэт, журналист, уроженец Арханг. обл. Занимался историей сталинских репрессий, вместе с В.Л. ездил по местам, хранящим память о них.

ПАМЯТИ ОТЦА ФЕОДОСИЯ ЧУЛКОВА, СВЯЩЕННИКА НИКОЛО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ. – ХиГ, с. 19, на полях: «*Словарная статья «звон»*» (в словаре Даля); ХиГ-2, с. 27; печ. по: СС, с. 61. *Веденьё* – село, *Ключи* – деревня в Костромской обл. *Никольский этап... выдох* – этап, угнанный из с. Никола, зимовавший в землянках, к весне почти весь вымер. Ст-е основано на рассказах жителей с. Никола, где В.Л. учительствовал в 1971—73 гг. См. ст-е **СВОДНЫЙ ХОР**, разд. VI.

Медитации. СВОДНЫЙ ХОР. – Явь, с. 37; ХиГ, с. 22, авт. отчёркнуты строки «*По крайней мере, некий сводный хор/ мне слышится – так дышит мой народ*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 29. *Никола с переломанным хребтом* – разорённый Никольский храм (см. ст. СЕЛО НИКОЛА, разд. III).

КЕНЮШКА, АННУШКА. – Зн, 1996, №6; печ. по: ХиГ-2, с. 65.

1. «Батюшка Елпидифор Иннокентьевич...»

2. «Две красы у посада у города...»

В.Л. в 1989 г. купил дом в Парфеньеве Костромской обл. Ст-е продолжает тему репрессий духовенства и крестьян.

ХОЗЯИН. – ДП, 1989; печ. по: Явь, с. 7. *Шелестящий, осенний, серебряный голос* – В.Л. говорил, что голос игумены «позаимствовал» у Л.К. Чуковской.

ЯВЬ. – ДП, 1991; Явь, с. 19; печ. по: СС, с. 77. *В.И. Белов* (1932—2012) – писатель, поэт, сценарист; представитель «деревенской прозы». *А классики сидят на месте, имея свой аэродром...* – имеется в виду обласканный властью Нобелевский лауреат М. Шолохов. *Кажется ему, бедняге, что «кулаков» – он сочинил.* – Не разрешённый доньше вопрос об авторстве «Тихого Дона» и др. произвед. Шолохова, кот. обвиняли в присвоении чужих рукописей. В.Л. придерживался этой версии. *Займище* – заливной, пойменный луг. *Обидища (мн.)* – одичалые, обезлюдевшие места (см. ст-е ОБИДИЩА, разд. VIII).

ВСЯ ПРОСТОТА. – ХиГ, с. 46, две послед. строки отчёркнуты авт., **Каз**; ХиГ-2, СС, с. 51; печ. по: СС, с. 30.

ЦАРЬ-СВЕЧА. – Явь, с. 123; ХиГ, с. 47, дважды подчёркн. назв., на полях: *НВ Каз*; ХиГ-2, с. 52, с посвящ. *Ю.М. Лужкову*; печ по: СС, с. 31, посвящ. снято авт.

ПАЦИФИСТЫ. – Печ по: ДН, 2000, №5; ХиГ-2, с. 270. *Ученье Ганди – Махатма Ганди* (1869—1948) – индийск. политик, философ, идеолог и руковод. нац.-освобод. движения, основанного на идеале ахимсы – не причинения вреда живому, абсолют. ненасилия. *Ян Палах* (1948—1969) – чешский студент-философ, совершивший самосожжение на Вацлавской площ. в Праге в знак протеста против оккупации Чехословакии советскими войсками (1968).

СЛЕД. – Над; НМ, 1997, №9; ХиГ, с. 168, отчёркнуты две послед. строки **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 165. *Ведёт основу сквозь уток* – в качестве, наоборот, уток (более слабые, гибкие нити) ведут сквозь крепкие нити основы; авт. подчёркивает прямизну прокладываемого следа. *Село Ша-*

той – горное село в Аргунском ущелье Чечни; в 2000 г., в ходе Второй чеченской войны, за село шли ожесточённые бои.

ГЕРБОВЫЙ СЛЕД. – НМ, 1999, №3, с заг. НАПРЯМИК (по этим назв. есть другое ст-е: «Горы хлама, конструкции, плиты...», разд. I); печ. по: ХиГ-2, с. 297; СС, с. 98, с заг. НАПРЯМИК. *С.И. Липкин* (1911—2003) – поэт, прозаик, переводчик с восточ. яз., участ. Великой Отеч. войны; участник самиздат. альман. «Метрополь» (1979), пример духов. сопротивл-я и неприятия лжи. ...*Хоть этого, хоть того Шамиля* – Шамиль (1797—1871) – предводитель нац.-освобод. сопротивл-я народов Север. Кавказа, писал стихи на аварском и араб. языках. *Шамиль Басаев* (1965—2006) – полевой командир, воевавший за отделение Чечни от РФ, террорист, политик; писал стихи на русском и чечен. языках.

МОЁ ВАМ. – ХиГ, с. 165, на полях к слову «указ»: 7.4.35, в конце: «(к изданию попал черновой вариант)» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 163; СС, с. 96. Эпиграф – из стих. И. Бродского «Письмо генералу Z». *Минерва* – древнерим. богиня мудрости и войны, покровительница поэтов, художников. *Указ о детском расстреле* – в марте 1935 г. Нарком обороны К. Ворошилов послал письма Сталину, Молотову и Калинину с предлож. ввести смертную казнь для детей. 7 апр. 1935 г. СНК и ЦИК СССР приняли Постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», позволяющее привлекать к суду детей с 12 лет «с применением всех мер уголовного наказания». 20 апреля покурор А. Вышинский подпisał секретный циркуляр, отменявший положение ст. 22 УК РСФСР о неприменении расстрела к лицам, не достигшим 18 лет. *Кровавее, чем в Афгане* – Афганская война (1979—1989), которую офиц. не называли войной: т.н. ограниченный контингент сов. войск был введён в Афганистан по просьбе его правительства. За 9 лет безвозврат. потери СССР составили 15 000, а с учётом умерших в госпиталях на терр. СССР – 26 000 чел. *Нынешней вашей войны* – имеется в виду Вторая Чеченская война (офиц. – контртеррористич. операция, 1999—2009).

НЕДАРОМ. – Печ. по: СС, с. 99 (в 1-м вар. ст-е начиналось: «*Гарант на Беслан полетел сгоряча, / но с полудороги вернулся в Сочи*»). Террористич. акт в Беслане, в школе №1, совершённый боевиками Ш. Басаева, унёс жизни 314 человек, из них 186 – дети. Не доведённое до конца расследование и последующая отмена выборов губернаторов позволяют утверждать, что причиной массовой гибели заложников стал штурм здания спецназом ФСБ.

МГЛА. – Печ. по: ХиГ-2, с. 299. *С.Н. Пишизов* (р. 1966) – костромской художник. Герой стих. – его отец.

«**Была Гражданская война...**» – Печ. по: ДГ, с. 23; послед. строка *над Волгой, надо всей страной* исправл. по авт. машиноп. По ленинск. Плану монумент. пропаганды и постановл. Совнаркома комиссия во главе с Н.К. Крупской составила список историч. персон, полезных революции. В 1918 г. в г. Свияжске без суда расстреляли епископа, священника и ещё неск. человек, а на площади поставили гипсовый памятник предателю Христа – Иуде Искариоту. Фигура, грозившая пальцем небу, должна была олицетв. борьбу с религиоз. мракобесием. По отбытии военного отряда жители города разнесли памятник на куски. В.Л. видел в Иуде *великого экономиста* – ведь он предал Учителя за деньги.

ОТНЫНЕ – НИКУДА! – ХиГ, с. 66, подчёркнуто: «*пятиконечных свастик*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 70. *С.С. Лесневский* (1930—2014) – лит. критик, литературовед, исследователь творч-ва А. Блока, педагог, издатель; в 2001—2014 гг. глав. ред. и директор изд-ва «Прогресс-Плеяда», где были опублик. трилогия В. Шенталинского о репрессир. писателях по материалам архивов КГБ, дневники И. Дедкова, книга В.Л. «Сто стихотворений» и мн. др.

В СТЕПИ. – Печ. по: Конт, 1992, № 2(72).

ВЛИП. – Печ. по: ХиГ-2, с. 119. *Д.А. Кунаев* (1912—1993) – первый секретарь ЦК компартии Казахстана. *М.Д. Багиров* (1895—1956) – рук. Госбезопасности, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана; инициатор репрессий 1937—38 гг.; расстрелян. *П.Г. Антокольский* (1896—1978) – поэт, переводчик, драматург; переводил, среди прочих, азербайджан. поэтов.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ. – Печ. по: Зн, 2004, №6; ПМ, 2014, №2.

БОРИСУ ЧИЧИБАБИНУ. – Не опублик. Печ. по авт. машиноп. *Б.А. Чичибабин* – см. коммент. к ст. ЗЕМЛЁЙ И ВЕРОЙ, разд. V.

ПОЗНАЙ СЕБЯ. – СМ, 1991, №9. «...*Меня здорово поколотили в бане, неделю я валялся... В бане я одёрнул одного хама, а их было два брата, и я мог бы оказаться совсем уж в плачевном состоянии, если б не народ. Драка была грандиозная, вовлеклась вся баня... Должен быть суд...*» (в письме И. Дедкову, 1982, в: ПР, Спец. вып., с. 78). Ситуация не единственная (см. ст-е ТРИ АКТА. БАНЯ, МИЛИЦИЯ, разд. IV). На суде В.Л. не стал требовать тюрем. срока для хулигана, чем возмутил истца, за кого заступался в бане.

АЛЁХА. – Печ. по: ДН, 2007, №7.

НОЧЬЮ В ПОДЪЕЗДЕ. – Зн, 1999, №8, без посвящ.; печ. по: ХиГ-2, с. 338. Посвящ. памяти *Вани Юдахина*, сына поэта А. Юдахина.

КУРСКИЙ ВОКЗАЛ. – Печ. по: НМ, 1997, №9. *В.В. Ерофеев* (1938—1990) – писатель, автор поэмы в прозе «Москва – Петушки». *В счёт 93-го года* – отсылка к событиям сент.—окт. 1993 г. в Москве, когда внутриполитич. конфликт и протесты против политики Ельцина были жёстко подавлены (т.н. расстрел Белого дома): более 150 чел. погибли, неск. сот получили ранения и травмы.

«Пловец, который плавает с умом...» – Явь, с. 22; ХиГ-2, с. 121; печ. по: СС, с. 100.

В МЕТРО. – Печ. по: ДН, 2007, №7.

«Смешались апогей и перигей...» – Не опублик. (?). «*Пала Бастилия, сврыли торьму, но корни остались. „Народ властвует со всей отвратительной властью демокрации“. (Пушкин, 1836). Удивительно: из 1793 года виден 1993. В грязь лицом!.. победа ОМОНА над гражданами, которые ходят или стоят. Надо их уложить*» В.Л. Костромской дневник: 14.07.2005. Электр. ресурс <https://life.kostromka.ru/narod-vlastvue-2332/> (Дата обращения 14.04.2023).

ВШИВЫЙ РЫНОК. – Печ. по: ДН, 1998, №11; К, 1999, дата не установл.

1. «С закушенной губой/ слезу чистоган и правёж...»

2. «С закушенной губой/ слезу чистоган и разбой...»

ВЛАСТЬЮ ДОЛГА. – ДН, 2007, №7; печ. по: ДГ, с. 87, с авт. коммент.: «*Грузинскую ТАВИСУПЛЕБА, греческие ЭЛЛЕФЕРИЯ и АНАНКЕ – свобода, свобода, проклятье – зёрнышками бросал я в наши пески. Но не*

упускал случая облагородить русский матюг, употребляя его в единственно возможном праведном звучании. Это редкие случайности, увы. Подлый эвфемизм „блин“ наводит на грустные мысли о словаре дворни. Столь же печально „как бы“ через каждое почти слово, та же холонская робость называть вещи своими именами – или неспособность эти вещи понять».

БЕЗ ПОКАЯНЬЯ. – П, 1988, вып. 49; печ. по: Явь, с. 17.

ТАКОГО ХРАМА НЕТ. – Печ. по: Зн, 1999, №8 (в авт. машиноп. 2-й пол. 1970-х – нач. 1980-х гг. назв. ст-я БРАНД, без эпигр.). *Бранд* – герой одноимён. пьесы норвеж. драматурга Г. Ибсена (1828—1906). Фанатик, одержимый идеей спасения мира, пастор Бранд с ветхозавет. жестокостью переступает через человек. жизни ради достиж. иллюзорной цели, сходит с ума и, оставленный всеми, гибнет под горным обвалом. *Один* – верховное божество в германо-скандинав. мифологии, бог войны и победы.

ПЬЕТА ПРИМА. – Печ. по: Явь, с. 18. См. коммент. к: ПАМЯТИ ГУРАМА АСАТИАНИ, разд. П.

ПОЕДИНОК. – ХиГ-2, с. 17; печ. по: СС, с. 22. – *К.И. Котляревская* (р. 1939) – поэт, вела лит. студию «Молодые голоса», возглавляла Союз театральных деятелей в Костроме.

СТИХИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

1. «**Была красавица – теперь уродка...**» – ДГ, с. 64.

2. «Аудитория СВЕТЁЛКИ – пенсионерки-комсомолки...» – не опублик. (?)

НЕ ОПОЗДАЙ К КОНЦУ. – ХиГ, с. 284; ХиГ-2, с. 284; печ. по: СС, с. 130. Эпиграф – из ст. А. Фета «Легенда» (1843).

НЕУСТАННО. – НМ, 2002, №12; печ. по: СС, с. 132. *Дверь... с волчком* – с глазком для тюремного наблюдателя: в келье бывш. монастыря была камера для заключённых.

ЭТАП. – НМ, 2002, №12; печ. по: СС, с. 131; ДГ, с. 66.

СВЯТЫЕ ВОРОТА. – ПР, 2010, №1(5), с авт. коммент.: «*В этой ржавчине – дыхания тысяч людей. ... Ржавчина лежит в Михайловском музее рядом с „Посланием в Сибирь“*»; СС, с. 133. Печ. неопублик., наиболее полный вариант, расшифр. с аудиозаписи от 25.11.04; авт. коммент.: «*Стихотворение было подарено Олегу Волкову ещё в первом виде – у меня много версий было*». *О.В. Волков* (1900—1996) – прозаик, публицист, мемуарист, перевод. Пять раз арестовывался, провёл в ГУЛАГе, в т.ч. на Соловках, четверть века. Его автобиогр. кн. «Погружение во тьму» (нач. 1960-х гг.) издана на родине лишь в 1989 г.

АНЗЕР, ГОЛГОФА. – ДН, 2008, №7; печ. по: СС, с. 136. – С тем же заг. есть другое ст-е, см. разд. VII.

«**Не поддался на переков...**» – ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 135. – *В.Я. Курбатов* (1939—2021) – лит. критик, литературовед, прозаик, обществ. деятель. Написал предисл. ко 2-му изд. сб. В.Л. «Хозяин и гость». ...*Он шпангоуты проломил* – ок. 50 колоколов, вывезенных с Соловецкого архипелага в 1931—32 гг., до сих пор не найдены, лишь в 2006 г. был обнаружен колокол Анзерского скита. Колокола вывозили на барже, кот. затонула, попав в шторм; по др. версии, сопровождавшие баржу бывшие монахи специально затопили её, чтобы колокола не попали в переплавку.

РОВ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО. – ДН, 2000, №5, с загл. ОСТРОВ АН-ЗЕР, с разнотч.; печ. по: ДН, 2008, №7. – *П.А. Флоренский* (1882—1937) – православ. священник, богослов, философ, писатель, учёный. Арест. в 1928 г., во 2-й раз – в 1933 г., осуждён на 10 лет, отбывал срок в БАМ-ЛАГе, затем на Соловках. В.Л. предполагал, что он расстрелян и похоронен там же, но более достоверно, что это произошло в Левашовской пустоши или Лодейном поле. *Салма* – пролив.

НАШ КЕССОН. – Не опубл. Печ. по авт. машиноп. *И.Б. Ратушинская* (1954—2017) – поэтесса, писательница, сценарист, диссидент. Род. в Одессе. В 1982 г. за «антисовет. агитацию и пропаганду» осужд. на 7 лет лишения свободы и 5 лет лагерей. В 1986 г. досрочно освобождена благодаря заступничеству лидеров запад. государств и обществ-сти.

КОМЕТА ХЕЙЛА БОППА. – Печ. по: ДН, 2000, №5; ОО. – *Ур* – шумерский город-государство в Месопотамии, осн. в V тысяч. до н.э. *Афины* – столица Греции, расцвет – ок. 500—300 гг. до н.э. *Гоморра* – город в долине Иордана, согласно Библии, уничтож. Богом за грехи его жителей. *Гиперборея* – в греч. мифологии легендарная северная страна.

ТРИ СЛОВА. – ХиГ, с. 192, с загл. ДВА СЛОВА, они – в предпослед. строке: «*ВЫ ПРОКЛЯТЫ...*», на полях: «(с.м. *МОЁ ВАМ*)» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 200, смена загл. связ. с новой редакцией предпол. строки: «*ЗА МНОЮ – ЖИЗНЬ...*».

VII. ИЗНАНКА СОЛНЦА

ИМЯ. – ДН, 1997, №11; печ. по: ХиГ-2, с. 289. – Адресат большинства стих. этого раздела – *Е.Н. Крюкова* (р. 1956) – поэт, прозаик, искусствовед, музыкант.

ЧТОБЫ ЖИТЬ. – ДН, 1997, №11; печ. по: ХиГ-2, с. 328. — *ЛЮБИМАЯ – ЖУТЬ!* – строка из ст-я Б. Пастернака «Любимая – жуть! Когда любит поэт...» (1917).

АРЕНА. – Печ. по: ХиГ-2, с. 327; Пред, 1999, №1 (в эссе «В обитель дальнюю...»).

РАМА. – Зн, 1999, №8; печ. по: ХиГ-2, с. 310. – Исполыз. перераб. фрагм. ст. НА АНТОНОВКЕ ВЕСНА, разд. I. *СПИ, ЦАРИЦА СПАРТЫ* – цит.из ст. Б. Пастернака «Елене» (1917).

РАКИТА. – ХиГ-2, с. 315; СС, с. 119; печ. по: ДГ, с. 75.

ПРАВОБЕРЕЖНЫЙ ХРЯЩ. – Печ. по: ДН, 2000, №5; ХиГ-2, с. 346, без 5-й строфы; СС, с. 121, так же, с незнач. правками; ДГ, с. 76, так же.

«*Что женщина не виновата...*» – ДР, 2008, №1(39); ХиГ, с. 233, послед. 2 строки: «*О Господи! В Одессе я / спас женщину...*», подчёркн. авт. строка: «*Стихами – я – кого-то спас?*» **Каз**; печ. по: ХиГ-2, с. 241, с посвящ. *Жанне*. Адресат – *Ж. Гречуха*.

ОБРЫВ И НЕБО. – Печ. по: Зн, 2009, №3.

В РОСЕ И РОССЫПИ СНЕГОВ. – ДН, 1997, №11, с загл. ПОЛДЕНЬ; печ. по: ХиГ-2, с. 353.

БЕЗ ТЕБЯ. – Печ. по: НМ, 2002, №12. *Анна Андреевна* – Ахматова.

«*Застыла, черна от нагара...*» – не опубл. (?). Печ. по авт. машиноп. *Физиолог, сжимающий кулаки* – И.П. Павлов на портрете кисти М.В. Нестерова.

ОТ ПОЛЫНИ ДО ПОЛЫНИ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 334. – *ТА ВСУПЭРЭЧ ПОТОКУ* – В.Л. воспроизводит произношение, но не написание: «Всуперечь потоку» – название книги поэта Б.А. Чичибабина (2018); см. коммент. к ст-ю ЗЕМЛЁЙ И ВЕРОЙ, разд. V.

ИСКОНИ БЕ ОГНЬ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 320. *ИЗ ПЛАМЯ И СВЕТА* – слова из ст-я М. Лермонтова «Есть речи – значенье...» (1840).

ЕДИНЫМ ДЫХАНЬЕМ. – Печ. по: НМ, 1999, №3; ХиГ-2, с. 304, с разнотч.; СС, с. 108, без 7-й строфы. *В термах* – общественные бани в Древнем Риме. *Гемонии* – «ступени рыданий» – крутая лестница на Авентинском холме в Риме, откуда сбрасывали в Тибр тела осуждённых на казнь. *Сиянье встаёт за горами грудей* – отсылка к ст-ю В. Маяковского «О сущности любви» (1928). *Слеза площадей* – о нём же, см. коммент. к ст. КОЛЬЦО, разд. IV.

Записи. ДИВЬЯ БЫ. – ДН, 1997, №11; печ. по: ХиГ-2, с. 302.

РОЯЛЬ В ИЗБЕ. – ДН, 1998, №11; печ. по: ХиГ-2, с. 325. *Собор Шартра* – кафедральный собор Божией Матери в г. Шартр (Франция). *Баргузин* – здесь: река, впадающая в Байкал. *Этранже (фр. étranger)* – иностранец.

Записи. БЕЗ НАЗВАНИЯ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 300.

НА ДЫХАНЬЕ, НА ЗВУК. – Печ. по: ХиГ-2, с. 340.

ПРОБА. – Печ. по: ХиГ-2, с. 342. Ст-е с таким заг. см. в этом же разд. *Коктебельский месяц* – в Доме творчества писателей в пос. Коктебель (Крым). *Боря Чичибабин у Лилиных колен* – Л.С. Карась – жена поэта, ей посвящ. «Сонеты любимой». *Перчем* – гора в Судаке (Крым).

БЕЛЫЙ РОЯЛЬ. – Печ. по: Зн, 2004, №6. *Куржава (коми-перм., олон.)* – иней, изморозь.

СВЯТОЕ УТРО – Печ. по: ХиГ-2, с. 318.

ЛАВИНА. – Не опубл. Печ. по авт. машиноп. Приписка авт.: «*Гиа Маргвелашвили, даря мне изданные им Беллины «Сны о Грузии», написал: Анну Павлову – Вацлаву Нижинскому»* (см. коммент. к ст-ю ИЗ АЛЬБОМА, разд. II). *Бранд* – см. коммент. к ст-ю ТАКОГО ХРАМА НЕТ, разд. VI.

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО. – Печ. по: Зн, 2004, №6.

ЭТИ КОЛЬЦА. – НМ, 1999, №3; ХиГ-2, с. 303; печ. по: СС, с. 106; ПМ, 2014, №2.

СПАСИ И СОХРАНИ! – НМ, 2002, №12; печ. по: СС, с. 113. *The rest is awful (англ.)* – остальное отвратно. К счастью, шекспировские сцены разыгрывались лишь в воображении автора.

ПИСЬМО С ПОМЕТКАМИ. – Зн, 1999, №8; печ. по: ХиГ-2, с. 331; ПМ, 2014, №2.

ГОД БЫКА. – Зн, 1999, №8; печ. по: ХиГ-2, с. 316, без даты.

«Я человек рифмованный и книжный...» – не опубл. (?). *Пляска Смерти* – назв. произв. Ф. Листа, хотя здесь, скорее, ассоц. с циклом песен М. Мусоргского «Песни и пляски смерти» (1875—1877).

ВЗГЛЯД. – ХиГ-2, с. 335; печ. по: СС, с. 117.

Записи. СТЁПКА ДА ВАЛЬКА ДА ВАНЬКА ДА Я. – ДН, 2007, №7, без указ. места; печ. по: ХиГ-2, с. 188.

ИЗ МОЕЙ КОЖИ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 312. *Дочь моя Катя* – см. коммент. к: ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА, разд. V. *Ты в русскую кожу одела мадонн* – «живое платье», созданное К. Леонович, приобрела певица Мадонна.

КАМЫШОВЫЙ КОТ. – Не опубл. (?).

ТА САМАЯ. – Печ. по: Зн, 2004, №6.

Записи. ПОКА ДЫШУ. – НМ, 1999, №3; ХиГ-2, с. 321, без рубрики, с заг. ПОКА ДЫШУ. ОТРЫВОК; печ. по: СС, с. 42.

«И вот, любимую измучив...» – ДН, 2008, №7; печ. по: ПР, 2010, №1(5).

СОЛЬ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 337.

КОВЫЛИ. – Печ. по: СС, с. 120.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОШЕНИЕ. – Печ. по: ДН, 1997, №10.

«Я всё старей и безобразней...» – Не опублик.

ЕСЛИ НЕТ ЕЁ. – ДН, 2008, №7; ПР, 2010, №1(5); печ. по: СС, с. 115. Две первых строфы – неопублик. ст-е нач. 1970-х гг., посвящ. адресату ст-й «грузинского периода». См. также конец ст-я СЕЛО НИКОЛА, разд. III.

«Копирку скомкай, а потом расправь...» – Печ. по: Пред, 2002, №6.

Англ. подстрочник: Западный – страшнее всего! Бешеный, крушащий лёд, так что кончено со всеми этими сёстрами и жёнами, с дорогим именем, с этой игрой. О, похороны меня в пламени! Ты – и никто другой.

АНЗЕР, ГОЛГОФА. – Не опублик. (?). Печ. по: авт. машиноп. – первые 4 строфы; 3—6 строфы – расшифр. аудио из док. фильма Л. Грибовой, М. Никоновой «Странник в миру», 2014. Ст-е. с тем же заг. см. в разд. VI.

ДВЕ СТРОКИ. – ДН, 1998, №11; ХиГ-2, с. 249, с посвящ. *Лесе*; Пред, 2002, №6; печ. по: СС, с. 101.

Записи. КОСТЁР. СОН. ШЁПОТОМ. – НМ, 1999, №3; печ. по: ХиГ-2, с. 329; СС, с. 110, с заг. ТВОЙ СОН.

Записи. ДАЙ ИМ, КЛАВКА. – ДиН, 1999, №1; Зн, 1999, №8; печ. по: ХиГ-2, с. 322.

СОВЕТ И ПРОСЬБА. – Не опублик. *В.Н. Соколов* (1928—1997) – поэт-лирик, эссеист, переводчик.

ТРУДОВЫЕ ЧАЕВЫЕ. – Не опублик. – *Every time at your disposal* (англ.) – В любое время к вашим услугам.

Записи. ПУШКИН. – Зн, 1999, №8; ХиГ-2, с. 323.

САД ГЕНРИХА ГЕЙНЕ. – НМ, 2002, №12; печ. по: СС, с. 111.

САМ! – ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 105.

ЕДИНСТВЕННАЯ ИЗ МЕЛОДИЙ. – Не опублик. Печ. по авт. машиноп.

ПРОБА. – Не опублик. (?). Ст-е с таким же заг. см. в этом разд. *А.Г. Гордон* (р. 1964) – радио- и телеведущий, актёр, кинорежиссёр. В.Л. участвовал в «Диалогах» А.Г., в съёмках фильма «Пастух своих коров»; при участии А.Г. издавался лит.-худож. альманах «Предлог», осуществлялся проект «Образ будущего» (постройка домов для семей с приёмными детьми) в д. Шаблово Кологривского р-на Костромской обл. А.Г. не раз поддерживал поэта материально, помогал с лечением. *Алеко, Земфира* – герои поэмы Пушкина «Цыгань» (1824).

«Христианин, при каждом чихе...» – Не опублик. Эпиграф – послед. строка ст-я Пушкина «Ненастный день потух...» (1824).

ОТЕЛЛО. – Печ. по: ХиГ-2, с. 329. – *Сердцу девы нет закона* – из незаверш. поэмы Пушкина «Езерский»; отрывок «Зачем крутится ветр в овраге...» вошёл в «Египетские ночи» (1835).

«Жизнь прекрасна...» – Печ. по: ПР, 2010, №1(5).

«Серебряный тяжёлый кубок...» – НМ, 2002, №12; печ. по: СС, с. 144.

«Возчик изматерился: чёрт ли попутал...» – Не опублик. Печ. по расшифр. аудиозаписи выступл. 25.11.04.

«С глаз долой – из сердца вон...» – не опублик.

«Туда звонить – напрасный труд...» – Печ. по: Пред, 2002, №6.
ДОЧЕРИ КАТЕ. – НМ, 2002, №12; печ. по: СС, с. 128.
ПОРУКА. – Зн, 1999, №8, без посвящ.; печ. по: ХиГ-2, с. 324. *А.М. Ревич* (наст. имя Рафаэль Мих. Шендерович, 1921–2012) – поэт, переводчик, участник Великой Отеч. войны; *М.И. Ревич*, его жена (1922–2014).

VIII. НАМ ПУШКИН ТЬМУ ЗАГОВОРИТ

«**Во все концы дорога далека...**» – Ю, 1970, №11; ВИ, с. 5, без посвящ.; Явь, с. 90, без посвящ.; печ. по: ДГ, с. 6. *И. Дедков*: см. коммент. к ст-ю БУКСИР, разд. III.

ВЕТРОМ И ПЕПЛОМ. – ХиГ, с. 274; печ. по: ХиГ-2, с. 277. – Одно из программных ст. В.Л. *О.Г. Чухонцев* (р. 1938) – поэт, переводчик. Его лит. судьба схожа с судьбой В.Л. – не прошли цензуру его первые книги, на 8 лет были запрещ. публикации; первый сб. вышел лишь в 1976 г., «Слуховое окно» – в 1983-м, «Ветром и пеплом» – в 1989-м. В отличие от В.Л., О.Ч. стал лауреатом ряда премий, в т.ч. Государственной (1993) и нац. лит. премии «Поэт» (2007).

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК. – ХиГ, с. 259; печ. по: ХиГ-2, с. 264.

АВТОРУ КНИГИ «ЛЮДИ МОЕЙ ЖИЗНИ» ТАМАРЕ ПАВЛОВНЕ МИЛЮТИНОЙ С НИЗКИМ ПОКЛОНОМ. – Зн, 1999, №8; печ. по: ХиГ-2, с. 308. *Т.П. Лаговская-Милютина* (1911–2004), член РСХД (Русского студенч. христ. движения) в Эстонии, узница ГУЛАГа, авт. воспоминаний (1997). *Великое Устье* – устье Енисея, впад. в Карское море. *Над сорокавёрстым Шаманом* – священный Шаман-камень посередине истока Ангары (приток Енисея) из о.Байкал.

ПЕСНЯ. – ХиГ, с. 263, авт. обведено: «*хозяин и гость*» **Каз**; ХиГ-2, с. 267; печ. по: СС, с. 156; Сим, с. 524. *А.В. Жигулин* (см. коммент. к ст-ю ГРАНАТ, разд. VI).

В ЭТОМ ДОМЕ. – Печ. по: ДН, 2000, №5. *Шелоник* (арханг., олон., новгор.) – юго-западный ветер. *Баргузин* – сев.-восточ. ветер на Байкале. *Бабка Маня* – Мария Степановна Бутина с Пяозера.

ПЕЛУС-ОЗЕРО. – Печ. по авт. машиноп.; фрагм., заканчив. строкой «*пробьётся вот-вот*», вошёл в ЧЕТВЕРИК, разд. III; ДГ, с. 96, с др. концовкой: после строки «*не знаю твоих мелодических нот*» – «*и слышу – а записать не могу:/ – Погост нонь за лахтой/ на том берегу...*». *Лавина* – лава, мостки для полоскания белья. *Крутень* – вихрь, ураган.

НЕГОДУЮТ! – Печ. по: Зн, 2009, №3. В.Л. перефразирует строку из «Элегии» К. Батюшкова («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...», 1815); у авт.: «На зёркальных водах пустынной Троллетаны». *Троллетана* – водопад в Швеции.

АКВАРЕЛЬ. – ХиГ, с. 108; ХиГ-2, с. 105; печ. по: ДГ, с. 51. *Отбрось свой глаз...* – слова Христа: «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф 18:9). Глубоко христианская мысль о духовном соблазне взглядывания во тьму, в смерть (ср.: «А долго, слышь, глядеть нельзя/ в такую воду дикую» – ЧЁРНОЕ ОЗЕРО, в этом разд.).

«**Тот живописец образцовый...**» – ДП, 1985; печ. по: ДГ, с. 20.

ЧЁРНОЕ ОЗЕРО. – Печ. по: Зн, 2009, №3; ДГ, с. 69; ст-е. не позднее 1965 г. (см. ТЁПЛОЕ, начало поэмы – предполож., первый вар.).

ТРОИЦКИЙ СКИТ. – Не опублик. (?). *Белёк* – детёныш тюленя.

Записи. ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С БАБКОЙ АННОЙ, ГОЛОС ЕЩЁ В ВОЗДУХЕ. – Зн, 1999, №8; печ. по: ХиГ-2, с. 182; ДГ, с. 54.

«**Но для тебя полны значенья...**» – Не опублик. (?). Печ. по авт. машиноп. *Р.Г. Севикян* – музыковед, журналист, педагог, автор и ведущая радио- и телепрограмм на ВГТРК «Кострома».

ПРИЛИВ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 309.

СТУЖА. – Печ. по: СС, с. 57.

«**Работа разрывов, разлуки труды...**» – ХиГ-2, с. 333; СС, с. 147; печ. по: ДГ, с. 81.

СИЛОУ НЕЛЕПОСТИ ВЕЩЕЙ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 341; ПР, Спец. вып., в письме И.Дедкову, окт. 1977, без заг.

АПРЕЛЬ НА КОСТРОМКЕ. – Не опублик. Печ. по рашифров. аудиозаписи радиопередачи «Светёлка»: Памяти Рахманинова (Костромское радио). – *Шелюга* – краснотал, ивняк. *Полой* – низкие берега, ямы, заливаемые в половодье. *К Ипатию* – к Свято-Троицкому Ипатьевскому монастырю на берегу р. Костромы (Костромки), недалеко от её впадения в Волгу. *П.Д. Корин* – живописец, монументалист, реставратор. Главное его полотно «Реквием» («Русь уходящая») осталось незавершённым.

БЕЛОРУКОВО. – ХиГ, с. 218; печ. по: ХиГ-2, с. 230. – Так В.Л. хотел назвать пос. Льнозавод в Парфеньеве Костромской обл. *Бабка Ольга* – О.А. Трушнева, соседка В.Л.

Записи. СЁСТРЫ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 339. *Т.Н. Иноземцева* (р. 1950) – агроном, журналист, поэт, прозаик, руков. лит. объедин. «Надежда» в Парфеньеве.

НАТУРА. – Печ. по: ХиГ-2, с. 311.

ОБИДИЩА. – ДП, 1988; ХиГ, с. 185, без посвящ.; ЗО; ХиГ-2, с. 195; печ. по: СС, с. 74. *Л.К. Чуковская* – см. коммент. к ст-ю ПЕЙЗАЖ, разд. V. *Челнок «Титаник»* – В.Л. согнул на Пелусозере несколько лодок, которым давал имена.

«**Осенний муравей...**» – ХиГ, с. 215; печ. по: ХиГ-2, с. 227.

«**Четвёртый час, когда колдуют сны...**» – ХиГ, с. 217, с посвящ. *Эмме*; печ. по: ХиГ-2, с. 229. *Э.В. Проценко* (1934(35)—201?), филолог, создатель и руков. Клуба любителей поэзии МИФИ (Моск. инженерно-физич. институт). Издатель книги ст. В.Л. ХиГ (1997).

ПУШКИНСКОЕ ДАВЫДКОВО. – СС, с. 140; печ. по: ДГ, с. 77. *А.М. Буруцкий* (см. коммент. к ст-ю АДРЕТТА, разд. V). *Как зйниент раин* (англ. ancient Russian) – *здесь*: как русские [складывали] встарь. *Динас* – огнеупорный кирпич. *Спасающий* – *спасён* – мысль рус. религ. философа, поэта В.С. Соловьёва (1853—1900): «Спасающий спасётся. Вот тайна прогресса, – другой нет и не будет». *Варнак* – беглый каторжник. *Не дай мне Бог сойти с ума* – первая строка ст-я Пушкина. *Июнь, число шестое* – день рождения Пушкина.

КЛИНОК. – ДР, 2008, №1(39); Зн, 2009, №3; ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 138. *Н.Н. Герасимов* (1956—2018) – Заслуж. геолог РФ, министр, зам. пред. правительства Респ. Коми; альпинист, писатель, издатель многотомной Белой Книги Респ. Коми – базы данных жертв политич. репрессий. Н.Г. был учеником В.Л. в Петрецовской школе (см. ст.

СЕЛО НИКОЛА, разд. III), поддерживал учителя и его семью, финансировал изд-е его книг, приезжал в Кологрив на 80-летие учителя.

ПРОЩАНИЕ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 291. *Караф* – графин.

НАТАЛЬЯ. – Печ. по: Зн, 2009, №3. Адресат не установлен.

НЕ КОСНУШИСЬ ВОЛНЫ. – Печ. по: Зн, 2009, №3. *Ниагара, Кивач* – водопады в Сев. Америке и Карелии.

БЕРЕНДЕЕВКА. – Печ. по: ПР, 2010, №1(5), авт. правка от руки: *poridge*. *Берендеевка* – парк в Костроме, где снимался фильм по пьесе А. Островского «Снегурочка». *Поридж* (англ. porridge) – овсяная каша.

УВОЗИТ!!! – ДР, 2008, №1; печ. по: ПР, 2010, №1(5). *Foreign Gentleman* – иностранный господин. *What he calls* – как он это называет. *Golden River with the Falls* – золотую реку с водопадом. *By the antirestitution* – из-за невосместимости убытков. Старый *Beaver* – старый бобёр. *Not the brilliant Niagara, / Not the River, not the Brook – / Russian Gold! / The very Case! / All around golden Space!* – Не бриллиантовая Ниагара, не река, не ручей – русское золото! Тот самый случай! Всё вокруг золотое!

«**Я часто забываю имена...**» – Печ. по: Явь, с. 85.

ЗЕМЛЕРОЙКА. – Печ. по: Зн, 1999, №8.

ГУДА! ЛЭНА! – ДН, 1997, №10; печ. по: Сим, с. 525.

ЛАСКОЮ И СВЕТОМ. – Печ. по: ДН, 1998, №11; ХиГ-2, с. 349, с заг. ТЁЛОЧКА МАЯ.

МАРТ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ – ХиГ-2, с. 347; СС, с. 102; печ. по: ДГ, с. 73.

НАДПИСЬ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 301. *А.В. Соловьёва* (р. 1946) – редактор, публикатор, авт. статей по краеведению, руковод. Костромского обл. отдела-я Всерос. фонда культуры (1987—1996), руковод. Костром. обществ. фонда культуры (1996—2006).

КАЗАХСКАЯ СКАЗКА. – Печ. по: Зн, 2004, №6; КЛ, 2011, №4(11), без заг., в ст. «Переводчик, сломай карандаш». *М. Шаханов* (р. 1942) – казахский писатель, поэт, драматург, полит. деятель. В.Л. переведил поэзию М.Ш.

В ЭТОЙ ШКОЛЕ. – Печ. по: Зн, 2004, №6. *Оставь герою сердце* – строка из ст. Пушкина «Герой» (1830). *Сексот-бедняга рыдает на твоей груди* – эпизод из студенч. лет В.Л., когда один из сокурсников на вечеринке признался, что доносил на него. См. коммент. к ст-ю СТРАХ, разд. I.

МОГУЧИЙ ПОЗДНИЙ ВОЗРАСТ. – ХиГ, с. 287; печ. по: ХиГ-2, с. 286. *К Александрийскому столпу* – так (по ст-ю Пушкина «Памятник») наз. В.Л. Александровскую колонну на Дворцовой площ. в С.-Петербурге, воздвигнутую в честь победы Александра I над Наполеоном. *Сверчок* – кличка Пушкина в лит. кружке «Арзамас». **СЕМЬЯ. РЕЛИГИЯ. СТАРОСТЬ. СМЕРТЬ** – ср. «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть» – запись Пушкина (1834), мечтавшего о деревенском уединении. *Как вихорь, волен, страшен, ниц...* – вольное перелож. строк из ст-я Пушкина «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833).

КРОМЕ. – ХиГ-2, с. 351; печ. по: Пред, 2002, №6. *Городовое поле* – из ст-я Пушкина «Странник» (1835).

«**Всё меньше лиц, всё больше спин...**» – не опубл. Печ. по авт. машиноп. Адресат – *А. Калмыкова*.

«**Любовь нельзя предать...**» – Не опубл.

«Я впал в нечаянный восторг...» – Печ. по: Зн, 2009, №3. *Чёрная сотня* (1905—1917) – крайне правые организ. «патриотов», антисемитов и рус. националистов, выступали в защиту православия и самодержавия, устраивали еврейские погромы. *А.А. Платонов* (наст. фам. Климентов, 1899—1951) – писатель, публицист, драматург, сценарист, военкор, участ. Великой Отеч. войны.

ЛОДКА – оба стих.: ДН №7, 2008, с заг. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ; печ. по: СС, с. 149.

1. «Здесь омут от страха недвижим и чёрн...» – ДН, 2000, №5, с заг. КАРЕЛИЯ; ХиГ-2, с. 354, с заг. РЕКА С ОТОРВАННЫМ ДНОМ. *С.К. Вермишева* (1932—2020) – русскоязыч. армян. поэтесса, переводч., публиц., обществ. деятель; была членом ЛИТО «Магистраль».

2. «И православный тёмный плат...» – отдельно не публ. *А.И. Зорин* (р. 1941) – поэт, перевод., публиц.; духовный сын свящ. А. Меня. *А.В. Мень* (1935—1990) – протоиерей Русской Православной Церкви, миссионер, богослов, перевод., автор книг по истории религии, основам христ. вероучения, православл. богослужению. Убит 9 сент. 1990 г. В.Л. встречался с А.М., кот. знал и любил его стихи.

ШАГ ВПЕРЁД, – ДР, 2008, №1 (39); печ. по: ПР, 2010, №1(5).

ИМЕНЕМ ЛЮБВИ. – Печ. по: ХиГ-2, с. 306. *Солунский юный книгочей* – см. коммент. к ст-ю КОНСТАНТИН, разд. III.

МОЕМУ АНГЕЛУ. – Не опубл. Печ. по авт. машиноп. Адресат – *А. Калмыкова*.

«Про наши дела и желанья...» – Печ. по: ДГ, с. 18. Ст-е 2-й пол. 1970-х гг. *Сосна... виланья* – с раздвоенным стволом.

«Не выдержав 70-летней...» – Не опубл. Печ. по авт. машиноп.

РАСПЕВ. – Не опубл. *Е.А. Камбурова* – певица, Народ. арт. РФ, основ. и худ рук. Москов. театра музыки и поэзии.

УТРО. – Печ. по: ДН, 2007, №7.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ – Ок, 1992, №10; ХиГ, с. 220; печ. по: ХиГ-2, с. 232; цикл с тем же общим заг. см. в разд. II.

1. «Сплю и складываю печь...»
2. «Эта воля любит власть...»
3. «На два полных этажа...»
4. «Толща храмовой стены...»
5. «Колыхаясь в полумраке...»

ОСИНОВЫЕ СЛЁЗЫ. – ХиГ, с. 272; ХиГ-2, с. 267; печ. по: ДГ, с. 71 – *В.В. Сошин* (р. 1951) – глав. архитектор Центр. науч.-реставр. проект. мастерских Мин. культуры РФ, глав. реставратор Соловков, историк. Под его началом трудились на Соловках В.Л. и его сын Митя.

«Есть бродяге куда податься...» – ХиГ, с. 183, без посвящ.; печ. по: ХиГ-2, с. 193. Ст-е 1970-х гг. *А.М. Бурлуцкий* – см. коммент к ст. АДРЕТ-ТА, разд. V).

ЗАНОЗА. – Не опубл. *В.Я. Курбатов* – см. коммент к ст-ю «Не поддался на переков...», разд. VI.

ПОЖАРНЫЙ ПЁС БОБКА. – Печ. по: ППБ, с. 5. *Л.А. Колгушкин* (1897—1972) – педагог, краевед, знаток костромской старины. Вернувшись из Москвы в родную Кострому, В.Л. мечтал поставить там памятник Бобке – символ жертвенности как единств. пути спасения и развернул целую кампанию по сбору средств. Ст-е о Бобке – единств., написанное

В.Л. для детей, точнее – для семейного чтения. Дети худож. школы приняли участие в иллюстрир. книги. Деньги были собраны и... отобраны, память поставлен частным лицом, но не Бобке, а другой, брошенной собаке. В.Л. говорит: вместо памятника благородству возник памятник человеческой подлости.

ВЕРА. – Печ. по: Зн, 2004, №6; Зн, 2009, №3, с загл. ХАЧИКО; ПР, 2010, №1(5), с загл. ХАЧИКО, с разночт.; послед. строфы нет в др. версиях: «*Весь долг отдав, из долговой тюрьмы/ на волю, чорт возьми, выходим мы/ и – будь он проклят! –/ сходим с пьедестала*»; ЛГ, 2012, №27(6375), без загл.; СС, с. 129, без загл.; ПМ, 2014, №2; ППБ, без загл.

«**Была зелёная вся улица...**» – Не опубл. Печ. по расшифр. аудио из док. фильма Л. Грибовой, М. Никоновой «Странник в миру», 2014.

«**В последних числах февраля...**» – ВИ, с. 88; печ. по: ДГ, с. 16.

«**Век бы жил на этой просеке...**» – НД, с.82, 1-я часть; печ. по: СС, с. 14; ДГ, с. 61, с загл. КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕШИЙ, с авт. коммент.: «*Жил человек в лесу, сжился с ним, кормился им, охотился, но и работал в нём – доглядывал, не загорелось ли где, не безобразничает ли кто. Слава о Лешем была доброй. Худой была слава блатной охоты. И сенсацией, правда, короткой, стало кологривское ЧП: убит без суда и следствия...*». «**Морозец. Дымка по воде. Гагары...**» – ХиГ, с. 190; ХиГ-2, с. 198. С.Л. Соложенкина (р. 1940) – поэт, лит. критик, литературовед, перевод, художник. *Бодунов* – остров на Пелусозере (Карелия). *Косач* – тетерев.

ВЕЧЕР. ОЗЕРО. – ВТ, с. 195; Явь, с. 121, без загл.; Ф, 2013, №3(239); СС, с. 146, без загл.; печ по: ДГ, с. 42.

«**Близится солнце вечернее...**» – ХиГ, с. 258; печ. по: ХиГ-2, с. 263. См. коммент. к ст-ю «Твоему я дивился терпению...», разд. I.

«**Ты обратишься к тайнословью...**» – Печ. по: Явь, с. 47.

НОЯБРЬ. – Печ. по: ХиГ, с. 188; ХиГ-2, с. 197, без 4-й строфы. Я.Я. Гольцман – см. коммент. к ст-ю НЕПРОЧТЁННЫЕ СТИХИ, разд. III. *Студенец (олон.)* – лёд. *Теплыня* – неокрепший лёд над тёплым течением или ключом. *Сумёт* – сугроб.

ВИДЕН СЕРДЦА УДАР. – Печ. по: ДН, 2007, №7; ДР, 2008, №1(39), с загл. КОСЕЦ. А.М. *Бурлуцкий* – см. коммент. к ст. АДРЕТТА, разд. V. *Луи Огюст Гюстав Доре* (1832—1883) – фр. график, живописец, скульптор, мастер книж. иллюстрации.

ПОБЬЁМСЯ, ПОЖИВЁМ... – ХиГ, с. 35; печ. по: ХиГ-2, с. 40. *Владимир Львов* – см. коммент. к ст. ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛЬВОВА, разд. V.

ДЛИТСЯ СВЕТ. – ХиГ, с. 41; ХиГ-2, с. 47; печ. по: ДГ, с. 70.

«**Плот пригнали, распустили...**» – Печ. по: ДГ, с. 99.

«**Ручей сочился между кочек...**» – ДН, 2007, №7, с загл. ГДЕ ТЫ?; ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 145.

«**Дожди всё лето. Напитался лес...**» – ХиГ, с. 262; ХиГ-2, с. 352; ЛГ, 2012, №27(6375); печ. по: СС, с. 151; ДГ, с. 81.

ПОСАД. – ХиГ, с. 223, без указ. места; печ. по: ХиГ-2, с. 234. *И.В. Голицын* (1928—2007) – Нар. художник РФ, живописец, график, скульптор, автор статей по искусству. В.Л. общался с И.Г. в Москве и Парфенье-ве, где у дочери художника был дом. Несколько своих работ И.Г. подарил местной картинной галерее.

«**Вся ты в яблочках...**» – Печ. по: ДР, 2008, №1; ПР, 2010, №1(5) – правка на полях; ДГ, с. 98, с заг. НА РОДИНЕ.

У НЕСТЕРОВА. – ХиГ, с. 281; печ. по: ХиГ-2, с. 282; СС, с. 152, без заг. *М.В. Нестеров* (1862—1942) – живописец «уходящей Руси» и рус. природы; за картину «Великий постриг», кот. имеет в виду В.Л.в этом ст-и, М.Н. получил звание академика живописи. «Видение отроку Варфоломею» – картина М.Н., посвящ. Сергию Радонежскому. В 1938 г. худож. был арестован, зять его расстрелян, дочь выслана в лагерь. «Чёрный квадрат» – назв. картины худ.-супрематиста К. Малевича.

ЧЕРТА СМИРЕНИЯ. – Не опубл. (?) Печ. по авт. машиноп.

«**Давнею бурю снесена...**» – ХиГ, с. 278; ХиГ-2, с. 194; СС, с. 13; печ. по: ДГ, с. 82.

«**В плену каких-то невозможных схем...**» – Печ. по: ЛГр, 1978, №9.

«**Вот эту яму я и вырыл...**» – Не опубл. Печ. по расшифр. аудио из фильма Л. Грибовой, М. Никоновой «Странник в миру», 2014.

РОЩА. – Печ. по: ДГ, с. 98.

IX. РАБОЧИЙ СТОЛ

В раздел вошли большей частью не публиковавшиеся, неоконченные, восстановл. (по просьбе авт.) по черновикам ст-я, а также несколько ст-й из частных писем.

«**Солнце стояло высоко и жгло...**» – начало утрач. ст-я 1960-х гг. Комментар. авт.: «*Я прочёл стихи, после которых Булат <Окуджава> приобрел меня и что-то доброе сказал. ... Так изобразил я Пророка, а пустыней мрачной оказался Степлаг, о чём я и думать не думал. Думал-то – Булат. В этой седой степи 10 лет протомилась его мать...*». В.Л. Злоба дня: Костромской дневник. 19 сент. 2005 г. Эл. ресурс <http://costroma.k156.ru>text>leonovich>

«**Подведены минареты...**» – стилистика и интонация позволяют отнести ст-е к ранним, конца 1950-х – нач. 1960-х гг.

ПОДРАЖАНИЕ НЕПОДРАЖАЕМОМУ (подражавшему сверх меры). – Ст-е 1970-х гг.

«**Я в книге прочитал про лесть...**» – В письме составителю 29.03.13, из Кологрива. *Ориген* (ок. 185 — ок. 253) – греч. христ. богослов, философ, учёный. Подвергся истязаниям язычников в Александрии, был несправед. осуждён помест. собором и извержен из Церкви. Проповед. в Палестине, умер от пыток во время гонений на христиан.

ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ. – Вар. ст-я БЕРЕНДЁЕВКА, разд. VIII. *В.В. Казин* (1898—1981) – пролетар. поэт, редактор; восхвалял в стихах коммунистич. субботники, принудит. труд заключённых и т.п.

ПОРУКА («Смертельный порошок...») – есть другое ст-е с тем же заг. («Мне рассказывали старики...»), см. разд. VII; на ту же тему – ст-е «Наука травит лес...», разд. IV. *Ю.П. Власов* (1935—2021) – тяжелоатлет, писатель, политик патриотич. толка.

НАД КНИГОЙ АВВАКУМА. – Ст-е конца 1960-х – нач. 1970-х гг. Помеч. в авт. машиноп. цифрой 1, рукой авт. вписано: 2. *А вечерашняя*, но продолж. утрач. *Аввакум* – см. коммент. к ст. СОБЫТИЕ СОВЕРШАЕТСЯ ПРИ НАС, разд. IV.

АНЗЕР. – Вар. ст-я АНЗЕР, ГОЛГОФА («Ночью виден огненный серп...»), разд. VI; по сути, это другое ст-е. Англ. текст: Похороны меня не в бессмысленной земле, но в живом море!

«Железными гвоздями в меня вбивали страх...» – Печ. по: РК, 2014, №8. Возможно, это ранний вар. ст-я СТРАХ (разд. I), уцелевший в Грузии и опублик. в подборке ст-й и воспомин. в связи со смертью поэта. В бумагах В.Л. не встречался, авт. никогда не упоминал об этом вар.

В АЛЬБОМ Ю. М. – *Ю.П. Мориц* (р. 1937) – поэтесса, переводч., сценарист. *Кремлёвский горец* – эвфемизм из антисталинского ст-я О. Мандельштама «Мы живём, под собою не чуя страны...».

УГЛЕБОХИ. – Полная версия поэмы, за исключ. утрач. фрагм. (в машиноп. нет сс. 7—11, пропуск заменён при публикации строкой отточий). 1-ю часть, публиковавшуюся как отдельное ст-е с тем же загл., и коммент. к ней см. в разд. IV. Здесь 1-я ч. повторена с авт. правкой. Рубрика *Медитации* в авт. машиноп. зачёркнута. Ко 2-й ч. («Забавы молодости...») вписано от руки посвящ-е: «Сыну Сашке». *К синей звёздочке вдали* (также в ст-и ГЕРБОВЫЙ СЛЕД, разд. VI) – в молодые годы В.Л. действительно пересекал город по прямой, не огибая зданий и заборов, держа курс на звезду. *В краях души твоей, под Камским морем* – деревня, где родился А. Баянов, ушла под воду при строительстве Камской ГЭС. *Булгары* – древ. тюркские племена, родоначальники татарского, башкирского и др. соврем. народов. *Не майн... это кампф* – не моя война; от *Mein Kampf* (нем.) – книги-манифеста А. Гитлера. Авт. имеет в виду, что истребление живой земли и воды вместе с теми, кто обитает на них и в них, равнозначно фашизму. *Ана (tat.)* – мать; о судьбе своей 11-летней сестры А. Баянов рассказал в поэме «Вы поймёте меня», переведённой В.Л. (опубл. в сб.: *А. Баянов. Вы поймёте меня.* – М.: Сов. пис., 1968; *А. Баянов. Судьба стучится в дверь.* – Казань: Тат. книж. изд-во, 1980). В той же поэме – тема «углебохов». *На волятюке* – *Volaryk* – искусственно созд. междунар. язык на основе латинского, вызвавший критику и насмешки; назв. стало синонимом нелепого, неестественного, не случайно В.Л. переносит удар-е на конечную гласную, что делает слово и вовсе смешным. Игра слов: *андеруотэр* – англ. *underwater* – подводный, *андерграунд* – англ. *underground* – подземный, подпольный; термин, обознач. течения в соврем. искусстве, противопоставляющие себя масс. культуре, отрицающ. общепринятую мораль и этику. *У Гайдна огоньки* – имеется в виду драматич. симфония фа-диез минор «Прощальная» австр. композит. Ф.Й. Гайдна (1732—1809): при исполнении финальной части музыканты, закончив свою партию, тушат свечи у своих пультов и один за другим уходят; завершает симф. одинокая скрипка. *Десятикратно взяту за горло* – на Волге 9 ГЭС, входящих в «сталинский» Волго-Камский каскад. *Нижегородцы пригласили Фауста* – очевидно, имеется в виду то место из трагедии Гёте «Фауст», когда старый и слепой герой воодушевляется постройкой плотины: «Вставайте на работу дружным скопом! Рассыпьте цепью, где я укажу. Кирки, лопаты, тачки землекопам! Выравнивайте вал по чертежу!»; Фауст не подозревает, что работают не люди, а злые духи, роющие ему могилу.

«Известен миру Герострат...» – *Герострат* – древ. грек, сжёгший храм Артемиды в Эфесе, чтобы его помнили потомки. Был казнён, упоминать имя Герострата было запрещено, однако его сохранил историк.

«Я шёл весёлый и живой...» – В черн. заг. ПРОЗИМЬ зачёркнут авт., под ст. подписано: *Калязин*.

НА ПОЛЯХ ПЕРЕВОДА. – О том же см. ст. ВЛИП, разд. VI.

«Поиграла щучка с блесною...» – Печ. по: ПР, Спец. вып., в письме С. Яковлеву от 2 авг. 1999, с. 170; вар. от 29 июня 1999: «Поиграла щучка с блесною/ А Галина Иванна со мною./ Я за жабры тебя держу./ В пасть разинутую гляжу –/ Там зубов, зубов... Ай да пасть!/ Ай да пасть – воровская власть...». В.Л. и журналистка В. Арямова «пробили» приложение «Культура» к костром. газете «Северная правда». После выхода пробного номера произошёл конфликт с Департ. культуры, и инициатива была задушена.

«Однажды я в рабочую тетрадку...» – ПР, 2010, №1(5); печ. по: ПР, Спец. вып., с. 181. Хула – унижение, оскорбление. *Блядословье* (церковнослав.) – празднословие, вздор, ложь. Церковнослав. *лесть* означает хитрость, притворство, коварство, обольщение, предательство; соврем. знач-е – угодливое восхваление.

БАХМУТ. – Имеется в виду деревня на правом берегу Волги.

ПЕРЕВОДЧИК. – Ст. можно понимать двояко: как рассказ о специфике переводч. труда и как попытку понять другого человека.

«Глядишь, и сбывается сказка иная...» – Ср. ст. ЗЕМЛЕРОЙКА.

У ПРИСТУПИ МАЛОДУШИЯ. – Попытка написать ст. на укр. яз. – разумеется, с самоиронией. Хотя В.Л. читал Т. Шевченко в подлиннике, свободно укр. языком он не владел, получился скорее суржик – смесь укр. и русского.

АНЗЕР, АЛТАРЬ СОЛОВКОВ. – *Henley* – У.Э. Хенли (1849–1903), англ. поэт.

ПАРКОВЫЕ ЛИПЫ. – *Стоерос* – растущий стоя.

ВОСЕМЬ ЛЕТ. – Первая строфа авт. перечёркнута, 3-я и 4-я отчёркнуты на полях дважды.

«Древо ломится и коробится...» – Вар. ст-я АНЗЕР, ГОЛГОФА («Птица гордая...»), разд. VII.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА – Печ. по авт. машиноп., приписка авт.: «Звал меня жить в усадьбе, которую выхлопотал для своих репрессированных. Знал, что я – член Союза репр. писателей, что с руками». Есть ст-е с таким назв. в разд. III. С.С. Виленский (1928–2016) – узник Берлага на Колыме, поэт, мемуар., издатель, глава ист.-литер. общества «Возвращение». *Твардовский Починок* – город в Смоленской обл., недалеко от кот. родился А.Твардовский. Возможно, речь идёт о поездке на празднование 100-летия А.Т. в июне 2010 г. *Дедковские чтения* – ежегод. чтения памяти И.А. Дедкова (см. коммент. к ст-ю БУК-СИР, разд. III), проводимые в Костроме Обл. науч. библиотекой и Костр. госуд. университетом. *Книга «ЗА ЧТО?»* – В.Л. вместе с В. Шенталинским составлял и редактир. этот сб. произвед. репрессир. писателей (М., 1999). *А.А. Бугров* (р. 1958) – поэт, эссеист, руков. лит. студии им. Дедкова при Обл. науч. библиотеке в Костроме. *Е.И. Осетров* (1923–1993) – писатель, журн., лит. критик, историк рус. культуры, библиофил, участ. Великой Отеч. войны. «*Совесть*» – ист.-просветит. общество (г. *Котлас*), созд. в 1989 г. для защиты и увековеч. памяти жертв полит. репрессий. В 2014 г. решением «сверху» стала Архангельским регион. отдел. «Мемориала», вместе с которым и была закрыта. У В.Л. ошибочно:

И. Андреева, тогда как руковод. «Совести» была Ир. Андр. Дубровина. *Р.А. Штильмарк* (1909—1985) – прозаик, поэт, журн.-международник, редактор. Участ. Великой Отеч. войны. В 1945 г. арестован, пригов. к 10 годам закл., освоб. в 1953 г., реабил. в 1955 г. *М.С. Шангин* (р. 1929) – омский прозаик, агроном, авт. документ. прозы о Сибири, романа «Ни креста, ни камня» об антибольшевистском восстании крестьян и казаков 1921—22 гг.

«Квадратура волшебного круга...» – Печ. по: ПР, Спец. вып., в письме к С. Яковлеву 17.06.2004. «Альбомное» ст. – выражение благодарности друзьям, помогавшим В.Л. в разное время и по-разному. Так, в Мюнхене поэты Т. Жирмунская и Н. Генина провели благотв. вечер, сбор от кот. передали В.Л. на покупку дома в Кологриве.

«Ну что мне Вам сказать?..» Адресат неизвестен.

<ХУДОЖНИЦА>. – Назв. дано составителем. Отрывок без начала, возможно, фрагм. поэмы или большого стих. *Рим небывалый издыхает ныне* – ср. в ст-и МАВРА, разд. V: *Как хорошо и безобразно/ живёт и дохнет пышный Рим*; ст-е БЕЗ ПОКАЯНЬЯ, разд. VI – во всех этих ст-х мысль, восходящая к пушкинскому: «Свободой Рим рождён, а рабством погублён». В.Л. категорически отвергал имперскую идею Третьего Рима для России. *Бабка Вера* – Вера Тимофеевна Климова, жительница д. Пелусозеро, работала в магазине (пока он был). Её внучка – не *Надежда*, а Светлана, художница, живёт в Петрозаводске, препод. в худож. школе.

«Снег в Италии на Рождество...» – незаверш. ст-е, кот. подводит итог пути худож-ка, возвращает к началу (см. ст-я ВОЗЛЕ СТАНЦИИ ИНЯ; МАМЕ, разд I) и отдаёт созданное им в руки Божьи.

Мать и сын. Вторая половина 30-х гг.

Ольга Алексеевна
Леонович, мать поэта.

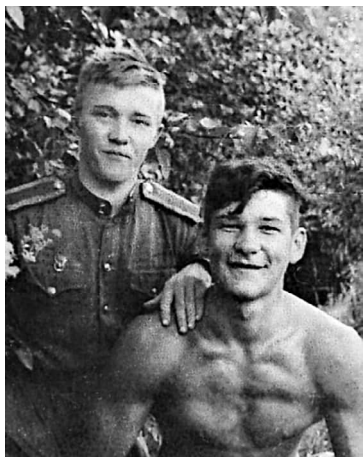
Николай Валерианович
Леонович, отчим.

Фото военных лет.

С мамой. Конец 40-х гг.

С другом. 50-е гг.

Гимнаст.

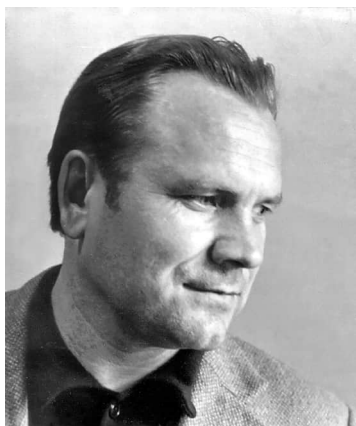
С. Орлова и В. Леонович с дочкой Катей. 1961 г.

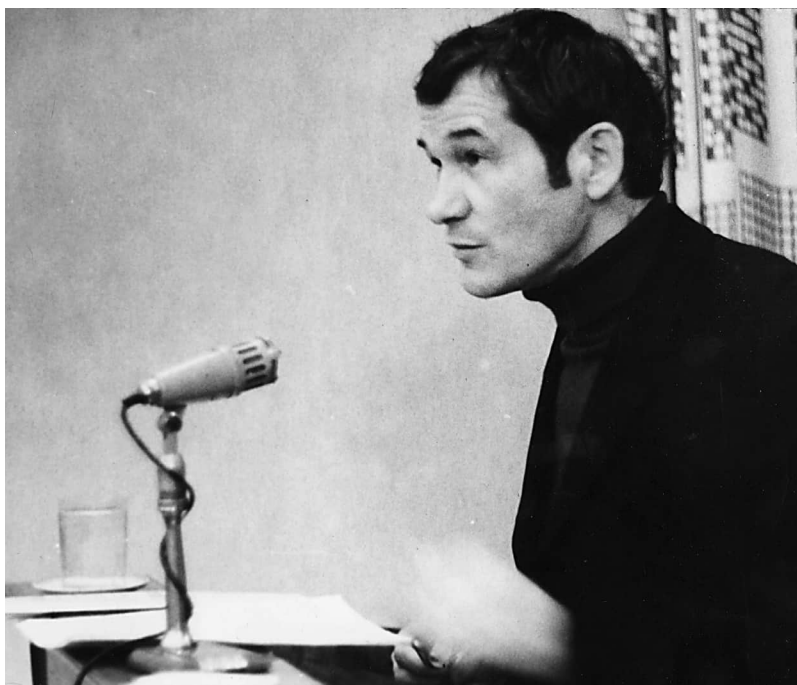

Проводы Леоновича
с Запсиба.
1964 г.

А. Ябров, редактор газеты
«Металлургстрой»
в 1960-64 гг.

Газетчики «Металлургстроя», поэты, друзья:
П. Мелёхин, С. Дрофенко, В. Леонович

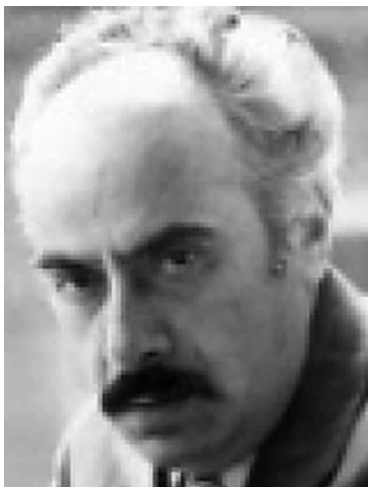
Галактион Табидзе.

А. Цыбулевский
с сыном.

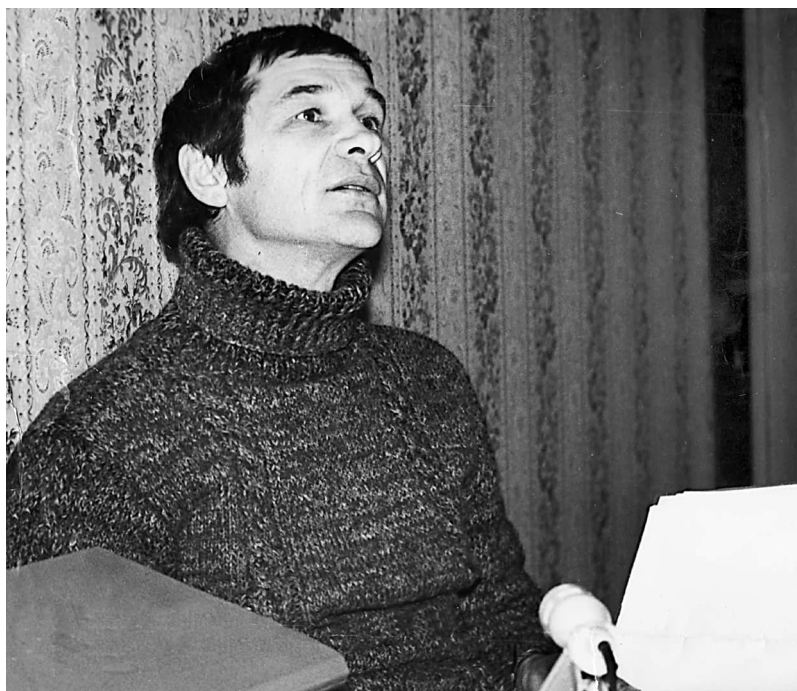
К. Вольфензон-Цыбулевская.с сыном.

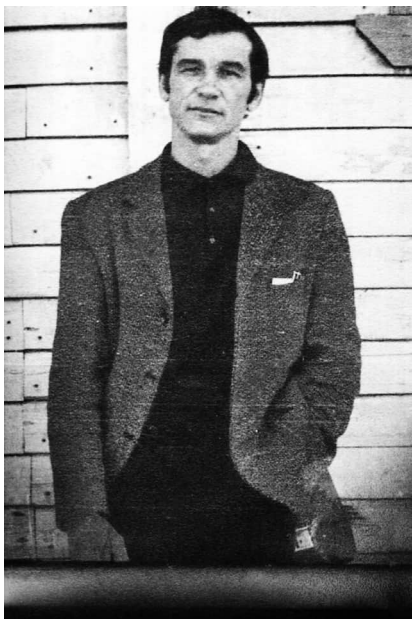

О. Челидзе.

О. Чиладзе.

Учитель.

Ученик В. Леоновича
Н. Герасимов.

Село Никола. Последний урок. 1973 г.

Выпускной класс.
Вверху: 1-й слева – Н. Герасимов,
внизу: 3-я справа – Р. Гончарова.

Звукорежиссёр Л. Муранова, В. Леонович,
поэт и друг Я. Гольцман. Пелусозеро.

В. Леонович и П.П. Абрагимович
мечут стог.

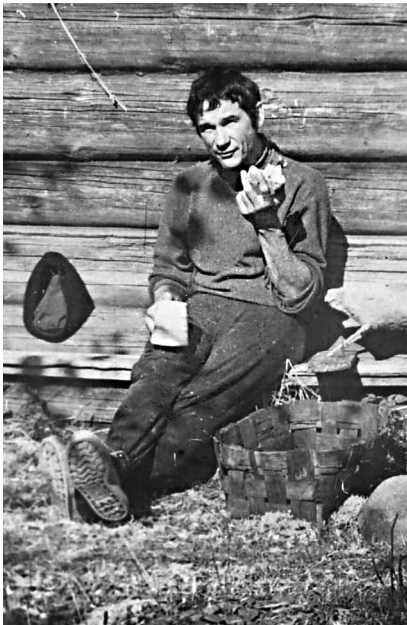
Е.И. Калинина
(бабка Лиза).

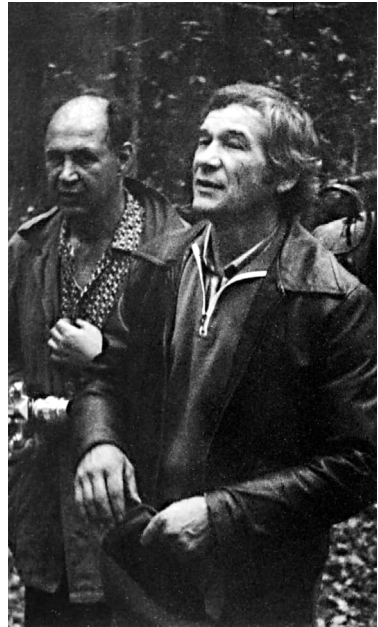
С А.А. Порубенской («почтальонкой») и Я. Гольцманом.

С Б. Калининым, сыном бабы Лизы.

Возле дома на Пелусозере.

С другом-биологом
Н. Арронетом.

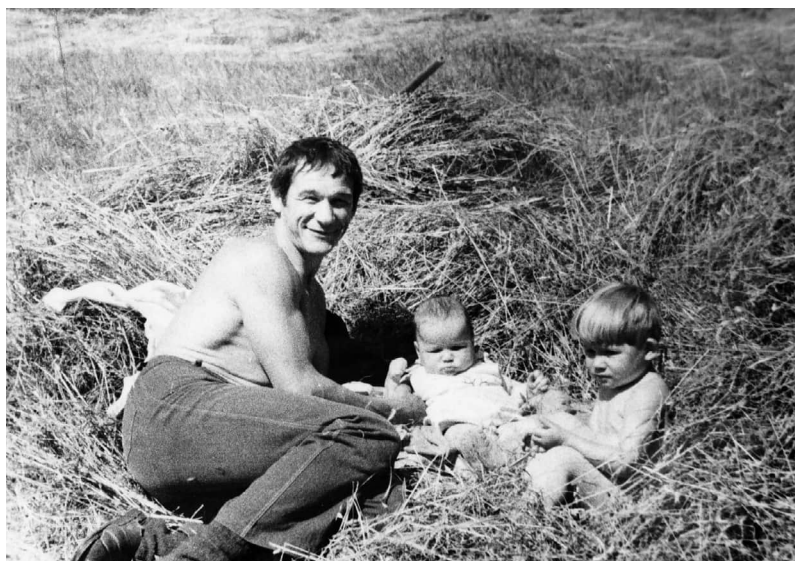

С женой Раей и дочкой Олей.

В.Н. Басова (бабка Васина), В.Леонович и Гуся (дочка Оля).

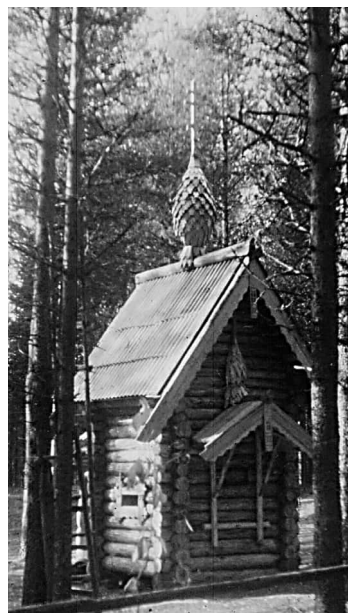
С сыном Митей и дочкой Олей.

Д. Власова, Е.И. Калинина (бабка Катя) и бабка Васина.

В. Леонович строит часовню.

Часовня Рождества
Богородицы на
погосте д. Пелусозеро
(1988—1990).

В. Леонович с детьми Олей и Митей.

На вечере поэта, переводчицы Н. Соколовской (в центре).
Справа – переводчица, педагог А. Беставашили.
Некрасовская библиотека. 1985 г.

С Э. Красовской на вечере М. Синельникова
и Е. Рейна. Некрасовская библиотека.

С Н. Катаевой,
хранительницей Дома Цветаевой в Москве.

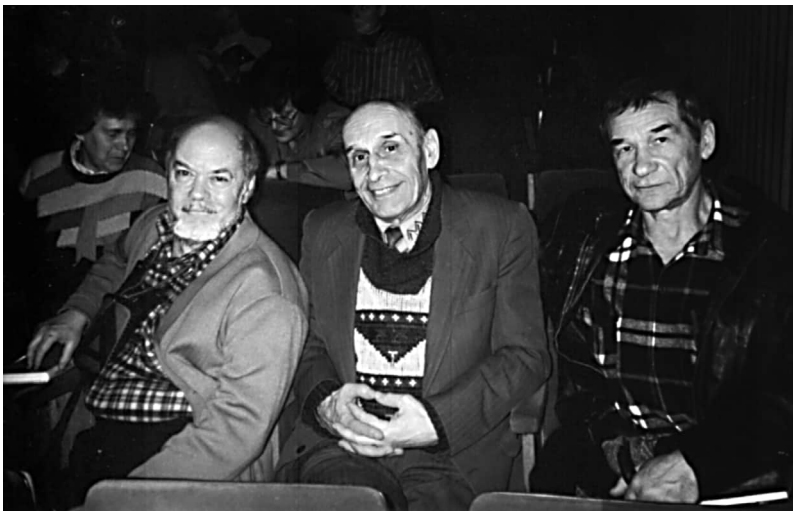
Поэт В. Соколов, его жена М. Роговская
и В. Леонович. Не позднее 1996 г.

В Доме архитектора с группой писателей. В центре –
Р. Тевосян, куратор вечеров «Встречи в искусстве».

С Б. Чичибабиным. Москва. 1991 г.

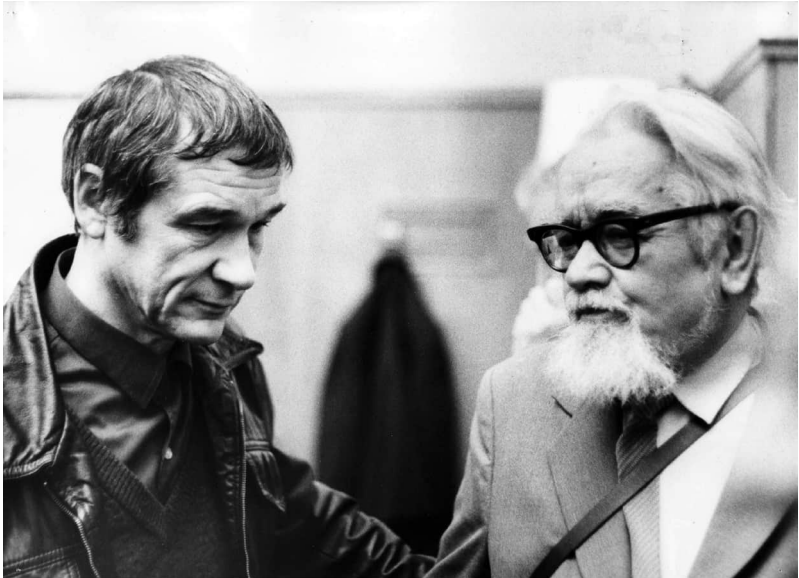
Л. Аннинский, М. Богославский, В. Леонович.
Первые Чичибабинские чтения. Харьков. 9 марта 1998 г.

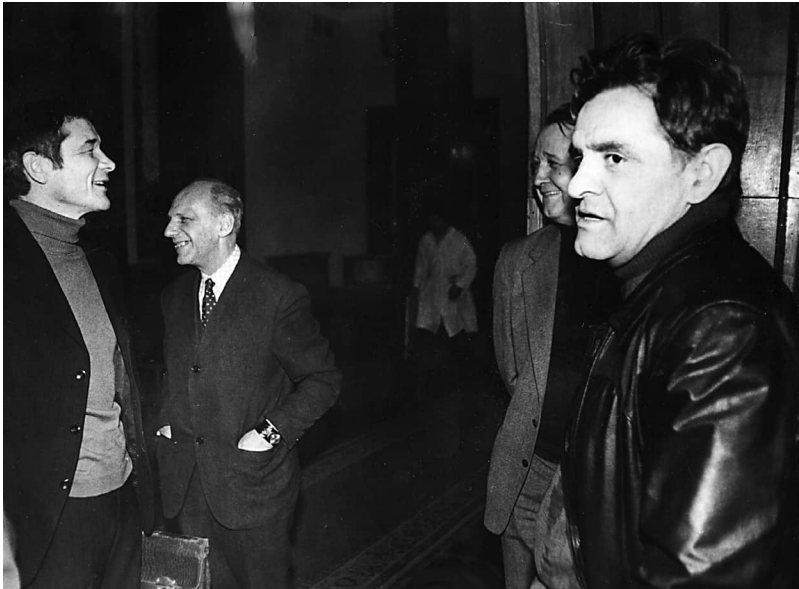
Выступление в Чичибабин-центре. Харьков.
Март 1998 г.

Участники Первых Чичибабинских чтений. Справа
от В. Леоновича: Л. Чичибабина- Карась, Л. Аннинский,
К. Ковальджи, Е. Бершин, А. Аннинская, Г. Алтунян.
Март 1998 г.

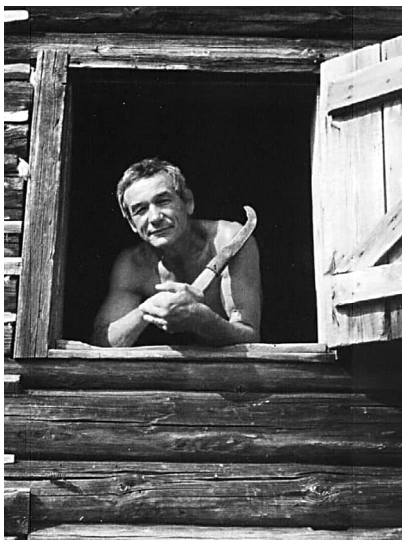

На вечере «Острова ГУЛАГа» с П. Набоковым(?).

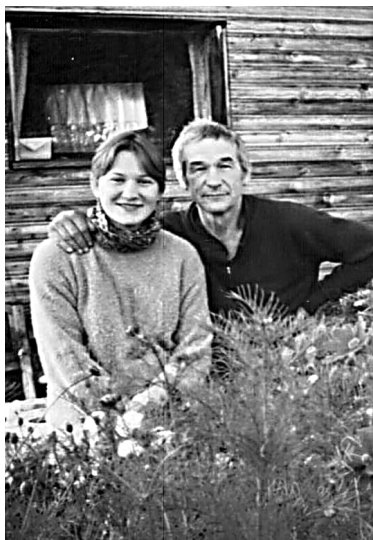

В. Леонович, Л. Шерешевский, В. Костров, Ф. Искандер.

В парфеньевском доме.

С дочерью Ольгой.

С Э. Проценко, женой Раей и соседкой О.А. Трушневой.
Парфеньево.

Соловецкие трудники:
Саша Бегун, Митя Леонович, Алёша Сошин и о. Елисей.

Возвращение с Соловков со стройотрядом МГУ.
В. Леонович – в дальнем ряду слева.
Митя Леонович – в первом ряду справа.

На колокольне Никольской церкви.
Село Ковда Мурманской области. Август 1997 г.

На клиросе Никольской церкви: спевка перед службой.

С московскими школьниками на экологической практике. Кандалакшская губа Белого моря.

С командой юных экологов. С. Ковда. 16 августа 1997 г.

На фестивале «Песня Окуджавы» в Колонтаево.
Ведущие вечера «Шестидесятники» В. Леонович
и Д. Сухарев. 7 мая 2012 г.

В. Леонович поёт свои стихи, посвящённые
Б. Окуджаве. Аккомпанирует М. Кукулевич.

На Международной конференции «Равнина русская. Опыт духовного сопротивления». 31 янв. – 2 фев. 2013 г. О. Седакова, прот. Павел Адельгейм; в дальнем ряду: В. Нерсесян, В. Леонович.

«Равнина русская». В. Леонович, В. Шенталинский, Н. Попова (директор музея А. Ахматовой в Фонтанном доме, СПб.)

С участниками Дедковских чтений. Кострома. Май 1998 г.

Кологривский р-н Костромской области.
Праздник села Илешево. В. Леонович с женой
Викторией и дочкой Машей. 2010.

«Жили двенадцать разбойников...»
Выступление в Доме-музее Е. Честнякова в д. Шаблово.
2012 г.

Вечер поэзии в Доме-интернате
для престарелых и инвалидов г. Кологрива.
2012 г.

С С. Невзоровым. Кологрив. 2013 г.

У печки в рабочем кабинете. Солнцевский дом в Илеше.

В гостях. В. Леонович с дочкой Машей, женой Викой, падчерицей Люсей. Илешево. 2012 г.

С дочкой Машей.

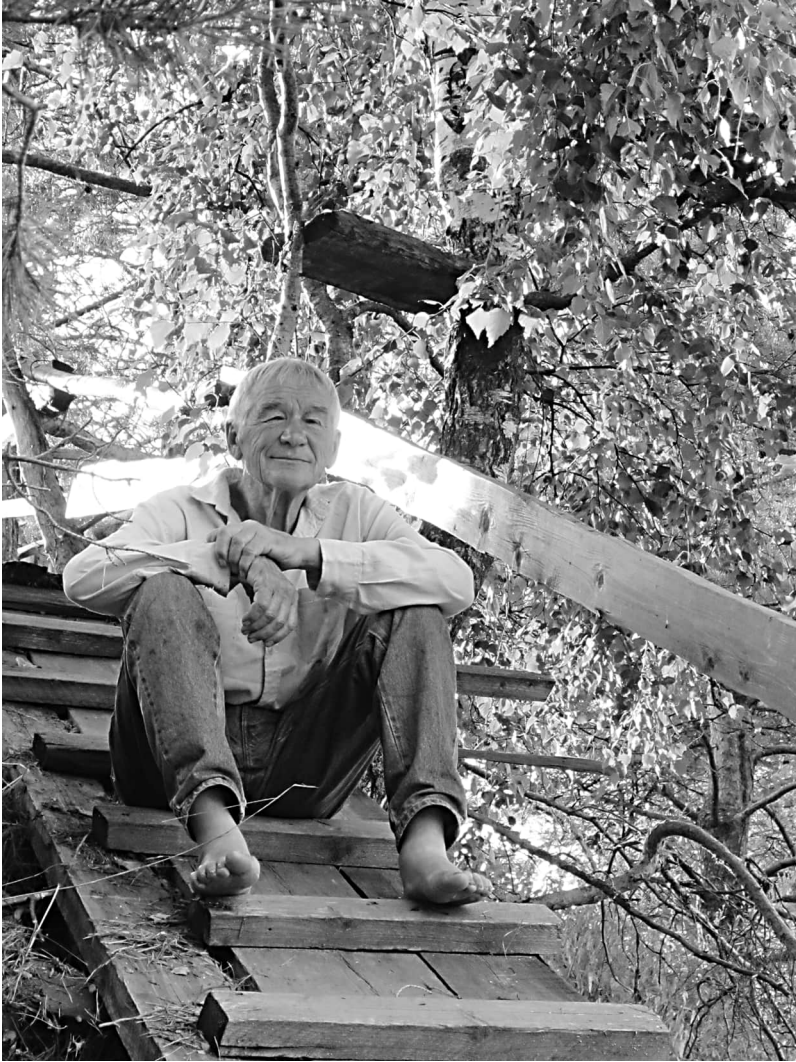
Вручение награды «Человек года» на Дне села Илешево.
2013 г.

80-летие В. Леоновича. Юбилейный пирог.
Кологрив. 2 июня 2013 г.

У дома в Кологриве.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

70—90.	266
«А Вам, Гаянэ...»	133
Автору книги «люди моей жизни» Тамаре Павловне Милютиной с низким поклоном.	440
Агриппина	181
Адамово ребро	326
Адретта	325
Акварель	443
Алёха	379
«А лиственница хороша...»	309
Ангел	136
Анзер	502
Анзер, алтарь Соловков	512
Анзер, Голгофа («Ночью виден огненный серп...»)	391
Анзер, Голгофа («Птица гордая, птица мёртвая...»)	425
Анна Ходасевич	290
Анюта	44
Апрель на Костромке	450
Арена	397
Ахпат-Урпах	127
А я вам говорил	271
Барановский	334
Бар Нептун	249
«Ба – тумм!..»	92
Батюшков	283
Бахмут	510
Без имени	230
Без названия	407
Без покаянья	384
Без тебя	401
Белоруково	450
Белый рояль	409
Белый свет	355
Берендеевка	460
«Блаженная страна...»	120
«Близится солнце вечернее...»	487
Больница. Лето	193
Боратынский. Слово милости	280
Борису Чичибабину	378
Братец	352
Букварь, где царствуют милость и жалость	359
Буксир	151
«Бывалый старый обезьян...»	263

«Была Гражданская война...»	375
«Была зелёная вся улица...»	484
«Была красавица – теперь уродка...»	387
«Были цветы и колосья...»	149
В альбом Ю. М.	503
«Вам должен сегодня сказать я...»	33
Варлам Шаламов	317
В горах	91
«В дебрях крупноблочного квартала...»	72
«Век бы жил на этой просеке...»	485
«Век живёт у оврага...»	180
Вера	483
Верблюд	48
Верховья	128
Весною поздней	209
«Ветреной ночью платан шелестит...»	106
Ветром и пеплом	438
Вечер. Озеро	487
Взгляд	417
Виден сердца удар	489
«Вижу: давно идёте...»	118
Вижу работу	46
Визит к Пастернаку, 1937	331
«В Калязине душном шиповник цветёт...»	177
Вкус	77
Властью долга	384
Влип	377
В метро	382
«Во все концы дорога далека...»	438
«Во всё assortименте...»	167
Возле станции Иня	41
«Возчик изматерился: чёрт ли попутал...»	433
Восемь лет	513
Вот какая минута	188
«Вот какие мне подарки...»	184
«Вот эту яму я и вырыл...»	495
«В плену каких-то невозможных схем...»	495
«В полдень белый невозбранно...»	110
«В последних числах февраля...»	484
Враги	252
Враг социализма	156
«В рай попал по ошибке...»	114
«Врасплох, без видимой нужды...»	183
Время твоё	108
В росе и россыпи снегов	401
«Всё меньше лиц, всё больше спин...»	469
«Всё одна и та же сила...»	178
«Всё я хочу написать...»	57
«В скалу врезается асфальт...»	99
«В снежном поле, в чёрной бане...»	110
В сознании дремучих прав	155
В степи	376
Встреча	211

Вся простота	370
«Вся ты в яблоках...»	493
Второй набросок	329
В цветах и на воле	361
«В церквушечке затхлая мгла...»	186
Вшивый рынок	383
Выбор	226
«Выкашиваю свой лужок...»	239
«Вынув из урны хлеба кусок...»	273
Высоцкому из Сибири	321
В этой школе	467
В этом доме	441
Галактион читает	111
Гербовый след	372
Гефсиманская сонливость	198
«Глядит как лорд британский...»	282
«Глядишь – и сбывается сказка иная...»	511
Гнев	75
Говорящая корова	235
Говорящий правду	52
Гогот беспартийный	259
Год быка	415
Голуби	21
Голубь	157
Гороховецкие лагеря	60
Гранат	361
Гриф ДСП. Проект века	232
Грузинские стихи	120
Гуда! Лэна!	462
«Давнею бурей снесена...»	495
Дай им, Клавка	426
«Да, праздник. Незаконная слеза...»	304
«Двадцатилетний, желторотый...»	54
Два стихотворения (Первое колено. Телефон)	357
Два стихотворенья (Архангельск, 3 июня 1989 года; «Невесомый мотылёк...»)	350
Две матери	142
Две сестры	124
Две строки	425
Дева пустынь	287
Дедушка убийца	139
«Держит путь бродяга-книжник...»	161
Джвари	103
Диалог	162
Дивья бы	405
Диоскурия	230
Длится свет	490
Дмитрию Александровичу Пригову, умеющему вопить кикиморой	271
Доверься счастью	122
«Дожди всё лето. Напитался лес...»	492
Долгий звук	268

Дом	185
Дочери Кате	435
«Древо ломится и коробится...»	514
Другие волосы	222
«Друзья мои, вы есть, вы были...»	113
Друзьям тех лет	54
Евтушенко году в 65-м	298
Его крестом.	319
Его свободная основа	121
Единственная из мелодий	430
Единым дыханьем	404
Екатерина Петровна	344
Енисейский грузин	134
Если нет её	424
«Если спросят на Суде...»	193
«Есть бродяге куда податься...»	478
«Есть одно такое диво...»	108
Жаворонок	167
«Железными гвоздями в меня вбивали страх...»	502
«Жена прогуливает дога...»	328
«Живёт огонь в печи...»	175
«Жизнь прекрасна дотла...»	433
«За далью времени и боли...»	143
За звуком	56
Зазор над прозой	73
За лилиями	153
Заноза	478
«За острой желтизной дрока...»	138
«Заплачет ни о ком...»	102
Запоздалые стихи	304
За столиком.	231
«Застыла, черна от нагара...»	402
Землеройка	462
Землём и верой	319
Зимние стихи	119
Зимние цветы для Беллы	140
Знак	228
Иванов, этюд «Раба»	197
«И ветвь оставила сучок...»	32
«И вот, любимую измучив...»	421
Из альбома	145
«Известен миру Герострат...»	507
Из дневника («Секретарь Сигнахского райкома...»)	93
Из дневника («Честь пропьём и совестью закусим...»)	252
Из моей кожи	419
Именем любви	472
Имя	396
Имя прадедово	148
Инженерам Запсиба	28

Искони бе огонь	403
«И туда я взошёл высоко сквозь огонь полуночи...»	94
Каждому ключу	92
Казахская сказка	466
«Каким-то мрачным аппетитом...»	251
Какой букет у нас сегодня!	260
Как ты съеден	360
Калязин	219
Каменный поезд	32
Камышовый кот	419
Капитан	295
Кар-озеро	189
«Квадратура волшебного круга...»	516
Кенюшка, Аннушка	367
Кипарисы	107
Клинок	457
Ковыли	422
Когда вы понадобились, вы устали	307
«Когда ты меня приглашаешь в Salon élegant...»	272
Козулька	30
Кольцо	231
Комета Хейла Боппа	393
Конспект романа	208
Константин	200
Конюх Вася	169
«Копирку скомкай, а потом расправь...»	424
Косое поле	284
Костёр. Сон. Шёпотом	426
Костромичам	223
К Петровичу	254
Красноярск	43
«Красота не виновата...»	109
Крестьянской праведной нуждою	107
«Кривое дерево реликтовых...»	103
Кроме	469
«Кузнец поклялся распрямить...»	48
Курский вокзал	380
Лавина	412
Лайнер и бабочка	22
«Ландышей нарвал в комарином лесу...»	180
Ласкою и светом	463
Левак	229
Лесная речка Меза	152
«Лесная родина. Июль...»	174
Лодка	470
«Любовь нельзя предать...»	469
Люмпен-вымпел	238
Мавра	336
Маки	118
«Мальчишеский голос чистейший...»	99

Маме	81
Марина	237
Март благословенный	464
Мать этих мест	143
Мгла	375
Мгновение было такое	173
Мгновенье слабое	269
Мелкая дробь	251
«Метель в печной трубе...»	104
Миг оставался	353
«Минуют немалые годы...»	88
Миусский собор	158
«Мне написать страницу...»	227
«Мне хорошо – мне выпал дар безмерный...»	72
Могучий поздний возраст	468
Моей матери	149
Моему ангелу	473
Моё вам	373
Монолог	129
«Море, труженик идеи...»	90
«Морозец. Дымка по воде. Гагары...»	486
Морозный полдень	33
Моя старушка	276
Муза	214
Музыкальный след	234
Мусоргский	279
Мыс Шалапина	157
На Антоновке весна	35
На берегу	106
Набросок	328
«Нагая тишина безветрия...»	186
«Надевает он шляпу чудную...»	287
Над книгой Аввакума	501
Надпись («Высоко на стене...»)	23
Надпись («Напротив площади Сенной...»)	466
На дыханье, на звук	407
На каменном пригреве	142
На камне	80
«На носках – на носках – на носках...»	122
На одном острие	216
«Напишу ли я роман...»	57
«На побережье Коста Брава...»	227
На поле красных маков	94
На полях перевода	508
Напрямик	47
Напутствие	89
Нарикала	91
Наталья	459
Натура	451
«Наука травит лес...»	240
Начальник разведки арtpолка	59
Наш кессон	393
На этуодах	253

«Небезгреховна, небезвинна...»	75
«Не будучи лёгким словом...»	176
«Не выдержав 70-летней...»	474
Негодуют!	442
Недаром.	374
Недуг	263
Не коснувшись волны	460
«Нелепая русская тяга...»	55
Неликвиды	131
Не может быть	175
Немые.	57
«Не облаяла собака...»	163
Не оглянись.	209
«Не одна тут намокла спина...»	246
Не опоздай к концу	388
«Не поддался на переков...»	392
Не пожалею.	101
Непрочтённые стихи.	194
«Нестерпимы проволочки...»	71
«Не троньте эти ризы...»	182
Неустанно	389
Ника.	98
Никаких проблем.	261
Никола-колокол	168
Никто и нигде	269
«Но для тебя полны значенья...»	447
«Норпитовская духота...»	40
Но только так.	70
Ночью в подъезде	380
Ноябрь	488
«Ну что мне Вам сказать?...»	516
Обидища	452
Обрыв и небо.	400
Обрывок троса	25
Объяснительная записка Виленскому Семёну...	515
Объяснительная записка содержания охранного...	162
Огонь-огоник.	224
«Однажды я в рабочую тетрадку...»	509
«Одна заветная? Их две...»	172
«Одна черешенка стоит...»	97
«Одни шатильони ушли, а другие уснули...»	96
Однолеся	190
«О жизни пёстрой полоса!...»	97
Октябрь	78
Ольга	126
«Он сучок сбивал топориком...»	150
Орлиное перо.	199
О семи церквах.	245
«Осенний муравей...»	454
Осиновые слёзы	477
Основа	160
Отелло	432
Отныне – никуда!	376

«От подземельного толчка...»	101
От полыньи до полыньи	403
Отрок	98
Отрывок	115
Официант	289
Охота	192
«О чём же, о чём же? О молнии зябкой...»	95
«О чём ты думал? Образ мысли...»	111
О юбилеях	265
Павел Мелёхин	301
Памяти Владимира Львова	306
Памяти Гурама Асатиани	123
Памяти Дмитрия Голубкова	284
Памяти отца Феодосия Чулкова, священника Николо-Вознесенской церкви	363
Памятник Пиросмани	115
Парковые липы	513
Патриотическое	377
Пацифисты	371
Пейзаж	316
Пейзаж с обглоданным пеньком	247
Пелус-озеро	441
Первый ученик	439
Переводчик	510
Переводчик, сломай карандаш	112
Переживи!	356
Песня	440
«Петухи поют вторые...»	105
Печать	159
Писёмушко	195
Письмо с пометками	414
«Пишу на всякий случай...»	81
«Платформы старенький настил...»	55
«Пловец, который плавает с умом...»	381
«Плот пригнали, распустили...»	491
Пляс	250
Побьёмся, поживём	490
«Подведены минареты...»	498
Поджигатель	293
Подмосковная кляча	243
Подражание неподражаемому (подражавшему сверх меры)	499
Под солнечным обвалом	138
«Под шинами из года в год...»	257
Поединок	386
Поезд Москва – Тбилиси	327
Пожарный пёс Бобка	479
Познай себя	379
«Поиграла щучка с блесною...»	509
Пока дышу	421
Поклон костромским старухам	151
Полёт в полёт	211
По объявлению	500
«Попивая коньячок...»	179

По правилам войны	215
Поречье	187
Портрет	333
Порука («Мне рассказывали старики...»)	435
Порука («Смертельный порошок...»)	500
Посад	492
Посвящение	82
Посередине ночи	36
Последнее прошение.	423
После разговора с бабкой Анной, голос ещё в воздухе	447
«Потрескивало и густело...»	56
Почём?	286
«Пошёл, пошёл – по тропам...»	167
Поэзия	23
Права отцовства	86
Правобережный хрящ	399
«Прервав застолье и уют...»	270
Прилив	448
Природе вопреки	355
Проба («О чём я поведаю миру...»)	431
Проба («Проснулся в полвторого...»)	408
Про Иван Палыча	262
«Про наши дела и желанья...»	473
Прораб	39
«Пространство волнами покрыто...»	187
Протянутую руку.	300
Прошу...	259
Прощанье	458
«Путь дальний – ближний не годится...»	178
Пушкин	428
Пушкин переводит	86
Пушкинское Давыдково	455
Пьета	124
Пьета прима	386
Пять стихотворений («Священны, Гамлет...»)	84
Пять стихотворений («Сплю и складываю печь...»)	475
Рабкор Надеждин	293
«Работа разрывов, разлуки труды...»	449
Рабочие поэты	27
Разделяя граниты.	100
«Разной крови – той же кожи...»	112
«Разумный скот...»	234
Ракита	398
Рама	397
Распев	474
Рассуждение	79
Ревность	117
«Резко пахнет давленная хвоя...»	217
Рейнглиас	265
Река была рекой	154
Ремонт	40
Республика Запсиб	38
Ров Павла Флоренского	392

«Родная моя, родная...»	24
Родные	165
«Родные! Я исчез...»	90
Роща	496
Рояль в избе	405
Рука сочинителя	208
Русью пахнет	351
«Ручей сочился между кочек...»	491
Рыцарь	289
Сабуртало. Статуя	321
Сад Генриха Гейне	429
Сам!	430
«Свет идёт от земли...»	164
Светицховели	90
«Свобода берёт своё...»	49
Сводный хор	365
Святое семейство	412
Святое утро	410
Святые ворота	390
«С глаз долой – из сердца вон...»	434
Сегодня	185
Село Никола	170
Семеро и один	363
«Семистенок. Сто углов-укосиц...»	171
Семь лет	88
Сентиментальные стихи	166
Серая желтуха	52
Сергей Бессмертный	264
«Сердце, без меры упорное...»	119
«Серебряный тяжёлый кубок...»	433
Сёстры	451
Сигналистка	67
«Сиди и напевай...»	105
Силою нелепости вещей	449
Синьорина Звукозапись	135
«Сквозь дождь и дерево нагое...»	84
Сквозь пальцы	323
Склад ума	183
Скотина человек!	137
След	371
Слова	20
«Служить садовником, и солнцем...»	177
Слуцкий	307
«Смешались апогей и перигей...»	382
«Снег в Италии на Рождество...»	518
Событие совершается при нас	223
Совет и просьба	427
«Солнце стояло высоко и жгло, словно Полная Правда...»	498
Соль	422
Со свадьбы	225
Спаси и сохрани!	414
Стансы («Доживает в коммуне родитель...»)	244
Стансы («Куда тебя леший несёт?...»)	273

«Старуха кормит голубей...»	288
Стёпка да Валька да Ванька да я	418
Стихи местного значения	387
Страда	258
Страсти Егория	71
Страх	53
Строительная ода	191
Стройка спит	34
Стужа	449
Сушь	215
Тависуплеба	113
Так и так	216
Так надо	58
Такого храма нет	385
Та самая	420
Таяние льда на Волге	48
Твардовский	308
«– Твоему я дивился терпению...»	81
Твоею славой	221
Театр-абсурд	130
Тема	145
Тем, кто стреляет	144
Тёплое	61
Терпение свободы	80
Тип	229
«Тихо, важно...»	166
«Тихонько подымает шлюз...»	227
«Тише – глуше...»	218
Толпа	51
Тоска по Важа Пшавела	130
«Тот живописец образцовый...»	443
Трезвый перст	246
Три акта. Баня. милиция	248
Три слова	394
Троицкий скит	445
Трудовые чаевые	428
«Туда звонить – напрасный труд...»	434
«Туманный дождик тише тишины...»	177
Турбина	26
«Ты обратись к тайнословью...»	488
«Ты погляди, как ветви ели...»	148
«Ты – разум? Ты пошляк...»	182
«Тяжела и вязка...»	210
Убью!	267
Увалы	116
«У Вас прекрасное лицо...»	74
Увозит!!!	461
Углебохи	240
Углебохи (поэма)	504
Угол зрения	46
«У двух могильных ям...»	77
«Ужаснулся – что содеял!..»	282

«У излучистой Моломы...»	253
У Нестерова	493
У приступі малодушія	511
Устами младенца	249
Утро	474
«Утрудился, занемог...»	89
Участковый	292
«Фронтоны весом в тыщу тонн...»	354
Хозяин	368
«Хороший парень. Милая семья...»	181
Хоть на миг!	220
«Христианин, при каждом чихе...»	432
Христосики	264
<Художница>	517
Царь-свеча	370
Цветок	217
«Цветок под колпаком окаменел...»	49
«Цепочка фонарей...»	50
Цэл жизн	69
Часовня Рождества Богородицы	197
Человеку живому	76
«Через поле, через лес...»	150
Черта смирения	494
Четверик	201
Четверо	42
«Четвёртый час, когда колдуют сны...»	454
Четыре баллады	94
Чёрное озеро	444
ЧСИР	314
Чтобы жить	396
Что, Волга?	222
«Что женщина не виновата...»	399
Чужая	305
«Шагала отделочница впереди...»	41
Шаг вперёд	472
Шала	236
«Шёл, кажется, я на вокзал...»	102
Эллеферия	79
«Энциклопедия всей любви...»	101
Эпохальное словцо	241
Этап	389
Эти кольца	413
«Это что же? Это март ли...»	117
«Я в книге прочитал про лесть...»	499
Явления и силы	188
«Я впал в нечаянный восторг...»	470
«Я всё старей и безобразней...»	423

Явь	369
«Я вышел из унылой гари...»	74
«Я знаю без искусства...»	179
Янтарь	21
«Я рисовал нехитрую картинку...»	74
«Я с тобою буду кроток...»	73
«Я тысячи мотивировок...»	68
«Я часто забываю имена...»	461
«Я человек рифмованный и книжный...»	416
«Я шёл весёлый и живой...»	508

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ: ИЗБРАННИЧЕСТВО И СИРОТСТВО.	
<i>От составителя</i>	3

I. ТЕРПЕНИЕ СВОБОДЫ

СЛОВА	20
ГОЛУБИ	21
ЯНТАРЬ	21
ЛАЙНЕР И БАБОЧКА	22
НАДПИСЬ («Высоко на стене...»)	23
ПОЭЗИЯ	23
«Родная моя, родная...»	24
ОБРЫВОК ТРОСА	25
ТУРБИНА	26
РАБОЧИЕ ПОЭТЫ	27
ИНЖЕНЕРАМ ЗАПСИБА	28
КОЗУЛЬКА	30
КАМЕННЫЙ ПОЕЗД	32
«И ветвь оставила сучок...»	32
«Вам должен сегодня сказать я...»	33
МОРОЗНЫЙ ПОЛДЕНЬ	33
СТРОЙКА СПИТ	34
НА АНТОНОВКЕ ВЕСНА	35
ПОСЕРЕДИНЕ НОЧИ	36
РЕСПУБЛИКА ЗАПСИБ	38
ПРОРАБ	39
«Норпитовская духота...»	40
РЕМОНТ	40
«Шагала отделочница впереди...»	41
ВОЗЛЕ СТАНЦИИ ИНЯ	41
ЧЕТВЕРО	42
КРАСНОЯРСК	43
АНЮТА	44
ВИЖУ РАБОТУ	46
УГОЛ ЗРЕНИЯ	46
НАПРЯМИК	47
«Кузнец поклялся распрямить...»	48
ТАЯНИЕ ЛЬДА НА ВОЛГЕ	48
ВЕРЬЛЮД	48
«Цветок под колпаком окаменел...»	49
«Свобода берёт своё...»	49
«Цепочка фонарей...»	50
ТОЛПА	51
ГОВОРЯЩИЙ ПРАВДУ	52
СЕРАЯ ЖЕЛТУХА	52
СТРАХ	53
ДРУЗЬЯМ ТЕХ ЛЕТ	54

* * * <БЕЗ НАЗВАНИЯ>

1. «Двадцатилетний, желторотый...»	54
2. «Черта воздушного припая...»	55
«Нелепая русская тяга...»	55
«Платформы старенький настил...»	55
ЗА ЗВУКОМ	56
«Потрескивало и густело...»	56
«Всё я хочу написать...»	57
«Напишу ли я роман...»	57
НЕМЫЕ	57
ТАК НАДО	58
НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ АРТПОЛКА	59
ГОРОХОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ	60
ТЁПЛОЕ	61
СИГНАЛИСТКА	67
«Я тысячи мотивировок...»	68
ЦЭЛ ЖИЗН	69
НО ТОЛЬКО ТАК	70
«Нестерпимы проволочки...»	71
СТРАСТИ ЕГОРИЯ	71
«В дебрях крупноблочного квартала...»	72
«Мне хорошо – мне выпал дар безмерный...»	72
ЗАЗОР НАД ПРОЗОЙ	73
«Я с тобою буду кроток...»	73
«У Вас прекрасное лицо...»	74
«Я рисовал нехитрую картинку...»	74
«Я вышел из унылой гари...»	74
«Небезгреховна, небезвинна...»	75
ГНЕВ	75
ЧЕЛОВЕКУ ЖИВОМУ	76
ВКУС	77
«У двух могильных ям...»	77
ОКТЯБРЬ	78
РАССУЖДЕНИЕ	79
ЭЛЛЕФЕРИЯ	79
НА КАМНЕ	80
ТЕРПЕНИЕ СВОБОДЫ	80
МАМЕ	81
«– Твоему я дивился терпению...»	81
«Пишу на всякий случай...»	81
ПОСВЯЩЕНИЕ	82

II. НЕБОМ ЕДИНЫМ

«Сквозь дождь и дерево нагое...»	84
ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ	
1. Призрак: «Священны, Гамлет, узы естества...»	84
2. Гертруда: «Я горя не могла перенести...»	84
3. Шекспир: «Не знаю, женщина. Перед тобой...»	85
4. Гамлет: «Вот роль: себя не зная – всеми быть...»	85
5. «Как у Шекспира пляшет строчка!..»	85
ПРАВА ОТЦОВСТВА	86
ПУШКИН ПЕРЕВОДИТ	86
«Минуют немалые годы...»	88

СЕМЬ ЛЕТ	88
«Утрудился, занемог...»	89
НАПУТСТВИЕ	89
СВЕТИЦХОВЕЛИ	90
«Родные, я исчез...»	90
«Море, труженик идеи...»	90
В ГОРАХ	91
НАРИКАЛА	91
«Ба – тумм!...»	92
КАЖДОМУ КЛЮЧУ	92
ИЗ ДНЕВНИКА («Секретарь Сигнахского райкома...»)	93
ЧЕТЫРЕ БАЛЛАДЫ	
НА ПОЛЕ КРАСНЫХ МАКОВ	94
«И туда я взошёл высоко сквозь огонь полуночи...»	94
«О чём же, о чём же? О молнии зябкой...»	95
«Одни шатильоны ушли, а другие уснули...»	96
«О жизни пёстрой полоса!»	97
«Одна черешенка стоит...»	97
НИКА	98
ОТРОК	98
«В скалу врезается асфальт...»	99
«Мальчишеский голос чистейший...»	99
РАЗДЕЛЯЯ ГРАНИТЫ	100
НЕ ПОЖАЛЕЮ	101
«Энциклопедия всей любви...»	101
«От подземельного толчка...»	101
«Шёл, кажется, я на вокзал...»	102
«Заплачет ни о ком...»	102
ДЖВАРИ	103
«Кривое дерево реликтовых...»	103
«Метель в печной трубе...»	104
«Петухи поют вторые...»	105
«Сиди и напевай...»	105
«Ветреной ночью платан шелестит...»	106
НА БЕРЕГУ	106
КИПАРИСЫ	107
КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРАВЕДНОЙ НУЖДОЮ	107
ВРЕМЯ ТВОЁ	108
«Есть одно такое диво...»	108
«Красота не виновата...»	109
«В снежном поле, в чёрной бане...»	110
«В полдень белый невозбранно...»	110
ГАЛАКТИОН ЧИТАЕТ	111
«О чём ты думал? Образ мысли...»	111
«Разной крови – той же кожи...»	112
ПЕРЕВОДЧИК, СЛОМАЙ КАРАНДАШ	112
ТАВИСУПЛЕБА	113
«Друзья мои, вы есть, вы были...»	113
«В рай попал по ошибке...»	114
ОТРЫВОК	115
ПАМЯТНИК ПИРОСМАНИ	115
УВАЛЫ	116
«Это что же? Это март ли...»	117
РЕВНОСТЬ	117

МАКИ	118
«Вижу, давно идёте...»	118
«Сердце, без меры упорное...»	119
ЗИМНИЕ СТИХИ	119
«Блаженная страна...»	120
ГРУЗИНСКИЕ СТИХИ	120
ЕГО СВОБОДНАЯ ОСНОВА	121
ДОВЕРЬСЯ СЧАСТЬЮ	122
«На носках – на носках – на носках...»	122
ПАМЯТИ ГУРАМА АСАТИАНИ	123
ПЬЕТА	124
ДВЕ СЕСТРЫ	124
ОЛЬГА	126
АХПАТ-УРПАХ	127
ВЕРХОВЬЯ	128
МОНОЛОГ	129
ТЕАТР-АБСУРД	130
ТОСКА ПО ВАЖА ПШАВЕЛА	130
НЕЛИКВИДЫ	131
«А Вам, Гаянэ...»	133
ЕНИСЕЙСКИЙ ГРУЗИН	134
СИНЬОРИНА ЗВУКОЗАПИСЬ	135
АНГЕЛ	136
СКОТИНА ЧЕЛОВЕК	137
ПОД СОЛНЕЧНЫМ ОБВАЛОМ	138
«За острой желтизной дрока...»	138
ДЕДУШКА УБИЙЦА	139
ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ ДЛЯ БЕЛЛЫ	140
ДВЕ МАТЕРИ	142
НА КАМЕННОМ ПРИГРЕВЕ	142
«За далью времени и боли...»	143
МАТЬ ЭТИХ МЕСТ	143
ТЕМ, КТО СТРЕЛЯЕТ	144
ТЕМА	145
ИЗ АЛЬБОМА	145

III. СВЕТ ИДЁТ ОТ ЗЕМЛИ

«Ты погляди, как ветви ели...»	148
ИМЯ ПРАДЕДОВО	148
МОЕЙ МАТЕРИ	149
«Были цветы и колосья...»	149
«Через поле, через лес...»	150
«Он сучок сбивал топориком...»	150
БУКСИР	151
ПОКЛОН КОСТРОМСКИМ СТАРУХАМ	151
ЛЕСНАЯ РЕЧКА МЕЗА	152
ЗА ЛИЛИЯМИ	153
РЕКА БЫЛА РЕКОЙ	154
В СОЗНАНИИ ДРЕМУЧИХ ПРАВ	155
ВРАГ СОЦИАЛИЗМА	156
МЫС ШАЛЯПИНА	157
ГОЛУБЬ	157
МИУССКИЙ СОБОР	158

ПЕЧАТЬ	159
ОСНОВА	160
«Держит путь бродяга-книжник...»	161
Записи. ДИАЛОГ	162
ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА содержания охранного	162
«Не облаяла собака...»	163
«Свет идёт от земли...»	164
РОДНЫЕ	165
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ СТИХИ	166
«Тихо, важно...»	166
«Пошёл, пошёл – по тропам...»	167
«Во всём ассортименте...»	167
ЖАВОРОНОК	167
НИКОЛА-КОЛОКОЛ	168
КОНЮХ ВАСЯ	169
СЕЛО НИКОЛА	170
«Семистенок. Сто углов-укосиц...»	171
«Одна заветная? Их две...»	172
МГНОВЕНИЕ БЫЛО ТАКОЕ	173
«Лесная родина. Июль...»	174
«Живёт огонь в печи...»	175
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ	175
«Не будучи лёгким словом...»	176
«Служить садовником и солнцем...»	177
«Туманный дождик тише тишины...»	177
«В Калязине душном шиповник цветёт...»	177
«Путь дальний – ближний не годится...»	178
«Всё одна и та же сила...»	178
«Попивая коньячок...»	179
«Я знаю без искусства...»	179
«Ландышей нарвал в комарином лесу...»	180
«Век живёт у оврага...»	180
Записи. АГРИППИНА	181
«Хороший парень. Милая семья...»	181
«Ты – разум? Ты пошляк...»	182
«Не троньте эти ризы...»	182
«Врасплох, без видимой нужды...»	183
Записи. СКЛАД УМА	183
Записи. «Вот какие мне подарки...»	184
ДОМ	185
СЕГОДНЯ	185
«Нагая тишина безветрия...»	186
«В церквушечке затхлая мгла...»	186
«Пространство волнами покрыто...»	187
ПОРЕЧЬЕ	187
ЯВЛЕНИЯ И СИЛЫ	188
ВОТ КАКАЯ МИНУТА	188
КАР-ОЗЕРО	189
Записи. ОДНОЛЕСЯ	190
СТРОИТЕЛЬНАЯ ОДА	191
ОХОТА	192
БОЛЬНИЦА. ЛЕТО	193
«Если спросят на Суде...»	193
НЕПРОЧТЁННЫЕ СТИХИ	194

Записи. ПИСЁМУШКО	195
ЧАСОВНЯ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ	197
ИВАНОВ, ЭТЮД «РАБА»	197
ГЕФСИМАНСКАЯ СОНЛИВОСТЬ	198
ОРЛИНОЕ ПЕРО	199
КОНСТАНТИН	200
ЧЕТВЕРИК	
1. «Просторно. Пустынно. И здесь ты крылат...»	201
2. «Погибшей и гибнущей жизни ходатай...»	203
3. «На лезвие плюнул, поправил топор он...»	205
4. «В часовне – наверх погляди – крестовина...»	206
РУКА СОЧИНИТЕЛЯ	208
КОНСПЕКТ РОМАНА	208
ВЕСНОЮ ПОЗДНЕЙ	209
НЕ ОГЛЯНИСЬ	209
«Тяжела и вязка...»	210
Записи. ВСТРЕЧА	211
ПОЛЁТ В ПОЛЁТ.	211

IV. В ПИРУ ЧЕСТНОМ

МУЗА	
1. «Где эта грешная обитель...»	214
2. «Родина, благ я твоих не отрину...»	214
ПО ПРАВИЛАМ ВОЙНЫ	215
СУШЬ	215
ТАК И ТАК	216
НА ОДНОМ ОСТРИЕ	216
ЦВЕТОК	217
«Резко пахнет давленная хвоя...»	217
«Тише – глуше...»	218
КАЛЯЗИН	219
ХОТЬ НА МИГ!	220
ТВОЕЮ СЛАВОЙ	221
Записи. ДРУГИЕ ВОЛОСА	222
ЧТО, ВОЛГА?	222
СОБЫТИЕ СОВЕРШАЕТСЯ ПРИ НАС	223
КОСТРОМИЧАМ	223
ОГОНЬ-ОГОНИК.	224
СО СВАДЬБЫ	225
ВЫБОР	226
«На побережье Коста Брава...»	227
«Мне написать страницу...»	227
«Тихонько подымает шлюз...»	227
ЗНАК	228
ЛЕВАК	229
ТИП	229
БЕЗ ИМЕНИ	230
ДИОСКУРИЯ	230
КОЛЬЦО.	231
Записи. ЗА СТОЛИКОМ.	231
ГРИФ ДСП. ПРОЕКТ ВЕКА	232
«Разумный скот...»	234
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛЕД	234

ГОВОРЯЩАЯ КОРОВА	235
ШАЛА	236
Записи. МАРИНА	237
ЛЮМПЕН-ВЫМПЕЛ	238
«Выкашиваю свой лужок...»	239
«Наука травит лес...»	240
УГЛЕБОХИ	240
ЭПОХАЛЬНОЕ СЛОВЦО	241
ПОДМОСКОВНАЯ КЛЯЧА	243
СТАНСЫ («Доживает в коммуне родитель...»)	244
О СЕМИ ЦЕРКВАХ	245
ТРЕЗВЫЙ ПЕРСТ	246
«Не одна тут намокла спина...»	246
ПЕЙЗАЖ С ОБГЛОДАННЫМ ПЕНЬКОМ	247
ТРИ АКТА. БАНЯ. МИЛИЦИЯ	248
УСТАМИ МЛАДЕНЦА	249
Записи. БАР НЕПТУН. ПЯТЬ УТРА	249
ДЕСЯТЬ УТРА	250
ПЛЯС	250
«Каким-то мрачным аппетитом...»	251
МЕЛКАЯ ДРОБЬ	251
ВРАГИ	252
ИЗ ДНЕВНИКА («Честь пропьём и совестью закусим...»)	252
НА ЭТЮДАХ	253
«У излучистой Моломы...»	253
Медитации. К ПЕТРОВИЧУ	254
«Под шинами из года в год...»	257
СТРАДА	258
ПРОШУ	259
ГОГОТ БЕСПАРТИЙНЫЙ	259
КАКОЙ БУКЕТ У НАС СЕГОДНЯ!	260
НИКАКИХ ПРОБЛЕМ.	261
Записи. ПРО ИВАН ПАЛЫЧА	262
НЕДУГ	263
«Бывалый старый обезьян...»	263
ХРИСТОСИКИ	264
СЕРГЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ	264
О ЮБИЛЕЯХ	265
РЕЙНГЛЯС	265
70—90	266
УБЬЮ!	267
ДОЛГИЙ ЗВУК	268
МГНОВЕНЬЕ СЛАБОЕ	269
НИКТО И НИГДЕ	269
«Прервав застолье и уют...»	270
ДМИТРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПРИГОВУ, УМЕЮЩЕМУ ВОПИТЬ КИКИМОРОЙ	271
А Я ВАМ ГОВОРИЛ	271
«Когда ты меня приглашаешь в Salon élegant...»	272
«Вынув из урны хлеба кусок...»	273
СТАНСЫ («Куда тебя леший несёт? Заночуешь в кювете...»)	273

V. ПОРТРЕТЫ

МОЯ СТАРУШКА	276
МУСОРГСКИЙ	279
БОРАТЫНСКИЙ. СЛОВО МИЛОСТИ	280
«Ужаснулся – что содеял!..»	282
«Глядит как лорд британский...»	282
БАТЮШКОВ	283
ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ГОЛУБКОВА	
1. «Ты был... Ты рыцарь был...»	284
2. КОСОЕ ПОЛЕ	284
3. ПОЧЁМ?	286
ДЕВА ПУСТЫНЬ.	287
«Надевает он шляпу чудную...».	287
«Старуха кормит голубей...»	288
РЫЦАРЬ.	289
ОФИЦИАНТ	289
АННА ХОДАСЕВИЧ.	290
УЧАСТКОВЫЙ.	292
ПОДЖИГАТЕЛЬ	293
РАБКОР НАДЕЖДИН	293
КАПИТАН	
1. «Перемычка всю ночь фильтровала...».	295
2. «Есть минуты, когда инженеры...»	296
3. «Так и замерли над водопадом...»	296
4. «Тут я сделаю паузу, выдох...»	297
5. «Капитан презирает...»	297
6. «Но закончим хоть главную сцену...»	298
7. «Эти древние гальки и глины...»	298
ЕВТУШЕНКО ГОДУ В 65-м	298
ПРОТЯНУТУЮ РУКУ	300
ПАВЕЛ МЕЛЁХИН	301
ЗАПОЗДАЛЫЕ СТИХИ	304
«Да, праздник. Незаконная слеза...»	304
ЧУЖАЯ	305
ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛЬВОВА	306
КОГДА ВЫ ПОНАДОБИЛИСЬ, ВЫ УСТАЛИ	307
СЛУЦКИЙ	307
ТВАРДОВСКИЙ	
«Прогуливался вечерами...»	308
«Тому назад уж много лет...»	309
«А лиственница хороша...»	309
«Был с половиною страны...»	309
«Идут года – стоят дела...»	311
«Вчерашний гость – и нынче в гости...»	311
«За новомировским столом...»	311
«И снова тихая Пахра...»	313
«Нехорошо. Он был бойцом...»	313
«За молчаливою рекой...»	314
«Я убежал – смотреть не мог...»	314
ЧСИР	314
ПЕЙЗАЖ	316
ВАРЛАМ ШАЛАМОВ	317

ЕГО КРЕСТОМ	319
ЗЕМЛЁЙ И ВЕРОЙ	
1. «Ортодоксальный идиот...»	319
2. «Нам вышла ото всех щедрот...»	320
3. «По обе стороны черты...»	320
САБУРТАЛО. СТАТУЯ	321
ВЫСОЦКОМУ ИЗ СИБИРИ	
<1.> РАДИ ГАМЛЕТА	321
<2.> «Высоцкий не Гамлет – Высоцкий Шекспир...»	322
СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ	323
АДРЕТТА	325
АДАМОВО РЕБРО	326
ПОЕЗД МОСКВА—ТБИЛИСИ	327
«Жена прогуливает дога...»	328
НАБРОСОК	328
ВТОРОЙ НАБРОСОК	329
ВИЗИТ К ПАСТЕРНАКУ, 1937	331
ПОРТРЕТ	333
БАРАНОВСКИЙ	334
МАВРА	
«Игемон римский Ариан...»	336
«Столичной роскоши в укор...»	337
«Полузадушенный, немой...»	338
«Настал игемона черёд...»	339
«Игемон Мавры сторонится...»	340
«Иди, народ – прости меня...»	341
«Крест – и крест...»	342
«И вот конец. И вот с о в с е м...»	343
«И перелилось через край»	343
ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА	344

VI. ЧЁРНЫМ ПО БЕЛОМУ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	
1. АРХАНГЕЛЬСК, 3 ИЮНЯ 1989 ГОДА	350
2. «Невесомый мотылёк...»	350
РУСЬЮ ПАХНЕТ	351
БРАТЕЦ	352
МИГ ОСТАВАЛСЯ	353
«Фронтоны весом в тыщу тонн...»	354
ПРИРОДЕ ВОПРЕКИ	355
БЕЛЫЙ СВЕТ	355
ПЕРЕЖИВИ!	356
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	
1. ПЕРВОЕ КОЛЕНА	357
2. ТЕЛЕФОН	358
БУКВАРЬ, ГДЕ ЦАРСТВУЮТ МИЛОСТЬ И ЖАЛОСТЬ	359
КАК ТЫ СЪЕДЕН	360
ГРАНАТ	361
В ЦВЕТАХ И НА ВОЛЕ	361
СЕМЕРО И ОДИН	363
ПАМЯТИ ОТЦА ФЕОДОСИЯ ЧУЛКОВА, СВЯЩЕННИКА НИКОЛО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ	363
Медитации. СВОДНЫЙ ХОР	365

КЕНЮШКА, АННУШКА

1. «Батюшка Елпидифор Иннокентьевич...»	367
2. «Две красы у посада у города...»	368
ХОЗЯИН	368
ЯВЬ	369
ВСЯ ПРОСТОТА	370
ЦАРЬ-СВЕЧА.	370
ПАЦИФИСТЫ	371
СЛЕД	371
ГЕРБОВЫЙ СЛЕД	372
МОЁ ВАМ.	373
НЕДАРОМ	374
МГЛА	375
«Была Гражданская война...»	375
ОТНЫНЕ – НИКУДА!	376
В СТЕПИ	376
ВЛИП	377
ПАТРИОТИЧЕСКОЕ.	377
БОРИСУ ЧИЧИБАБИНУ	378
ПОЗНАЙ СЕБЯ	379
АЛЁХА	379
НОЧЬЮ В ПОДЪЕЗДЕ	380
КУРСКИЙ ВОКЗАЛ	380
«Пловец, который плавает с умом...»	381
В МЕТРО	382
«Смешались апогей и перигей...»	382
ВШИВЫЙ РЫНОК	
1. «С закушенной губой слезу чистоган и правёж...»	383
2. «С закушенной губой слезу чистоган и разбой...»	383
ВЛАСТЬЮ ДОЛГА	384
БЕЗ ПОКАЯНЬЯ	384
ТАКОГО ХРАМА НЕТ	385
ПЬЕТА ПРИМА	386
ПОЕДИНОК	386
СТИХИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ	
1. «Была красавица – теперь уродка ...»	387
2. «Аудитория СВЕТЁЛКИ...»	388
НЕ ОПОЗДАЙ К КОНЦУ	388
НЕУСТАННО	389
ЭТАП	389
СВЯТЫЕ ВОРОТА	390
АНЗЕР, ГОЛГОФА («Ночью виден огненный серп...»)	391
«Не поддался на переков...»	392
РОВ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО	392
НАШ КЕССОН	393
КОМЕТА ХЕЙЛА БОППА	393
ТРИ СЛОВА.	394

VII. ИЗНАНКА СОЛНЦА

ИМЯ	396
ЧТОБЫ ЖИТЬ	396
АРЕНА	397
РАМА	397

РАКИТА	398
ПРАВОБЕРЕЖНЫЙ ХРЯЦ	399
«Что женщина не виновата...»	399
ОБРЫВ И НЕБО	400
В РОСЕ И РОССЫПИ СНЕГОВ	401
БЕЗ ТЕБЯ	401
«Застыла, черна от нагара...»	402
ОТ ПОЛЫНИ ДО ПОЛЫНИ	403
ИСКОНИ БЕ ОГНЬ	403
ЕДИНЫМ ДЫХАНЬЕМ	404
Записи. ДИВЬЯ БЫ.	405
РОЯЛЬ В ИЗБЕ	405
Записи. БЕЗ НАЗВАНИЯ	407
НА ДЫХАНЬЕ, НА ЗВУК	407
ПРОБА («Проснулся в полвторого...»)	408
БЕЛЫЙ РОЯЛЬ	409
СВЯТОЕ УТРО	410
ЛАВИНА	412
СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО	412
ЭТИ КОЛЬЦА.	413
СПАСИ И СОХРАНИ!	414
ПИСЬМО С ПОМЕТКАМИ	414
ГОД БЫКА	415
«Я человек рифмованный и книжный...»	416
ВЗГЛЯД	417
Записи. СТЁПКА ДА ВАЛЬКА ДА ВАНЬКА ДА Я.	418
ИЗ МОЕЙ КОЖИ	419
КАМЫШОВЫЙ КОТ	419
ТА САМАЯ	420
Записи. ПОКА ДЫШУ.	421
«И вот, любимую измучив...»	421
СОЛЬ	422
КОВЬЛИ	422
ПОСЛЕДНЕЕ ПРОШЕНИЕ	423
«Я всё старей и безобразней...»	423
ЕСЛИ НЕТ ЕЁ	424
«Копирку скомкай, а потом расправь...»	424
АНЗЕР, ГОЛГОФА («Птица гордая, птица мёртвая...»)	425
ДВЕ СТРОКИ.	425
Записи. КОСТЁР. СОН. ШЁПОТОМ	426
Записи. ДАЙ ИМ, КЛАВКА	426
СОВЕТ И ПРОСЬБА	427
ТРУДОВЫЕ ЧАЕВЫЕ	428
Записи. ПУШКИН	428
САД ГЕНРИХА ГЕЙНЕ	429
САМ!	430
ЕДИНСТВЕННАЯ ИЗ МЕЛОДИЙ	430
ПРОБА («О чём я поведаю миру...»)	431
«Христианин, при каждом чихе...»	432
ОТЕЛЮ.	432
«Жизнь прекрасна догла...»	433
«Серебряный тяжёлый кубок...»	433
«Возчик изматерился...»	433

«С глаз долой – из сердца вон...»	434
«Туда звонить – напрасный труд...»	434
ДОЧЕРИ КАТЕ	435
ПОРУКА («Мне рассказывали старики...»)	435

VIII. НАМ ПУШКИН ТЬМУ ЗАГОВОРИТ

«Во все концы дорога далека...»	438
ВЕТРОМ И ПЕПЛОМ	438
ПЕРВЫЙ УЧЕНИК.	439
АВТОРУ КНИГИ «ЛЮДИ МОЕЙ ЖИЗНИ»	
ТАМАРЕ ПАВЛОВНЕ МИЛЮТИНОЙ С НИЗКИМ ПОКЛОНОМ	440
ПЕСНЯ	440
В ЭТОМ ДОМЕ.	441
ПЕЛУС-ОЗЕРО	441
НЕГОДУЮТ!	442
АКВАРЕЛЬ	443
«Тот живописец образцовый...»	443
ЧЁРНОЕ ОЗЕРО	444
ТРОИЦКИЙ СКИТ	445
Записи. ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С БАБКОЙ АННОЙ, ГОЛОС ЕЩЁ В ВОЗДУХЕ	447
«Но для тебя полны значенья...»	447
ПРИЛИВ	448
СТУЖА	449
«Работа разрывов, разлуки труды...»	449
СИЛОЮ НЕЛЕПОСТИ ВЕЩЕЙ	449
АПРЕЛЬ НА КОСТРОМКЕ	450
БЕЛУРУКОВО	450
Записи. СЁСТРЫ	451
НАТУРА	451
ОБИДИЦА	452
«Осенний муравей...»	454
«Четвёртый час, когда колдуют сны...».	454
ПУШКИНСКОЕ ДАВЫДКОВО	455
КЛИНОК	457
ПРОЩАНИЕ	458
НАТАЛЬЯ	459
НЕ КОСНУВШИЕСЬ ВОЛНЫ	460
БЕРЕНДЕЕВКА	460
УВОЗИТ!!!	461
«Я часто забываю имена...»	461
ЗЕМЛЕРОЙКА	462
ГУДА! ЛЭНА!	462
ЛАСКОЮ И СВЕТОМ	463
МАРТ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ	464
НАДПИСЬ («Напротив площади Сенной...»)	466
КАЗАХСКАЯ СКАЗКА	466
В ЭТОЙ ШКОЛЕ	467
МОГУЧИЙ ПОЗДНИЙ ВОЗРАСТ.	468
КРОМЕ	469
«Всё меньше лиц, всё больше спин...»	469
«Любовь нельзя предать...»	469

«Я впал в нечаянный восторг...»	470
ЛОДКА	
1. «Здесь омут от страха недвижим и чёрн...»	470
2. «И православный тёмный плат...»	471
ШАГ ВПЕРЁД	472
ИМЕНЕМ ЛЮБВИ	472
МОЕМУ АНГЕЛУ	473
«Про наши дела и желанья...»	473
«Не выдержав 70-летней...»	474
РАСПЕВ	474
УТРО	474
ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ	
1. «Сплю и складываю печь...»	475
2. «Эта воля любит власть...»	475
3. «На два полных этажа...»	476
4. «Толща храмовой стены...»	476
5. «Колыхаясь в полумраке...»	476
ОСИНОВЫЕ СЛЁЗЫ	477
«Есть бродяге куда податься...»	478
ЗАНОЗА	478
ПОЖАРНЫЙ ПЁС БОБКА	479
ВЕРА	483
«Была зелёная вся улица...»	484
«В последних числах февраля...»	484
«Век бы жил на этой просеке...»	485
«Морозец, Дымка по воде. Гагары...»	486
ВЕЧЕР. ОЗЕРО	487
«Близится солнце вечернее...»	487
«Ты обратишься к тайнословью...»	488
НОЯБРЬ	488
ВИДЕН СЕРДЦА УДАР	489
ПОБЬЁМСЯ, ПОЖИВЁМ	490
ДЛИТСЯ СВЕТ	490
«Плот пригнали, распустили...»	491
«Ручей сочился между кочек...»	491
«Дожди всё лето...»	492
ПОСАД	492
«Вся ты в яблоках...»	493
У НЕСТЕРОВА	493
ЧЕРТА СМИРЕНИЯ	494
«Давнею бурей снесена...»	495
«В плену каких-то невозможных схем...»	495
«Вот эту яму я и вырыл...»	495
РОЩА	496

IX. РАБОЧИЙ СТОЛ

«Солнце стояло высоко и жгло...»	498
«Подведены минареты...»	498
ПОДРАЖАНИЕ НЕПОДРАЖАЕМОМУ (подражавшему сверх меры)	499
«Я в книге прочитал про лесть...»	499
ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ	500
ПОРУКА («Смертельный порошок...»	500

НАД КНИГОЙ АВВАКУМА	501
АНЗЕР	502
«Железными гвоздями в меня вбивали страх...»	502
В АЛЬБОМ Ю.М.	503
УГЛЕБОХИ <Поэма>	
«По арифметике без оговорок...»	504
«Забавы молодости: вопреки...»	504
«Итак, я у тебя в гостях, Ахсан...»	505
«Калязинские щебни-пустыри...»	506
«Теперь содвинем чудо-зеркала...»	507
«По теме нам положен эпилог...»	507
«Известен миру Герострат...»	507
«Я шёл весёлый и живой...»	508
НА ПОЛЯХ ПЕРЕВОДА	508
«Поиграла щучка с блесною...»	509
«Однажды я в рабочую тетрадку...»	509
БАХМУТ	510
ПЕРЕВОДЧИК	510
«Глядишь, и сбывается сказка иная...»	511
У ПРИСТУПИ МАЛОДУШΙΑ	511
АНЗЕР. АЛТАРЬ СОЛОВКОВ	512
ПАРКОВЫЕ ЛИПЫ	513
ВОСЕМЬ ЛЕТ	513
«Древо ломится и коробится...»	514
ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА Виленскому Семёну	515
«Квадратура волшебного круга...»	516
«Ну что мне Вам сказать?...»	516
<ХУДОЖНИЦА>	517
«Снег в Италии на Рождество...»	518
Условные обозначения в комментариях	519
Комментарии	521

Литературно-художественное издание

16+

Владимир Николаевич ЛЕОНОВИЧ

НА СМЕРТЬ МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА

Собрание стихотворений

Подписано в печать   Формат 60х90/16
Печать   Гарнитура Times   Бумага
Усл.-печ. л.   Тираж 300   Заказ №
Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2023 г.
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.П.1 – книги печатные.

ООО Буки Веди

**Владимир
Николаевич
Леонович**

(1933—2014) – поэт, переводчик, публицист. Автор поэтических сборников: «Во имя» (1971), «Нижняя Дебря» (1983), «Время твоё» (1986), «Явь» (1993), «Хозяин и гость» (1997, 2000), «Сто стихотворений» (2013), «Деревянная грамота» (2014), «Симфония отголосков» (2021).

Лауреат экологической премии «Водлозерье», премии им. И.А. Дедкова в области литературоведения и публицистики (1999), Горьковской литературной премии (2010), премии журнала «Новый мир» за лучшую книгу года «Антология» (2014).

Из песен, петьх бабушкой, из некра-совских *стонов*, из причитываний карельских и костромских старух, из нечленораздельного мычания русских алкашей, из высокой музыки русского аристократизма Леонович создал «сводный хор» своей поэзии и стал его регентом.

Марина Кудимова

Что мне кажется особенно ценным в его поэзии? То, что он соединил в ней... свободное дыхание, простор, близость к природе – с элитарностью, предельным мастерством... Это редкое единство... И ещё – сочетание злости дня и добра дня, жгучей публицистики и высокого, почти библейского пафоса, колокольного звона. ...ведь, как говорила Цветаева: «Без пафоса поэта нет». Речь тут о внутренней, драматической или трагической серьёзности, а не о голословной патетике...

Виталий Шенталинский

Привилегия художника – возвращать человека к букварю Свободы, дарить ему зеркало, отображающее Личность... Минуты чистого счастья – минуты усталости и созерцания труда своего. Без этого нет жизни, нет и книги.

Владимир Леонович